Лидия ГЕРМАН

Немка

Повесть
о незабытой
юности

Лидия ГЕРМАН
Немка

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

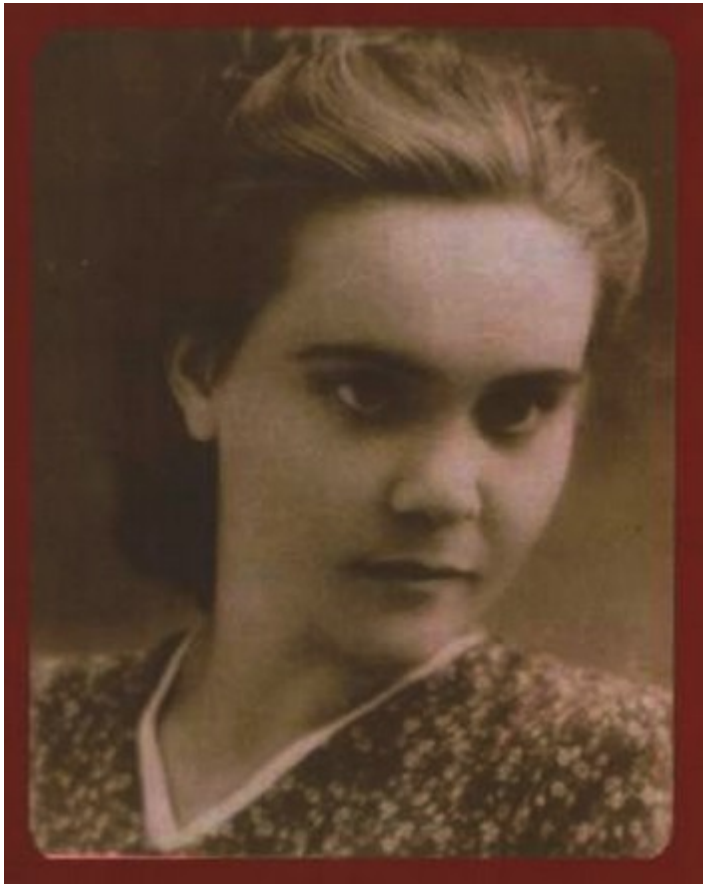
Первоначально это произведение было написано автором на немецком языке и издано в 2011 г. в Karl Dietz Verlag, Berlin под заглавием «In der Verbannung. Kindheit und Jugend einer Wolgadeutschen» (В изгнании. Детство и юность немки из Поволжья). Год спустя Л. Герман начала писать эту книгу на русском языке.

Безмятежное детство на родине в селе Мариенталь. Затем село Степной Кучук, что на Алтае, которое стало вторым домом. Крайняя бедность, арест отца, которого она никогда больше не видела. Трагические события, тяжелые условия жизни, но юность остается юностью… И счастье пришло.

- Лидия Герман
  -
  - НЕМКА
    -
    - Вступление
    - Часть первая
      - Глава 1
      - Глава 2
      - Глава 3
      - Глава 4
      - Глава 5
      - Глава 6
      - Глава 7
      - Глава 8
      - Глава 9
    - Часть вторая
      - Глава 1
      - Глава 2
      - Глава 3
      - Глава 4
      - Глава 5
      - Глава 6
      - Глава 7
      - Глава 8
      - Глава 9
      - Глава 10
      - Глава 11
      - Глава 12
      - Глава 13

■ Глава 14

Лидия Герман



Родилась в 1929 г. в селе Мариенталь в бывшей республике немцев Поволжья. Там Лидия Герман окончила 4 класса на немецком языке. В 1941 г. была выслана как немка в Сибирь, в село Степной Кучук, Родинского района Алтайского края. В дальнейшем училась в русской школе и в 1948 г. сдала экзамены на аттестат зрелости. Работала учительницей немецкого языка. В 1951 г. переехала в Барнаул, где продолжала преподавать немецкий язык.

Вышла замуж и вместе с мужем переехала в Новосибирск.

В 1956 г. муж закончил строительный институт и по распределению был направлен в Кузбасс, где они прожили 15 лет.

С 1976 г. жили в Сочи. Трое детей.

С 1994 года живет в Германии.

НЕМКА
(Повесть о незабытой юности)

Первому секретарю ЦК КПСС
товарищу Хрущеву Никите Сергеевичу
от гражданина Евтухова Георгия Ивановича
г. Новосибирск, 1 декабря 1955 г.

Решением Правительства осенью 1941 г. все немцы Поволжья были выселены в Восточные районы страны, взяты на специальный учёт и лишены права выезда в другие области и края Союза.

На том историческом этапе это мероприятие было своевременным и необходимым. Тогда, естественно, не время было разбираться, кто прав из них, кто виноват. На фронте и в тылу решалась судьба отечества — в рамках государства.

Но вот прошло уже более десяти лет со времени победоносного окончания Великой Отечественной войны. Наступило ощутимое ослабление международной напряженности. Налицо громадные успехи во всех областях науки, техники, искусства, культуры, подъем материального благосостояния.

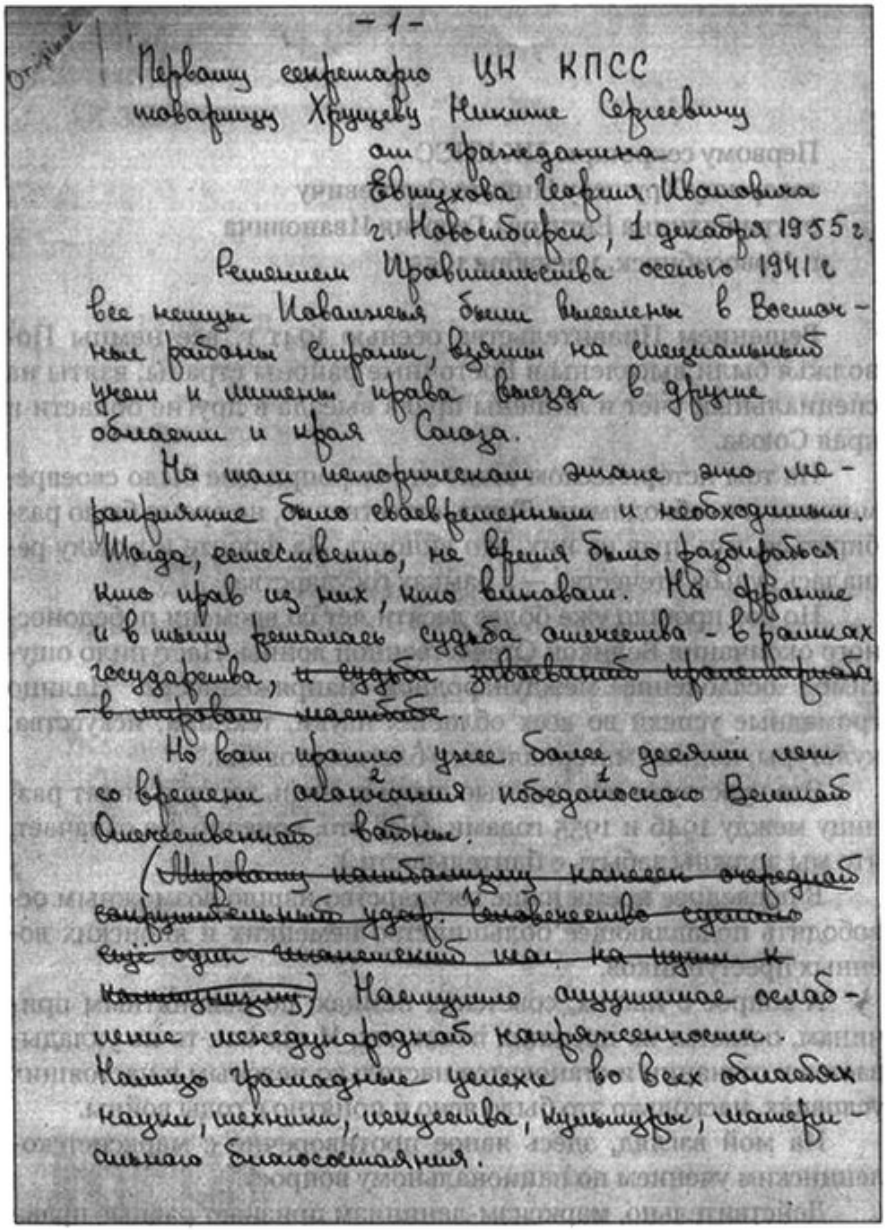
Это чувствуют все простые люди и очень хорошо видят разницу между 1946 и 1955 годами. (Всё это, конечно, не означает, что мы должны забыть о бдительности.)

В последнее время наше государство нашло возможным освободить подавляющее большинство немецких и японских военных преступников.

А вопрос о наших, советских немцах, по непонятным причинам, остается на прежних позициях. И это как-то не укладывается в сознании и становится настолько неясным в настоящих условиях, насколько это было ясно и понятно в годы войны.

На мой взгляд, здесь явное противоречие с марксистско-ленинским учением по национальному вопросу.

Действительно, марксизм-ленинизм признает равные права за всеми народами, как большими, так и малыми. А раз это так, то необходимо, чтобы все национальности нашего Союза пользовались равными правами.



-1-

Оригинал

Первому секретарю ЦК КПСС
товарищу Хрущеву Никите Сергеевичу
от гражданина
Евтухова Георгия Ивановича
г. Новосибирск, 1 декабря 1955 г.

Решением Правительства осенью 1941 г
все немцы Поволжья были выселены в Восточные районы страны, взяты на специальный учет и лишены права выезда в другие области и края Союза.

На наш непросвещенный взгляд это мероприятие было своевременным и необходимым. Тогда, естественно, не время было разбираться кто прав из них, кто виноват. На фронте и в тылу решалась судьба отечества - в рамках государства, ~~и судьба завоевания пролетариата в мировом масштабе~~.

Но вам прошло уже более десяти лет со времени окончания победоносной Великой Отечественной войны.

~~(Нужно наибольшему нанесен очередной сокрушительный удар. Человечество сделало еще один гигантский шаг на пути к коммунизму)~~ Наступило ощутимое ослабление международной напряженности. Каждый гражданин успехи во всех областях науки, техники, искусства, культуры, материального благосостояния.

Письмо Евтухова Т. Н.

Я, правда, не знаю, какой вред Советскому государству нанесли немцы Поволжья, и какое количество их принимало участие в измене или тому подобном. Достоверно одно — безусловно, не все.

Но я слыхал о предателе Власове и власовцах. Там были и русские, и украинцы.

Но ведь не все русские и украинцы несут ответственность за

Власова, власовцев и других предателей Родины (это же абсурд!).

Так почему же все немцы или, точнее говоря, большая их часть, должны пожизненно отбывать какую бы то ни было повинность за чьи-то преступления?!

Я считаю, что сейчас соответствующие органы нашего государства имеют полную возможность разобраться с каждым немцем персонально (за 14 лет спецкомендатуры должны иметь у себя подробные характеристики на каждого из них. Времени для этого было более чем достаточно).

Для большинства немцев пора прекратить позорящие честь гражданина и оскорбляющие человеческое достоинство отметки в комендатурах, а также повинность жить безвыездно в одном месте.

Скажите, кто в нашем Союзе не любит своей столицы — Москвы?! Кто из молодёжи (да разве только из молодёжи?!) не мечтает о том дне, когда он сможет побывать в Москве — центре всего передового и прогрессивного в мире?!

В Москву едут со всех концов света. Едут люди всех национальностей и рас. Едут наши друзья и враги. Для всех открыты гостеприимные двери Столицы первого в мире пролетарского государства. Все имеют право побывать в ней.

А ты, гражданин Советского Союза, но только потому, что ты немец — лишен этого элементарного права. Это довольно-таки обидно.

Я хочу сказать больше. Я — русский. У меня юридически этого права никто не отнимал. И в то же время, я не могу воспользоваться этим правом. Моя жена, Герман Лидия Александровна, — немка. В 1941 году ей было 12 лет (вот поистине «маститый государственный преступник»!).

Эта женщина получила среднее образование в русской школе, была пионеркой, комсомолкой, пионервожатой, затем работала преподавателем немецкого языка. В этом году она оканчивает курсы мастеров-строителей.

В 1953 году в Барнаульском ЗАГСе зарегистрировали наш брак. Но, несмотря на наше общее желание, она не может носить мою фамилию. (Ну разве можно?! Она же немка!)

Осенью 1953 года я, проработав после окончания Барнаульского строительного техникума 3 года мастером-строителем, поступил учиться на Высшие инженерные курсы при Новосибирском инженерно-строительном институте.

И тут (почти как по А. Толстому) началось хождение по комендатурам Барнаула, чтобы получить разрешение на переезд моей жены из Барнаула в Новосибирск. Никто не отказывал — все обещали, а время шло. И в день отъезда ей предложили остаться

еще на месяц-полтора в Барнауле.

Мы уехали без разрешения. (Нехорошо, конечно. Но с другой стороны: мы ведь живём во второй половине XX века.)

В Новосибирской комендатуре ей после этого «тягчайшего преступления» заявили: «Ваше счастье, что вы идете в роддом, а то бы следовало вас судить».

А в институт явился сотрудник комендатуры и «учинил» мне довольно странный и, я бы сказал, не совсем умный «допрос».

Зачем всё это? И многое другое, что здесь не написано?

В июне 1956 года я оканчиваю институт и хочу ехать туда, куда найдут нужным меня направить. Я хочу ехать со своей семьей — женой и сыном.

Но я не хочу, чтобы мою жену и мать моего сына судили (ведь она, возможно, будет не беременная) только за то, что мы хотим с ней жить и работать в одном месте.

И, наконец, я думаю, здесь уместно привести слова из Вашей речи в Индийском парламенте: «В нашей стране строго соблюдается полное равноправие всех граждан СССР, независимо от их национальности и расы. Какое бы то ни было прямое или косвенное ограничение прав или, наоборот, установление прямых или косвенных преимуществ граждан в зависимости от расовой или национальной принадлежности, караются законом». («Правда» от 22 ноября 1955 г.)

Я думаю, этот тезис следует претворить в жизнь на деле.

Уважаемый Никита Сергеевич! Прошу извинить меня за то, что я отнимаю у Вас время, а также за возможно не совсем правильное толкование отдельных положений, изложенных мной в письме.

Ваше решение по данному вопросу прошу сообщить по адресу:

Новосибирск, 8
ул. Ленинградская, 57
НИСИ Евтухову Г. И.

или:

Новосибирск, 8
ул. Красноармейская, 61
Евтухову Г. И.

Вступление

Волшебной осени пора
когда на золоте листвы
в упоеньи взоры
отдыхают…
Задумчиво бредёшь
уже нелёгким шагом
порой с улыбкою под
листопадом…
И в тихом шорохе листвы
воспоминанья оживают,
а в них
средь трагических свершений
юность расцветает

Л. Герман

Село Мариенталь бывшей Республики Немцев Поволжья было основано в 1766 году на берегу одного из притоков Волги — Большого Карамана. Среди первых колонистов, пришедших в большинстве из швабских земель Германии, было две семьи по фамилии Herrmann (Герман).

Первый был Конрад Herrmann, возраст 51 год, католической веры, ремесленник из Лотарингии с женой и пятью детьми.

Второй, Николаус (Nikolaus) Herrmann, 39 лет, католической веры, землепашец из Люксембурга, с ним жена и четверо детей. (Данные по книге г. Плеве.)

С течением времени размножились семьи во много раз, к тому же поселились в последующие годы еще несколько семей по фамилии Hermann.

В какое-то время, каким-то образом потерялось одно *р (r)* из немецкой фамилии Herrmann, и к началу войны 1941 г. было столько Германов (Hermann's) в Мариентале, что можно было распознавать их только при помощи прозвищ.

В убожестве построенная деревенька с глиняными домиками превратилась в большое статное село, которое на первый взгляд определялось как «немецкое».

Временами село называлось Тонкошуровка или Пфанненштиль, но осталось оно как Мариенталь до конца августа 1941 г. и являлось одним из центров республиканских кантонов (так назывались районы в республике).

В начале XX столетия в одном из красивых добротно построенных домов главной улицы села, называемой «Брайте Гассе» (Широкая улица), жил со своей семьей Иоганнес Герман. Его прозвище было Франце. С какого времени это прозвище пристало и кто из тех первых двух поселенцев был его предком, никто на сегодняшний день не знает. Считалось, что с давних времен его предки занимались земледелием. Так и Франце Ханнес — так называли его — придерживался семейной традиции. Его первая супруга Доротеа, рожденная Боос, умерла, когда их младшему, четвертому ребенку было около 5 лет. Дети были: Александр 1886 г., Серафина 1889 г., Анна 1891 г. и Николаус 1896 г. рождения. Вторую жену звали Маргарет.

Совсем немного дошло до нас из жизни этой семьи. Ничего не известно об отце Иоханнеса, о его братьях-сестрах, которые якобы выехали не то в Канаду, не то в Бразилию. Годы революции и их последствия привели к тому, что многие стали скрывать своё прошлое и просто боялись, что в их рассказах о родственниках может кто-то усмотреть что-нибудь «контрреволюционного характера». Родственные связи усложнились, запутались…

Однако известно, что семья Франце Ханнес была зажиточной. Со второй женой Маргаритой он тоже имел четверых детей: Эмма 1903 г., Берта 1906 г., Петер 1908 г. и Альфонс 1911 г. рождения.

Все его сыновья были высокого роста, относительно крепкого сложения и приятной наружности. Дети от первого брака были кареглазы со смугловатым цветом кожи, от второго брака — голубоглазы и белокуры. Сами Ханнес и Маргарет тоже были блондинами.

Старший сын Александр подружился с симпатичной привлекательной блондинкой Синэ, полное имя — Euphrosine Rohr, которая тоже, как и он, произошла от первого брака своего отца Петера Роор. В 1905 г., когда обоим было по 19 лет, они поженились. Все они жили в одном доме и вели совместное хозяйство. Лето проводилось, в основном, в поле вместе с детьми, со скотом и всеми пожитками. Маргарет и невестка Синэ рождали каждые 1,5–2 года по ребёнку, но первые двое детей от Синэ и Александра умерли совсем маленькими. К началу революции у Александра с женой были: Мария 1910 г., Элла 1911 г. и Клеменс 1914 г. рождения.

Случилось так, что большая семья Франце Ханнеса распалась. Старшие две дочери (от первого брака) Серафина и Анна очень рано вышли замуж, младший сын от первого брака Николаус совсем юным ушел из дома и, возможно, пропал без вести в годы Первой мировой войны. Александр, теперь уже как глава семьи — Франце Сандер — тоже ушел из дома. Он снял в аренду

небольшое жилище для своей семьи.

Эмма, первая дочь от второго брака стала прехорошенькой девочкой, успешно училась в школе, вступила в комсомол и увлеклась новыми идеями… Позже она училась в Саратове и пять лет в Москве. К началу войны, в 1941 г., она работала в Ленинграде старшим научным сотрудником Музея Революции (в Эрмитаже).

Уже стареющему Иоханнесу Герману (Франце) не давали покоя мысли о сыне Александре, который ютится с семьей в чужом маленьком домике, когда он сам владеет хорошим домом с большим двором. И когда однажды летом разразилась страшная эпидемия и Александр был далеко в поле (?), его невестка Синэ заболела брюшным тифом. После того, как детей приютили соседи и Синэ пролежала несколько дней совершенно одна дома (но всё-таки выжила), решился Ханнес разделить свой большой двор и построить для сына дом, хотя бы небольшой…

В 1924 г. вселилась семья Франце Сандер в новый небольшой, но добротно построенный, светлый и уютный деревянный дом.

В феврале 1929 г. родилась в этом доме я.

С этого года началась в России, включая и Республику Немцев Поволжья, коллективизация сельского хозяйства, личная собственность подлежала конфискации. Под лозунгом «Всё принадлежит социалистическим колхозам» проводилась якобы добровольная, а на самом деле насильственная коллективизация. Естественно, встретили эти мероприятия сопротивление у населения, особенно у зажиточной части. Некоторые оказывали упорное сопротивление и были за это раскулачены и сосланы (или еще хуже)…

Мой дед Франце Ханнес недолго сопротивлялся. Он пошел в правление колхоза и с присущим ему самообладанием, сдержанным тоном сказал: «Я отдам всё, что имею, всё без остатка, весь инвентарь, все с.х. оборудование, всю скотину, которую имею и весь запас зерна. Ничего не утаю, но оставьте меня, пожалуйста, с семьей в моём доме».

Трёх лошадей, коров, коз, овец увели со двора деда в колхоз, инвентарь и зерно увезли. Так осталась семья в своем доме.

Погруженный в грустные мысли, сидел Иоханнес Герман в своём деревянном кресле, когда на следующий день он услышал жалобное ржание перед воротами своего двора… а потом мычание и блеяние… — скотина вернулась. Невыносимо было это старому человеку. Петр и Альфонс увели скотину обратно.

С горя, с тоски-печали Франце Ханнес заболел и в конце 1931 года умер. Семерых детей он оставил, шестерых внуков и внучек довелось ему увидеть. Младшей из всех была я. Мне было

неполных 3 года, когда он за несколько дней до своей смерти пожелал увидеть свою младшую внучку. И мама повела меня за руку к дедушке. Когда мы вошли в его комнату, он с трудом приподнялся, спустил ноги с кровати, слегка болтал ими и, улыбаясь, поманил меня к себе. Мама потом говорила, что я с широко открытыми глазами и тоже улыбаясь, глядя ему в глаза, медленно подошла к нему. Мама помогла усадить меня на его колени. Он обнял меня, а я не спускала глаз с его лица. Он закрыл глаза, и я видела, как катились слёзы по его щекам.

«Ты моя маленькая белая козочка, — говорил он, поглаживая внучку по голове. — Твой дедушка уже такой старый, что он не может тебя даже немного покачать». Он немного напрягся, выправился и заговорил медленно, пытаясь при этом в такт с текстом слегка приподнимать колени, воспроизводя на нашем швабском диалекте народную немецкую (швабскую?) песенку-присказку незамысловатого содержания и примитивного сложения, но любимую всеми детьми, особенно если тебя качал на коленях, присказывая, папа или дедушка.

Droß, droß Drillje
Dr Vadr hat'n Fillje
S Fillje kann nit laawa,
Dr Vadr will's wrkaawe
Hopp, hopp, hopp!..

Речь вдет в ней о жеребёнке, который не мог бегать, и дед (или крестьянин) хотел его продать.

«Уфф, — закончил мой дед, запыхавшись. — Я уже сильно устал, дитя мое». Я сползла с его колен, а он: «Подожди-ка, малышка моя». Из-под своей подушки он достал небольшую чурочку и попросил свою невестку (мою маму) достать из выдвижного ящика стола чернильный карандаш (мы называли его химическим карандашом). «Теперь смотри-ка, белоголовка моя, теперь мы из этого сделаем куклу».

Чурочка оказалась выструганным человеческим тельцем с довольно четко обозначенной формой головы, плечиками и прижатыми к телу руками. Я внимательно наблюдала за дедом, как он слюнявил карандаш и дрожащими руками рисовал этой кукле лицо. Затем он достал из кармана большой носовой платок, завернул куклу и протянул её мне.

«Пусть твоя мама сошьёт тебе другое одеяльце, ты можешь и это оставить… А теперь… расти большая, в хорошем здоровье, будь умной и веди себя хорошо». Он говорил медленно, почти шепотом. «Синэ, смотри хорошо за ребёнком». «Да, — ответила

она и обратилась ко мне. — Скажи спасибо своему дедушке». Я подошла к кровати совсем близко, он лежал с закрытыми глазами. «Спасибо, дедушка». Он открыл глаза и кивнул мне слабо, но улыбаясь.

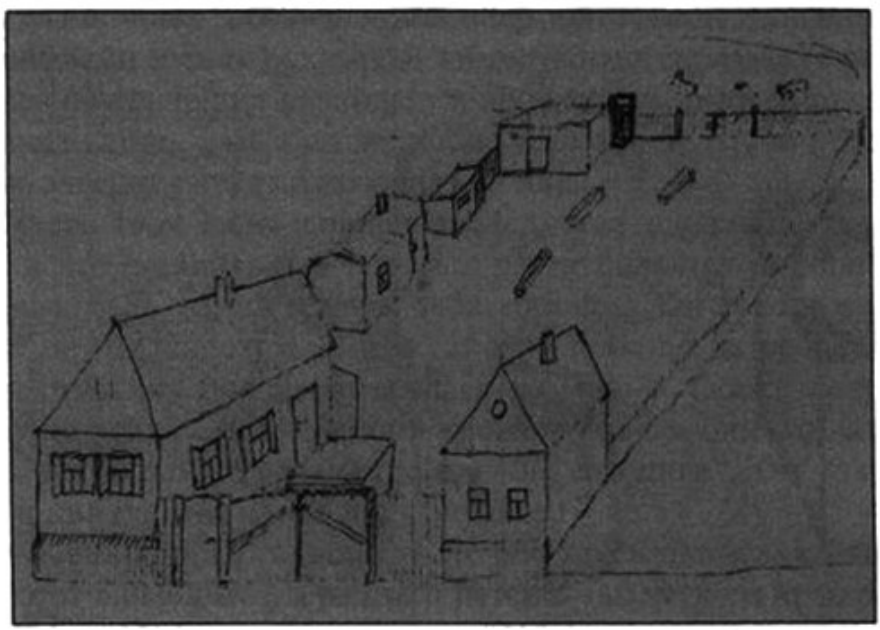
Я очень хорошо помню то, о чем здесь написала. Может быть, этот эпизод моего раннего детства так четко и ярко запечатлен в моей памяти потому, что мне несколько раз приходилось слышать, как моя мать рассказывала об этом кому-нибудь из родственников, особенно моей тете Анне — сестре моего отца. Она приезжала из Энгельса и каждый раз спрашивала меня, хорошо ли я помню дедушку. Я рассказывала, а у неё катились слёзы по щекам.

Мёртвым я его не видела.

Часть первая

Глава 1

Само название села Мариенталь имело для меня с самого детства особое значение, и по сей день оно не утратило своего магического воздействия на меня. Самые ранние воспоминания о моем детстве, о родителях, о родном доме, о родственниках, о школе, о любимой подруге — всё заключено в одном этом слове: Мариенталь. Население села было немецкое, вероисповедание католическое. Но в наше советское время, время сталинизма, религия не только осуждалась, она была запрещена.



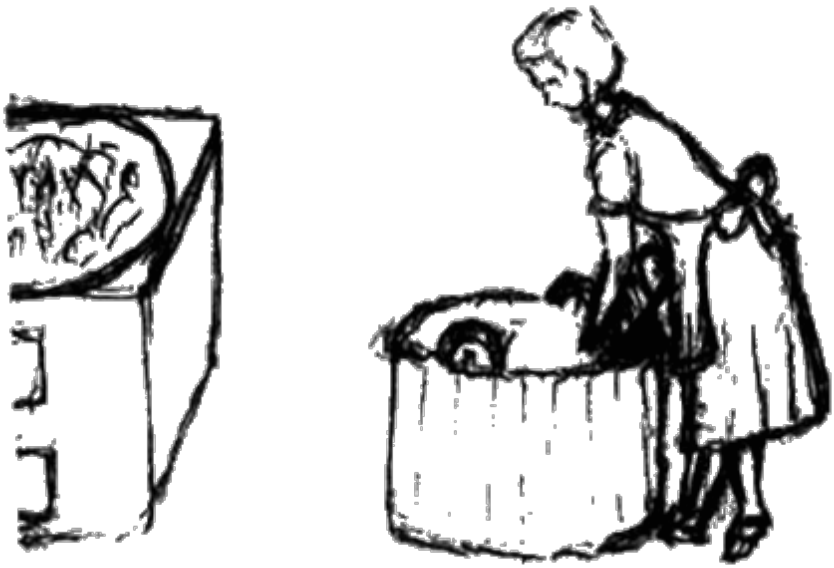
С церкви были сняты колокол и крест. Церковь преобразовалась в своего рода клуб или киноклуб. Демонстрировались фильмы «Чапаев», «Александр Невский», «Три танкиста», «Волга-Волга» и фильм с Чарли Чаплином. В школе праздновались праздники 1 мая, День октябрьской Революции — 7 ноября, и Новый год. Дома праздновались еще Пасха (Ostern) и Рождество (Weihnachten) по новому стилю — при закрытых ставнях, таинственно, что придавало особую прелесть празднику Рождества. Отец мой работал на мельнице приёмщиком, мать была домохозяйкой и наилучшим образом создавала нам уют и благополучие, хотя и скромное.

Когда я появилась на свет, моим родителям было по 43 года,

сестре Марии 19 лет, сестре Элле неполных 18. За ними следовали еще дети, но они умерли. Сестры рано вышли замуж, и я росла одна в семье. В моей памяти сохранились родители далеко не юными. У мамы уже заметно обозначились морщинки, ей недоставало уже нескольких зубов, её пышные белокурые волосы были с весьма заметной проседью. Но её по-девичьи стройная фигура сохранилась. Повседневная работа её заключалась в стряпне, варке, стирке, глаженье, уборке и уходе за животными; она искусно пряла на прялке овечью шерсть и вязала нам тёплые вещи. Любила вышивать. При выполнении этих обыденных работ она производила на меня впечатление привлекательной грациозности. Никогда не видела её согнувшейся, усталой. Её фартуки были безупречно чисты, а банты, завязанные на спине, выглядели только что выглаженными.

На нашем дворе сушилось белоснежное белье. Я любовалась своей мамой, когда она проходила между двумя натянутыми верёвками и с любовью поглаживала развевающееся белье — оно не должно пересохнуть. Своевременно разжигали утюг с древесным углем. Тогда она гладила — ловко, умело, искусно.

В кухне она была просто волшебница, и наши родственники хвалили Синэ — так звали её, дескать, из ничего она может приготовить вкусную пишу. Как это у нее получается? Если она стряпала, соседи просто по запаху определяли, что Синэ сегодня стряпает. Иногда на этот запах приходили мои подружки, тогда мама усаживала нас рядом на скамейке, и мы получали по кусочку пирога или плюшки. Болтая ногами и улыбаясь, мы смотрели друг на друга и с удовольствием вкушали мамину стряпню. Мой любимый дядя Петя (Petereonkel) тоже приходил и спрашивал: «Синэ, что ты тут опять печешь? Такой запах!»…



Мой отец был лучший в мире папа. С нетерпением ждала я его в нашем дворе, когда он приходил с работы. Он, поднимая меня высоко (лет до 9), щекотал мои щеки своим небритым лицом, но никогда не целовал. В нашей семье тогда никто не целовал детей. Никогда. Затем всё его внимание обращалось к животным. Две дойные козы, две-три овцы, поросёнок и собака собирались вокруг него. Поочередно он поглаживал, похлопывал, говоря при этом по нескольку слов. И они знали, что если он пришел, то они получат еще что-то в свои корытца.

После этого он переодевался и умывался. Летом у умывальника во дворе, зимой в доме. Тогда мы садились за стол и ужинали. Мои родители и я.

После ужина он всегда находил некоторое время для меня. Я должна была отгадывать загадки, решать какие-нибудь затейливые задачи, или мы играли. Например: «Кто сильнее». Мы становились на четвереньки друг перед другом, обвязывали наши головы длинным полотенцем или ремнем и тянули каждый на свою сторону. Я тянула со всей силы, а папа делал вид, что я немного сильнее, чем он. Он был молчаливым человеком, но если говорил, то со смыслом и понятием. За это его многие уважали и приходили к нему за советом в самых различных жизненных ситуациях и с любыми проблемами. Мать гордилась им за это.

В нашем дворе жила моя сестра Мария со своей семьей в маленьком домике, построенном моим отцом и мужем Марии — Александром Цвингером. Хозяйство у нас с ними велось каким-то полусовместным образом. У них была своя корова, а овцы, куры,

свинья были общими. Старшая их дочь Марийхе, на три года младше меня, часто бывала у нас, и мой отец — её дедушка — много занимался и с ней.

Одну из наших коз звали Лускэ. Она была совершенно белая, и у неё были большие закругленные рога, которые за лето заметно вырастали, и один из них каким-то образом постоянно касался шеи, что обусловило появление небольшой раны. Мама жаловалась, что Лускэ стала нервной и даже молока стала меньше давать. Лускэ всегда считалась образцовой козой именно за то, что давала молока намного больше других коз. Теперь такая беда с рогом. Родители мои решили, что надо кусочек этого рога отпилить.

И вот однажды в воскресенье папа пошел с пилой в руках в заднюю часть двора. На его зов Лускэ тотчас доверительно подбежала. Грустно смотрела я на свою любимую белую красавицу-козу, которую я мечтала когда-нибудь научиться доить. Отец взял её за правый рог, который надо было укоротить, и позвал меня: «Один я, наверно, не справлюсь. Держи-ка её за левый рог». Неуверенно я взялась двумя руками за Лускин рог.

«Крепко держи!» сказал папа и начал пилить. Сразу же коза проявила беспокойство, начала дергаться. А когда, вероятно, стало ей больно, она со всей силы стала вырываться, но тщетно — кончик рога упал наконец на землю. Коза сразу же отступила несколько шагов назад, отряхнулась и совсем недружелюбно уставилась на меня, стала в позу и хотела на меня наброситься. Родители мои удержали её и отвели в сарай (Stall).

С тех пор Лускэ невзлюбила меня. По-немецки говорят: Sie stand mit mir auf Kriegsfuß (в состоянии войны).

Она просто не могла понять и поверить, что её хозяин, добрейший из всех, мог ей причинить такую боль. Во всем была виновата «эта», которую все называли «белая коза» или просто «Лида». Часто я замечала, как Лускэ, стоя где-нибудь у изгороди нашего двора и жуя свою жвачку, наблюдала за всеми и всем, что происходило у нас во дворе. И мне казалось, что она всё понимает и каждого видит насквозь…

И если кто-нибудь приходил к нам спрашивал меня, поглаживая мне голову «Ну, белая коза (или козочка), как дела?», то белая коза была не Лускэ, а я.

Для меня началась мучительная пора, когда я была вынуждена бояться моей любимицы и не знала, каким образом я бы могла с ней опять подружиться. Каждый раз, когда я возвращалась из школы, я должна была сначала посмотреть в чуть приоткрытую калитку, где находится Лускэ. Если она была в задней части двора, то я успевала добежать до крыльца,

подняться по ступенькам и открыть дверь в дом. Она же прибегала к ступеням и стояла, таращась на меня, и недовольно перебирала ногами. (На крыльцо никогда ни одно из животных, кроме кошки, не поднималось.) Если же коза была недалеко от калитки, то я вынуждена была с улицы взобраться на завалинку и постучать в окно. Тогда выходила мама и отводила козу к задним воротам, и я заходила. Обидно мне это было до слёз. Несколько раз пыталась моя мать помирить Лускэ со мной. Ласково приговаривая, поглаживала её и подзывала меня. Коза вырывалась и намеревалась пойти в наступление на меня.

Так прошло около двух месяцев.

Из разговоров взрослых до меня дошло, что у Луски скоро будут козлятки. Я присмотрелась к ней и увидела, что она стала очень толстой. «Ага, — думаю, — теперь ей, наверно, будет трудно меня догнать. Может, мне удастся её погладить». Но не тут-то было. Лускэ с прежней прытью пускалась вдогонку. В одно из предрождественских воскресений, когда папа сидел за столом и читал свою любимую газету «Известия» (Nachrichten), мама принесла из другой комнаты ватный костюм папы, который он получил на своей мельнице как зимнюю спецодежду и на котором что-то надо было изменить: подшить, ушить или просто пуговицы перешить.

Теперь мама попросила его померить костюм, чтобы определить нужные изменения. Папа же, погруженный в чтение, буркнул только в ответ «ага» и читал дальше. Мама ушла на кухню, оставив костюм на полу посреди комнаты. Я стояла возле него, размышляя: «может, мне померить костюм?» И тут же осенила идея… Я стала натягивать на себя папину стёганую спецодежду 54 размера. Можно себе представить, как я в неполных 10 лет выглядела. Брючный ремень я обвила вокруг живота 2–3 раза, штанины с прорехами, которые внизу завязывались бечёвками, тоже как-то закрепила. Плечевой шов куртки доходил до моих локтей, рукава свисали до пят. Я посмотрела в зеркало — чучело огородное. Не хватало только шляпы. Вместо этого я надела папину зимнюю шапку… «Ни за что Лускэ меня не узнает» — решила я.

Она стояла у задних ворот и жевала свою жвачку. Когда я подошла поближе, она перестала жевать и отступила на шаг. «Ага, — думаю, — испугалась. Теперь она убежит». В это время шапка так низко сползла, что я совсем не могла видеть. Я немного приподняла её и тут же от какого-то толчка оказалась на земле в снегу. Коза увидела мои глаза и узнала меня. Теперь она бодала меня то с одной, то с другой стороны. Я кричала не своим голосом, дрыгала ногами, хотя совсем не было больно, большой

ватный костюм был надежной защитой. Всё равно я кричала и плакала — от стыда за мое поражение, от обиды за провал моей идеи. На мой крик из дому вышли родители, папа мой смеялся так, как никогда раньше. Коза бодала, а я чувствовала, что она это делает с большим наслаждением и все-таки без злобы. Мама увела козу в сарай, а я с позором ушла в дом и долго не могла успокоиться. Папа пытался меня успокоить, но я и на него обиделась, за то, что он так громко смеялся.

Праздник Рождества мы праздновали 24 декабря вместе с семьей моей сестры Марии (Цвингер) и другими родственниками. Weihnachten, когда мама стряпала разные вкусные, сладкие булочки, большой пирог и конечно кренделя — Brezeln; когда в канун праздника вдруг кто-то стучал в окно, большей частью в окно нашей кухни, и это был вовсе не стук, а какое-то поскрёбывание прутиком, а то и пучком тонких прутиков по стеклу. И это означало, что завтра придет Христкинд. И в день праздника снова показались прутики в окне, и мы, дети, тотчас послушно усаживались рядком и взволнованно ожидали…

И приходила Христкинд вся в белом, как ангел. И Христкинд была моя мама!

На следующий день в школе был утренник младших классов в честь праздника Нового года. Это было и окончание первого полугодия учебного года, и начало зимних каникул, которые продолжались до 11 января. В моем табеле были одни пятерки, за это я получила подарок — большую деревянную коробку с акварельными красками. Кульки со сладостями получили все. В хорошем настроении я шла домой, в этот морозный праздничный день.

Осторожно открыла калитку. Козы нигде не видно. Быстро побежала и поднялась по ступеням — козы нет. Остановилась, очень хотелось бы угостить её печеньем, но… Вдруг я услышала звуки, напоминающие мне плач маленького ребенка или мяуканье котёнка. Откуда это? И вспомнила — у Луски должны быть козлята. Мгновенно я бросила подарки, спрыгнула с крыльца и пошла на звуки. Они доносились из нашей летней кухни-пекарни, в которой мы летом кушали и проводили много времени, а зимой хранили в ней сено и солому для скота. Дверь была открыта, я медленно вошла. Лускэ лежала на сене. Беспомощно она тянула голову в сторону двери и смотрела на меня. Около её живота лежали они — четыре крошечных, влажных козленка, от которых поднимался пар. Я присела возле её головы, и мои руки ласково скользнули по её носу, костистому лбу: «Лускэ, бедняжка». И она смотрела на меня с полным доверием, как раньше. Тогда я быстро поднялась и побежала в

дом, крича: «Мама, у Луски 4 козлёнка». «Что? При таком морозе?» Она быстро взяла корзину из кладовой, какие-то платки или одеяльце, и побежала. Я за ней.

«Боже милостивый (Du lieber Gott), — сказала мама. — И в самом деле, четверо. Не подарок ли это? Видишь, Ли, — так она иногда меня называла, — какой удивительный рождественский подарок тебе Боженька сделал. Теперь Лускэ не будет больше на тебя сердиться». Я подсела к ней и ласково гладила её. Она закрыла глаза, довольная. Потом сделала такое движение, как будто она мне кивнула, что наверно означало: мир. И дружба. Навсегда.

Надеюсь, что этой небольшой историей из моего детства мне удалось этих животных-коз показать в реальном свете. Всё-таки я питалась козьим молоком до двенадцати лет. Довольно рано стало моей обязанностью летом снабжать коз питьевой водой, когда они паслись между нашим двором и обрывистым берегом реки Караман с веревкой вокруг шеи, которая была закреплена на забитом в землю деревянном колышке. Я с удовольствием проводила там время, особенно если были там и козлята, с которыми я могла играть в догонялки или демонстрировать им свои умения в гимнастике.

Грустно я прощалась с ними, когда мама их раздаривала нашим родственникам.

Однажды летом построила пара ласточек гнездо под нашей крышей, непосредственно над входной дверью, над крыльцом. С интересом наблюдала я за этими очаровательными птичками и прислушивалась к их щебетанью. Когда я заметила, что только одна ласточка прилетает и улетает из гнезда, я спросила у отца, куда девалась вторая ласточка. Он ответил. «А вторая сидит на яичках и высиживает птенцов». Он поднял меня и посадил на своё плечо: «Посмотри-ка, сидит там ласточка или нет. Только тихо и не шевелись». Да, там сидела ласточка. А потом появились птенцы. Мне и снизу было видно, как родители кормили их. Прошло время, и однажды я как раз хотела подняться по ступеням, чтобы войти в дом, как вдруг выпорхнул один из уже подросших птенцов и упал прямо на самый край нашего крыльца. Тотчас я заметила, как наша кошка, лежавшая во дворе на солнце, мигом подбежала к крыльцу и приготовилась к прыжку, но я опередила её, упала животом на птенчика и закричала: «Папа!». Он взял кошку и запер её в доме. Птенца он посадил в гнездо.

Мой дядя Петер был слесарем. По примеру своей сестры Эммы он вступил в комсомол и по комсомольской путевке поехал на Урал строить Магнитку — Магнитогорский металлургический комбинат. В 1935 году его арестовали и осудили на 5 лет (по 58

статье).

По возвращению из лагеря он остался в Мариентале и работал на МТС слесарем. Для своего сына, моего кузена, он построил санки. Это были самые красивые санки из всех, которые я видела. Полозья были из металлических труб, закругленные впереди. На полозьях закреплен короб из дерева, окрашенный в ярко-красный цвет. В сравнении с другими санками эти были намного выше. Мой кузен Гелик был еще совсем маленький, и санки получила я — временно. Мои соученики очень мне завидовали, когда уроки физкультуры зимой проводились с катанием с горы на санках. Некоторым я давала мои санки по разу прокатиться. Больше всего же я каталась с моей лучшей подругой Ирмой Зандер после уроков или по воскресеньям. Мы втискивались вдвоем в короб. Несколько раз нас дразнили «Принцессы на красных санях». Для нас тогда слово «принцессы» казалось ругательным. Потом санки получил опять Гелик.

Большую часть своего свободного времени я проводила в нашем дворе, который всегда был чисто убранным, после сильных снегопадов снег перелопачивался за ограду. После того как снег растает, двор и улица перед домом очищались метлой. Иногда мели мы втроём: мама, папа и я. Перед праздниками полоски земли (шириной примерно 50 см. и как по линейке) вокруг дома и перед воротами посыпались желто-белым песком. От этого наш дом с белыми ставнями выглядел еще лучше. За песком мы с мамой ходили довольно далеко к нашей речке.

С моей подругой Ирмой Зандер, у которой семейное прозвище было Дильве, мы часто играли в мяч, особенно в настенный мяч. Ирма была большая мастерица в этой игре и превосходила меня. Очень любили мы игру в классы, когда надо по нарисованным на земле «классам» перепрыгивать из одного в другой по определенным правилам.

С Ирмой, её старшей сестрой Марией и младшим братом Владимиром, которого мы называли Валотт или просто Лотт, мы устраивали летом прогулки. Мы купались в нашей реке Караман и с большим удовольствием ловили раков. Осенью, после купального сезона, мы иногда ходили в фруктовые сады, после того как был уже снят урожай, и находили там еще сливы, яблоки и груши.

Охотно я играла с Розой Ромме или с Леной Морозовой, у которой папа был русский, и дома у них говорили только по-русски. Иногда я просила её сказать несколько слов по-русски, но она очень стеснялась и только один раз перевела мне несколько слов.

Совсем особое отношение у меня было к Норе (Элеоноре) Рау.

Она была на несколько лет старше меня, была очень хороша собой, интеллигентна и хорошо воспитана, что особенно нравилось моей маме. Её родители были учителя. Она часто приглашала меня пойти с ней на прогулку.

Несколько раз я ходила с ней в библиотеку, где она обменивала уже прочитанные книги. И она мне пересказывала их так искусно, талантливо, что я затаив дыхание слушала её. Я очень гордилась дружбой с Норой, и она была моим идеалом. Что она во мне находила — не знаю, но однажды я ей продемонстрировала своё умение в гимнастике и она спросила: «Где же ты тренируешься?» Я ответила: «Немного в школе на уроках физкультуры, а потом с козлятами на лугу». Нора обняла меня и громко смеялась.

К моему десятому дню рождения подарила мне моя сестра Мария семиструнную гитару, которая в те годы была широко распространена по всей России. Мария наша очень любила петь и прекрасно пела с переливами на тирольский лад. Я думала, что она и на гитаре наверно играет, но нет, не она, а наш дядя Петер показал мне, как двумя-тремя аккордами можно сопровождать различные мелодии. Со временем я стала неплохо играть даже сложные мелодии.

На лето моя сестра с мужем и детьми выезжала в поле. Туда они брали с собой корову, кур и весь скарб. В поле была у каждой семьи небольшая изба из глины. Для приготовления пищи сооружался во дворе очаг наподобие плиты. Муж Марии Александр работал в колхозе трактористом. Женщины при необходимости тоже работали в поле, при этом одна из них поочерёдно присматривала за всеми детьми. Дважды (два лета) я тоже бывала в поле у Марии и помогала при прополке зерновых.

Однажды зимой, в начале 1941 г., мама поехала к моей сестре Элле на несколько дней в Луй. Её муж Адольф Шнайдер работал там бухгалтером. У них были две маленькие дочери-близнецы. Звали их Антонина и Изольда. Мама моя очень скучала по внучкам и намерена была поехать к ним всего на 2–3 дня. Однако прошло уже 4 дня — мама не возвращалась. Между тем у нас кончился хлеб, который мама напекла про запас, и Мария вынуждена была сама поставить тесто на хлеб, но забыла своевременно его перемешать, и оно сбежало почти всё через корыто на деревянный крашеный пол. Коза тоже издевалась над Марией — не хотела ей молоко отдавать. Подошло время постельное белье менять, а папа наш заупрямился: «Нет! Не будем менять до приезда Сины». В общем, всё пошло у нас вкривь и вкось, и ко всему этому проштрафился наш зять Александр. Со своими коллегами он праздновал какое-то событие и прокутил

при этом 25 рублей! Драма, да и только. Вся наша родня была обеспокоена этим. Наконец папе удалось через кого-то узнать, что Синэ приедет в воскресенье.

Между тем приходили к нам дядя Петер с женой Евгенией и тётя Анна, предлагая свою помощь, папе же всё это казалось забавным и смешным. Тогда Петер, тоже со смехом, предложил к приезду Синэ подготовить какой-нибудь небольшой концертик, т. е. сочинить стихи про всё, что произошло в доме в отсутствие хозяйки, чтоб её покритиковать, и пропеть все под гитару. Предложение было принято.

К сожалению, сохранилось в моей памяти только несколько строк из сочиненных нами куплетов:

Wir kamen aus dem Kaukasus
und wollen mal probieren
Franze Sine ist nach Luj gefahr'n
Die wollen wir kritisieren
……
Maria wollte Brot uns backen,
doch sie verschlief die Zeit,
der Teig stieg über den Trog auf den Boden
das Vieh fraß ihn dann auf.
……
Der Zwinger hat in einer Nacht
25 Rubel verkracht…

В воскресенье приехала, наконец, мама.

Мой дядя Петер дирижировал, при этом у него на голове была маленькая круглая и пёстрая шапочка, называемая тюбетейка, едва державшаяся на одном ухе. Было очень смешно. Я сидела с огромными бантами в волосах и играла на гитаре. Мария с завитыми волосами что-то навесила на себя — она запевала. Тётя Женя (Евгения), принарядившись, тоже подпевала. Все мы пели весьма усердно.

Мама, озябшая, сидела у самой печки, от тепла потом раскраснелась и смотрела то на нас, то на папу и на всех родственников, разместившихся кто на чём, и громко смеясь. Мама смотрела как-то безучастно и чуть удивленно, и только тогда, когда наше пение дошло до момента, как Цвингер 25 рублей пропил, она вздрогнула, всплеснула руками и произнесла: «Jesus und Maria». Сам Александр громко смеялся, и она ему, конечно, простила его проступок.

Проявление интереса к сценическому искусству было не случайным в нашей семье. Мой дядя Петер был большой мастер

рассказывать различные истории или сказки. При этом он умел наглядно представить как в смешной, так и в самой трагической позе, например, зайца или волка. Также его сестра Анна. Только в её рассказах всё происходило в радости и веселье. Моя мать совершенно преображалась, когда играла Christkind или снегурочку под ёлкой. Я с детства играла в школьном театре. Наш последний новогодний праздник в немецкой школе был в канун 1941 года. Мы представляли небесную сказку о звёздах, луне и солнце. Моя мама вложила много труда, чтобы смастерить для меня костюм солнца.

Мой четвёртый учебный год шел к концу, прошло полтора года, как я вступила в пионерскую организацию. Считалось, что только лучшие могут быть приняты, на деле же принимали всех. В нашем классе только одна девочка не была в пионерах, потому что она была верующая. Всем принятым пионерам повязывали красные галстуки, длинные концы которых скреплялись впереди специальным зажимом. На зажиме было изображено красное пламя, что символизировало цвет пролитой пролетарской крови в Великой Октябрьской социалистической революции.

В вестибюле нашей школы были вывешены фотографии лучших учеников. В нашем классе лучшими тогда считались: Виктор Гербер, Фрида Киндеркнехт, Альберт Пиннекер, Александр Роор и Лидия Герман, то есть я.

Все мы были на одной фотографии.

Первую неделю летних каникул я провела у моей сестры Марии в поле. Потом была дома и большую часть времени проводила с подругой Ирмой. В этот период мы особенно увлекались прыганьем через скакалку, которой мы, можно сказать, овладели в совершенстве: и вперед, и назад, и на одной ноге, и с накрест сложенными руками… Очень нам нравилось прыгать группами. Мы собирали девочек с нашей улицы, брали длинную толстую (бельевую?) верёвку, двое из нас крутили верёвку, остальные прыгали. Удовольствие неописуемое!

Несколько раз мы были на реке, а вечерами сидели на завалинке нашего дома или перед домом Ирмы и рассказывали различные истории и сказки.

В какой-то день было объявлено, что в следующую субботу для детей нашей улицы возрастом 8–14 лет будет организована прогулка на природу — с ночёвкой.

В самодельный мой «рюкзак» я вложила одеяло, маленькую подушку, что-то поесть и необходимую посуду. Совсем юная девушка (возможно, учительница) повела нашу группу из 10–12 подростков в дубовую рощу, в которой я прежде никогда не была. Взволнованные, исполненные жаждой приключений, мы бодро и

радостно шагали по улицам нашего прекрасного Мариенталя. Прохожие останавливались и махали нам. На ночлег мы расположились у подножья сравнительно высокого холма, к которому примыкал своей окраиной дубовый лесок. Царственные деревья росли просторно, широко раскинув свои ветви, и создавали прохладную тень на земле. В то же время эти деревья (дубы), словно сговорившись, уступали место лужайкам, густо поросшим травой и ярко освещенным солнцем, что придавало особую красоту. К тому же холм сам был весь покрыт пестрыми цветами. Я наблюдала, как они к вечеру клонились вслед за солнцем, а при заходе солнца совсем закрывались. Всё это волшебное представление природы запечатлелось в моей памяти и как символ моего детства сохранилось до сегодня.

Вечером мы сидели у костра, негромко говорили и зачарованно наблюдали наступление ночи. Всё было таинственно-сказочно.

Сидели мы до потухания костра. Это затянулось, наверно, за полночь (часов у нас не было), и мы проснулись, когда солнце уже стояло довольно высоко. Цветы уже раскрылись и стояли, выпрямившись в своей свежести, в своем разноцветном великолепии.

Мы побродили еще по долине, прятались за стволы дубов, пытались определить возраст того или иного из них. Потом мы сидели в дружеском радостном кругу и доедали остатки нашего провианта. Время пролетело, мы нарвали по букетику цветов на память и направились домой. Когда мы дошли до села, то начали как можно громче петь, чтобы все нас услышали… Но к нашему удивлению, мы никого не встретили, никто не вышел со двора.

И только завернув на нашу улицу, мы увидели толпу людей у дома Радиовещания. Через громкоговоритель сообщалось о чём-то очень серьезном, важном. Встревоженно мы прибавили шаг, и когда подошли, остановились, как громом пораженные. Сообщалось о том, что началась война. Гитлер напал на наш Советский Союз… Окинув взглядом толпу, я поняла, что из нашей семьи здесь никого нет. Сорванные цветы потеряли всякое значение… Стремглав я побежала домой, думая, может, они еще не знают.

Ирма, её сестра и брат побежали тоже. Володя (Lott) вдруг громко произнес: «Теперь все мужчины пойдут на фронт, и я тоже. Я буду пилотом!» И с широко распростёртыми руками он помчался в сторону своего дома, громко при этом рыкая, подражая мотору самолёта.

Зайдя во двор, я увидела своего отца со сложенными руками, сидящего на ступени крыльца. Наморщив лоб, он слушал радио

(из открытого окна нашей кухни). Я остановилась перед ним. Он посмотрел на меня своими большими, глубоко сидящими карими глазами.

«Папа, ты тоже пойдешь на фронт?»

«Нет, наверное. Для фронта я уже старый. А молодые, наверное, пойдут. Посмотрим еще».

Подошла мама с заплаканными глазами, взяла цветы, и я пошла за ней в летнюю избушку к столу.

Вскоре приехала Мария со всей своей семьей прямо с поля, хотя там радио не было, они каким-то образом узнали о случившемся.

Мария плакала всё время, близко к сердцу принимая эту беду.

В этот же день стало известно, что немцев, т. е. наших мужчин, на фронт не возьмут.

Теперь дискутировался вопрос, почему немцы не имеют права пойти на фронт? Может быть, нам не доверяют и это не совсем безосновательно? А что будет, если Гитлер до Волги дойдёт? Нам, детям, немногое было понятно из этих вопросов и ответов, да и говорилось всё тихо, чтоб мы не слышали.

Взрослые опять пошли на работу, и казалось, что всё осталось как было. Однако радио слушали с утра до вечера. В передачах сообщалось о продвижении фашистов вперед по территории нашей страны, о количестве убитых и раненых. И о том, как храбро и мужественно сражались наши Советские войска.

Меня тоже интересовало происходящее, и мне хотелось бы, прежде всего, знать, все ли немцы — фашисты, и кто есть я? Я была немка, безусловно, и в то же время я была в советской пионерской организации. Я чувствую себя равной со всеми живущими в Советском Союзе людьми. Мы все имели право на образование. Мой дядя Альфонс выучился на ветеринарного врача. Мой кузен (двоюродный брат) Александр Роор (Alexander Rohr) окончил литературный факультет и работает в республиканской газете в Энгельсе. Моя тётя Эмма училась в Саратове и Москве и работает теперь в Ленинграде старшим научным сотрудником в историческом музее. Она писала нам, чтобы я после окончания школы приехала к ней в Ленинград, чтобы поступить в высшее учебное заведение. А теперь?.. Слушали по радио об окружении Ленинграда. А что с тётей Эммой?..

Проходило лето. Шла война. Жизнь в Мариентале текла своим чередом. Но напряженное ожидание чего-то висело в воздухе. Ходили слухи, и в том числе слух о том, что нас, немцев, выселят…

После 20 августа вернулись с поля колхозники, которым надо подготовить к школе детей. Учебный год, как всегда, должен начаться 1 сентября. Моя племянница Марийхе пойдет во 2 класс. Мой школьный ранец давно уже упакован к первому учебному дню в 5 классе, и я с нетерпением жду встречи с моими школьными подружками.

Но этого не произошло.

28 августа определило и решило судьбу всех российских немцев. Указом Верховного Совета СССР было предписано переселение немцев в районы восточнее Урала…

Мой отец читал этот Указ в газете снова и снова. Подавленный этой гнетущей новостью, он сидел, словно окаменев, на ступенях и едва реагировал на наши вопросы. Уже на следующий день было проведено собрание, на котором сообщалось, что у нас еще есть время собрать наши пожитки, чтобы сдать скотину в определённое место. На лошадях повезут нас до ближайшей ж.д. станции Нахой, на расстоянии 16 км. Оттуда нас повезут поездом в Сибирь, куда именно — неизвестно.

Семья моей сестры Эллы проживала в с. Луй, что в десяти км. от нас. Муж Эллы Адольф Шнайдер был бухгалтер в правлении, а Элла заведовала швейной мастерской. Их дети-близнецы Изольда и Антонина были под присмотром пожилой одинокой женщины. Мы звали её Lissbeth Mutter.

От моей матери я узнала о том, что она, Елизавета, была монашка, жила в монастыре под Ленинградом. В тридцатые годы всё, что имело отношение к христианству, было разорено, и она приехала в Луй к своим дальним родственникам. С трудом она пробивалась в жизни до тех пор, пока не познакомилась с моей сестрой Эллой, которая после декретного отпуска снова хотела приступить к своей работе и искала подходящую женщину, которая присматривала бы за её детьми. Лисбет (Лиза) с радостью приняла предложение. Она переселилась к семье Шнайдеров и была их детям не только хорошей няней, но и наилучшей воспитательницей.

Теперь же встал вопрос о том, с кем пойти в изгнание: с родственниками или с семьей Шнайдер, которая получила разрешение приехать в Мариенталь, чтобы с нами вместе покинуть родину. Лисбет выбрала семью Эллы и тоже получила разрешение выехать вместе с нами. Для неё это было даром божьим, так как она не могла уже представить себе дальнейшую свою жизнь без любимых детей и этой семьи.

Сын моей тети Анны, мой кузен Александр Роор (называли его Саша), приехал из Энгельса, где он работал в газете и якобы начал писать книгу.

Теперь собрались почти все родственники моего отца, не приехал только Альфонс, наверное, он выехал с семьей своей жены. От Эммы не было никаких вестей, но ждали её до самого отъезда.

Папа объяснил нам, детям, что мы уедем отсюда далеко, там будет холоднее, чем здесь, но получим жилье и будем ходить в школу. Только учиться будем, наверно, по-русски.

Мои родители и все взрослые родственники очень изменились за последнее время, стали очень тихими. Задумчиво бродили по двору, останавливались вдруг и, оцепенев, смотрели перед собой в одну точку…

Моя мама меньше других скрывала свою печаль, часто плакала в свой фартук. В эти дни я впервые увидела в её руках чётки (Rosenkranz), которые она до этого всегда прятала, и как же я удивилась, когда увидела в её руках меленькую книжечку в переплёте из слоновой кости, и мама читала по ней молитву. До этого я считала, что она вообще не умеет читать и писать, оказалось же, что она знала только старонемецкий готический шрифт.

1 сентября, с разрешения моего отца, я всё-таки пошла в школу, очень уж хотелось мне повидаться с моими одноклассниками и попрощаться с ними.

Когда я приближалась к этому новому еще, единственному в Мариентале двухэтажному кирпичному зданию, на мои глаза навернулись слёзы — где же я теперь буду в школу ходить? Никого я не встретила, никого не увидела, но дверь в школу была открыта. В вестибюле внизу, где всегда соблюдался идеальный порядок, я увидела разбросанные на полу бумаги, одно из окон было настежь открыто, и легкое дуновение создавало бумажный шорох, переворачивая листы с одной стороны на другую. Доска почёта с фотографиями лучших учеников не висела на стене, она лежала на полу у стены, стекло было разбито. Под осколками стекла просматривались отдельные фотографии, среди них и наша. Если память не изменяет, эта фотография была сделана еще в третьем классе, так как в четвёртом у меня были косы.

Осторожно я вытянула её и всмотрелась в эти хорошо знакомые лица, в надежде, что мы обязательно еще встретимся. Сомневаясь, можно ли мне взять фото с собой, я всё-таки взяла лист бумаги и завернула его. И промелькнули воспоминания о каждом из одноклассников в отдельности.

Фрида особенно отличалась своей скромностью, она была молчалива и редко принимала участие в беглых опросах на уроке. На перемене она постоянно стояла с серьезным выражением у стены коридора. Но если на уроках её спрашивали, она всегда

правильно и толково отвечала и у доски правильно решала задачи. Она мне очень нравилась, и было жаль, что она никогда не улыбалась. И хотелось с ней ближе подружиться.

Виктор Гербер был самый знающий мальчишка в нашем классе. Он блестяще отвечал на уроках, он знал всё, о чём писали газеты, передавали по радио. Я просто удивлялась, откуда он всё знает о полярниках, о новейших самолётах, о лётчиках и об открытиях в различных областях науки. Он уже полгода сидел со мной за одной партой, и с одной стороны я радовалась этому, с другой стороны мне было стыдно оттого, что я так мало знала по сравнению с ним. Но у него тоже была небольшая слабинка — он делал ошибки в диктантах, в то время как на уроках истории или немецкого языка он излагал свои обширные знания, и мы охотно его слушали.

Один раз в неделю читала нам наша учительница Эмма Вайгель (Emma Weigel) что-нибудь из художественной литературы. В тот раз это был «Том Сойер» Марка Твена. Мы слушали внимательно, особенно если речь шла о взаимоотношениях между Томом и Бекки. Мы же были в возрасте около 12 лет (нас принимали в школу тогда только с 8 лет), в возрасте, когда начинает проявляться интерес к другому полу. Как только закончился рассказ о том, как Том на штакетнике по одной букве написал для Бекки «Я люблю тебя», Виктор подвинул в мою сторону свою левую руку с прижатым к парте указательным пальцем. Под пальцем оказался крошечный клочок бумаги с одной буквой — *Я.* Я в недоумении посмотрела на Виктора, дескать «что это?». И тут же появилась таким же образом буква *л*. Когда появилась третья буква *ю,* я совсем растерялась и опустила голову…, а буквы приходили и складывались в те же слова, что были написаны Томом на штакетнике… Я больше не могла смотреть на моего соседа. Не могла понять, почему он это написал, я же не Бекки. Что мне теперь делать? Может, мне надо что-то сказать? В полной растерянности я после звонка ушла домой с зажатыми в кулаке бумажками.

После этого случая нас рассадили, чему я очень радовалась.

Теперь Альберт Пиннекер, он сидел где-то сзади меня, самый красивый мальчик в классе, а может быть, и в школе. Его отец был инженером и работал в М.Т.С., его мать была русская. Он был всегда хорошо одет и выглядел интеллигентно. С наступлением тепла, после зимы, он носил зелёную шапочку на голове в виде пилотки, отделанную красным кантом и украшенную красной кисточкой впереди. Шапочка в те времена называлась *испанка* в честь того, что Советская Россия поддерживала сторону борющегося за свободу испанского народа. Шапочка была очень

модна, и большая часть советской молодёжи носили такие, но шапочка Альберта была особенно красива, и это привлекало внимание большинства девочек из нашего класса. Некоторые просто срывали её с головы Пиннекера и надевали её сами. Ему же с трудом удавалось получить её обратно. Иногда он перед входом в школу снимал её и прятал в свой ранец, из-за чего девочки ходили за ним и упрашивали дать поносить испанку… Иногда мне было жаль его.

Однажды, после последнего урока, когда уже все толпились у выхода, а я еще закрывала свою сумку, остановился вдруг Пиннекер возле меня и тихо спросил, не хотела бы я поносить его испанку. Испуганно я смотрела на него, а он, даже не взглянув на меня, повернулся и скрылся в толпе, а из моего ранца торчала его испанка. Моя сестра Элла была как раз у нас дома, а она имела привычку проверять мою сумку, когда приходила. Так вот и оказалась в руках у неё эта злосчастная шапочка. На её вопросы, где я её взяла — я упорно молчала, но когда она спросила, не стибрила ли я её у кого-нибудь, я вскричала: «Нет!» — «А где же ты взяла её?» Молчу. «Может, кто-нибудь дал тебе её?» — «Да». — «А кто?» — «Пиннекер». — «Кто такой Пиннекер?» — «Из нашего класса». После того как я рассказала, каким образом она мне досталась, Элла позвала маму из кухни. Мама не знала самого Альберта, но встречалась с его родителями на родительских собраниях. Она сказала, что знала о них. Всё это время Элла поглаживала шапочку в руках, вместе с мамой они находили, что она очень красивая, что она из тонкой шерстяной ткани и искусно пошита. Элла надела мне её на голову, но я тут же сорвала её, а она сказала: «Я могу тебе точно такую же сшить, если хочешь». — «Нет! Не хочу». И положила испанку в ранец. После ухода Эллы, когда я осталась одна в доме, я всё-таки померила шапочку перед зеркалом. На моих уже довольно длинных светлых волосах она производила действительно выгодное впечатление. Тем не менее, я не хотела иметь такую шапочку.

Когда я на следующее утро пришла в класс, Альберт сидел уже на своём месте. Не произнося ни слова, я положила шапочку перед ним на парту. Кроме Альберта в классе была только Роза Ромме, с которой мы всегда вместе уходили из школы. Странным образом девочки перестали приставать к Альберту Пиннекеру.

Александр Роор был у нас в классе самым высоким мальчиком и казался старше нас всех. Я думаю, что он и был постарше нас, потому что держался как-то особняком…

Спрятав карточку в карман, я стала подниматься на второй этаж, чтобы побыть немного в нашем классе. Но поднявшись

только на 3–4 ступени, я вдруг услышала мужские голоса. Звучала ну никак не немецкая речь. Я молнией спрыгнула и оказалась на улице. Сердце моё колотилось от страха, и я не оглянулась ни разу. Промелькнула мысль: «Может, это шпионы, которые нас хотят выселить». На деле же это были, безусловно, работники НКВД, которые организовывали наше переселение…

В этот день отвели наши мужчины скотину на приёмный пункт. Оставили нам одну свинью, которую вскоре зарезали. Мясо частично перерабатывалось в колбасу, частично засаливалось, тушилось и запекалось в печи. Во дворе нашего деда Франце Ханнеса было устройство для копчения, так что и коптилось кое-что. Сало почти всё перетапливалось вместе с жиром в смалец, подсаливалось. И оно хорошо сохранилось до самого места назначения.

Почти все оставшиеся дни пекли хлеб, из которого сушили сухари. Из фруктов варили варенье, овощи засаливались…

Потом вдруг было объявлено, что завтра выезжаем.

Нашему двору выделили три подводы: моим сёстрам с семьями, соответственно, по двуконной упряжке, нашей семье — одноконную. Под контролем русскоговорящих надзирателей загружались телеги. Только мой папа в нашем дворе понимал по-русски.

Вся наша одежда, постельное белье и мелкая посуда (фарфор и стекло) были упакованы в сундук, который папа смастерил из половины нашего канапе. (Так называли мы наш деревянный диван с высокой спинкой и с подлокотниками. Само сиденье — или ложе — представляло собой длинный объемистый ящик с открывающейся крышкой. Изготовлено было наше канапе мастерски из хорошего дерева в цвет остальной нашей мебели. Папа спилил спинки, а ящик распилил пополам.) Были уложены узлы с постельными принадлежностями и продуктами питания. Быстро наполнялась телега. Мне очень хотелось взять с собой гитару, но места для неё не нашлось. Последний раз мы вошли в наш домик, я села на один из двух венских стульев, которые стояли у маленького круглого, с витыми ножками, столика (украшение всего нашего жилья). В последний раз я оглядела наше жилище: платяной шкаф, стоящий впереди справа, посудный шкаф слева у двери, кровати, обеденный стол, за которым я так часто сидела с моими родителями. Большое зеркало на стене не будет больше отражать наши радостные или порой грустные лица; большие настенные часы с маятником, которые теперь не для нас будут тикать, остаются д-о-м-а…

Во дворе, между крыльцом и погребом, стояли большие дубовые кадушки, приготовленные для засолки капусты, огурцов,

арбузов и яблок. Где-то кудахтали куры, а кошку мы нигде не нашли.

И вот открылись ворота, выехали Цвингеры, за ними Шнайдеры, и мы. Папа закрыл ворота, встал перед самим домом и печально смотрел на него, затем резко повернулся и сел впереди на телегу. Мы с мамой сидели на «сундуке».

Со двора нашего дедушки Йоханнеса Германа, которого уже десять лет почти не было в живых, выехали тоже три подводы (семья Hermann: Петер, его жена Евгения, сын Гелик и дочь Голда, и семья Poop: тетя Анна и её сын Александр. Семья Зальцманн: Берта, её муж Мартин, дочь Алма и её мать Маргарет — она была мачехой моего отца). И вот наш обоз в шесть подвод двинулся в путь. Впереди всех — Петер Герман, наша подвода была замыкающей.

Нам предстояло ехать 16 км. до станции Нахой.

Моя мать немного успокоилась, углубившись в свои мысли, смотрела на уже покинутые дома. На нашей улице Крупской (бывшей Breite Gasse), наверно, уже все выехали. Было тихо, и слышался только грохот колёс под нами. Вскоре начался подъем на нашу длинную гору, где лошадям пришлось приложить большие усилия, чтобы справиться с тяжелым грузом. Когда мы поднялись на гору, стала видна моя школа. Я встрепенулась, и мама обняла меня и уложила мою голову к себе на колени. Сама же она вертела головой, всматриваясь в дома. Все её сёстры: Анна-Мария (Ами), Мария, Паулина и Клара жили здесь на горе, и мы их никогда больше не видели.

Уже на окраине села застонала мама и, вскинув руки, громко вскрикнула «Herrgott im Himmel! Jesus und Maria! (Господь Бог на небе! Иисус и Мария!). Наш Мариенталь, наша родина! И мы должны это пережить!»

Отец мой повернулся и сказал слабым голосом: «Только не реветь». А с передних повозок доносились до нас раздирающие сердце вопли. Мы с мамой тоже не могли сдержать слёз. Наш надзиратель (сопровождающий) что-то сказал моему отцу. Он, наверное, понял, что ему сказали, сошел с телеги и быстрым шагом пошел к передним повозкам. Он сумел своим спокойным видом всех немножко утихомирить.

Мы покинули наш Мариенталь навсегда.

Глава 2

Мне по сей день не удалось установить, в какой именно день сентября месяца 1941 года мы вынуждены были покинуть Мариенталь. Судя по двум имеющимся документам, можно

определить, что было начало сентября.

Копию одной из этих справок я получила при оформлении документов на выезд в Германию в 1994 г. Это справка о составе семьи Германа Александра Ивановича. На лицевой стороне стоит подпись составителя карточки и дата — 2.09.1041, на обороте — номер эшелона 885 — Барнаул.

Второй документ подтверждает сдачу и стоимость нашего дома и мебели. 6.09.1941 г. это было 3540 рублей.

И всё-таки точной даты выезда не знаю, да и не дата волновала нас тогда, а сам факт необходимости выезда и вопрос — почему? Только потому, что мы были немцы? Принимали нас за потенциальных пособников немецкой армии и фашистов?..

Говорили, что в наших домах теперь будут жить люди, эвакуированные из фронтовой полосы г. Смоленска…

По приезду на станцию Нахой мы были в тот же день погружены в подготовленные вагоны товарного поезда. Наша большая семья состояла из 23 человек, из них 8 детей в возрасте от 2-х до 9-ти лет. Моя сестра Мария была на шестом месяце беременности четвертым ребёнком. Мне было 12 лет. Нам была выделена половина большого вагона. В вагоне были встроены висячие полати, делящие его по вертикали. Это перекрытие мы покрыли матрацами, одеялами, зимней одеждой, затем простынями. У стен слева и справа лежали подушки. Детям это было на радость, так как они имели возможность вдоволь побеситься.

В нижнем отделе были расставлены все сундуки, ящики и узлы, на которых спали те, кому трудно было взобраться наверх. Для бабушки Маргарет была установлена её кровать, которую каким-то образом взяли с собой.

Во второй половине вагона разместились родственники Эллиного мужа Шнайдера (одна семья), семья сестры нашей тёти Жени (жены Петера) и семья моей подруги Ирмы Сандер.

Старшим вагона был назначен мой отец, т. к. он был старше всех. После того как все разместились по всем вагонам поезда 885, мы отправились. В изгнание. На ночь двери запирались снаружи. Для освещения вагона у нас имелись свечи, иногда зажигалась и керосиновая лампа. В вагоне имелись два маленьких окошка, без стекла, конечно, но с железными решетками. Благодаря им в прохладные ночи создавался сквозняк. Если же их закрывали, становилось душно.

Через пару дней наш поезд уже проходил по Средней Азии, где было совсем жарко. Окна были слишком малы, чтоб проветривать вагон с таким количеством людей, особенно нижний этаж, где были люди постарше и младшие дети. Дышать

было совершенно нечем, и дошло до того, что мужчины решили прорубить в потолке середины вагона отверстие. Но это не удалось, так как поверх деревянного покрытия было еще покрытие из толстой жести. Надсмотрщики проявили сострадание к нам и, когда поезд остановился, открыли двери и больше их уже не закрывали снаружи. Если было прохладно ночью, мы сами их закрывали изнутри. Поперёк дверного проёма уложили длинный деревянный шест таким образом, чтобы можно было сесть, свесив ноги из вагона, и держаться за этот шест. За всё это мы были им очень благодарны.

Никогда мы не знали, когда поезд остановится и как долго он будет стоять. Два или три раза за время нашего пути на каких-то крупных станциях вдруг объявляли, что можно получить горячий обед. Тогда мужчины с вёдрами бежали к вокзалу и возвращались с полными вёдрами густого тёплого супа, даже с мясом.

Мы уже держали миски наготове и с удовольствием съедали суп. Несколько раз поезд останавливался прямо в степи на 3–4 часа. Тогда собиралось топливо вокруг, разжигались костры, устанавливались предусмотрительно взятые из дома треноги, какие-нибудь прутья или просто железяки, подвешивали котлы, кастрюли или вёдра, и варилась еда… Аромат разносился по всей степи. Все считали минуты в ожидании вкуснейшей еды и поглядывали в сторону головы поезда — на паровоз, не дай Бог, загудит к отъезду. А один раз так и случилось: кипело уже в котлах, запах разжигая аппетит, и паровоз загудел. Надсмотрщики пробежали до конца поезда, командуя: «Загасить костры! На посадку! Быстрее!» Мужчины и женщины с пустыми котлами в руках, с горячими треногами, палками бежали к своим вагонам. Многие на ходу уже вскарабкивались в вагон, зачастую и в чужой, или их втягивали, только бы не остаться в степи.

Однажды мы стояли день и ночь в горах Средней Азии, недалеко от г. Джамбул (как я впоследствии узнала).

Живописный пейзаж, очаровательная местность предстала перед нами. Мы находились на неширокой долине среди высоких гор. Немногие, я думаю, из нас, видели когда-либо горы. И под словом ущелье (по-немецки Schlucht) мы понимали что-то несколько другое. Но мы находились в сказочном ущелье, по долине которого, совсем близко от нашего поезда, текла бурлящая горная речка, кругом были густой зеленью покрытые горы и чистейший воздух, который мы вдыхали вместе с этой необыкновенной красотой.

Было очень тепло. Моя мать и другие женщины взяли мыло и полотенца и повели нас, детей, к речке, которая оказалась совсем мелкой, но, тем не менее, представлялось опасным на несколько

шагов войти в неё, а журчанье было настолько громким, что мы с трудом понимали друг друга.

Женщины в этот день обнаружили вблизи поезда базар. Мама завернула в носовой платок деньги, спрятала их за пазуху и пошла с другими женщинами на закупки. Вернулась она с полным фартуком яблок, груш, слив, помидор, грецких орехов и с небольшим арбузом. Тут пошла суматоха. Всем захотелось идти на базар. Наши охранники дали на это согласие. Мои родители тоже еще раз пошли, чтобы купить арбуз побольше и дыню. Горе, тяжким бременем давящее на наши души, словно отступило в этот день. Люди смеялись и шутили.

Но уже дня через два представилась нам картина совсем иного характера. Мы стояли целый день на крупной ж.д. станции, где стояли поезда, следующие по всем направлениям.

Моя мама, Анна и Евгения пошли между поездами в надежде найти нашего Альфонса, который выехал не с нами. По их рассказам, они видели пассажирский поезд с закрытыми снаружи дверьми. В нём были люди весьма горестного вида. Они через щель двери и через окно протягивали дрожащие руки, прося о помощи. Они якобы были поляками и евреями. Некоторые из них говорили по-немецки. Мама наша порылась в одном из узлов с пищевыми продуктами, достала пакет с солониной (солёным мясом) и, объясняя, что при такой жаре мясо всё равно скоро испортится, отрезала кусок и отнесла женщинам из этого вагона. Потом мы еще раза два встречали этот поезд, и наши женщины носили этим людям что-нибудь поесть. Моя мама отдала одной из тех женщин большой платок, так как они не имели возможности что-либо взять с собой, а поезда шли всё дальше на восток, и становилось всё холодней. Потом мы их уже не встречали. Возможно, они остановились в Казахстане.

Наш поезд, после того как мы покинули Казахстан, стал на несколько вагонов короче. Когда мы подъезжали к Новосибирску, пошёл легкий снег, но было еще довольно тепло, и он таял почти на лету. И всё-таки все достали зимнюю одежду. В Новосибирске отцепили еще несколько вагонов, а мы, проехав еще несколько часов, прибыли на конечную станцию Кулунда в Алтайском крае. Посреди степи. Дальше тупик. Дальше не была еще в те годы проложена железная дорога. Вблизи были видны несколько больших хлебных амбаров, которые являлись составляющими, как мне уже через два года довелось узнать, крупного зернового элеватора.

Мы выгрузили всё наше добро. Папа и его племянник Саша Роор пошли к распределительному пункту и вернулись с обозом в 6–7 конных повозок, которые мы быстро и загрузили. Саша

объяснил нам, что повезут нас в колхоз им. Свердлова села Степной Кучук, что расположено в 120 км. отсюда, т. е. от Кулунды. И мы поехали. Надзор над нами осуществлялся теперь молодыми женщинами, т. к. мужчин в селе уже не было — все ушли на фронт. Этими же молодыми женщинами управлялись лошади. Не помню, сколько ночей мы были в пути, но одна осталась в памяти. Лошадей распрягли, дали им корм, и мы подготовили наш ночлег. Одни устроились на телегах, другие под ними. Телеги, между прочим, назывались здесь бричками. После первых же капель начинавшегося дождика все ринулись под брички. Но дождь тут же прекратился, так что — команда назад. Теперь дети расплакались один за другим… и поспать не удалось. Рано утром мы двинулись дальше в направлении нашей новой родины.

Глава 3

В селе Степной Кучук обоз наш остановился у большого одноэтажного деревянного здания, перед входом в которое собралась большая толпа народа. Толпа расступилась, образуя совсем узкий проход. Хотя я пробиралась с опущенной головой, я заметила нескольких девочек моего возраста. В самом начале промелькнула фигура очень красивой и хорошо одетой девочки, потом же я наблюдала и весьма убого одетых. На них были длинные юбки из мешковины, поверх же были надеты просторные жакеты из самотканой толстой материи, перевязанные верёвками. Они смотрели на меня молча, а мне было стыдно за то, что я совсем по-другому одета. Что они думают и каково им видеть меня в клетчатом до колен платье, в новых хороших полуботинках и в курточке поверх платья. Ко всему еще бордовая шляпка на голове, а в косы вплетены красивые ленты, завязанные бантами. Будут ли эти девочки когда-нибудь со мной дружить?

Дом, в который мы поочерёдно входили, оказался колхозным клубом, построенным год назад. Собрались мы в зале, уставленном длинными деревянными скамьями. Впереди небольшая сцена, справа ряд окон, слева четыре двери, которые вели в небольшие, еще пустующие комнаты. В этих комнатах мы провели три дня. Было начало октября и становилось холодно. Отопления не было, как не было и возможности приготовить горячее кушанье, а также соблюдать обычную гигиену. Холодную как лёд воду мы брали из колодца в чьём-то дворе. В результате заболели дети, особенно страдали мои племянницы-близнецы.

Село производило унылое впечатление. Маленькие, в основном убогие дома располагались далеко друг от друга…

Меня же интересовала больше всего школа. В селе была семилетняя школа, но учебный год для 5–7-х классов еще не начался, так как учащиеся этих классов, как старшеклассники, еще работают в колхозе. Я радовалась тому, что не пропустила школу.

Через четыре дня мы получили жилье. Семья Шнайдер — Адольф, Элла, Иза, Тоня и Лисбет — поселилась по ту сторону речки Кучук, протекавшей через всё село. Их избушку мы называли хижиной. Она имела две маленькие комнаты с крошечными окошками, глиняный пол, называемый *доливка.* В одной из комнат — большая русская печь, в другой — тоже печь, но называлась она *груба,* с плитой. Крыша покрыта соломой. Непосредственно к избушке пристроен хлев, называемый *пригон,* через который нужно было пройти, чтобы попасть в домик. Возле избушки — довольно большой участок земли для личного пользования.

Другая изба, недалеко от правления колхоза и клуба, была побольше. Её получили бабушка Маргарет, её дочь Берта (моя тётя) с её мужем Мартином Зальцманом и дочкой Алмой, а также тётя Анна и её сын Александр. Мой дядя Петер Герман с женой Евгенией, сыном Геликом и дочерью Голдой получили избу возле реки. Там же поселилась семья сестры Евгении Шейерман. И мы получили жилище вместе с семьёй моей сестры Марии Цвингер и ее детьми: Марийхен, ставшей теперь Марусей, Лилей и Сашей, а Витя родился 24 декабря. Наш дом, говорили, был самый красивый. Он был деревянный, с окнами побольше. Но крыша была тоже из соломы и пол глиняный, но с гладкой поверхностью. У нас были две большие комнаты и маленькая пристройка из досок — вместо прихожей. Во дворе имелся пригон — хлев с деревянным полом и соломенной крышей. В другой части двора был еще один пригон, который мы использовали как кладовую, а зимой хранили в нем солому или сено.

Наш дом назывался *Бикбулатов дом.* Спустя время мы узнали, что владелец его был зажиточным, татарского происхождения, а жена его — дочерью православного попа. Семья была изгнана, имущество конфисковано. Несколько лет спустя они вернулись, но не имели права поселиться в своем доме, который стал колхозным. Жили они теперь в другом доме.

Домик стоял недалеко от сельского совета и, что меня особенно радовало, недалеко от школы.

Началось обустройство нашего жилья. Мужчины принесли откуда-то доски, какие-то столбики или чурки, чтобы построить лежанки, наподобие кроватей, кухонный стол, табуретки.

А первым нашим столом служила ножная швейная машина,

которую моя сестра привезла с собой. Она стояла впереди у окна. Мама моя была занята заполнением пустых наматрасников соломой, а мужчины мастерили во дворе, когда к нашей двери подошла девочка моего возраста. Мама привела её ко мне, а папа пришел на помощь, чтобы перевести, о чем говорит девочка. Эту девочку я видела в толпе, когда мы приехали.

Её зовут Маня (Мария) Цапко, и живет она чуть выше на пригорке, совсем недалеко от нас. Ей очень хотелось знать, как меня зовут, сколько мне лет и в каком классе я буду учиться. Она радостно захлопала в ладошки, когда услышала, что я пойду в 5 класс. Её тёмно-карие глаза, её улыбка говорили, что мы с ней несомненно подружимся. На её вопрос, пойду ли я завтра вместе с ней на работу (папа и это перевел), я усердно закивала головой в знак согласия. Маня пожала мою руку и сказала, что завтра утром зайдет за мной.

Местом нашей работы был ток — расчищенная площадь, на которой молотилось, потом сушилось и очищалось зерно.

Зерно уже было обмолочено, и на току было две кучи зерна и стояли три различные зерноочистительные машины. Названия их остались в моей памяти. Одну называли просто веялка, другую, самую маленькую — фухтель, третью, помнится, — триэр. Кучи зерна перелопачивались постоянно, пока зерно не высохнет. Затем оно попадало поочерёдно в очистительные машины.

Первые дни мы с Маней работали на веялке, в которую были встроены два больших квадратной формы сита. Над ними находился небольшой открытый бункер (так мы его называли), в который насыпалось вёдрами или большим совком зерно. Зерно попадало через воронку на верхнее крупноячеистое сито, которое отделяло зерно от половы. Полова от вибрации выпадала сзади на землю. Зерно же попадало на второе, более густое сито, которое отделяло вызревшие, полноценные зерна от мелких, не вызревших зёрен, от мелких камушков, от песка и от сорняковых мелких зёрен. Это были отходы зерна. Хорошее зерно высыпалось через воронку в подставленные вёдра или тазики, складывалось в отдельные кучи и пропускалось еще через фухтель. Отходы же падали на землю, погружались на брички и отвозились на ферму для скота. Так было еще в 1941 году. Через год нам давали эти отходы, так сказать, на трудодни, как продукт питания.

На току работали не только мы, школьники, но еще две-четыре взрослые женщины. Первые дни мы с Маней работали только вместе: то мы крутили ручку веялки или фухтеля, перелопачивали зерно, отгребали полову или отходы и относили вёдра или тазики к куче. Иногда Маня разговаривала с женщинами, потом объясняла мне жестами, что нам надо делать.

Маня не теряла меня из виду, и ей не хотелось, чтоб я работала с другими девочками. Иногда Маня ругалась, спорила о чём-то со всеми, и мне казалось, что все насмехаются надо мной, а Маня меня защищает и охраняет. Хотя она была меньше меня ростом, но телосложением покрепче. Голос её звучал очень убедительно. Она явно была бойкая девочка и за словом в карман не лезла.

Одна из девочек была особенно красива, и её одежда очень отличалась от других, это, несомненно, была та девочка, которую я только мельком увидела в толпе, когда мы приехали. Теперь, когда наши взгляды встретились, я поняла, что мы с ней когда-нибудь подружимся. Её звали Роза Шевченко.

Однажды утром, собравшись на работу, я напрасно ждала Маню. Я побежала к ней домой, чтобы узнать, в чем дело. Из дома вышла её мама и, сморщившись, показала на живот. Из этого я заключила, что у Мани болит живот, и сама пошла на работу.

На току меня окружили, затараторили, но из их вопросительных взглядов и повторения имени Мани я поняла, что спрашивают о Мане. Я показала на свой живот и сильно поморщилась. Все громко засмеялись. Теперь нас распределили на работу, и я оказалась с Розой вместе. Она заговорила со мной, но я не поняла ни слова, однако каким-то образом во время работы мы все равно понимали друг друга. Мы смотрели друг на друга и улыбались.

Когда Маня опять пришла, она настояла на своем и мы снова работали вместе. По дороге домой Маня иногда заводила разговор о Розе, выражая жестами отрицательное мнение о ней, называла её воображулей (что означало быть высокого мнения о себе) и длинношеей жирафой. Слово «жирафа» я поняла — остальное довообразила.

Так прошло, наверное, три недели, и наступила зима с сильными снегопадами. Пришла пора идти в школу.

Еще когда я после первого рабочего дня пришла домой, у нас собрались все мужчины нашей большой семьи, чтобы поговорить с отцом, как с бывшим земледельцем. Для работы в поле он считался уже старым, и его назначили пожарным в селе. Тем не менее, интересовали его вопросы земледелия. Наш зять Александр Цвингер принёс с поля полный карман земли. Он вывернул карман на швейную машину и все, протирая землю через пальцы рук, поражались этой земле. Это был чернозём. Все радовались тому, что здесь можно выращивать высокие урожаи. У нас на Волге почва была не такой плодородной, однако какие выращивали урожаи!

Однако мы не знали еще, что нас ожидает.

Мой кузен Саша Роор принес газету из правления колхоза,

наверно, это была «Правда». В ней сообщалось о положении на фронте. Фашисты все еще продвигались дальше вперед, но несли огромные потери от героической обороны наших советских войск. Я иногда спрашивала себя, к кому же теперь относят нас. Но эта тема была табу. И до меня не дошло, когда и как нам дали знать, что мы, немцы, не имели права покинуть село, хотя бы для посещения села, отдаленного на 3–4 км. В начале каждого месяца приезжали из районного центра Родино коменданты, и все взрослые немцы должны были письменно подтвердить своё пребывание на месте поселения. Как-то случайно я услышала об этом из разговоров наших женщин. Честно говоря, я тогда восприняла это отнюдь не трагично, хотя мне было жаль моих родных, когда они так грустно об этом говорили. Я же радовалась, что мы можем ходить в школу. Правда, моя племянница Марийхен, теперь Маруся, страшно боялась чужой речи и осталась на год дома.

Школа находилась в центре села вблизи от сельсовета. Детям, которые жили в колхозе Свердлова, приходилось переходить через довольно глубокий ров. Напрямую вела через ров тропинка от молоканки к сельсовету. Просёлочная же дорога (т. е. дорога для конных упряжек) отворачивала у молоканки вправо и наискосок спускалась вниз, поворачивала влево и также наискосок поднималась по другому склону рва вверх к сельсовету.

Школа была деревянная и имела всего 4 классные комнаты, учительскую и кабинет директора. Школа была еще не совсем достроена, а именно, не был еще настлан пол зала, через который надо было пройти, чтобы попасть в классы. Для этого были уложены несколько незакрепленных досок.

Метрах в двадцати от этой школы стояла бывшая начальная школа. Половина этого дома была переоборудована в жилую квартиру и в ней жил директор, а вторая часть дома использовалась как классная комната для 5-го Б класса, в котором учились, в основном, дети из близлежащих деревень, в которых было только 4 класса.

Мой отец записал меня в школу, и меня определили в 5-й Б класс. К моему счастью, пришла в этот класс и Фрида Виндголц — сестра тёти Жени. До этого я её не знала, так как она не жила в Мариентале и не работала здесь в колхозе. Теперь, однако, мы сидели за одной партой в первом ряду.

Анастасия Ивановна преподавала нам русский язык и литературу, Татьяна Ивановна Москаленко — историю и ботанику, Наталия Ивановна Усенко — математику, Вера Макаровна — рисование и пение. У нас были еще уроки военного

дела и спорт, но, к сожалению, я не помню имя и отчество учителя.

Мои учебники для 5-го класса — полный комплект — были все на немецком языке, русских у меня не было. Когда я сравнила мои учебники с русскими, оказалось, что они идентичны, те же иллюстрации, те же примеры, иногда те же страницы. Только учебник русского языка для немецкой школы не имел сравнения с таким же учебником для русской школы. Немецкий язык никогда не преподавался в этой школе. В немецкой школе у нас тоже были уроки русского языка, и я знала русский алфавит: печатный получше, письменный похуже. Во всяком случае, читать я умела очень медленно, нескладно и не понимая ничего. При письме я должна была перед каждой буквой подумать. В первом моем диктанте я сделала 23 ошибки. Зато на уроках математики не было никаких проблем. За первую контрольную работу получила пять. В Советском Союзе это была отметка *очень хорошо*. К устным предметам я готовилась первое время по немецким учебникам.

Одного из наших учеников звали Полоусов. Он был на несколько лет старше большинства из нас и поэтому казался очень большим. По одежде он напоминал оборвыша, бродягу, нищего. В школу он приходил весьма нерегулярно, но если присутствовал, то приводил весь класс в беспорядок, особенно на уроках Татьяны Ивановны или Веры Макаровны. Помню хорошо, как однажды в начале урока Полоусов, подбежав к нашей парте, схватил Фриду за руку и потянул ее к своей парте. Фрида вся дрожала от страха, а я вся съёжилась, тоже от страха, когда он сел рядом со мной. Татьяна Ивановна только улыбнулась ему понимающе на это, а я с нетерпением ждала звонка на перемену.

Через две-три недели Фрида со своей семьей переехала в село Родино. Полоусов теперь постоянно сидел со мной за одной партой. На уроках математики и русского языка и литературы он отвечал, к полному удовлетворению учителей, хорошо. Я определяла это по выражению лица Натальи Ивановны или Анастасии Ивановны. В выполнении письменных работ он не принимал никакого участия, у него не было ни бумаги, ни ручки.

На уроках истории или ботаники он болтал не переставая на русском или украинском языке, обращаясь при этом ко мне. Учительница только улыбалась, и мне казалось, что они потешаются надо мной, к моему глубокому страданию. Что-нибудь сказать в свою защиту я не могла. Когда однажды на большой перемене я хотела выйти на двор, Полоусов вдруг встал передо мной с распростёртыми руками. Улыбаясь, он приближался ко мне. «Нимке-е-ня,» — сказал он мне. Это слово могло иметь отношение только к моей национальности.

Набравшись вдруг смелости, я толкнула его, пошла к своей парте, взяла сумку и пальто и убежала, рыдая, домой. На вопросы матери я не ответила ни слова. Отцу пришлось объяснить положение дел, когда он пришел с работы. Он нашел, что нет убедительной причины бросить школу. Он бы меня понял, если бы этот парень меня побил или обругал ни за что. На следующий день я все равно не пошла в школу. Случайно зашла к нам тётя Анна, она и моя мать пошли в школу, чтобы поговорить с директором о моей проблеме. Я представить не могла, как они будут изъясняться с директором, не зная языка. Позже я узнала, что Анна всё-таки немного понимает по-русски. Вернувшись домой, они мне объяснили, что с завтрашнего дня я буду учиться в 5 А классе. Мне было так нехорошо от всего этого, что не хотелось и в 5 А.

Вечером пришла Маня, ее улыбка сияла во всё лицо, она хлопала в ладоши и от радости трясла меня за плечо. На следующее утро я поднялась на пригорок, а там меня ждали Маня, Роза, Вера и Нюра. Они радовались моему приходу в их класс.

Полоусова исключили из школы, мне это было очень неприятно. Маня мне объяснила позже, что его бы всё равно исключили, потому что он слишком много пропускал и постоянно мешал на уроках. Он приходил в школу только в те дни, когда его мать не работала. У них была одна пара валенок на двоих.

Узнала я, что означает украинское слово *нимкеня.* По-русски это *немка,* а по-немецки *deutsche.* Узнала я, что почти все жители нашего села Степной Кучук украинского происхождения. И не только села. Большинство жителей и Родинского района, и Алтайского края имеют украинское происхождение. И называют они себя *хохлы.* Язык их представлял собой смесь русского и украинского языков. В школе же велось преподавание на русском.

Маня часто приходила к нам и беспрестанно говорила на языке хохлов, что для моей матери, которая пыталась понять хотя бы что-нибудь, составляло большую сложность. Я же в скором времени стала понимать многое как по-русски, так и по-украински. Когда Маня первый раз пригласила меня к себе домой, моя мама никак не хотела меня отпустить, потому что она боялась, что у них вши. Вечером она об этом говорила с отцом. Он убеждал её в том, что нас привезли сюда не в гости, что мы с этими людьми будем жить постоянно. К тому же, мое постоянное общение с подругами дает мне больше шансов быстрее научиться говорить по-русски, чтоб на уроках все понимать.

Маня жила со своей матерью Ольгой, сестрой Катей, на три года старше Мани, почти взрослым братом Сашкой и младшим

братишкой Ваней. У них было две комнаты, но жили они в одной, которая была побольше и называлась *горницей.* Слева, сразу у двери, была большая русская печь. Между печью и передней стеной комнаты были встроены большие нары, которые называли *полати.* Нары были покрыты огромным грубосамотканным одеялом, называемым *рядно,* в углу были сложены друг на друга пять подушек. На этих нарах спали все пятеро, правда, Сашка часто уходил куда-то ночевать. Зимой, когда бывало очень холодно, вся семья, кроме Сашки, спала на печи, куда можно было взбираться прямо с полатей.

Рядом с нарами-полатями у передней стены стоял сундук. У правой стены, у входа — небольшая скамейка, затем стол и еще большая скамья до переднего угла. На окнах никаких гардин или занавесок. Убогая обстановка, бедное обустройство. Зато мне бросились в глаза в правом переднем углу под потолком две поразительно красивые иконы. На одной изображен Иисус Христос, на другой — не запомнила кто.

На моей родине не было икон, их и не было никогда. Ольга, мать Мани, указала мне пальцем в грудь: «Нету Бога?». А я не знала, что ответить. Она подошла к иконам, погладила их, говоря «боженька», поцеловала свои пальцы, отвернулась и пошла к двери. Остановившись, сказала: «А Сталин тьфу!» Плюнула, подняла свою длинную юбку и показала голую задницу в сторону двери. Странным мне это всё показалось, и я рассказала всё своей матери. Она реагировала так же, как я, и считала, что об этом лучше всего хранить молчание. (Надеюсь, Маня не обидится, что я об этом пишу.) Дружба наша с Маней тем временем всё укреплялась. Так же хотелось бы мне подружиться с Розой. Но Роза и Маня явно не были друг к другу расположены.

В центре села Степной Кучук, почти рядом с сельсоветом, имелся магазин. Моя мать и тетя Анна каким-то образом посетили этот магазин еще в первые дни нашего здесь пребывания. Продуктов питания к тому времени уже не было никаких. Кроме небольшого количества Спичек и хозяйственного мыла имелись в продаже 4 семиструнные гитары и несколько красивых, голубого цвета, фетровых шляпок (назывались они, по-моему, «Маленькая мама»). Когда я на следующий день пришла домой (мы еще работали на току), подарила мне тетя Анна гитару, при виде которой ожила моя память о Мариентале. Я была очень благодарна моей тетушке. А мама моя подала мне голубую шляпку, о которой она вчера рассказывала. Эти две женщины сами были счастливы не столько оттого, что купили глаз радующие вещи, а больше оттого, что не пришлось выбросить имеющуюся еще у них жалкую сумму денег. Все равно,

дескать, уже ничего на них не купишь.

Пришла Маня. Мы с мамой удивились тому, что она уже знала о наших покупках. Откуда? Маня надела шляпку, взяла гитару, провела рукой по струнам и положила обратно, надела шляпку на мою голову, взяла меня за руку и, что-то объясняя, повела меня к себе домой. Между Маней и её матерью состоялся бурный спор. Мама показывала на её куртку, перевязанную верёвками, на её очень большие сапоги на ногах. Маня плакала не переставая. Очень хотелось ей такую шляпу. Весь следующий день она была задумчива, очень мало говорила со мной. Мне было жалко её. Это был последний день нашей работы. Новый учебный год начинался с линейки во дворе школы. Какова же была моя радость, когда я увидела Маню, Веру и Нюру в таких же голубых шляпках, как моя. Снег хотя выпал, но морозы еще не наступили, и мы еще несколько дней красовались в необычных для Степного Кучука головных уборах.

Гитары тем временем распродали. Нюра и Нина имели счастье получить по одной. Розе и Вере досталась гитара ушедшего на фронт отца Веры. Мане не купили гитару. Получилось так, что всех девочек, имевших гитары, я как-то научила поочерёдно играть, вернее, передала им то, что я умела и знала. Маня училась играть на моей гитаре.

Наши две молодые учительницы Вера Макаровна и Валентина Сергеевна, бежавшие от блокады Ленинграда (Петербурга), где они жили, оказались в селе Степной Кучук на Алтае. Слышала, что Валентина Сергеевна была в Ленинграде диктором радио. Теперь она преподавала русский язык и литературу. Вера Макаровна якобы была танцовщицей, теперь она стала учительницей рисования и пения. Обе они отличались от других учителей своей интеллигентностью, прекрасным литературным русским языком, своей осанкой и одеждой. Всё своё свободное время они проводили с нами, учениками. Они создали в нашей школе театральный кружок, танцевальную группу и хор. И пытались привить нам хорошие манеры. Ежемесячно проводились школьные вечера, на которых исполнялись каждый раз новые концертные программы или устраивались театральные постановки. На концертах присутствовали почти все жители села. Два учебных года (с 1941 по 1943) можно с уверенностью назвать годами культурного подъема в нашем селе. Когда я пришла в 5 А класс, знакомые мне девочки уже занимались в кружках. Роза с увлечением занималась танцами, Маня принимала деятельное участие в драмкружке и с гордостью говорила мне, что в небольшой пьесе на военную тему ей дали роль ефрейтора. В хоре принимали

участие все. Моё знание русского языка было еще слишком ограниченным, чтобы принимать участие даже в хоре. Но Маня нашла выход. Она уговорила Веру Макаровну поставить матросский танец с двумя исполнителями. Моя подруга была матрос, а я — матроска-девчонка. Директор школы сопровождал наш танец, играя на гармошке песню «Яблочко».

Позднее я стала и в хоре петь. В то время я себе представить не могла, что смогу когда-нибудь участвовать в театральных постановках, куда меня более всего влекло.

На школьных занятиях я всегда внимательно слушала и радовалась каждому понятому слову. Домашние задания по математике делались мной с помощью немецкого учебника.

Всё реже приходили мне на помощь немецкие учебники по истории, ботанике, географии. Я их вовсе перестала читать. Русские учебники я тоже не читала и вряд ли смогла бы понять, если бы они у меня имелись.

В то время как я всё больше включалась в общественную жизнь класса и школы, когда постоянно была в окружении полюбившихся мне новых подруг, мне случалось наблюдать во время перемен группу ребят, посещавших 6 класс нашей школы, которые тоже были немцами из Мариенталя, но мне совершенно незнакомыми. Их было четверо, и жили они на участке другого колхоза. Моя мать разведала, чьи они дети, мне запомнились фамилии Кесслер и Штерцер. Все они были старше меня, даже на несколько лет. Держались они особняком, ни с кем из местных не общались. Еще до Нового года они перестали приходить в школу, и я осталась единственной немкой в 5–7 классах.

Глава 4

Очень нравилось мне после школы вместе со всеми гурьбой идти домой. С радостными криками мы бежали к нашему оврагу, потом друг за другом спускались вниз до пологой проезжей дороги, до того места, где росли, как в треугольник расставленные, три роскошные, чарующие красотой своей, берёзы. При хорошей погоде мы, бывало, подолгу здесь задерживались, и даже снег не мешал нам отложить в сторону школьные сумки. Развеселившись, мы брались за руки и кружились иногда с песнями или просто смеясь вокруг этих трёх берез. То обнимали в одиночку или вдвоём белоснежный ствол с темными полосками и, подняв голову, смотрели сквозь оголенные ветки дерева на зимнее небо. Иногда мы ложились на свежевыпавший снег и с крепко прижатыми к животу книгами скатывались вниз, громко смеясь и выкрикивая что-то. Внизу же

приходилось отряхиваться от снега и топать по снежным заносам до дороги на противоположной стороне ярка. После молоканки Маня сворачивала налево к своему дому, сразу после неё направо вниз с пригорка сворачивала я. Остальные же: Роза, Вера, Нюра, Нина, Дуня шли еще значительно дальше, постепенно рассеиваясь по пути.

В один из особенно морозных дней мы после школы шли так же гурьбой в направлении оврага, как вдруг громкий душераздирающий вопль пронзил морозную тишину. Мы остановились пораженно. Женщина надрывно голосила, а кто-то из девочек произнес: «Похоронку получила». Вытирая слёзы, девочки спрашивали, кто бы это мог быть, и решили, что кто-то не из нашего колхоза, а из колхоза Карла Маркса. К сожалению, нам приходилось еще не раз услышать подобное. Семья одной из наших соучениц еще прошлым летом получила такое страшное известие. Отец Веры, он же брат Розы — Григорий Шевченко — сражался на фронте. «Давно не было письма», тихо сказала Вера, и они с Розой заторопились домой. А Маня, уже плача, сорвалась с места со словами «Может, и нам что-нибудь пришло» и побежала домой. Отец Мани — Василий Цапко — ушел на войну в самом начале, и семья его получила от него одно-единственное письмо с дороги на фронт. Прошло с тех пор полгода, а весточки не было. Может быть, сегодня что-нибудь есть?

Молча пошли мы по домам.

После обеда я взяла свои тетради и пошла к Мане делать уроки, в надежде, что они получили письмо от отца. Но нет, ничего не пришло. И почтальонша еще не проходила мимо их дома. Мать Мани сидела у окна и пыталась своим теплым дыханием растопить на заледенелом стекле хоть маленький просвет. И ей удалось продуть на ледяном узоре маленький глазок. Напряжённо смотрела она в него, ожидая почтальоншу, которая после доставки почты должна пройти мимо её дома в сельсовет. Дождалась она и узнала, что сегодня было два известия о смерти и несколько писем с фронта.

Некоторое время Ольга просидела на лавке молча, глубоко задумавшись, потом встала, подошла к иконам, широко перекрестилась, как бы придавая многозначительности этому знамению. После короткой молитвы Ольга бросилась на колени, перекрестилась несколько раз и поклонилась низко до самого пола. Она молилась Богу, умоляла его защищать и охранять её мужа Василия, если он еще живёт. Она говорила ему о четырех её детях, которым так нужен отец. Допуская, что он мог попасть в плен, она умоляла Боженьку дать мужу остаться в живых и вернуться домой. Всхлипывая, она просила, чтобы война скорее

закончилась. Слёзы катились по её впалым щекам и падали на *доливку,* покрытую соломой.

Маня и я молча слушали Ольгину молитву, отложив свою домашнюю работу. И маленький Ваня терпеливо молчал, сидя на полатях и глядя на свою маму. Ольга встала, взяла какую-то тряпку и вытерла лицо. Совсем успокоившись, она села и взяла Ваню на колени. Не без злобы посмотрела на меня и сказала, что мой отец и все наши мужчины — они дома. Маня порывисто сказала: «Мама! Она-то при чём». Ольга немного помолчала и сказала, обратившись ко мне, что это наше счастье, что нас выслали в Сибирь. Мгновенно ожили мои воспоминания о Мариентале: наш дом, который мне теперь казался сказочным, наш двор с животными, моя школа и подруга Ирма… Трудно мне было тогда понять Ольгу, хотя всем сердцем мне было ее жаль. Конечно, мы были рады, что получили здесь жилье, что нас не высадили где-нибудь в диком лесу или в безлюдной степи. Еще больше мы радовались, когда нам за сданное на родине поголовье скота дали из колхоза коров. Те, которые сдали корову или четыре козы, получили здесь по корове. Моя сестра Элла с мужем Адольфом, двумя детьми и бабушкой Лисбет не имели в Луй никакой скотины и не получили коровы. Так же обстояло дело у дяди Петера. И они остались без коровы. Правда, они к этому времени уже переселились, с разрешения комендатуры, разумеется, в другое село к семье Шейерман — родственникам Евгении. Элла же (Шнайдер) жила в маленькой халупе и без коровы. Слава Богу, отелилась вскоре одна из наших с Марией Цвингер коров, и мать наша каждый день носила молоко для близнецов.

Ходили слухи, что наши мужчины будут призваны на трудовой фронт. Слух осуществился. Со слезами, со стонами проводили наших мужчин в середине января 1942 г. в трудовую армию.

Моему отцу было 56 лет и, слава Богу, он был уже не пригоден для трудармии. У нас состоялся семейный совет и было решено, что для Марии и её четверых детей (Виктор родился 24.12.1941 г.) надо просить отдельный домик. Работать в колхозе она не сможет, и молоко от коровы полностью останется им. И Мария перебралась в домик, оказавшийся еще свободным. Элла же перебралась к нам. Таким образом, решилась проблема с молоком.

Отец мой работал пожарником вместе с тремя русскими женщинами. В их распоряжении было шесть лошадей и несколько телег с бочками воды, размещенных в специальном сарае. Имелась примитивная наблюдательная вышка, с которой велось

посменное наблюдение не только за нашим селом, но и за близлежащими деревеньками: Соколовка, Михайловка и Верхний Замай. Иногда в ночную смену приносил отец пучок соломы домой, за что мама выговаривала: «А если бы кто увидел?». Собственно, как раз это мне довелось однажды услышать, поэтому и пишу. Возможно, это было единственный раз.

Однажды я увидела отца на лошади верхом, в седле. Это меня крайне удивило и в то же время привело в восторг, как хорошо он смотрелся на лошади. Он приезжал домой на обед, и я спросила, не может ли он меня научить ездить верхом. Нет, конечно, не может, потому что нет времени. Потом он говорил мне, что у его отца были свои лошади. Семья занималась сельским хозяйством, и ему часто приходилось сидеть на лошади. А моя мама добавила еще, что молодухи с него глаз не спускали, когда он был на лошади.

Наше домашнее хозяйство вели моя мать и Лисбет, которая, в основном, смотрела за детьми Тоней и Изой. Мама больше заботилась о корове и теленке. Теленка осенью предстояло сдать государству, и какое-то количество свежего молока тоже необходимо было сдать. Мать ежедневно относила свеженадоенное молоко на молоканку, пока не выполнит план. Кроме того, были еще дети Марии, которые души не чаяли в бабушке Синэ, и она просто не могла не оказывать им какую-нибудь помощь, тем более что Мария сама была весьма некрепкого здоровья. Она очень плохо видела и с трудом могла ходить. Наша мать объясняла это, во-первых, её первыми родами, когда она в 20-тилетнем возрасте родила тройню без всякой врачебной помощи. В течение 2-х — 3-х недель дети умерли. Кроме того, пришлось Марии во время революционных лет еще совсем юной девочкой выполнять физически тяжелые работы. Но она и после трудного времени не проявила желания учиться, чтобы получить какую-то специальность. Когда ей исполнилось 19, она вышла замуж. Теперь имела четверых хороших здоровых детей. Элла же училась в Киеве и стала портнихой. Это и послужило основанием того, что вскоре после нашего прибытия в колхоз Свердлова была создана швейная мастерская. Заведующей этой мастерской была назначена Элла. Для мастерской выделили небольшой домик прямо на колхозном дворе, Элле поручили самой себе подобрать помощниц-швей. Кто-то предложил ей двух русских женщин, которых она и стала обучать швейному делу, а третью швею Элла выбрала сама — нашу сестру Марию. Хотя у неё было очень плохое зрение и шить она вовсе не умела, зато она принесла в мастерскую свою швейную ножную машину «Singer», которую ей купил отец к свадьбе, как приданое. У Эллы

была такая же машина от отца, но Элла её оставила дома. Мария выполняла вспомогательные работы: она гладила, распарывала старые вещи и очищала швы от долголетней пыли-грязи.

Вторую швейную машину привез председатель колхоза товарищ Кондрик из районного центра Родино. Некоторые жители села имели в запасе еще отрезы или какие-то остатки различных тканей, из них шилась новая одежда. Элла получала заказы из райцентра Родино, но только с разрешения товарища Кондрика. Большей частью же, и в первую очередь, в швейную мастерскую принималась старая изношенная и грязная одежда жителей и членов нашего колхоза. Её перешивали, перелицовывали, чистили, иногда просто накладывали аккуратно заплату.

Эллина швейная машина осталась дома, потому как наша семья тоже нуждалась в пошиве или переделке одежды. И сестра моя научила меня шить. Мне было 13, когда я полностью сшила Эллой скроенные два платья для Маруси и Лили. С какой радостью я потом перешивала свои платья или мамину юбку на себя.

Первую зиму мы довольно хорошо пережили благодаря великодушной поддержке со стороны колхоза. Нас снабжали топливом в виде соломы и кизяка (сушеные брикеты из навоза с соломой). На питание мы получали понемногу зерна и растительного масла. И у нас оставались еще продукты, заготовленные в Мариентале: смалец, топленое масло, сушеные фрукты.

Школа наша отапливалась кизяком и дровами, которые, в основном, применялись для того, чтобы разжечь основное топливо.

С января 1942-го года обязали учащихся шестых и седьмых классов самим отапливать школу. К этому времени переоборудовали одну из классных комнат в военный кабинет, который надо было охранять. В ночные смены печи топили мы, как новобранцы. (В школьную программу были введены уроки военного дела, по правилам которого мы были новобранцами.)

При температуре воздуха ниже 35° занятия в школе не проводились. Было очень холодно, но я хотела идти в школу. «Мы же не знаем, сколько градусов ниже нуля, так я хоть узнаю, есть ли занятия или нет», подумала я. И мне было чем доказать этому леденящему морозу, что я его не боюсь. Я надела теплые, мамой связанные шерстяные чулки выше колен, новые толстые валенки, меховую овечью шапку на голову, теплые рукавицы, а поверх шапки мама завязала большой платок так, что осталась только щель для глаз. Мне очень нравилось такой укутанной идти по

хрустящему снегу. В этот раз было настолько холодно, что ресницы и брови заледенели. В школе меня встретила у двери уборщица: «Ты что пришла? Мороз 40°. Марш домой!» Меня удивило только, что она знает сколько градусов. Откуда? Позднее выяснилось, что в сельсовете есть радио, телефон и даже термометр, который, однако, висел внутри у окна. Впрочем, старожилы нашего села определяли температуру без всякого термометра.

В марте дни стали намного длиннее. Солнце излучало всё больше света и тепла, и снежные сугробы, часто превышавшие крыши низких домов, постепенно растаяли. На холмах появлялись большие черные пятна, хотя на дне оврага лежал снег, сквозь который легко можно было попасть в глубокую лужу. Примитивно построенный мостик из сучьев и старых досок был нам защитой от промокания валенок, а потом и ботинок.

25-го марта ежегодно начинались весенние каникулы продолжительностью 8–9 дней. В эти дни очень интенсивно таял снег, становилось тепло и почти сухо. Теперь не нужны были валенки и теплая зимняя одежда. У меня же появилась другая проблема — я выросла. Мать моя выпустила подвороты на подолах всех моих платьев, отрезала на одном до половины рукава и удлинила этим совсем уже короткое платье. А я строчила на машинке. Из четырех пар обуви были мне две пары еще впору.

Очень жаль мне было мою подругу Маню, у неё не было ни одного платья. Носила она длинные юбки из самотканого полотна тёмного цвета, а зимний зипун она сменила на стёганую фуфайку своей матери. Блузок у Мани было несколько: и пестрой расцветки, и тёмная, и белая, расшитая в украинском национальном стиле, очень красиво, но все они были ей велики. Я бы очень хотела подарить Мане одно из своих платьев и сказала об этом матери. Она тут же согласилась. Когда я привела Маню, мама уже достала одно из моих платьев из шотландки, т. е. в клетку — самое широкое из всех, т. к. Маня была покрепче сложена, чем я. При примерке обнаружилось, что у Мани не было нижнего белья. Мама в ужасе посмотрела на девочку, открыла сундук и достала голубого цвета штанишки на резинках в поясе и над коленями. Платье сидело на Мане как нельзя лучше. Сияя радостью, она кружилась так, что складки, распускаясь, придавали юбке форму зонта, Маня была счастлива и говорила, что давно мечтала о таком платье. Еще она получила пару аккуратно заштопанных чулок. Обуви, к сожалению, не нашлось. Но потом, уже летом, Ольга приобрела для дочери легкие полуботинки.

Со временем я всё лучше говорила на украинском диалекте. Мать Мани называла меня хохлушкой, говорила, что вряд ли можно меня отличить от настоящих хохлов. Мне тоже казалось, что я хорошо владею этим языком, и я не стеснялась говорить, когда чувствовала неправильное произношение. Манины сестра и брат весьма насмешливо реагировали на это.

В школе у меня были большие трудности с русским языком. Я предприняла единственную попытку ответить на уроке устно. Нам задали выучить стихотворение наизусть. По моему, это было

Как ныне сбирается вещий Олег
Отмстить неразумным хазарам.
Их сёла и нивы за буйный набег
Обрёк он мечам и пожарам…

Я выучила это стихотворение полностью. Когда учительница спросила: «Кто выучил стих?», я подняла руку. Меня и спросили. Уже после первых строф раздалось хихиканье. Я смолкла от стыда и опустила голову. Учительница указала мне на место и вызвала следующего, но никто не выучил стих до конца. А я сидела и терзалась: зачем я подняла руку, сделала из себя посмешище. Никогда больше не поднимала я руку, и меня не вызывали долгое время отвечать устно. Но экзамены я все сдала и была переведена в 6. класс.

В начале апреля, когда на полях полностью растаял снег, учащиеся 5–7 классов выходили в поле собирать колоски, оставшиеся после прошлогоднего урожая. На ближних полях мы это делали после уроков, на дальние поля мы выходили с утра, т. е. не занимаясь в школе. Сразу после экзаменов было время прополки полей озимых посевов от сорняков: осоки, молочая, васильков, лебеды, одуванчика, осота и др. Особенно трудно было вырывать осот с его крепким и длинным корнем, к тому же он был колючий. Молочай легко выдергивался, но после него руки были клейкими. Некоторые девочки уже имели опыт и надевали специальные перчатки. 2 недели после начала полотьбы приехал на поле бригадир, которого мы звали дядя Гриша — инвалид войны. Он припадал на одну ногу, к тому же сильно заикался. Приехал он, чтобы отобрать девочек покрепче для копнения сена. Выбрал он Нюру, Розу и Нину. Мне тоже хотелось бы с ними сено копнить, но мне он очень твердо, чуть ли не приказным тоном сказал, что я остаюсь здесь в качестве звеньевой, что я, несомненно, справлюсь с возложенными обязанностями; всех остальных он призвал к послушанию. После того как он объяснил, на какое поле нам следует перейти после этого, девочки

взобрались на его бригадирский ходок (так называли в Кучуке одноконную четырехколёсную телегу, на платформе которой установлен короб с двухместным сидением.) Бригадир натянул вожжи, треснул бичом, щелкнул с присвистом языком, и лошадь пошла своим ходом. С некоторой завистью я смотрела им вслед. Из моего класса осталась только Дуня Бут. Мани не было с нами, так как она помогала своей матери в пекарне. Вера, должно быть, работала на колхозном дворе.

Пашня, которую я с учениками будущего 5-го класса, в основном, очищали от сорняков, протянулась на 2 км. В конце пашни мы делали перерыв, присаживались отдельными группами — мальчиков и девочек.

В большую жару мы не работали. Начинали работу очень рано, с первыми лучами солнца, потом делали большой перерыв, уходили домой обедать и приходили снова.

Однажды, когда мы прошли первый круг (туда и обратно), мы увидели нашего бригадира с незнакомой нам молодой женщиной. Она приветливо с нами поздоровалась и представилась нам корреспонденткой. Дядя Гриша хвалил, заикаясь, нас и нашу работу, показывал ей для сравнения прополотое поле и поле, которое еще предстоит прополоть. Женщина согласно кивала и выражала восторг, глядя на нас и улыбаясь.

Наша Элла, придя на следующий день после работы домой, рассказала нам весьма возбужденно, что к ним в швейную приходила учетчица с газетой, в которой написано про нашу Лиду, как они хорошо работают на прополке. Когда пришел отец, она повторила свой рассказ, а он сказал, что к ним в пожарку приходила секретарша сельсовета и тоже принесла газету, но у него не было времени, и она оставила газету на столе. Когда же он хотел просмотреть, газеты уже не было. Оказалось, тот факт, что в газете была напечатана моя фамилия Герман, рассматривался кем-то как антисоветский или контрреволюционный умысел. Тогда мне еще не была понятна суть этого дела. Розданные газеты с этой заметкой все собрали и, видимо, уничтожили.

Оставалось нам еще два дня работы в поле под палящим солнцем. Не спеша, мы делали привычную работу, всё чаще устраивали перерывы, чтобы сбегать к бочонку с водой, который каждый день привозил дядя Гриша или учётчица Галя. В этот раз мы присели на последний перерыв перед уходом домой. После довольно продолжительной паузы я встала, сказала, что нам надо еще дойти до конца полосы, а то будет жарко. Девочки тут же стали подниматься, как раздалось командирским тоном: «Сидеть!». Это говорил мальчишка из будущего 5-го, по имени

Иван. Девочки сели, а он говорил, что мы еще недостаточно хорошо отдохнули, что мы и так работаем как рабы, что мы не обязаны до смерти пахать для империалистических фашистских господ-угнетателей. Он повторял эту несуразицу еще несколько раз, всё больше входя в раж.

Для меня это был гром с ясного неба. Всё, что он говорил, было против меня. За что? — спрашивала я себя. Что я сделала неправильно? Я работала наравне со всеми, даже больше. Я должна была следить за чистотой прополки, и если замечала где-то оставшийся сорняк, то бежала туда и вырывала его.

Не чувствуя за собой вины, я сердилась только на бригадира, за то, что он меня назначил звеньевой. И было мне жаль, что не знала хорошо русский язык, чтобы хоть как-то ответить этому мальчишке. Молча, понуро мы пошли домой. Рядом со мной шла Дуня, и она, всегда такая тихая, застенчивая, взяла меня за руку и легким пожатием передала мне поток её сердечного тепла. У неё было лицо Мадонны.

Мать сразу заметила моё подавленное состояние. Из моих скудных ответов она все же поняла, в чем дело. «Это всё из-за этой заметки в газете».

На следующий день я не пошла полоть.

Меня перевели на сенокос.

Глава 5

Трава уже была скошена сенокосилками, и большими, в одноконной упряжке граблями сложена в длинные, на всю ширину полосы, валки. Две молодые женщины собирали сенными вилами уже высохшую траву в определенном порядке в копны, а мы за ними сгребали деревянными граблями остатки и складывали их на эти же кучи-копны. С непривычки было вначале трудно поспевать за девчатами, потом втянулась. Позднее Роза и Нюра складывали копны, а я загребала за ними. Мне очень нравилась Роза. В ней всё привлекало не только моё внимание, но, по-моему, внимание всего села. Я бы очень хотела с ней сдружиться поближе, но Нюра этого не допускала, она не отходила от Розы. Нюра была на год старше, но казалась намного более зрелой, чем большинство из нас. Её мать Мария Тимофеевна была член правления колхоза и заведовала колхозным складом. У неё хранились ключи от зерновых амбаров и прочих складских помещений. Занимаемая ею должность принималась всеми как должность заместителя председателя колхоза, и никто с ней никогда не вступал в спор и не перечил ей ни в чем. Дочь её, однако, вела себя довольно просто в общении с окружающими, хотя её осанка, её манера держаться, я бы сказала, была царственная, как у матери. Она была вовсе не глупа, наряду с этим умело и ловко работала в поле, но, что особенно бросалось в глаза, проявляла усиленный интерес к другому полу. Нам много приходилось работать втроём во время сенокоса и уборки урожая зерновых. Иногда я наблюдала, как Нюра о чем-то увлеченно рассказывала Розе, но когда я приближалась к ним со своими граблями, она умолкала. Я воспринимала это как отчуждение от меня. И главной причиной этого я считала мое мизерное знание русского языка.

Был конец августа, когда наш колхоз обязан был доставить с кирпичного завода с. Покровки кирпичи на строительство мельницы у озера районного центра Родино. Перевозка осуществлялась шестью парными упряжками быков. К нам в поле приехала учетчица Галя Шкурко, чтобы набрать добровольцев в это увлекательное путешествие. Никто не изъявил желания. Тогда она спросила каждую в отдельности. Все отказались. Только Нина Лебонда согласилась. Меня же вообще не спросили, я просто была обязана. Маня потом жаловалась, что её мать не позволила ей отлучиться от дома на несколько дней, а то бы она тоже поехала. Мою же мать беспокоило особенно то, что я совершенно не знаю, как обходиться с быками. О том, что я не имею права без

разрешения комендатуры покинуть Кучук, мне никто не напомнил, но слава Богу, всё обошлось. Возможно, колхоз заранее согласовал это с НКВД.

Собрались мы утром на колхозном дворе. Руководил нашей группой инвалид войны Сергей Мезин. Из-за искалеченных обеих ног он был очень маленький. Кроме Нины и меня пришли еще Даша Цапко, она была двоюродная сестра Мани, Галя Горевая (обеим по 18–19 лет) и еще одна женщина постарше. Моя телега стояла между Галей и Дашей, они должны были меня обучить управлять быками, распрягать их и запрягать. Я еще отказывалась взять бич в руки, но меня убедили, что без бича никак не обойтись. Теперь нам предстояла дорога в 25 км. до села Покровка. В моей памяти ничего не осталось, кроме того, что я узнала, какие быки до крайности ленивые животные, и я вынуждена была постоянно подгонять их бичом. При этом, подражая подругам, я восклицала «Цоб-цобе». Долго и скучно тянулась эта дорога.

Наконец-то мы были на месте. Перед кирпичным заводом была большая площадь, уставленная поддонами с окутанными паром кирпичами, которые только что вынули из обжиговой печи. В стороне от площади был сложен большой штабель охлажденных кирпичей без поддонов. К нему мы и подъехали. Начальник распорядился нагружать телеги парами. Мне показалось, что со мной никто не хочет работать из-за моей некрепкой тогда еще комплекции и слишком короткой для работы грузчика юбки. Но вдруг на мое плечо легла рука Даши. Она сказала, что я с ней буду работать. Мы загружали брички с трех сторон штабеля одновременно. Даша поднялась в телегу, я подавала ей кирпичи, и она их укладывала в строгом порядке. После первых четырёх рядов Даша спрыгнула с телеги и укладывала уже снизу, с моей подачи. Она делала мне замечания, чтобы я поменьше кирпичей за раз подавала, чтобы я не так скоро устала, или, не дай Бог, не надорвалась. Я же старалась, чтобы не приняли меня за копушу или за ленивицу. И Даша потребовала брать только по два кирпича. Потом мы привели быков с тяжело нагруженной телегой в движение и поставили её к другим груженым телегам прямо в степи недалеко от кирпичного завода. Даша показала, как распрягать быков, как наложить путы и как их потом снимать. Оказалось всё гораздо проще, чем я ожидала. Стреножив животных, мы отпустили их на свободу на всю ночь.

При загрузке второй брички я прислушалась к Дашиным добрым словам и работала более умеренно. Уже темнело, когда мы отпустили вторую пару быков.

Для ночлега нам выделили помещение, где мои спутницы

сварили картошку и заварили чай. Поужинав, мы предались вполне заслуженному сну. На следующий день предстояло нам преодолеть расстояние в 40 км. до Родино, чтобы в этот же день выгрузить кирпичи. Встали мы чуть свет. До обеда еще мы доехали до нашего Степного Кучука и сделали остановку в центре села, чтобы сбегать домой, сменить одежду на более теплую и, если удастся, пообедать. Наш бригадир остался охранять наш обоз. Дома меня окружили близнецы, им все хотелось знать, где я была, что видела. Им очень хотелось со мной дальше поехать. Мама упаковала мне что-то на дорогу и я надела шерстяные самовязаные чулки.

Собрались мы у бричек почти одновременно, а дядя Серёга успел накормить и напоить быков. До Родино оставалось 16 км. Я теперь ехала вслед за Ниной, которая выпросила у бригадира разрешение на это. Несколько раз мы вставали с телег и шли пешком то рядом с упряжкой Нины, то с моей, подгоняя быков попеременно бичами, и конечно, болтали друг с другом. Так время проходило быстрей. По прибытию к месту назначения всё сложилось не так, как мы ожидали. Телеги пришлось разгружать по одной, время затянулось, и мы вынуждены были ночевать здесь. На следующий день мы вернулись в наш колхоз. Быков мы передали скотникам до следующего утра, до следующего нашего рейса. Вечером ко мне пришла Маня с радостным сообщением — завтра она поедет с нами вместо Нины. Еще до обеда мы приехали к кирпичному заводу, но к нашему огорчению площадь погрузки и штабеля были заняты другими, и нам пришлось ждать. Неудача не приходит одна, говорят. Наши предшественники погрузили в свои телеги последние кирпичи из штабеля… Нам же пришлось грузить кирпичи с поддонов еще горячими. И погода сыграла с нами недобрую шутку. Сильный холодный ветер дул со степи в нашу сторону, неся с собой пыль и мелкие камушки, от которых мы с трудом защищали наши лица. Холодно нам не было, так как тяжёлый труд согревал. Солнце уже зашло, когда мы закончили работу, и заночевали мы снова здесь. После ужина Маня спела несколько частушек и настояла, чтобы я с ней станцевала матросский танец «Яблочко» — под напев наших зрителей.

Еще до рассвета я проснулась от сильной боли в горле. В одной моей бутылке было немного молока, в другой вода. Пока я раздумывала, что мне делать, раздалась команда к подъему. В этот раз мы, не останавливаясь в нашем селе, переехали через красивый деревянный мост нашей реки Кучук и дальше по дороге в степь. Боль в горле усилилась, и я с трудом проглотила последний кусочек хлеба. Погоняющие возгласы «Цоб»

издавались мною в жалком, почти неслышном звучании. Маня хотела, чтобы я сошла с брички и прошлась с ней, но я только качала головой, чтобы она ничего не заметила. С разгрузкой в этот раз не было никаких проблем, в работе я согрелась, и самочувствие казалось совсем нормальным. Теперь надо было как можно быстрее домой. Пока мы разгружали, наш бригадир дал небольшой остаток корма, который был в его бричке, животным, но они остались голодными. На полпути от Родино до Кучука быки уже никак не хотели идти дальше, еле переставляли ноги, на хлестки бичом не реагировали. До деревни оставалось 6 км., и было совсем темно. Бригадир скомандовал повернуть налево в степь, где примерно в 100 м. от дороги виднелся насыпной холм. Этот холм действительно находился точно посередине между Родино и Кучуком и якобы имел стратегическое значение, как я узнала несколько лет позже. Вблизи холма стоял давно заброшенный полевой вагончик на колёсах, в котором мы разместились на ночлег. Я как раз хотела взобраться по висячей железной лестнице в три ступени, когда услышала выкрикнутое моё имя. Я забыла стреножить своих быков. В кромешной темноте, при холодном порывистом ветре я едва могла найти их.

Все ждали меня, когда я пыталась подняться, но первая ступенька была довольно высоко от земли, и я, обессилев, упала. Маня ворчала, а Даша, напротив, спрыгнула на землю и помогла подняться. Она вскрикнула: «Да она же вся горит!». Она и Галя помогли подняться в вагончик. На маленьком раскладном столике горела коптилка, девчата собрали, где и сколько могли соломы, уложили меня и укрыли чьей-то курткой поверх моей, но теплее мне не стало. Меня трясло от озноба всем телом. Теперь уже все мои милые сотрудницы разожгли на улице костёр и нагрели мне в кружке воды с какой-то травой. С большим трудом мне удалось проглотить этот чай. Дверь вагона висела на одной верхней петле, и её невозможно было плотно закрыть. Она не защищала нас от холодного штормового ветра. Железная оконная рама, тоже висевшая снаружи на одной петле, металась от ветра туда-сюда, создавая ужасающий скрежет. И всё-таки, согревшись от целительного чая, я уснула. Когда я проснулась, светил месяц. Так как мне нужно было в туалет, я выбралась из вагона. Все остальные крепко спали, наверно. Ветер еще свирепствовал, так же хлопал оконный проем. Недалеко в степи я увидела наших быков, удивилась, что они в этой пустоши стараются что-то найти поесть. Потом… вокруг меня всё закружилось и мысли пошли кувырком. То я видела себя в Мариентале с родителями, то мы с подругой Маней крутили веялку на току, то с Розой мы танцевали на школьном вечере. Вдруг меня разбудили. Уже было светло.

Маня и Даша помогли мне спуститься. Быки уже все были впряжены в телеги, моя телега была выстлана какой-то соломой или половой, на которую я должна была лечь. Маня осталась со мной, чтобы погонять быков. О её упряжке заботились другие. По дороге Маня мне рассказывала, что я ночью ходила вокруг вагончика и никак не хотела войти, что я говорила по-немецки, и они могли только два слова понять: папа и мама. Когда приблизились к нашему домику, сделали остановку. Галя и Даша отвели меня домой. Через две недели я была совершенно здорова. Теперь не могу припомнить, чтобы я когда-либо еще говорила в бреду.

Потом я опять работала на току, а где-то во второй половине октября началась школа. В первый день занятий нас известили о положении на фронте, о героических поступках наших бойцов и напомнили нам, что мы должны особенно серьёзно изучать военное дело.

Предстоял праздник 25-летия Великой Октябрьской социалистической революции. Чтобы праздник прошел на высоком уровне, следовало подготовить большой концерт. В программу входил литературный монтаж патриотического значения, хоровое пение, театральная постановка и постановка различных танцев. Я пела в хоре и танцевала. Предполагалось подготовить русский народный танец с 16-ю девочками. После первых проб Вера Макаровна предложила Розе и мне подготовить венгерский и татарский национальные танцы. Говорила она еще о танце амазонок, но из этого ничего не получилось. Венгерский танец мы называли балетным. Мы с Розой очень радовались.

В эти дни, в конце октября, до нас дошло потрясающее известие: все немецкие женщины в возрасте 16–45 лет будут мобилизованы в трудовую армию. Элла была очень расстроена и не хотела идти.

«Как это можно? Как они могут меня от моих двух пятилетних детей заставить идти в трудармию? — возмущалась она. — Я не пойду. Я не пойду», — повторила она решительно.

«Но ты должна идти, Элла. Должна, — отец старался говорить спокойно. — И не надо сопротивляться. Это ничего не даст. Ты же знаешь. Собирай спокойно свои вещи. И не беспокойся ни о чем, я же остаюсь дома. Лисбет и твоя мать позаботятся о детях. Сама только береги себя. Мы обязаны делать всё, что нам предписывают. И с этим надо жить».

Элла сидела на табуретке, обняв прижавшихся к ней близнецов. Она не плакала. Безутешно смотрела она перед собой и моргала только своими большими карими глазами. Мать и Лисбет стояли молча, они просто не в состоянии были все это

понять. Беспомощность. Беззащитность. Бесправие.

Вдруг мама сорвалась с места: «А Мария? Может, и её заберут?» — «И Мария», — выдавила из себя Элла. Мы пошли все трое: мать, отец и я. Мария как раз кормила грудью маленького десятимесячного Витю. Он оставил грудь, чтобы посмотреть на нас, и улыбнулся. Мне очень хотелось взять его на руки, но Мария держала его крепко и сказала, что она не пойдет в армию. Немного подумав, она сказала: «Я не верю, что они меня вынудят идти. Они же тоже люди, или как?» Мария залилась слезами. Отец подошел к ней, положил руку на её плечо: «Не возьмут тебя. Не возьмут». Дети, Саша четырех, Лили семи и Маруся десяти лет, слушали молча, не зная, что бы это для них могло значить. Отец и мать обещали ей о детях заботиться, если вдруг придется идти.

Мы хотели зайти еще к тёте Берте (сестра отца), но Берта и Анна были уже на пути к нам, мы их встретили и вместе вернулись к Марии.

Анна (51) должна работать в колхозе, а дочь Берты Алма (4) остается со старой бабушкой Маргарет, которая уже почти не встает с кровати. Мои тётушки не могли больше сдержать слёз и горько расплакались. И им пообещал мой отец не оставить их в беде. Теперь еще стал вопрос, что же с семьей дяди Петера. Его жена Евгения и их двое детей Гелик (7) и Голда (4) жили в селе Сталино, где также проживали мать и сестра Евгении.

Когда я в тот день пришла со школы, Эллы уже не было. Тоня и Иза сидели с Лисбет на полатях. Я всегда любовалась ими, их красивыми темными локонами, их густыми длинными ресницами. И вот сидят они, как два комочка горя. Бабушка Лисбет не в состоянии была мне всё рассказать и повторяла только «Эллы нет. Эллы нет». Я могла себе представить, как моя сестра прощалась со своими детьми.

Потом пришла моя мама и рассказала, что двое мужчин пришли к Марии в дом, велели ей одеться и вывели её к саням-розвальням. Мария кричала изо всех сил, и её дети также. Марию подтолкнули, и она упала на сани. Затем уехали. Через некоторое время Мария вернулась. Она производила впечатление слабоумной и долгое время не говорила ни слова. Потом рассказала, когда они выехали за деревню, она выпрыгнула из саней в снег, умоляя мужчин покончить с её жизнью. Никакого выстрела не последовало, и она лежала в снегу, пока сани не скрылись из виду. Тогда встала и пошла домой. Всхлипывая, мама закончила рассказ.

Потом выяснилось, что эти двое не имели права Марию забирать, потому что младшему Виктору не было даже одного

года. Женщины, имевшие детей до трёх лет, были освобождены от трудармии.

Те двое не знали об этом.

Со временем все немного успокоились, жизнь шла своим чередом. Отец помогал всем как мог, мать много времени проводила у Марии. Близнецы были под полной охраной бабушки Лисбет, они очень радовались каждому письму от Эллы, и мы должны были по два-три раза их перечитывать.

6 ноября состоялось празднование дня Октябрьской революции. Маня читала патриотические стихи, играла в одноактной пьесе на военную тему героическую роль солдата и танцевала русский народный танец. Мы с Розой танцевали венгерский танец, который называли балетным. Наш директор школы обычно сопровождал все танцы на гармошке, но венгерский танец он не смог подобрать, поэтому Вера Макаровна научила группу девочек исполнять мелодию этого танца на «ля-ля-ля». Мы тогда не знали, что это был известный венгерский танец № 5 Брамса, хотя несколько упрощенный. Костюмы мы смастерили с помощью и под контролем наших учительниц.

Концерт прошел с большим успехом. Взрослых было больше, чем детей, зал был переполнен. В следующий школьный день во время перемены мальчишка не из нашего класса назвал нас с Розой балеринами длинноногими. Затем один из двоих мальчишек нашего класса повторил то же самое. Это был Киселев, сам маленького роста, но задирчив. Он не стеснялся даже подраться с девочками. После школы, когда мы шли домой, он увязался за нами и сзади кричал: «Балерины длинноногие». Мы остановились, его ожидая, он отбежал в сторону и крикнул: «Цапли длинноногие». Тут мы погнались за ним. Получилась небольшая драка, в которой он потерпел поражение. Больше он не дразнил нас и не ходил за нами. И Нюра позаботилась, чтобы во время ночных смен по военному делу он не попадал в нашу смену.

Второй мальчик из нашего класса Митя Куценко был очень скромен, никогда не вступал в споры. По состоянию здоровья он был освобожден от ночных дежурств и от военных занятий на улице. Так что службу у нас несли только девочки — вчетвером. Задача наша состояла в том, чтобы ночью, вооруженные деревянными ружьями, мы охраняли школьное здание, стоя на крыльце у входной двери. Школа якобы являлась важным военным объектом, и ночью никто не должен был проходить по школьному двору. При появлении подозрительной личности мы обязаны были её задержать. Кроме этого мы обязаны были топить три школьные печи. Топливо — кизяки — было сложено в

большом сарае. Чтобы растопить печи, надо было от полена отщеплять ножом мелкие щепки. Спичек не было, и мы добывали огонь кресалом (обыкновенный камень-галька и обломок какого-нибудь железа, чаще всего кусочек напильника и клочок ваты или кусочек фитиля). Если же не было кресала, мы шли с ведром или миской в ближайшие хаты, где дымились трубы, и просили там огня. С особым удовольствием вечером мы топили первую печь, которой отапливалось помещение, где мы находились. В этой печи мы поддерживали огонь до раннего утра и жаром из неё разжигали другие печи к началу занятий. В этой же печи, когда уже перегорали кизяки и было достаточно жару, мы пекли картошку, принесённую из дому. Зарывали её в жар и ждали, когда испечется. При этом было важно в нужный момент её выгрести, чтобы она не обуглилась или не осталась сырой. Потом садились мы кружком на наши пальто вокруг кучки душистого обгоревшего чуда и ели вкуснейшую горячую картошку, обжигая иногда пальцы и губы. Запах разносился по всей школе. За это нам директор уже сделал несколько замечаний, но наказывать не стал. И мы пекли картошку во время дежурства. В конце концов, официального запрета не было. После ночного дежурства мы освобождались от занятий и уходили утром домой с черными руками, ртом и носом.

В хорошую погоду, т. е. когда ночью температура не была ниже — 25°, мы частенько нарушали правила нашего военного устава. Глубокой ночью, когда кругом гасли огни, особенно в сельсовете, мы брали из военного кабинета, где хранился военный и спортивный инвентарь, лучшие из имеющихся, кустарного производства, лыжи, крадучись покидали школу и шли к ярку возле сельсовета. Там на горе мы, вначале сидя на лыжах, скатывались вниз и по инерции катились вверх по склону напротив, почти до молоканки. Потом уже мы поднимались до половины горы и становились на лыжи. Очень часто падали, и все-таки к концу зимы нам удавалось с полгоры спускаться, не падая. Когда мы были уже в 7 классе, спускались мы только сверху от сельсовета, но внизу при резком переходе на подъем на противоположную гору, я всегда падала, а моим подругам удавалось взлететь почти до молоканки. Это были ночи! К сожалению, повторялись они редко. При трескучих морозах или в бушующий буран мы строго соблюдали дисциплину (кроме печения картошки) и выполняли наш воинский долг. И вот в какую-то ночь, уже в 7 классе, наш военрук надумал проконтролировать нашу смену… После этого он закрыл на замок военный кабинет, и мы остались только с четырьмя деревянными винтовками. Мы получили предупреждение строго соблюдать

дисциплину. Службу мы несли, как и прежде, вчетвером. Одна из нас была командиром взвода, который назначался военруком, остальные трое были начальником караула, разводящим или сменщиком караула и самим постовым. Между прочим, меня ни разу не назначали начальником… Я же была немка.

Охраняемым объектом была школа с прилегающим двором. Место охраны, т. е. часового, было крыльцо перед входом в школу. Была ясная ночь со скрипучим морозом, когда я уже второй раз стояла на посту. Нина Лебонда принесла с собой на дежурство большую шубу из овчины (тулуп), в которую каждая из нас куталась, выходя на пост. Голову я повязала дополнительно теплым платком, и всё-таки мёрзла. С нетерпением ожидая смену, я хлопала валенками друг о друга, как вдруг услышала скрип снега. Кто-то идет. Взяла ружье наизготовку. Из-за угла школы появилась фигура старого деда. «Стой. Кто идёт!» — дрожащим голосом сказала я. Дед остановился. Не зная, что дальше говорить, произнесла: «А то стрелять буду». Дед испуганно посмотрел на меня, потом назвал меня «чучело гороховое» и пошел дальше. Я повторила уже строго: «Стой, а то я должна стрелять». Остановился, смерил меня оценивающим взглядом и сказал, что он идет домой. Оказался он дедушкой моей одноклассницы Нины, с которой мне тоже приходилось быть в ночной охране школы. Её дедушка ничего об этом не знал, и я ему объяснила обстановку, потом спросила, всё ли он понял. Он взял под козырек, повернул направо и пошел по дороге мимо школьного двора. После этого военрук объявил мне благодарность за бдительность. Это было в конце 1943 года, мы были уже в 7 классе.

Глава 6

Вернемся еще раз в год 1942. От Эллы получили мы уже несколько писем. Её прежде всего интересовали дети, и я хорошо могла себе представить её состояние вдали от них. Она писала и о своей жизни в трудармии. Все женщины, проживавшие в Родинском районе, были направлены на содозавод, что недалеко от Кулунды в Алтайском крае. Занимались они тем, что брали с замерзшего озера, называемого «Солёное», глыбы наколотого льда, грузили на сани и доставляли их на содозавод для переработки. Берта, Евгения и Элла работали вместе и жили в одном бараке. Они не охранялись и могли свободно передвигаться. Совсем рядом были пустующие бараки, огражденные колючей проволокой. Позднее их заселили военнопленными. Они работали под надзором. Тётя Берта

попросила Эллу взять на себя переписку с её семьей, так как она писала очень неразборчиво. И Элла писала письма её четырехлетней дочери Алме, её матери Маргарет и сестре Анне. В этот период жизнь была до некоторой степени сносна. Отец ходил то с Марией, то с Анной в правление колхоза, чтобы просить что-нибудь на питание или корм для коров. В прошлое лето все семьи вырастили на своих небольших приусадебных участках картофель, хорошо уродившийся, и немного овощей. К сожалению, у нас не было погреба и не было кладовой, чтобы сохранить снятый урожай. Еще до морозов, наверное, в сентябре, когда и женщины еще были дома, отец выкопал во дворе глубокую яму для хранения картофеля. Её сначала накрыли слоем соломы, затем землей, и еще раз соломой и землей. У Марии тоже закопали картошку, однако, не на дворе, а в пригоне. Теперь же в конце ноября — начале декабря наступили свирепые морозы, и отец беспокоился о картошке. Между тем, прохудились мои валенки, их надо было подшить. И с этим справился мой папа. Для подшивки использовались чьи-то старые изодранные, но с уцелевшими голенищами. Долгими зимними вечерами мы часто сидели при свете коптилки у стола, и отец чинил наши валенки. Никогда я не думала, что он может сапожничать. Он очень изменился, сильно похудел, щеки его запали. С потускневшими, глубоко запавшими глазами он напряженно протягивал дратву через подошвы валенок. Мать вязала для всех тёплые вещи, а бабушка Лисбет то играла с Изой и Тоней, то рассказывала истории из Библии, или они просто смотрели, как дедушка чинит валенки.

От Адольфа Шнайдера редко приходили письма, и он еще не знал, что Элла в трудармии. Он был вместе с Александром Цвингером, с дядей Петером, с Сашей Роором и Мартином Зальцманом в тайге на лесозаготовках.

Из Эллиных писем мы узнали, что дети Петера остались в Сталино с бабушкой — матерью Евгении, и жили они вместе с семьей сестры Евгении — Берты Шейерман, у которой была годовалая дочь, поэтому в армию её не взяли. Там же и жила Фрида, моя бывшая одноклассница. Более-менее всё уладилось. Все были живы.

Я училась в 6-ом классе, уже втянулась в школьную жизнь. С моими соученицами сложились хорошие отношения. Что касается учебы, то она отступила на второй план. Я привыкла получать тройки, иногда и двойки за диктант, даже по математике не всегда выполняла задания, не говоря об устных предметах. Для этого не было книг, и уже не было интересно. Я считала, что самое главное — это знание русского языка, которого у меня нет.

Иногда отец проверял мои знания и находил, что я сильно сдала, однако считал, что не оценки главное, а знание.

На одной из перемен Роза спросила меня, не могла бы я прийти к ней на день рождения 18 декабря. И глядя на меня, шепнула: «Только ты». Моя мать встревожилась, когда я сообщила ей об этом. «Что же ты Розе подаришь?» — спросила она. «Ничего», — ответила я. До дня рождения оставалось еще несколько дней.

Когда я 17 декабря пришла из школы и вошла в сенки, я взяла, как всегда, веник и смела снег с валенок. Вдруг открылась дверь в комнату. Я страшно испугалась, увидев полный хаос в нашем жилище. Все наши вещи были разбросаны вокруг. Посреди комнаты стоял наш сундук, с откинутой крышкой и пустой. Наша одежда, белье, посуда, постельные принадлежности и одна разорванная подушка разбросаны в двух наших комнатах. Моя гитара тоже лежала на полу. Молча я стояла перед своей мамой, а она спрятала свое лицо в фартук, не в силах вымолвить ни слова. Лисбет шепотом, с заплаканными глазами, дрожащими губами читала молитву. Мария была здесь, она стояла спиной ко мне у печи. В голове моей проносились догадки, которые я внутренним криком «Не-ет!» отталкивала. Потом я спросила, как могла, спросила: «Мама, а где папа?» Она обняла меня, прижалась и сказала, что его забрали. Его арестовали. На мои вопросы почему и за что, никто не мог ответить. Никто не знал. Потом мать сказала, что он сейчас еще в сельсовете, и я могу ему отнести что-нибудь покушать на обед. Мать подошла к плите, что-то завернула в полотенце, и я помчалась… Рывком открыла дверь и оказалась в прокуренном помещении, битком набитом людьми. Отец сидел за столом у окна со сложенными на коленях руками. Я рванулась к нему. Тотчас меня какой-то мужчина, наверно из НКВД, оттолкнул назад. Он взял у меня узел с тарелкой, с чем-то еще и поставил перед отцом. Я в упор смотрела на папу, он кивнул мне и сказал, чтоб я успокоилась, что он скоро вернется, так как ни в чем не виноват. Сотрудник НКВД приказал ему молчать и встал перед ним так, чтоб я отца не видела. Да и толпа, которая немного расступилась при моём появлении, опять сомкнулась. Люди в сельсовете смотрели молча, каждый перед собой. Только некоторые бросали на меня короткие взгляды и отворачивались. Я стояла у двери и прислушивалась к звукам, который издавал отец, принимая пищу. Потом мне принесли посуду и легким толчком в спину выпроводили меня. Я больше не видела своего отца. Никогда.

Позднее мы узнали, что его в наручниках, с руками за спиной, увезли сначала в Родино, оттуда в Кулунду. Об этом

рассказал нам молодой парень, который в то время был в Кулунде. На обратном пути оттуда он встретил эскорт с моим отцом. Мы спросили, не видел ли он ноги отца, может, и ноги были в кандалах. Нет, он не видел. А у меня все вертелось в голове: «За что? За что?»

Когда я вернулась из сельсовета, у нас была тётя Анна. Все были заняты уборкой, не переставая плакать. Я должна была рассказать всё, что видела и слышала в сельсовете. «А папа сказал, что он скоро вернётся, что он ни в чём не виноват», завершила я свой рассказ.

После обеда состоялся семейный совет. Теперь в нашем доме остались две старые женщины, две пятилетние девочки и я.

Прежде всего, мне хотелось бросить школу. Я думала, этим окажу большую поддержку матери и Лисбет, которые обе не говорят по-русски, обе слабого здоровья и, в общем, уже старые. Только я заявила об этом, как одновременно Мария и Анна произнесли: «Нет!», и сказали, что обещали отцу дать мне возможность учиться, пока Элла в трудармии. И чем бы я теперь, зимой, могла заниматься в колхозе, а после школы, дескать, всё равно все лето, пока снег не выпадет, работаю в поле. Твердо было решено, что я буду ходить в школу. Тогда я пожелала утром рано, до школы, воду из колодца брать и очищать пригон от навоза, чтобы помочь матери. И это предложение было отвергнуто, а осталось только воскресенье, когда я постоянно носила на коромысле воду из колодца, наполняя все имеющиеся бачки и вёдра.

Моя мать мне показала протокол обыска, который и теперь у меня хранится. Один работник НКВД и два гражданских лица провели домашний обыск. Забрали они Библию, молитвенную книгу и 23 письма, написанных готическим шрифтом (старонемецким), и все они были адресованы бабушке Лисбет. Маленькую молитвенную книжку в костяной обложке мать всегда носила в кармане фартука. Во время обыска она её сунула незаметно одной из близнецов. Они обе спрятались за дверь и там громко ссорились из-за неё. Если бы обыскивающие хоть слово понимали по-немецки, они бы и её забрали (к сожалению, она после смерти моей матери потерялась).

В этот день, в день ареста моего отца, молились наши женщины за него по одной этой оставшейся книжке. Я верила в его слова, что он невиновен и скоро вернется. Было непостижимо и невероятно, что его арестовали.

Мама проводила меня на следующее утро в школу с наилучшими пожеланиями. В классе уже все собрались, когда я вошла, но на мое приветствие никто не ответил. Этого я не

ожидала. И все делали вид, будто чем-то заняты, никто и не замечал меня. Маня… Маня пересела на другое место. Со мной никто не сидел. Я осталась одна. В голове все смешалось, одна мысль сменяла другую. Я не знала или не хотела знать, как расценить все это. Прежде всего, я никак не могла понять, что Маня меня оставила. До конца всех уроков я сидела одна. За весь день никто не обмолвился со мной ни словом и никто ни разу не обернулся ко мне. Почему я не ушла? Из трусости? Или наоборот? Но в эти часы я приняла твердое решение оставить школу навсегда. Я неподвижно сидела и ждала, пока все покинут классное помещение. Еще немного посидела. Когда я вышла в коридор, то глазам своим не поверила. В коридоре стояла Роза и ждала меня. Некоторое время мы безмолвно стояли друг перед другом… Рука в руку мы пошли домой. Роза хотела, чтоб я с ней пошла к ним домой. У неё был день рождения. Я отказалась, ссылаясь на дело с моим отцом. Роза возразила, что всё знает, что для неё это не имеет никакого значения. И она пошла со мной спросить разрешения у моей мамы. Мать не надо было уговаривать, она даже обрадовалась Розиному приглашению. Из сундука она достала оставшуюся после Мариенталя декоративную фарфоровую шкатулку в виде светло-зелёного огурца с пупырышками, лежащего на большом огуречном листе. Огурец имел продольный разрез и белую полость. Особую красоту изделию придавало глянцевое покрытие. Это был подарок для Розы. Ей он очень понравился. У неё дома нас встретили её мама Анастасия, их невестка Антонина Фёдоровна и Вера, племянница Розы и наша одноклассница и подруга. Все меня тепло встретили, выражали глубокое сострадание и находили слова убедительного утешения и ободрения. Они как будто сняли тяжесть с моих плеч, тяжесть чувства вины за моего отца. За этот день я и сегодня благодарна этой семье, семье Шевченко. И этот день укрепил нашу дружбу с Розой.

Обе девочки, Роза и Вера, были хороши собой и считались в Кучуке лучшими во всех отношениях. Но Вера тогда выглядела намного моложе Розы и нас всех, хотя мы были всего на год старше.

У Розы были красивые каштановые волосы до плеч и большие голубые глаза, обрамлённые длинными ресницами. Красивый овал лица и ровные сверкающие белизной зубы придавали её внешности особую привлекательность. К тому же, она была прекрасно сложена, высоко держала голову на своей действительно длинной и красивой шее. Своей лёгкой плавной походкой она отличалась от всех нас. Роза всегда внимательно слушала собеседника, не перебивая и не говоря лишних слов.

Если же она чувствовала себя кем-то обиженной, если была задета её честь, то Роза сама себе была лучшей защитницей, она не давала себя в обиду. Я восхищалась Розой за это. Сама же я была совершенно лишена этой способности — постоять за себя.

Роза появилась на свет, когда её матери было 53 года. Отец её умер, когда ей не было и пяти лет. Жили они в Кучуке, а после смерти отца уехали на Украину к родственникам. В первые дни войны они приехали в Кучук, где жил брат Розы Григорий Шевченко с женой Антониной и дочерью Верой. Брат ушел на фронт, и вот они жили вчетвером одной семьей. Их деревянный дом с деревянной крышей и деревянным полом был самый красивым домом на участке колхоза им. Свердлова. В их дворе стояли пять крепких ветвистых тополя. На другой стороне двора начинался огород, простиравшийся по отлогому склону вниз, почти до самой речки. Узкая тропинка вела вдоль огорода до самой реки. Много прекрасных дней, даже ночей, я проводила с девочками (больше с Розой вдвоем) в этом дворе, в этом доме. И вспоминала при этом Мариенталь.

Первую книгу из художественной литературы я получила от Розы. Это была первая книга, которую я читала на русском языке — «Дикая собака Динго».

Антонина Фёдоровна, мать Веры, была учительницей начальных классов. Она получала продовольственный паёк и, тем не менее, их семья тоже едва сводила концы с концами.

К празднику Нового 1943 года в нашем колхозе раздавали понемногу зерна, хотя и не совсем очищенного, и жмых, причем подсолнечный, который для нас в те годы был особым лакомством. Моя мать боялась, что ей и мне ничего не дадут, так как отца нашего признали врагом народа. Бабушка Лисбет никак не могла с этим согласиться и убедила меня пойти с ней в правление колхоза. По пути мы встретили мою сестру Марию. С трудом переставляя ноги, она тянула за собой санки с небольшим узлом. Смотрела она только на дорогу перед собой, а на лице светилась радостная улыбка. Нас она заметила, когда мы уже вплотную подошли к ней. Сияя улыбкой, показала она на узел и пояснила, что всё это дали ей и её детям.

Не совсем уверенно мы встали в очередь и, к нашей радости, получили столько же, сколько и остальные, во всяком случае, таково было впечатление. На нашей, отцом изготовленной, *рушалке* — ручной мельнице — мы перетёрли (перемололи) зерно. В первый же день наши бабушки испекли хотя и хрустящие, но очень вкусные лепешки. А жмыха мы могли наесться досыта. Близнецы подолгу жевали, высасывали масло, а выжимки выплёвывали. Я же проглатывала всё.

Уже в начале января закончился наш домашний запас картофеля. Часть картошки была закопана во дворе, но нам от этого не было пользы. Как всегда в Сибири, стояли в январе трескучие морозы и вряд ли бы нам удалось расколоть замерзшую землю. Корова тоже перестала доиться. Слава Богу, наши женщины успели заморозить несколько мисок молока и заготовить немного масла. Но без картошки дело не шло. Того зерна и жмыха надолго не хватило. Мария и тётя Анна предлагали немного картошки взаймы. Нет, не хотели мы этого. Дотянули до конца января и взялись откапывать картофель. Ольга Цапко принесла нам свой лом, сама сделала несколько ударов, показывая, как им пользоваться. Теперь Мария взяла лом, а я топор. Вместе мы со всей силы колотили по ледяной земле, только осколки разлетались вокруг. Мария заметила, что чистый лёд было бы гораздо легче разбивать, чем эту землю. Мама, Лисбет и близнецы стояли в стороне и смотрели. Очень уж медленно мы продвигались вперед. Когда мы с Марией сильно устали, сменили нас на короткое время Лисбет и мать. Лом был очень тяжелый, и Лисбет не смогла его поднять, а мама поднимала его невысоко и упускала из рук… Очень долго, как нам казалось, мы разбивали землю и все-таки докопались до соломы, которую мы без труда удалили.

Следующий слой земли был только сверху замёрзшим, дальше мы копали лопатами. Девочки и Лисбет были уже давно дома, когда мы удалили последний слой соломы и увидели картошку, от которой шел легкий пар. Она хорошо сохранилась и выглядела как сразу после урожая.

Моя мать уже подготовила мешки, она знала, сколько ведер картофеля закопано и сколько надо оставить на посадку. Быстро я наполняла ведро и подавала его наверх матери. Когда мы, наконец, справились с этим, было уже почти темно и мороз крепчал. Мария принесла охапку свежей соломы из пригона и бросила на оставшуюся в яме картошку, затем старую замерзшую солому, потом землю, еще раз солому и напоследок замерзшие комки и осколки. Уже вечером мы составили калькуляцию, на какое время нам хватит картошки. Если готовили кушанье из картофеля, то очистки делались потолще, чем обычно, мы их чисто мыли, отваривали и пропускали через мясорубку. Это смешивалось с мукой, и пеклись лепешки. Наши жевательные навыки пришлось изменить, чтобы не хрустело на зубах.

Зима сменилась весной, земля растаяла, и подошло время готовиться к посадке картофеля. К нашему большому несчастью, картошка в яме замерзла. Когда я в тот день пришла из школы, мама стояла возле ямы и горько плакала. Большую часть

картофеля можно было просто раздавить, меньшая часть была сверху приморожена, её можно было частично применить в пищу. Для посадки же ни одной картофелины не осталось.

Теперь моя мать и Лисбет тщательно перебирали все наши вещи, чтобы найти что-то для обмена. На этот раз этим чем-то оказались привезенные из Мариенталя четыре тюлевые гардины в форме буквы М, к ним еще прилагались маленькие занавески с мережками и кружевами, которые моя мать много лет назад сама смастерила и которыми наши родственники и знакомые всегда любовались. Они днем раздвигались, а вечером задвигались, закрывая нижнюю часть окна. Молнией промелькнули у меня в голове картины из нашего Мариенталя. Теперь же они белоснежные, накрахмаленные, выглаженные и в линейку сложенные лежали у матери на коленях. К ним добавили еще по два пододеяльника и наволочки с мережками и прошвой. Они надевались только к праздникам Рождества и Пасхи.

Весь вечер я пересказывала по-русски печальную историю с нашей картошкой, чтобы моя мама и Лисбет смогли объяснить её по-русски, но они запомнили только несколько отдельных слов. Пока я была в школе, пошли мама, Лисбет и девочки с двухколёсной тачкой по участкам колхозов им. Ворошилова и Карла Маркса менять взятые с собой вещи. Когда они вернулись, тележка была полна, в основном, картошкой. В полном замешательстве от радости они, перебивая друг друга, поведали о своей коммерческой удаче. Некоторые люди, правда, уходили сразу, только услышав немецкую речь. Другие же с благодарностью выменяли постельное белье. Многие восхищались близнецами за то, что они такие хорошенькие, за то, что их невозможно отличить друг от друга. Им хотелось поговорить с ними и узнать, кто же их родители и с кем они живут и в каком доме. И люди приносили картошку или другие продукты просто из сострадания. Объяснялись в основном жестами и отдельными словами. Таким образов, вышли и на меня, дескать, видели Лиду-немку в школе на концерте.

Для посадки мы картошку, которая помельче разрезали пополам или на четыре части, от крупной отрезали кусочки с глазками. Теперь подготовленная картошка должна полежать и пускать ростки. За это время земля на участке возле избушки-хижины перекапывалась и рыхлилась граблями. Проросших семян хватило, чтобы засадить участок.

Возле нашего деревянного дома земля была скорее болотистая, и картошка не родила, поэтому мы летом жили в хижине, а зимой в доме поближе к школе и с окнами, пропускающими больше света. Хотя теплее было в избушке.

Еще одно отступление в зиму 1943 г.

После зимних каникул началась подготовка к 25-летию героической Красной Армии — 23 февраля. Школьный хор, в котором и я участвовала, подготовил несколько песен на военную тему, по-моему, мы пели «Три танкиста», «Катюшу» и «Вася-Василёк»…

В программу включались и наши танцы, но на первом месте стояла театральная постановка. В одноактной пьесе повествуется о немецком офицере, который переоделся в гражданскую одежду и попал в русский плен. При распределении ролей Мане досталась роль героя-ефрейтора. Осталась только роль фашиста, которую никто не хотел играть. Тут же приняли решение, что эту роль должна сыграть я. Эта новость привела мою мать, прямо скажем, в удрученное состояние. Однако, через некоторое время она смирилась и ей пришла идея надеть на меня костюм моего отца для этой роли. Накануне нашего выступления мать достала из сундука черный костюм из шевиотовой ткани, который моя сестра Элла несколько лет назад перелицевала, так как смотрелся он порядком изношенным. Теперь же можно было его принять за новый. (Примечание: этот костюм моя мать ни на какие богатства не стала бы менять. Она твердо верила, что её муж вернется и будет носить его.)

Не так-то просто было тогда мне представлять фашиста в костюме моего отца. Мать постоянно плакала, погруженная в воспоминания. Штанины брюк она завернула внутрь и закрепила их. При примерке заложила она мне небольшую подушку в брюки, чтобы лучше держались, и затянула ремнём. Рубашка и жакет с подвёрнутыми рукавами привели всё в более-менее сносный вид. Откуда-то достали наши бабушки картуз (наверно, Адольфа, мой отец не носил таких фуражек) и натянули его на мои скрепленные на голове косы. Лисбет подала мне складное зеркало для бритья, принадлежавшее моему отцу, чтобы я посмотрела, как выглядит фашист. Девочки смотрели на меня, а мать предупредила, чтоб я не так широко таращила глаза перед публикой. Примерка всех удовлетворила. На следующий день всё упаковали и завязали в платок. В школе мне еще нарисовали сажей усы.

По сценарию немец находился в каком-то подвале разбомбленного дома, там переоделся и нашел банку мармелада или варенья и от голода съел всё, что в ней было.

У нас в доме не то что варенья, ни одной баночки не было. Роза пообещала мне принести банку (0,5 л.) натертой моркови. У нас же не было уже ни моркови, ни свеклы.

С большим аппетитом съела я морковь перед публикой. Я

ведь тоже была голодна. В заключение большого представления мы с Маней сыграли еще скетч. К этому времени Маня, видимо, забыла про свое недоверие ко мне и сидела опять со мной за партой. В скетче она играла дурашливого слугу, а я умную госпожу с немецким акцентом. Все прошло наилучшим образом. Публике все очень понравилось. По дороге домой Маня мне поведала, что она слышала. Татьяна Ивановна, наша классная руководительница, упрекнула ответственную за проведение праздника в том, что мне дали сыграть этого немца, что я его слишком симпатичным представила.

В последующих театральных постановках я играла только женские роли.

Глава 7

Учеба в 1943 году подходила к концу, оставались еще экзамены, а там каникулы. Все мы знали, что для нас значит это манящее слово *каникулы:* это робота на полях до следующей зимы. А мы радовались окончанию учебного года. И когда совсем неожиданно в наш класс вошёл директор школы и спросил, кто хотел бы вместо экзаменов работать в поле, мы с восторгом отреагировали. А на вопрос Мани, как же мы без экзаменов перейдем в 7-ой класс, директор ответил, что будем переведены без экзаменов.

Оказалось, в разгар посевных работ в нашем колхозе Свердлова, к несчастью, сломалась сеялка и потребовалась срочная помощь. Поэтому мы (частично, или весь класс?) оказались на посеве зерна. Для посева применили огромную борону в двуконной упряжке. В первый наш рабочий день четыре девочки, в том числе и я, направлены были непосредственно на посев. С нами были еще две взрослые молодые женщины. Мы получили по мешку примерно с 8 кг. зерна, который повесили каждой из нас наискосок через плечо. Последовала короткая учебная тренировка: быстрым движением правой руки брать из мешка полную руку зерна и с размаху широко разбросать перед собой на пахоту. Затем мы встали рядом друг возле друга на борону, левой рукой держа мешок открытым, чтобы удобно было брать зерно. При этом требовалось твердо стоять на ногах, чтобы не терять равновесие, потому как не было никакого ограждения на бороне и держаться было не за что. Мальчишка-погонщик натянул вожжи, присвистнул, и лошади потянули борону с группой сеяльщиц по пашне. По краям пашни были расставлены большие мешки с посевным зерном, чтоб мы могли пополнять наши опустевшие мешки. Была холодная весенняя погода с

ветром, и руки мёрзли. К вечеру мы все очень устали, были совершенно обессилены. От однообразной нелёгкой работы я едва могла поднять правую руку. Назавтра нам дали выходной, нас заменила другая группа… В памяти остались только два таких рабочих дня, к счастью, отремонтировали настоящую сеялку…

Самая приятная работа на селе — это сенокос, прежде всего, благодаря несравненному запаху свежескошенной травы. Мы шли по лугу босиком, тянули за собой сенные вилы или грабли или же несли их на плечах. Валок за валком сгребалось и складывалось сено в копны. Голубое небо, сверкающее солнце, чистейший, слегка душистый воздух и трель круто в небо взлетевшего и недвижно парящего над нами жаворонка! Часто завороженно восторгались мы этой красотой в бескрайней степи.

В послеобеденные часы одного из летних дней приехал в поле наш бригадир с печальным известием. Известие было для меня. Муж моей сестры Эллы погиб в трудармии, в тайге. Меня как громом ударило. Я не могла сказать ни слова. И не могла себе представить, как близнецы будут реагировать, когда узнают, что их папа больше не вернется. Бригадир отпустил меня домой и назавтра. Лисбет и моя мать только тихо плакали, но девочкам пока ничего не сказали, и я это одобрила. Мы же, взрослые, убеждали себя быть терпеливыми, не падать духом. Шла война, и люди погибали не только на фронте. И нам надо идти по жизни дальше, какова бы она ни была.

Всё лето я пробыла в поле. Лагерь наш (мы называли его просто «бригада») расположен в пяти-шести км. от села. Небольшой рубленый дом с деревянным полом имел одно-единственное помещение, в котором мы, при холодной погоде, все спали, и в котором было расставлено 20 деревянных односпальных коек. Дом имел сбоку пристройку с отдельным входом, там размещалась кухня.

Лето в Сибири хотя и короткое, зато очень жаркое, и мы все лето почти спали во дворе под открытым небом. Из охапки сена, домашней подушки, и что у кого было, каждый устраивал себе спальное место. После длительного рабочего дня спали очень хорошо. Еще задолго до восхода солнца нас будили, и мы шли в поле, работали до наступления обеденной жары и возвращались в бригаду. После обеда нам иногда разрешали гнать лошадей к реке на водопой и на купание. И конечно же, верхом. Недолго нам надо было тренироваться, чтоб без седла, на едва взнузданной лошади сначала рысью, затем галопом скакать по степи до реки и обратно. Рабочие лошади были очень послушные, и проблем не было, кроме одной, о которой лучше умолчать. Было очень весело, хотя я первой никогда не приходила. Может быть, мне

лошадь доставалась не из лучших?

После 3-х — 4-х часового перерыва мы шли опять копнить сено.

Сенокос закончился, и начиналась уборка урожая. Хлеба тогда скашивались косилками простой конструкции, называемыми лобогрейками. В первые дни уборки привозили в тот год из села женщин постарше, имевших опыт вязания снопов. Мы за ними загребали остатки колосьев. Ловко работали эти женщины, и мы любовались расставленными по полю снопами. Но недолго женщины работали в поле, их надо было пораньше отвозить домой, где их ждали дети, скотина. А мы собирали вилами маленькие копёшки, сброшенные рядами с площадки лобогрейки, в большие копны.

Лето прошло, и прохлада ночей вынудила нас снова перебраться в избу на ночлег. Кровати все были заняты взрослыми. Нюра, конечно, тоже получила койку, а через некоторое время оказалась еще одна свободна для Розы. Остальные, как нас кто-то назвал, недоростки распределили свои спальные места на полу. Мы с Розой сразу выбрали место между дверью и первой кроватью в правом ряду, на которой спала Галя Горевая, довольно крепкого сложения девушка, года на четыре старше нас. Галя не только безотказно и хорошо работала, она была первая шутница на селе. У неё что ни слово, то шутка, и вся она светилась добродушием. И Галя была наша всеобщая любимица.

После того, как Роза перебралась на койку, со мной рядом спали Дуня или Маня, а то и обе. А впоследствии Роза снова перебралась сюда, т. к. в койках водились клопы. Остальные подростки спали в одном ряду между печью и кроватью поварихи. Бригадир устроился на кухне.

В ранние часы, когда мы выходили на работу, было уже совсем холодно, и большинство обували ботинки или сапоги. Я же оставалась босиком, чтоб сохранить ботинки для школы. Все мы работали летом босиком и у всех ноги почти до колен были исцарапаны, пятки тёмного цвета из-за отсутствия мыла и воды. Особенно неприятны были занозы — вонзившиеся в кожу колючки или мелкие щепочки и осколки. Часто приходилось выдергивать занозы у себя или друг у друга. Одна у меня засела глубоко в пятке, и ни я, и никто из девочек не смог её выдернуть. Пятка загноилась, и образовался большой нарыв. На пятку я вообще не могла наступить. Повариха, как оказалось, была и нашей санитаркой. Она лечила мою загноившуюся пятку компрессом из разжеванного черного хлеба с чесноком. Но ходить я не могла. Домой меня не пустили, а перевели на лёгкий труд. Я

должна была крутить точильный агрегат — точилку.

Дед Грицык был единственным специалистом по заточке кос для сенокосилок и лобогреек. Он точил длинные с остроугольными зубьями косы для лобогреек, сидя перед точильным кругом, я сидела напротив и крутила этот круг, поливая его периодически водой. Между делом пятка зажила.

Наконец-то мне передали радостное известие. Элла вернулась из трудармии. Оказалось, она просто сбежала. Когда она узнала, что отца нашего арестовали, а это было в конце прошлого года, она потеряла покой. Ей казалось, что её дети, её мать, Лисбет и сестрёнка, тогда еще ребенок — все теперь пропадут. И она решила бежать, другого выхода не видела. Поделилась с Бертой и Евгенией. Они тоже не знали, чем ей помочь. А как бежать? 120 км. при стоявших тогда лютых морозах? Да еще в степи? Это было немыслимо.

К этому времени Евгения получила от управления содозавода разрешение взять к себе в трудармию своих двоих детей Гелика и Голду. И ей привезли детей из Сталино, где они жили с бабушкой. Теперь они жили вместе со всеми в одном бараке. А как теперь Элле попасть домой к своим детям? Это оставалось большой проблемой. Наступила весна, а с ней и бездорожье. О том, чтобы пройти по сплошь покрытой жидкой грязью дороге в степи, нечего было и думать. И лето оказалось неподходящим. И было решено в начале осени осуществить план побега, когда больше всего людей в дороге и легче остаться незамеченной. Известие о смерти её мужа ускорило это событие. К счастью, женщина-комендант лагеря проявила сочувствие к Элле и даже помогла ей в совершении побега, снабдив её продуктами питания на дорогу. (В этом Элла призналась мне несколько десятилетий спустя.) В конце августа Элла ночью постучала в окно своего дома. Утром рано Лисбет попросила бывшую сотрудницу Эллы, её швею, Анну К. срочно прийти к нам домой. Она и отправилась к председателю колхоза тов. Кондрику и объяснила обстановку. Тот очень обрадовался возвращению Эллы и, хотя с некоторыми опасениями, обратился к районным властям с просьбой оставить Эллу в Степном Кучуке как весьма нужного специалиста. Через 2–3 дня она уже была в своей мастерской.

Меня отпустили на два дня домой. Я радовалась несказанно, увидев сестру. В сущности, она была главой нашей семьи, и она всегда находила выход из затруднительных ситуаций.

На следующий день топили плиту только полынной пустошью, чтобы приготовить из золы щёлок для купанья и мытья головы. Купались Элла с дороги и я с поля. В этом щёлоке потом стиралась одежда.

Был солнечный теплый день. Я сидела во дворе на берёзовом чурбане, сушила волосы после мытья и вычёсывала частым роговым гребешком вшей, от которых в те годы вряд ли кто мог избавиться. Вши падали на кусок газеты и потом выбрасывались в огонь. Вдруг появилась передо мной наша учётчица Галина Шкурко. Это было так неожиданно, что я испугалась. Она же восторгалась моими волосами, сказала, что они блестят на солнце как шелк. Я ответила ей в шутку, что на вшей это не производит никакого впечатления. Внезапно она заявила, чтоб я с ней пошла «Куда? У меня сегодня выходной, я завтра приду на роботу». Она же настаивала, чтоб я собралась по-быстрому, что я поеду в Кулунду. На мой вопрос, что мне делать в Кулунде, она ответила, что я буду сопровождать зерно для сдачи его государству. Я не могла понять, что все это значит. Она объяснила, что нашему колхозу выделили две грузовые автомашины, чтобы как можно быстрее вывезти зерно для фронта. Она еще сказала, что Дуня Бут и Яшка Соляник уже несколько дней там, и я тоже останусь там дней на пять. Я буду помогать разгружать машины. Собственно, мне ведь нельзя ехать в Кулунду, потому что я немка. Железнодорожная станция Кулунда, где производится прием зерна со всего Алтайского края и откуда оно развозится по всем направлениям, расположена в 120 км. от Степного Кучука. А мы, немцы, не имели права выехать из села даже на 5 км. без разрешения комендатуры. Но Галя заявила, что тов. Кондрик все с комендатурой согласует. Я поинтересовалась, что я буду кушать и где спать. Моя мать стояла рядом и с недоумением смотрела на нас, так как кроме слова Кулунда ничего не поняла. Я объяснила ситуацию и спросила, есть ли у нас что-нибудь с собой взять. Она покачала головой. Галя объяснила, что Дуня и Яшка квартируют у какой-то женщины по договоренности с колхозом, что они там якобы и кушают. Галя поторопила меня, потому что груженая машина уже ждала. Мама упаковала мне что-то из теплых вещей, а также едва съедобную лепешку и бутылку молока. Кроме того, она сорвала с куста четыре совершенно зелёных помидора. Со слезами на глазах она передала мне узел. На прощание она только смотрела на меня с дрожащими губами. По дороге к колхозному двору Галя еще раз объяснила, что я назначена как сопровождающая, т. е. для охраны зерна, что меня весьма озадачило. Водитель сидел один в кабине, никто не сказал, где мне занять место, я и взобралась в кузов, до краев наполненный первоклассной пшеницей. Прежде всего, я повязала платок на чисто вымытые и ветром растрепанные длинные волосы. Ноги я зарыла в пшеницу, достала зимнюю куртку из узла и накрыла плечи. Мне было тепло и даже

как-то уютно. По ухабистой грунтовой дороге грузовик наш поднимал непроглядные клубы пыли, тянувшиеся далеко за нами.

Наступили сумерки, и меня охватили тревожные мысли. Когда мы приедем в Кулунду? Наверно, уже ночью. И где я найду Дуню? Все как-то неопределенно. В общем, поездка в неизвестность. Всячески старалась себя успокоить, подбодрить. Еще не до конца упорядочив свои мысли, заметила я, что грузовик свернул с дороги направо и остановился. Я выбралась из своего уютного укрытия и увидела солидный деревенский дом, наверно, новый, каких я до этого здесь не видела. На крыльце стояла молодая, хорошо одетая женщина. Водитель вышел из кабины и сказал, что мы здесь переночуем. И добавил, что утром рано мы уже будем в Кулунде. И он исчез с женщиной в доме. А мне мало-помалу стало понятно, что значит охранять зерно. И что эту ночь мне придется провести на улице. И снова тревожные мысли. А что, если они станут воровать зерно? Как мне реагировать? Что же делать? Совсем недолго я так раздумывала, и на крыльце появилась женщина. Она улыбалась и пригласила меня в дом, чтобы поужинать и переспать. Я тут же отказалась. Уже не улыбаясь, она сказала только: «Как хочешь». И закрыла дверь изнутри. Итак, мне надо опять устроиться в пшенице и спать при восходящей луне под открытым небом. Двор, на котором стояла машина, не был огорожен, и вокруг не было видно ни одного дома. Но издали доносился собачий лай, отсюда я заключила, что дом стоит на окраине села. По нужде я спустилась вниз и быстро опять взобралась на машину и зарылась в зерно, достала один помидор, пол-лепешки, молоко и поужинала. Убежденная, что все сделала правильно, я старалась не допускать устрашающих мыслей. «Только не быть трусихой», убеждала я себя в эту ясную звёздную ночь. Устремив взгляд в небо, я полностью предалась власти его чарующей красоты. Это огромное небо, сплошь усыпанное мерцающими звёздами, одни из которых сверкали более, другие менее ярко. И все они вместе с луной заливали землю сказочным светом. Пришло мне на ум найти созвездие Большой Медведицы, единственное, которое я знала. Я быстро его нашла и попыталась мысленно нарисовать вокруг медведя, но ничего не получилось. Снова переводила взгляд от одной звезды к другой и пришла к заключению, что каждая звезда имеет свою тайну и свое значение. Так как я была намерена не спать всю ночь, я принялась считать звёзды. Когда насчитала 200, услышала шорох и шепот. От страха закрыла глаза, повернулась на левый бок в сторону дома и прислушалась. Шофёр и хозяйка дома стояли на крыльце с ведром и с мешком. Значит, они в самом деле хотят воровать зерно. Что мне делать?

Кричать? Или просто сказать, чтоб они не подходили к машине. Но смелости не хватило. Что-то надо было делать, они уже спускались по ступеням. И я начала кашлять и чуть повернулась. Снова послышался шепот, и они исчезли в доме. А у меня в голове вопрос: а как бы поступили Роза или Маня?

Звёзды считать мне уже не хотелось. Тихо я лежала с открытыми глазами одна на машине в пустом дворе, одна во всем мире. Но домом моим в эту ночь был весь небосвод, такой неописуемо красивый сегодня. Долго еще я любовалась этой прелестью, и мне казалось, что каждая отдельная звезда подмигивала мне. С мыслью о том, что в эту ночь всё звездное небо принадлежит мне одной, я уснула.

Водитель разбудил меня. Немного устыдившись, я подняла голову, оглядела поверхность загруженного в кузов зерна и увидела сзади вмятину. Значит, они воспользовались возможностью, когда я спала…

Машина остановилась перед воротами элеватора. Я спустилась вниз, и шофер подал мне накладную, которую почему-то я должна передать кому-то через окошко возле ворот. В накладной указаны данные о поставщике груза, номерной знак автомобиля, вид зерна, влажность и чистота зерна, вес брутто и дата. Чтобы установить вес брутто, открыли ворота, за которыми находились соответствующие весы. Взвешивалась машина с грузом и водителем. Вес нетто определялся позже после выгрузки. Пришла лаборантка и взяла зерно на пробу, чтобы установить соответствие действительного состояния зерна с данными накладной. И я должна была все подписать (мне было 14 лет).

Через мегафон нам указали на амбар № 8. Если мне память не изменяет, было всего 12 амбаров, примыкавших друг к другу в одном ряду. Грузовик наш задним ходом подъехал к № 8. Водитель опустил задний борт кузова, и часть пшеницы посыпалась на пристроенный ко всему ряду амбаров настил, высотой равный уровню дна кузова и проёма ворот амбара. Амбар был уже почти полный, что облегчило разгрузку. Дуня и Яшка были уже здесь, и мы приступили к работе. С Дуней мы сгребали широкими деревянными лопатами зерно из кузова, а Яшка перелопачивал его в амбар. Это был душевнобольной парень в возрасте около 20 лет, крепкого сложения, прилежный и безотказный в работе. Все тяжелые работы он безропотно выполнял при одном условии — быть сытым. В бригаде он всегда получал двойную порцию. Говорил он с весьма плохой артикуляцией, и понять его было невозможно. Только если ему предположительно повторяли сказанное им, он отвечал «да» или

«ни». Когда ему объясняли что-то, он обычно смеялся, но задание выполнял безошибочно.

После разгрузки Дуня повела меня к хозяйке нашей «квартиры». По дороге она рассказала, что она только две ночи там ночевала, и в питании ей второй день отказано, так как колхоз не оплачивал. Яшка приходил сюда только на обед, а сегодня ему якобы тоже отказано. Хозяйка же любезно предоставила возможность самому приготовить себе покушать, но только из того, что сам принесёшь. Дуня не объяснила, что можно самой принести.

Еще утром на машине по дороге к элеватору я съела остаток лепешки и молока. Остались только три зеленых помидора. Во дворе элеватора у водоколонки мы с Дуней набрали воды в свои бутылки и в одном из амбаров устроились удобно на пшенице. Небольшими горсточками набирали пшеницу, переправляли в рот, подолгу молча жевали и запивали водой. С Дуней при этом обменивались добрыми улыбками. Это был первый мой обед из сырой пшеницы. Не так уже и плохо, даже вкусно. Яшки нигде не было видно, но когда по мегафону объявили: «Колхоз Свердлова — амбар № 5» и мы пришли туда, Яшка был уже там. Он неспокойно ходил по пустому амбару туда-сюда, бормоча что-то перед собой и довольно резко жестикулируя при этом руками, явно выражая этим свое возмущение необходимостью работать на голодный желудок. С Дуней вдвоём мы выгребали зерно из грузовика. Шофер, недолго наблюдая за нами, взял лопату и помог нам быстро выгрузить зерно на платформу. Теперь нам предстояло перегрузить его в дальний угол пустого амбара. Мы выбрали «мешочный метод». В каждом амбаре имелись объемистые, из плотной крепкой ткани мешки и металлические совки, называемые «плица» или «пудовка» — вместимостью 16 кг., имевшие две подвижные ручки (на шарнирах). Одна из нас держала мешок, другая наполняла его до половины зерном, затем каждая тянула свой мешок по деревянному полу до угла и высыпала…

Крайне утомившись, мы сели отдохнуть, а когда снова принялись за работу, пришел Яшка и перетащил всё зерно, мы только наполняли мешки. За это мы его щедро хвалили и называли Яшей. Когда мы с Дуней, набрав в бутылки воды, уселись «обедать», Яшка опять исчез, но появился сразу, когда объявили номер амбара для выгрузки следующей машины, которую мы дружно выгрузили втроем только лопатами в больше половины наполненный амбар. Яшка ушёл и больше не появлялся. А вечером Дуня уехала домой, т. к. отработала назначенные ей дни. Меня удивляло, почему все машины после

моего приезда приходили без «сопровождающего», во всяком случае, мне на помощь никто не приехал. Может быть, кто-то сопровождал и тут же уезжал назад? Нет! Этого быть не может. Но и объяснить себе это я не нашла возможным.

Ночевать я пошла на квартиру, надеясь получить что-нибудь поесть. Напрасно. Ничего не получив ни вечером, ни утром, ушла на элеватор и больше сюда не приходила. Шесть дней я провела на территории элеватора. Яшка бесследно исчез и никто не узнал, каким путем он добрался до Степного Кучука. Последующую машину я принялась разгружать одна, но добрые люди в лице двух женщин, сидевших рядом с нашим амбаром в ожидании машины с зерном одного из колхозов села Родино, пришли мне на помощь. И шофер сам взял лопату и стал перелопачивать зерно с платформы в амбар. С этими женщинами мы в последующие три дня производили разгрузку зерна совместно: из моего и из их колхозов. Кроме одного случая, когда одновременно пришли наши машины. Когда они обе устраивались на обед, они спрашивали, почему я не присаживаюсь к ним. Я только качала головой, брала свою бутылку и уходила в другой амбар. Ничего они не заметили и не знали, что я питаюсь только зерном. Из моего колхоза так никто не приехал. На четвертый день я едва могла жевать — челюсть болела невыносимо, всё воспалилось. Моих двух добрых помощниц сменили более молодые, которые со мной знаться не хотели. Зато на радость мне наш колхоз поставлял теперь только по одной машине в день, и каждый раз я спрашивала шофера, нельзя ли мне с ним уехать домой. Ответом было «нет».

Когда однажды шофер узнал, что мне одной предстоит разгрузка, он, не на шутку разозлившись, взял себе лопату, отодвинул меня в сторону и почти один разгрузил машину, ругая при этом правление нашего колхоза, называя их безмозглыми за то, что у них дети грузчиками работают. Об этом говорили и женщины, помогавшие мне.

В одну из последних ночей меня вдруг разбудил знакомый гул грузовика, подъезжавшего непосредственно к полунаполненному амбару, в котором я спала. Шофёр деловито откинул задний борт кузова и повелительным тоном сказал мне, чтобы к утру, когда он вернется, кузов был очищен. И исчез. Никого вокруг не было. Была глубокая ночь, и я, ослабленная от голода, выгребала зерно из кузова широкой фанерной лопатой, которая в ту ночь казалась мне непомерно тяжелой. Крайне устав от работы, я бросилась на зерно и горько заплакала. Голода я уже не чувствовала, хотя два дня уже не ела. Единственным источником питания была вода. С радостью я достала свою

бутылку, которую с вечера наполнила водой, и выпила её. Успокоившись и посидев еще немного, принялась за работу. Было уже совсем светло, когда я выгребла остатки зерна. Люди выходили из амбаров и с любопытством смотрели в мою сторону. Еще я свернула один из пустых мешков и до зернышка вымела все из кузова. Когда пришел шофер и я робко спросила, могу ли с ним уехать домой, опять прозвучало резкое «нет». Я тоскливо смотрела вслед уходящему грузовику, потом, набрав воды в колонке, там же выпила её, еще набрала и поднялась в амбар. Тщетно попытавшись прожевать хотя бы несколько зерен отборной пшеницы, которую я за ночь выгребла из грузовика, я взяла лопату и стала перелопачивать её подальше в амбар. Лопата мне показалась почему-то непослушной, я сменила её на другую, но и эта едва погружалась в кучу зерна, и потом при взмахе с лопаты ссыпалась только жидкая струя зерна. Неожиданно появились передо мной две женщины, наверно, те самые, из Родино.

«Ну, товарищ грузчик (так и сказала „грузчик“) из Степного Кучука, — смеясь, сказала одна. — Плохо идут дела?». Другая принесла две лопаты, и они бойко стали пересыпать зерно. Я же подгребала только тонким слоем рассыпанную вокруг пшеницу. Когда их позвали для разгрузки в один из отдаленных амбаров, моё задание уже было полностью выполнено. Спасибо вам, дорогие мои, совершенно незнакомые мне женщины!

Устроившись поудобнее на зерне, я крепко уснула. Проснулась от голоса одной из тех женщин. Испуганно вздрогнула я от внезапного её вопроса: «Твоя фамилия Герман?» — «Да-а-а», — ответила я, вставая. «Тебя ищут. Из НКВД». Слово НКВД меня не испугало, а то, что меня ищут, скорее обрадовало. Наконец-то я уеду отсюда.

Женщина помахала кому-то рукой, и к нам подъехала грузовая машина, по-моему, 3-х тонка, и я по знаку одного из сидевших в кабине перебралась в кузов. Женщина, которая меня нашла, широко и вопросительно таращила на меня глаза и, как мне показалось, с сочувствием. Почти из всех амбаров вышли люди, с недоумением смотрели они мне вслед. У пропускного пункта была короткая остановка, и мы двинулись дальше. День клонился к вечеру, и с некоторой радостью я отметила, что хорошо и долго спала на зерне в амбаре. Теперь же я устроилась, сидя спиной у кабины на пустом грязном полу деревянного кузова, в котором кроме меня были две пустые металлические бочки из-под какого-то горючего: керосина, солярки или бензина. Одна из них стояла вертикально, и отверстие её было заткнуто деревянной затычкой. Другая бочка не имела пробки, и она

беспрепятственно каталась, громыхая по кузову туда-сюда, а мне приходилось руками и ногами отталкивать её, если она катилась в мою сторону. Но самым неприятным, я бы сказала, ужасным было то, что из бочки выливался остаток жидкого горючего, и я уже чувствовала под собой эту жидкость. И когда, отъехав подальше от Кулунды, дорога превратилась в сплошные ухабы, вторая бочка упала, пробка из нее вылетела, и из отверстия полилась струйка жидкости, мне стало совсем худо. Иногда на больших ухабах бочки подскакивали, и я бы нисколько не удивилась, если б какая-нибудь из них выпала за борт. Подо мной всё было мокро, нестерпимо! Все, что было на мне надето — промокло. И я расплакалась. Сил защищаться от двух громыхающих тяжелых бочек у меня не стало совсем. Плотно прижавшись спиной к кабине, согнула ноги и крепко, как могла, обхватила руками колени и опустила на них голову. Пусть будет что будет. Мысли путались. Почему за мной приехали НКВДисты? Может, меня арестовали и везут в тюрьму? За что? За то, что уехала в Кулунду? Но Галина заверила, что Кондрик всё согласует… К тому же, они обращаются со мной как с преступницей. Они могли бы меня посадить в кабине, там места вполне хватило бы. Вместо этого я голодная, изнуренная должна защищаться от едкого горючего. Два-три удара пришлись мне в голову и в правую руку ниже локтя. Однако ухабы на дороге уменьшились и постепенно исчезли. Мы ехали по крупному населенному пункту. Это было Родино. Машина остановилась во дворе солидного деревянного дома с большими окнами. Над дверью была вывеска. Я прочла: «Народный Комиссариат внутренних дел. Районный отдел с. Родино Алтайского края».

Всё понятно. Я прибыла в НКВД. Страха не было, а паники меня приучали с детства не допускать. Мужчины вышли из кабины, один из них ушел в дом, другой — шофер — опустил задний борт кузова и столкнул обе бочки с машины. Спустя некоторое время вернулся из дома тот мужчина, а с ним еще один постарше. Тот, который постарше, взобрался на колесо грузовика и, держась за борт, равнодушно или просто спокойно оглядел меня, еще подумал, глядя куда-то в сторону, и предостерегающе напомнил мне, чтобы впредь я никогда без разрешения комендатуры никуда не выезжала, даже если сам товарищ Кондрик прикажет. «Поняла?» — спросил он требовательно. Я только кивнула головой. Он спрыгнул с колеса. Теперь шофер предложил мне сесть в кабину. В ответ я покачала головой. Сидела я всё так же, обхватив колени руками, прикрытая своим зимним пальтецом, полы которого тоже промокли от горючего. Шофер попросил меня постучать в кабину, когда мы в Кучуке

приблизимся к нашему дому. Итак, я еду домой. Мы прибыли, когда уже смеркалось, и я смело побежала к дому. Два дня я оставалась в семье, потом рассыльная принесла мне повестку с требованием завтра выходить на роботу.

После пребывания в Кулунде все полевые работы показались мне развлечением. До октября мы были в поле, затем предстояли работы на току.

Учебный год начался, когда выпал снег.

Глава 8

В седьмом, т. е. в выпускном классе нашей неполной средней школы все учащиеся были в возрасте 14–15 лет. Исключением была Вера Шевченко. Её мама Антонина Фёдоровна была учительницей начальных классов и сумела свою дочку определить в школу в возрасте 7 лет. Согласно новому закону о школьном образовании 1936 года, в школу принимались дети, достигшие полного 8-летнего возраста. Мне в том году еще в феврале исполнилось 7 лет, и мой отец пошел со мной в районный отдел Народного образования, чтобы показать, насколько его дочь была подготовлена к школе. (Я читала, писала и решала задачи даже за 2 класс.) Однако никого это не интересовало, боялись пойти на конфликт с законом. Лучшая моя подруга в Мариентале Ирма Зандер была всего на год старше меня и уже училась во втором классе, а я должна была еще радоваться целому дополнительному году счастливого детства, подаренному мне этим новым постановлением.

Затрудняясь назвать точное число учащихся в нашем 7 классе в Кучуке, твёрдо могу сказать, что оно не превышало 15-ти. Все были девочки, кроме одного Мити Куценко. Впрочем, все мы были довольно высокого роста, кроме Мани и особенно Дуни. И выглядели мы, я думаю, несколько взрослее, чем были в действительности — работали ведь наравне со взрослыми. У Нюры взрослость была особенно заметной, выражаясь в ранней женской зрелости.

Говорили, что учитель по военной подготовке как-то особенно с ней переглядывался. Кроме того, у неё были интимные отношения со Степаном Стельмахом, который был на год старше нее и школу уже бросил.

За это сложилось о Нюре весьма отрицательное мнение, и некоторые мамы предостерегали дочерей от дружбы с ней. Мне ничего дурного о Нюре не говорили, но в пример ставили только Розу и Веру.

На уроках литературы мы получали довольно обширные

сведения о творчестве А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова. С интересом слушали рассказы или отрывки из их произведений. Нередко мы перешептывались о них, произнося имена княжны Мэри, Печорина, Татьяны, Ольги, Онегина, не подозревая при этом, что нас все больше волнует тема любви. Роза мне доверительно призналась, что Митя говорил ей о любви, хотя, как мне казалось, ей больше нравился Михаил Цапко, который считался самым красивым хлопцем на селе, даже хорошего поведения, но… заносчивым. Михаил был двоюродный брат Мани. Его отец перед войной оставил свою жену Марию с тремя детьми — Дашей, Михаилом и Александром — и женился на матери Нюры — Марии Тимофеевне Глущенко, у которой был уже сын от него.

Когда Роза меня однажды спросила, нравится ли мне Михаил, я не знала что ответить, так как я его, собственно, ненавидела.

Когда мы были еще в 5-м классе, меня Маня как-то попросила принести в школу фотографию, где я была снята с моими племянницами-близнецами, будто бы одна из девочек нашего класса никогда не видела их и Маня пообещала ей показать их хотя бы на фотографии. Неправдоподобным мне показалось такое объяснение, но фотографию я принесла. Еще до начала уроков я показала Мане фото, помещенное в одном из моих немецких учебников. Маня сухо произнесла: «Пусть полежит». Когда на большой перемене я вернулась с улицы (туалеты были только во дворе, даже при морозах до 40°) в класс, Дуня Бут мне тихо сказала: «Хлопцы из 7-го класса рылись в твоих книгах».

Фотографии в книге не было. И не было моего носового платочка, аккуратно сложенного, белого с мережкой и светло зелёной каёмкой. Я спросила у Дуни, какие хлопцы приходили, она назвала: Михаил Цапко и Иван Горевой. Маня еще не вернулась с улицы. Когда она пришла, я спросила её, где моё фото. Я тогда еще едва могла по-русски говорить и не всё понимала, но как-то настояла на том, чтобы Маня пошла в седьмой класс и принесла мое фото. Она вернулась ни с чем. «Не отдает». Тогда я, набравшись смелости, явилась в 7-й класс. На мой невнятный лепет Михаил только улыбался. Он протянул мне платочек и заговорил быстро и непонятно, напоминая мне при этом Полоусова из пятого «Б» класса. Я повернулась и ушла, твёрдо решив больше никогда не вспоминать об этом фото, как будто его и не было. Возмущению не было предела. Сознавая свое бессилие перед этим парнем, я почувствовала неприязнь к нему, даже ненависть. Старалась в дальнейшем не попадаться ему на глаза. Он, между прочим, и не проявлял ко мне никакого, казалось, интереса.

Тогда же в 7-м классе я на вопрос Розы просто промолчала, иначе пришлось бы мне рассказать о случае с фотографией, о котором Роза ничего не знала, а я была уверена, что ей очень нравится Михаил и тайно находила их идеальной парой. И все ведь знали, что Михаил влюблен в Розу, и только в Розу. Неспроста он на стволе одного из тополей во дворе Шевченко вырезал ножом «Р + М». Для меня же ни один из мальчишек в Кучуке не представлял интереса, я всё еще всех сравнивала с моими одноклассниками в Мариентале. Не было таких, как Виктор или Альберт. Втайне я мечтала с ними еще увидеться. Тогда я была еще уверена, как и все мои родные, что после войны мы обязательно вернемся в Мариенталь.

Учебный год 1943 — начала 1944 года проходил без особых происшествий. Учебников я не имела и домашние задания выполняла чаще с Розой, а с Маней мы постоянно репетировали какие-либо маленькие пьески.

В доме семьи Шевченко проводились каждые две недели банные дни, на которые Роза и Вера меня часто приглашали — естественно, с согласия их мам. Для этого заносили из кладовой большой деревянный, по-украински называемый *шаплык,* ушат (у нас в Мариентале был такой, только поменьше, для стирки белья, и называли его *Zuber*), ставили его посреди комнаты, но поближе к печи, и наполняли его до половины холодной водой из колодца. В это время топилась уже русская печь, и в образовавшийся (калильный) жар помещали имевшиеся для этого старые металлические детали, шестерёнки, например, или детали от гусеницы трактора. Антонина Фёдоровна, не отходя от печи, то подкладывала топливо в печь, чтоб поддерживался огонь, то переворачивала или зарывала поглубже железины в жар. Накалившиеся докрасна первые две, обычно, детали она кочергой выгребала из жара, затем быстро и ловко, со сноровкой, подхватывала по одной ухватом и переправляла в шаплык. Мы же с восторгом наблюдали, как вода клокочуще бурлила, расплескивая брызги по комнате и постепенно утихала по мере остывания деталей и нагревания воды. Когда температура воды достигала определенного уровня, ставились вокруг *шаплыка* 3–4 кочережки или палки длинные, которые вверху скреплялись в пучок и на них расстилали *рядна.* Получалось что-то наподобие юрты. Тогда — купание. Нам бы хотелось всем троим забраться в шаплык, и мы поместились бы кое-как, но тогда бы расплескалась вся вода, так что купалась вначале одна, как мне запомнилось, большей частью Вера. Когда она, распарившись, порозовевшая вся, выходила из корыта, доставала А. Ф. еще од-ну-две железины, чтоб подогреть воду. Тогда мы с Розой вдвоём парились, мыли

головы, тёрли друг другу спины. Банные дни проводились обычно в субботу, и я тогда оставалась ночевать. Мы с Розой спали в одной кровати и подолгу шептались тогда… и мечтали о будущем. На школьных вечерах мы играли пьески на военные темы, танцевали и пели. На уроках военного дела проводились военные игры, мы изучали различные виды тогдашнего оружия, в основном же устройство и применение винтовки (больше малокалиберной), гранаты, частично пулемета. Нам объяснили, как предохранить себя от воздействия ядовитых газов. Постоянно нас призывали быть бдительными, быть всегда начеку, так как враг всегда и везде может притаиться. При таких предостережениях мне в глубине души казалось, что под врагом в собственном лагере подозревали меня.

С благодарностью вспоминаю я теперь двух учительниц: Анастасию Семеновну Баглай — по русскому языку и литературе, и Наталью Ивановну Усенко, учительницу математики. На их уроках у меня никогда не появлялось чувства несправедливого обхождения со мной, ибо ни к кому из нас они не проявляли ни малейшего недоверия, и я была совершенно равной со всеми.

Наша классная руководительница Татьяна Ивановна М. с начала февраля 1944 года проводила с нами беседы о том, что мы достигли возраста, когда при определенных условиях можно вступить в ряды Ленинского Коммунистического Союза молодёжи. Она подчеркивала особое значение этого союза и рассказывала о том, какая честь быть членом его. При этом каждый комсомолец обязан бескорыстно служить Великой нашей Родине и быть безмерно преданным делу Ленина — Сталина. Это должно быть девизом каждого комсомольца.

И те из нас, которые считают себя готовыми и достойными быть в комсомоле, могли написать заявление о приеме. Остальные могут идти домой. Татьяна Иванова взяла мел и написала на доске образец заявления.

Для Дуни вопрос не стоял, писать заявление или не писать. Она молча встала и ушла из класса, и никто не сказал ни слова, и кроме меня никто вслед не посмотрел. Все знали, что Дуня верующая, и этим все сказано. Я же размышляла, можно ли мне вообще вступать в комсомол? Маня уже писала, и вдруг спросила меня удивленно: «А ты почему не пишешь?» Я ответила, что мне, может быть, нельзя, на что она ответила: «Как это нельзя? Можно. Давай пиши». Роза подошла и внимательно, безмолвно смотрела на меня. И тут я решилась. В конце концов, я тоже хотела быть комсомолкой. И написала заявление… Моя мама и Элла с тревогой приняли это известие, и Элла произнесла задумчиво: «Наверно, не надо было тебе подавать это заявление».

Прошло несколько дней. Татьяна Ивановна на большой перемене вошла в наш класс, хотя уроков её в этот день не было. Все ринулись навстречу и окружили её. Я тоже встала, чтобы идти к ней, но наши взгляды с ней встретились, и она дала мне знать, чтоб я осталась на месте. Я опустилась на парту. Окаменев, я сидела и слышала только шепот, сплошной разноголосый шепот. И всё-таки отдельные несколько слов я поняла. Речь шла о моей национальности, о моем заявлении. Кто-то пытался меня защитить. На это последовали вполне отчетливые слова Татьяны Ивановны голосом, показавшимся мне злостным шипением: «Откуда ты знаешь, что у них на уме. И она сама такая же немка». Потом я уже ничего не слышала, мне и не надо было больше слышать. Всё уже сказано и услышано. Приговор вынесен.

Прозвенел звонок на урок. Маня прошла мимо меня, совершенно безучастно произнесла «тебе нельзя» и с видом, как будто она меня раньше никогда не знала, собрала свои школьные вещи и ушла вперед. Вслед за ней я тоже медленно, нерешительно собрала свои принадлежности и ушла назад, села на самую последнюю парту, где никогда никто не сидел. Что происходило в классе на этом уроке, я не видела и не слышала. Как будто меня высадили где-то на обочине дороги. Все очень дружно ушли по широкой дороге и скрылись за горизонтом, а я стою одна и не знаю, что мне делать и куда мне идти, но знаю, что на эту дорогу мне ступить нельзя, потому что я немка. И этим все сказано. К тому же, дочь моего отца, который якобы враг народа…

Я очнулась от этих размышлений и ощущений, когда прозвенел звонок. И я ушла домой одна. У трех берёз, где с подругами мы вместе так часто бывали, я выронила книги в снег, обняла одну из берез и расплакалась… Постояв у двери своего дома, я не посмела войти, а ушла за пригон, зарылась в солому и плакала дальше. Вспомнила Мариенталь, как хорошо было быть пионеркой наравне со всеми…

К моему огорчению, Элла уже пришла с работы, когда я, продрогшая, явилась домой. Она сразу заметила моё состояние. «Не приняли в комсомол?» Я кивнула. Немного подумав, она вспылила и начала ругать комсомол: «Если они такие дураки и тебя не хотят, то плевать на этот комсомол». Распаляясь все больше, она отругала меня, что я еще плачу, напомнила, что я же хорошая ученица, что прилежно работаю в колхозе. О своем намерении в школу больше не ходить я промолчала — из жалости к своей сестре. А она, немного успокоившись, тоном наставницы приказала мне не вешать головы и не думать больше о комсомоле. «Плевать на этот комсомол», — повторила она, а я с

ужасом думала, «как она может так говорить о комсомоле». Мать и баба Лиза, как её теперь называли, пытались меня успокоить, выражая уверенность, что война скоро кончится, мы вернемся на свою родину и всё будет хорошо.

Нелегко мне было делать вид, что равнодушно отношусь к случившемуся. Мучительно было одной уходить из школы в то время, когда все мои подруги оставались на комсомольском собрании или проводились какие-то мероприятия. Явно пренебрежительное отношение ко мне Мани я будто не замечала и равнодушно игнорировала. Все это привело к тому, что я не приняла никакого участия в подготовке к проведению праздника 1 Мая. С Розой мы тоже не встречались до окончания учебного года. Я не хотела встреч, и Роза это понимала. Не было больше совместных банных дней, не было больше совместной игры на гитарах. А как все девочки радовались, когда я передавала им каждой в отдельности, пусть примитивное, свое умение играть на этом семиструнном инструменте, называемом цыганской гитарой. Иногда мы собирались вместе и пели песни под собственный аккомпанемент. Пели разные песни, и цыганскую тоже:

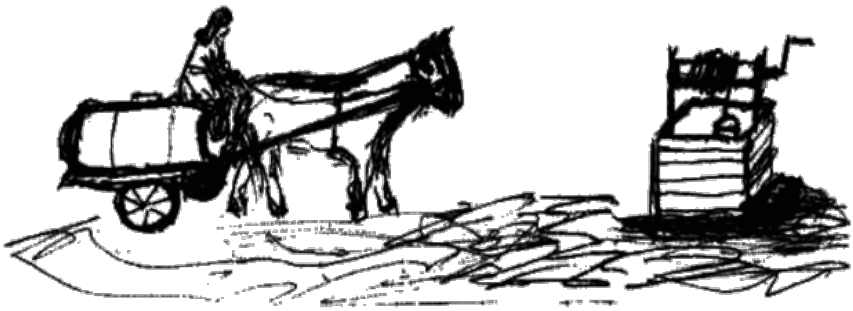
Соколовский хор у Яра
Был когда-то знаменит,
Соколовская гитара
До сих пор в ушах звенит…

Встречалась я с Розой на переменах, мы всё-таки вступали в короткий разговор, и каждый раз я находила в её отношении ко мне сострадание, чуткость. Я же ни в коем случае не хотела, чтоб она узнала, как я несчастна, как униженно и одиноко я себя чувствую. Старалась казаться самоуверенной и гордой.

Экзамены я сдала все, как и Роза. Немногие перешли в 8-й класс. Лучшей ученицей в классе была Валя Николаева. Она пришла в наш класс незадолго до окончания учебного года. Тогда мы знали только, что она из Ленинграда, а её приемный отец был теперь главным бухгалтером нашего колхоза. Родной отец её якобы был учёный, профессор. Валя, к сожалению, не проявляла никакого интереса к дружбе с кем-нибудь из нас и осталась одиночкой.

Всё лето и осень мы работали в поле. Еще во время сенокоса Розу перевели на другую работу. Она стала водовозом. Утром рано она запрягала лошадь по кличке Бурко в повозку с горизонтально на ней расположенной большой деревянной бочкой, имевшей наверху квадратное отверстие с крышкой. Сама Роза садилась впереди на бочку и ехала к колодцу,

находившемуся у въезда в наше село. Колодец был очень глубокий. Вода доставалась большим деревянным ведром, закрепленным на длинной цепи, и выливалась в бочку. В бригаде вода переливалась в маленькие бочонки и вёдра — для питья и приготовления пищи. Остаток выливался в большое корыто в конюшне — для лошадей.



Лошадь распрягалась и отводилась в конюшню. После обеда предпринималась еще одна поездка к колодцу. По-моему, Роза до конца августа выполняла эту работу, затем я переняла её на месяц. Очень тяжело было наполнять бочку водой. И мне жаль было Розу, которая и в следующем году должна была выполнять эту работу.

Сенокос в тот год был особенно богатым. Густо и высоко выросла трава, и мы с трудом успевали скошенную траву вовремя сложить в копны, чтоб она не пересохла. На помощь нам присылали иногда от двух до четырех женщин со скотного двора. Среди них была и моя тётя Берта (Bertha), показавшая себя особенно неутомимой труженицей. Помню, что девчонки ею любовались не только благодаря ее трудолюбию. Особая женственность её крепкой, прекрасно сложенной фигуры подчеркиваемая черным, с белыми цветами, просвечивающимся платьем привлекала всех, тем более что под платьем ничего не было. Одна из женщин сравнила Берту с греческой богиней. Я удивилась: откуда она знает, как выглядели греческие богини? Женщина эта была рядовой колхозницей.

В Мариентале надевала моя тётушка это платье только по праздникам. Теперь же кроме зимней одежды осталось одно платье. Всё изношено или променяно, даже комбинация. Незадолго до этого Берту освободили из трудармии по причине смерти её матери — бабушки Маргариты.

Еще до окончания сенокоса меня перевели на скирдование. В копны сложенное сено надо было свозить в определенные скирды. Меня определили в помощницы к Даше Цапко. Сено погружалось на большие телеги, снабженные боковыми откидными стенками в

виде лестниц. Широко и высоко нагруженные телеги доставлялись к скирде, и сено перекладывалось на оную. Со временем я научилась ловко и умело подавать его на скирду. Когда приближалось окончание сенокоса, Даша однажды сказала, что эту телегу мы должны особенно надежно нагрузить, чтобы как можно больше сена упаковать. Когда мы закончили и уселись рядом на передок, она объяснила, что вчера Кондрик (председатель колхоза) издал распоряжение, что всем тем, кто от начала до конца работал на сенокосе, полагается воз свежего сена. «Этот воз предназначен тебе», — закончила Даша. Я испуганно вскрикнула: «Мне?» Она громко засмеялась.

В этот вечер я была дома, когда Элла пришла с работы. Она не могла поверить, что всё это сено для нас. Раскрасневшись от радости, девочки-близнецы барахтались в душистом сене. Везде — и в доме, и во дворе стоял дурманящий дух сена. До ночи мы разносили сено: в пустующий пригон (второй), на чердак, большую копну мы сложили за пригоном. И не раз повторялось: «На всю зиму хватит нашей корове». И наши матрацы наполнялись свежим сеном. И Мария, моя сестра, получила несколько мешков.

Наступала осень, и мысль о приближавшемся начале нового учебного года, который будет проходить без моего участия, всё больше тревожила. Продолжить учебу можно только в районном центре Родино, и у меня, казалось, нет никакой возможности учиться там. Самым веским препятствием считалось НКВД, как бы там отнеслись к прошению о разрешении мне поступить в среднюю школу с. Родино. Расстояние в 16 км. уже требует хотя бы временного места жительства. Родственников в Родино не было. Кроме того, питание…

На вопросы Розы, собираюсь ли я учиться дальше, я отвечала: не знаю, хотелось бы, а как?

Сама Роза, оказалось, будет учиться дальше, только не в Родино, а в селе Кочки, где в тот год еще проводилось 9-летнее обучение, а её брат Петр Григорьевич Шевченко был преподавателем математики в этой школе.

Однажды после работы бригадир наш сообщил мне, что моя сестра Элла просила его отпустить меня на завтра с работы, дескать, дело касается учебы в школе. Это было в начале сентября. В этот день приезжали из Родино коменданты в Кучук, чтобы проверить присутствие всех немцев. Каждый, кто старше 16 лет, должен ежемесячно собственноручно расписываться. Я еще не достигла этого возраста и не расписывалась, но должна была прийти, чтобы узнать, можно ли мне учиться в Родино. К моему счастью, мне разрешили учиться в 8-м классе в Родино. Я очень

этому радовалась, т. к. всегда любила ходить в школу. К своему большому удивлению, я узнала в этот день, что моя милая тётушка Анна, называемая теперь тётя Нюра, — вышла замуж за Петра Штауба, который жил в Родино, и я буду у них жить. Всё это коменданты записали. Я тут же написала заявление, а они меня проинструктировали о моих правах и обязанностях при проживании в Родино. Это значило, что если я пожелаю провести выходной день дома в Кучуке, я должна поставить в известность об этом комендатуру. И в школьные дни я не должна Родино покидать. По возвращении из Кучука я тоже должна у них показаться.

Учебный год в этот раз начинался уже в середине сентября, и нас за несколько дней отпустили домой, чтобы мы могли подготовиться к школе. Теперь выяснилось, что Нюра тоже получила разрешение учиться в 8-м классе, хотя она не перешла. В колхозе мне выдали какое-то количество муки и даже немного настоящей пшеничной, нисколько не хрустевшей на зубах. В назначенный день и час принесли мы, Элла, мама и я, мои пожитки на колхозный двор. Телега — двуконная упряжка — была уже доверху загружена, но мы кое-как поместили и мои узлы, конечно, совсем сзади. Возница и Валин приемный отец, бухгалтер колхоза, сели впереди, за ними Валя и Нюра, а я сзади. Получилось так, что я сидела несколько выше девочек, но держаться было не за что. Розы, конечно, не было, она уже уехала в Кочки. Мама моя стояла совсем рядом с телегой, там, где я сидела, и она казалась мне еще меньше, чем была в действительности, и весь её вид, и фигура — воплощением скромности, застенчивости, какой она и была в действительности.

Возница причмокнул, лошади тронулись, и телега двинулась в путь. Провожающие пошли вслед за телегой, махали нам руками, потом остановились и смотрели нам вслед… Снова меня охватило чувство отчуждения, будто меня не хотели бы здесь видеть, а я вот еду. Началось это еще на колхозном дворе, когда я встречала неприязненные, даже враждебные взгляды бухгалтера Анатолия Михайловича Акимова. Он демонстративно помогал Вале и Нюре разместиться на телеге, подстилал им что-то и подбадривал их постоянно на предстоящее время учебы. Меня он как будто не замечал. Он просто игнорировал.

Когда прибыли в Родино, я оказалась первой, кому надо было высадиться. Моя тётя жила наискосок через улицу от квартиры Нюры. Валю повезли дальше к центру, куда-то недалеко от школы. Всех нас записали в 8-й «Б» — периферийный класс. Сентябрь выдался на редкость теплым, и мы, отвыкшие уже от занятий в школе в такое время года и в такое время дня, когда

солнце щедро обливает все вокруг ярко сверкающими лучами, воспользовались этим даром и пришли в школу по-летнему одетыми…

На третий день объявили нам решение партийного и исполнительного комитетов Алтайского края о перенесении начала учебного года для 5–10. классов на неопределенное время. Пока погода стоит, нам необходимо быть на полях для уборки урожая. Как и предыдущие три года.

Глава 9

Тётушка моя Анна на самом деле переехала жить в Родино. Как тогда считалось — она вышла замуж неофициально за Петра Штауба, чтобы облегчить младшей дочери её брата Александра — то есть, мне — дальнейшее обучение в школе.

Муж Анны выглядел намного старше, хотя они были ровесниками. На первое предложение Петра Анна ответила отказом, и лишь когда возникла проблема с моей дальнейшей учебой, она согласилась стать его женой.

Петр Штауб, как квалифицированный специалист в кузнечном деле, был направлен работать на МТС села Родино и получил довольно приличное жильё — небольшой деревянный двухкомнатный дом с деревянным полом, хорошими окнами и пристроенным крыльцом-прихожей.

Петр добился у комендатуры разрешения на переезд Анны из Кучука в Родино. Затем и я получила разрешение на проживание у моей тёти Анны.

Дочь Петра Амалия, 18 лет, работала в колхозе, а сын Миша, и-12 лет, просто слонялся по дому, потому как не хотел ходить в школу, где говорили только по-русски и он ничего не понимал.

А, в общем, он был спокойный послушный мальчик. Со временем он полностью перенял уход за коровой, которую Анна привела в семью и молоко которой, естественно, пошло на пользу всем. У Анны сложились хорошие отношения с детьми, и они меня приняли как сводную сестру.

Жила я у них бесплатно, кроме того, получала каждый день небольшую кружку молока. В остальном я сама себе готовила из продуктов, принесённых (иногда привезенных) из Степного Кучука. После школы варила в своей кастрюле, примерно 1,5 — 2-х литровой, суп-затируху из картошки, лука и хрустящей муки-крупы. В начале учебного года добавлялись еще имеющиеся морковь, свекла или капуста. Из школы я приходила обычно около 3-х часов дня и всё приготовленное съедала без остатка. Запивала молоком.

Занятия в школе начинались в 8 часов утра, и мы вместе с Нюрой, которая квартировала чуть наискосок от меня через улицу, уже в 7:00 выходили из дому. После приготовления моего обеда и его приема мне почти не оставалось светового времени для выполнения домашних заданий. Однако семья моей тёти терпеливо ждала, пока я не закончу свою работу. Тогда погашалась коптилка, и все ложились спать.

Учебников у меня не было, и домашние задания я часто переписывала во время перемен (или на уроках немецкого языка) из книг моих одноклассниц. Ни тетрадей, ни какой другой писчей бумаги я не имела, поэтому моя тётушка дала мне 2–3 блокнота её сына Саши, а знакомая моей сестры, бывшая учительница из Мариенталя по фамилии Бэр, передала мне великолепно изданные книги на немецком языке «Der stille Don» — «Тихий Дон» Шолохова и «Die Abenteuer des braven Soldaten Schwejk» — «Приключения бравого солдата Швейка» Ярослава Гашека — чтобы я на них писала. Чернила для письма я изготавливала сама, используя для этого сажу из дымоходной трубы и молоко. Проблема возникла с чернильницей, вернее, с ее отсутствием. Вместо неё у меня была коричневая бутылочка с пробкой, которую приходилось носить с собой в школу и обратно. В зимние морозы пока дойдешь до школы — «чернила» замерзали. Иногда я прятала их в рукав или подмышку.

Любимой моей учительницей была Нина Степановна Роговая — преподавательница русского языка и литературы, моего любимого предмета.

Учительница немецкого языка Елена Казимировна Науджунас происходила из Литвы и занимала особое положение среди учителей. По-моему, все ученики тогда ненавидели немецкий язык, но никто — преподавательницу этого языка. Её серьезное отношение к своему предмету, её корректность и справедливость во всех отношениях признавались всеми. У нас сложилось к ней глубокое уважение. Во время перемен перед уроками немецкого языка в классе стоял гул: спрягались глаголы, склонялись существительные или строились немецкие предложения… Я же на уроках почитаемой Елены Казимировны часто выполняла домашние задания по другим предметам…

Запомнился учитель физики, маленького роста, с всклокоченными с проседью волосами, говорящий с чувашским акцентом, что, видимо, и приводило нас в хорошее настроение. Имени его не помню, а прозвище было «Система CGS» (це-же-эс). Это прозвище дали ему, если не ошибаюсь, два наших ученика В. Ярошенко и Л. Петрик, которых кто-то назвал «умные головы».

В начале учебного года состоялось общешкольное

комсомольское собрание. С грустью я замечала, с каким воодушевлением говорилось о предстоящем собрании. Сердце щемило при воспоминании о моей позорной попытке вступить в комсомол в 7-м классе… Впоследствии я узнала, что секретарем школьной комсомольской организации избран ученик 8-го А класса Павел Братчун, который имел большой авторитет среди учащихся. Я его не знала, но замечала, как мальчишки нашего класса со звонком на большую перемену спешили в какое-то помещение, где все толпились вокруг Павла. Видимо, он рассказывал какие-нибудь занимательные и познавательные истории, т. к. мальчишки приходили оттуда в хорошем настроении и нередко кто-нибудь из них, подняв кверху указательный палец, произносил какое-нибудь изречение великих философов или писателей и заканчивал: «сказал Братчун».

Каждые две недели, по субботам, в школе устраивались танцевальные вечера, которые я до Нового года ни разу не посетила, потому как скучала по дому и часто ходила по субботам домой в Кучук. Кроме того, я бы одна никогда не пошла на вечер, у меня и малейшего желания не было туда пойти. Всё изменилось, когда после зимних каникул Роза стала тоже в нашем классе учиться. Квартировалась она с Нюрой вместе, но в одну из январских суббот мы с ней вдвоем пошли на школьный вечер. Начался он небольшой концертной программой. На маленькой сцене появились четыре музыканта.

Взрослый мужчина играл на пианино, мальчишка лет 13 — на аккордеоне, другой, лет и — на скрипке, и совсем маленький бутуз ударял совершенно безошибочно в такт музыки в треугольник. В следующий вечер я уже знала, что выступал перед нами тогда учитель математики 6–7 классов Клементий Варфоломеевич Роор (Rohr) со своими тремя сыновьями. Учитель Роор был поволжским немцем, причем из нашего села Мариенталь. Все мои родственники хорошо его знали. Музыка, которая звучала в нашей школе в те годы, была восхитительна. Под мелодии различных вальсов, танго, фокстрота и других танцев мы с наслаждением передвигались по залу. В основном, все наши учителя присутствовали на этих вечерах. Некоторые из них показывали нам, как правильно и красиво делать соответствующие шаги в различных танцах. Нам очень нравились эти вечера. Еще я узнала, что в школе есть театральный кружок и что им руководит Валентина Андреевна, учительница литературы 9–10-х классов. В тот период времени готовилось большое театральное представление. Исполнителей ролей выбирала сама Валентина Андреевна. Как бы мне хотелось тоже принять участие, но мне никто не предложил никакой роли. Конечно, потому что я

немка, думала я. Зато я могла петь в хоре вместе с Розой. У Розы был красивый и сильный голос, и она несколько раз выступала с сольным пением. В дуэте с одним из учителей она пела украинскую песню «Дивлюсь я на небо, та й думку гадаю». С большим успехом. От хорового пения я не получала большого удовольствия, но репетиции посещала регулярно, чтобы не чувствовать себя так изолированно от всех.

Приближались весенние каникулы. Световой день все увеличивался, и ярко палящие лучи солнца привели к повышению температуры воздуха, в результате чего снежные заносы потеряли свою зимнюю мощь и начали таять.

Пока снег не превратился в лужи, пока ночью еще держались слабые морозы, мы ходили в школу в валенках, которые насквозь промокали, когда мы возвращались домой, и которые потом на ночь ставились в называемую по-украински *прыпичку,* где они и высыхали полностью к следующему утру. Некоторые из девочек имели кожаные сапоги, которые они могли надевать вместо валенок. У меня таких не было, а мои кожаные полуботинки за зиму, к сожалению, не увеличились в соответствии с моими ногами и стали малы для того, чтобы можно было надеть их на толстые вязаные шерстяные чулки. Когда таяние снега вошло в полную силу, я перед самыми каникулами пропустила два дня школьных занятий.

В первый день каникул ранним утром приехали за нами на санях в двойной упряжке. По утреннему морозцу мы с трудом, но проехали по застывшим лужам широкого Ленинского проспекта села Родино, а в поле еще довольно плотно лежал снег и дорога была вполне проезжей.

Дома меня встретили с большой радостью. И не столько мой приезд был причиной тому и привел глаза и лица моих родных к возбужденно-счастливому сиянию, а то событие, что наша корова отелилась.

Женщины озабоченно планировали, как можно рациональнее, целесообразнее распределить расход молока, какую часть его можно променять на недостающие у нас продукты питания (овощи, например), а также на одежду.

Моей старшей сестре Марии с четырьмя детьми жилось гораздо хуже. Наша мать, как могла, поддерживала её, смотрела за детьми, пока Мария работала в швейной мастерской у Эллы. Однажды я посетила мастерскую и наблюдала, как Мария в это время распарывала старую грязную зимнюю куртку или полупальто. Совсем близко к своим очень слабо видящим глазам она держала эту вещь и старалась обломком от опасной бритвы попасть точно в шов, чтобы не повредить ткань. Густая пыль

исходила от каждого стежка шва. Жаль мне было Марию, и хотелось реветь.

Крайне бедственно выглядела её домашняя обстановка. Всё возможное она уже обменяла на продукты питания. Старшая её дочь, которую теперь называли Маруся и которой было 12 лет, работала на ферме летом и иногда помогала там зимой…

После каникул нас со своим провиантом на оставшуюся последнюю четверть уже посуху отвезли на телеге в Родино.

30 апреля состоялся школьный вечер, посвященный международному дню трудящихся 1 Мая. Состоялось большое театральное представление, в котором главную роль превосходно играл Павел Братчун.

Роза и наш учитель математики пели дуэтом украинские песни — с большим успехом.

На танцевальных вечерах мы с Розой много танцевали не только друг с другом, но и с мальчишками из нашего класса. На последнем вечере этого учебного года вдруг передо мной оказался Павел Братчун. «Можно пригласить на вальс?» — спросил он, улыбаясь. Какое-то мгновение я молча смотрела на него, потом, тоже улыбаясь, кивнула и подала ему руку. С этих пор я была убеждена, что Павел лучше всех других…

Но об этом не должен знать никто, даже Роза, не говоря уже о нем самом. Он — никогда. Потому что я немка.

9-го мая после школы, когда я только пообедала, донеслись вдруг с улицы какие-то крики. Дверь рывком отворилась, забежала моя тетушка Анна, плача и смеясь одновременно, обняла меня и сказала, что война кончилась, что мой папа и её сын Саша теперь вернутся и мы все поедем домой в Мариенталь.

Конечно, мы все и до этого знали, что война скоро кончится. И тем не менее, это известие было потрясающим. «Наконец-то!» — вскричала я, выбежала на улицу и примкнула к громко ликующей толпе. Все бежали в направлении к центру, в сторону нашей школы. Роза выбежала с криками из дома, мы обнялись, радостно крича «конец войне» и прыгали, как маленькие дети, или как ненормальные. Нюра тоже была с нами.

На центральной площади уже сооружалась трибуна, и кто-то из райкома Партии кричал: «Да здравствует победа, да здравствует непобедимая Красная Армия, да здравствует коммунистическая партия Советского Союза. Да здравствует товарищ Сталин!»

В толпе слышались сквозь слёзы отдельные выкрики: «Наконец-то кончилась эта проклятая война», «Наконец-то мир!». Все обнимались, смотрели друг на друга с ликующим восторгом, с надеждой на светлое будущее…

Нет, не все выражали радостный восторг. Некоторые женщины стояли недвижно, невидящими глазами смотрели перед собой, выражая полную безысходность охватившей их печали. Другие громко голосили, причитали по погибшим мужьям, сыновьям, братьям или отцам. И так же выражали безысходность своего печального положения.

Прошло некоторое время, и люди немного успокоились. Тогда начался митинг.

Мои мысли были с моими родителями, сестрами, родственниками. Наперед я радовалась возвращению моего отца…

Как и я, все надеялись, что мы вернёмся на родину, на Волгу.

Когда, каким образом и вернёмся ли — эти вопросы остались безответными.

Часть вторая

Глава 1

Первое лето без войны. Ничего не изменилось, все осталось как в годы войны, и всё-таки, как-то иначе… Надежды, возлагавшиеся на окончание войны, не исполнились… Я не переставала ждать встречи со своим отцом, но… веры той уже не было.

После его ареста мы не получили никакого известия ни о нём, ни от него. Все мужчины немецкой национальности, призванные в январе 1942 г. в трудармию частично остались там, частично в заключении. Мой дядя Петер Герман и кузен Александр Роор были арестованы еще 25.09.43 (в трудармии) и отправлены из Свердловской области в Воркуту.

Когда вернутся оставшиеся в трудармии, никто не знал. Евгения, жена Петра Германа, была освобождена от службы в трудармии. Два года назад ей разрешили взять своих детей Гелика и Голду (Holda) к себе, где они жили в общем бараке. Девочку даже определили в детский сад, а с сыном тётя Женя делила свой паёк. Там же Гелик закончил первый класс. Теперь они все трое вернулись из трудармии.

Некоторые русские семьи уже после окончания войны получали потрясающие неописуемым трагизмом похоронные извещения. Маня и её семья напрасно ждали возвращения отца Василия Цапко — он значился в списках без вести пропавших, так же как его брат Алексей Цапко, отец Даши, Михаила и Александра.

Почти все ушедшие на фронт мужчины Степного Кучука погибли на войне. В наш колхоз Свердлова вернулись человек пять, среди которых отец Веры — Григорий Шевченко — и совсем молодой человек — Василий Стельмах. Он был военным фельдшером, заболел туберкулёзом легких и был демобилизован как неизлечимо больной. Остальных не берусь назвать, потому как не уверена в их именах.

Конец войны не принес колхозу значительной помощи в рабочей силе. Как и прежде, надежной помощью в сельском хозяйстве оставались школьники. Хотя война закончилась, враг был разбит, наше отечество нуждалось в нашем бескорыстном труде и в наших силах для восстановления разрушенного народного хозяйства — так говорилось. Мы старались и работали безустанно.

Экзамены в этот раз длились несколько дольше. В числе других я тоже перешла в 9-й класс. Едва мы вернулись в Кучук, мы вынуждены были пойти в поле.

У меня не было обуви. Моя мама отнесла мои совершенно изношенные, изорванные полуботинки к сапожнику-немцу, который пообещал ей к началу учебного года капитально их починить. Значит, опять все лето работать в поле босиком. Это лето осталось в моей памяти самым тяжелым в отношении продуктов питания. Картошка наша давно закончилась, и от колхоза мы уже ничего не получали. До нового урожая картофеля и других овощей оставалась наша корова Лена единственной кормилицей. На радость всех родственников привезла моя сестра Мария из Мариенталя свою молочную центрифугу-сепаратор. Мама Зина (так называли её теперь вместо Синэ) и бабушка Лисбет носили молоко к Марии и сепарировали его. Из сливок сбивали масло, которое потом обменивали на другие продукты. Ни одна из русских семей не имела тогда сепаратора, и соседи недоверчиво относились к этому гудящему мотору. Впоследствии близко живущие тоже сепарировали у Марии своё молоко. За это она получала по кружке молока, так же, как от нас. В летнее время ходили наши две бабушки вместе с близнецами по окрестностям и собирали крапиву, щавель, лебеду, клевер и другие травы и готовили из них, смешивая с чем-нибудь, разные кушанья.

В бригаде, где я проводила всё время полевых работ, на обед готовился суп, заправленный каким-нибудь растительным маслом. В это лето мы весьма редко получали хлеб на обед, а суп был настолько жидкий, что не составляло никакого труда сосчитать, сколько кусочков картошки сегодня попали в твою мисочку. А если суп был заправлен какой-нибудь крупой, то можно было даже почувствовать себя почти сытым. Иногда случалось, что и на ужин что-нибудь подавали. После летней жары, когда дни уже стали короче, мы не стали приходить на большой обеденный перерыв в бригаду, а суп получали вечером после работы. Бригадир нашей полеводческой бригады Ворок Григорий (инвалид войны, сильно хромавший на одну ногу и сильно заикавшийся) каждый день ездил в село, где он в правлении колхоза, видимо, отчитывался и получал новые указания, а также получал продукты на приготовление нашего обеда-ужина. Оттуда он привозил передачи от родных, которые обычно все съедали частично в поле на обед, частью вечером после супа. Насколько я помню, каждый получал по бутылке молока и что-нибудь, завёрнутое в тряпицу — хлеб или что-то другое мучное. К сожалению, я не получала передачи. До сего дня

не могу объяснить, почему моя милая мама или Элла не могли мне хотя бы иногда передать бутылку молока. Видимо, потому, что я никогда не просила об этом. Они знали, что в бригаде кормят чем-то, и считали, что этого достаточно. А я, по застенчивости ли, по упорству характера ли, никогда не просила о съестном. Считала, что мои домашние, особенно дети, сами голодают. Иногда Роза или Нюра мне что-нибудь давали, но обычно я сразу уходила после супа, чтобы не видеть, как все аппетитно съедали свои передачи. Однажды, когда я выхлебала свой жидкий-прежидкий супчик и хотела встать из-за стола, чтобы убрать свою посуду, к столу подошел бригадир, прямо ко мне, налил в мою мисочку немного подсолнечного масла, отломил от своей буханки большой кусок хлеба и положил возле миски. Я испуганно посмотрела на него. Заикаясь, он сказал: «Кушай на здоровье». Некоторые за столом кивали мне дружественно, кушай, мол. Кто-то подвинул мне соль, чтоб я масло посолила, а кто-то налил молока в мою кружку, может, это был тоже бригадир. Со стыда я не смела глаз поднять. О таком сюрпризе я не могла мечтать. В мои 16 лет, безусловно, была задета моя гордость. После некоторых колебаний я начала есть, вернее, утолять уже привычный и, тем не менее, мучительный голод. Кусочками отщипывала хлеб, макала их в душистое подсолнечное масло и наслаждалась…

Был конец июня. Сенокос только закончился.

Днем стояла уже жара, а ночью было прохладно, чтобы спать на улице под открытым небом. После ужина мы, девчонки, сидели еще за столом и дружно разговаривали о чем-то, когда в наш двор въехала большая телега в двуконной упряжке. Наша учётчица Галина Шкурко была, видимо, в курсе дела, она крикнула бригадиру: «Из Родино приехали за сеном!». Наша веселая болтовня прервалась, улыбки исчезли с наших лиц, когда за моей спиной раздалось: «Добрый вечер». Я глазам своим не поверила, когда обернулась. Рядом со мной стоял Павел Братчун, секретарь комсомольской организации нашей школы. Он помогал своему отцу в заготовке сена на зиму для райкома партии.

«А что ты здесь делаешь?» — спросил он меня, улыбаясь, как будто он только меня и знал. Он знал Розу и Нюру лучше, как членов его комсомольской организации хотя бы.

«Я работаю здесь».

«Я бы представить себе не мог этого».

Между тем девчонки разбежались, чтобы приготовиться ко сну. Павел не уходил. Он рассказывал, как отговаривал отца переночевать здесь в полевом стане, как он хотел, чтоб они в селе остались. Я едва слушала его и пришла в полное замешательство.

Почему Роза убежала, кружилось в моей голове, она бы определенно нашлась, как мне помочь в этой ситуации. Потом вышла из избы Катерина (сестра Мани) и заявила, что спальное место для моего одноклассника уже приготовлено. (Для моего одноклассника! Как будто он только мой соученик!) Мы вошли в лагерь. Ему постелили постель на одной из деревянных коек где-то впереди. После того как Павел осмотрел приготовленное ему спальное место, он спросил меня: «А где ты спишь?» Я показала на пол возле двери. Там мы обычно спали с Дуней, иногда и с Розой. «Можно я тоже тут буду спать? Или места нет?» «Есть, есть, — торопливо вмешалась Дуня. — Я сегодня сплю там, у окна». Сам вопрос его был крайне неожиданным, но больше всего меня поразила тишина. Глубокая тишина установилась в помещении. Интуитивно я поняла, что все взгляды обращены на меня. Чувство предательского одиночества охватило меня. Что делать?.. Я сказала: «У меня нет постельных принадлежностей для тебя». И тут же Катерина принесла подушку и два одеяла, которые были собственно самотканые рядна — мне они показались совершенно новыми. От конюшни мы втроем, Павел, Дуня и я, принесли сено и устроили свои спальные места, Павел возле самой двери, я — непосредственно перед кроватью Гали Горевой. И всё-таки близко друг возле друга. Среди моих постельных принадлежностей была подушка, зимняя стеганая куртка моего отца и мое детское стеганое одеяло из Мариенталя, которое было коротким для меня. Куртку я постелила на сено, а чтобы ноги мои не мёрзли, мне мама дала с собой толстые шерстяные носки, их я и надевала на ночь.

Я улеглась как можно ближе к Галиной койке, при этом ни разу не взглянула на Павла. Галя Горевая, которую все знали как непревзойденную шутницу на селе, сказала пренебрежительным тоном: «Смотри, не прячься слишком далеко под мою койку, а то я могу нечаянно упасть и проспать всю ночь между тобой и твоим одноклассником». Она тихо засмеялась над этим и вскоре негромко захрапела.

Мне бы следовало перед сном еще выйти по нужде, но я не решалась, думала, когда Павел уснет, я выйду. Все больше слышалось глубокое дыхание, переходящее в сопение — дыхание уснувших, уставших людей. Лёжа на спине, голову слегка повернув в сторону Галиной койки, руками держа свое одеяльце у подбородка, я затаенно прислушивалась к дыханию Павла, к его тихому равномерному дыханию и установила, что мы с ним дышим в одном ритме, равномерно сменяя вдох на выдох… Быстро я повернула голову и увидела его широко открытые серо-голубые глаза. Совсем короткое время, одно мгновение я не

могла оторвать от них взгляда, мы смотрели друг другу в глаза. И он улыбнулся — светлой и чистой улыбкой. Я ему тоже благодарно улыбнулась…

Будто лёгкое дуновение согревающей нежности коснулось моей души. С приятнейшим ощущением всего самого доброго я отвернулась и уснула. «Подъ-ё-ё-ём!» — раздалось чуть свет. Так ежедневно будил нас после короткого сна наш бригадир.

Я вскочила, собрала и свернула свои постельные принадлежности и положила их на Галину кровать. Павел тоже хотел встать, но остался сидеть, сказал только, что сам отнесет сено к конюшне. Наша группа собиралась во дворе. Ранним утром было еще довольно прохладно. Слегка воткнув вилы свои в землю, я стояла босиком, опершись подбородком на верх черенка вил. Мёрзли не только ноги. Моя юбка в складку, с широкими бретелями и поперечной вставкой спереди, которую я сама перешила из детского платья в клетку, едва покрывала колени, а тонкая блузка была плохой защитой от холода. Кроме всего прочего, от смущения я не знала, куда глаза девать. Когда настала пора уходить, Роза шепнула мне: «Оглянись хотя бы». Я оглянулась — Павел стоял у двери и смотрел нам вслед. Парень, который с тех пор несколько лет не выходил из головы. Была ли это любовь? Я и теперь не знаю. Тогда я не думала об этом, но я твёрдо сознавала, что он единственный, которого я всегда хотела видеть, и я также сознавала, что я, немка, об этом юноше и мечтать не должна.

Хотя всем было известно, что я ночь спала рядом с этим парнем, никто об этом как-либо не высказывался. Никто и никогда. И Роза нет. Возможно, говорили об этом в мое отсутствие? Теперь, более чем через 60 лет, Роза говорит мне (по телефону из Новосибирска): «Все завидовали тебе». У меня же было чувство, что я попала в очень неловкое положение, я и мысли не могла бы допустить, что это может вызвать зависть.

Короткое сибирское лето проявило себя в этот год крайне солнечным. Без дождя. Созревающие зерновые остались низкорослыми, зерна формировались несовершенно. Урожай был плохим и тем более старательно он должен быть убран — без малейших потерь.

Поля зерновых были все скошены, несколько дней мы уже были на скирдовании, как вдруг оказалось, что одна узкая полоса скошенной пшеницы еще лежит в валках, т. е. не сложена еще в копны. Туда была направлена наша молодежная группа. Неожиданно в эту ночь ударил первый мороз. Всё вокруг покрыто инеем. Недолго думая, я надела большую фуфайку (на которой я спала), повязала голову платком, а на ноги натянула свои

толстые шерстяные носки. Ботинок не было. Еще недалеко мы отошли от полевого стана, как носки мои промокли — от тепла моих ног. Ноги мёрзли. На поле стало совсем плохо. Носки цеплялись за стерню. Я их сняла, свернула и вместе с комками земли поместила в карманы фуфайки. Босиком в поле по стерне, покрытой инеем… я, конечно, отстала от своих подруг…

Потом восходящее солнце привело к таянию инея, и земля постепенно прогрелась. После этого нам выпало еще много теплых солнечных дней.

Урожай был убран с полей и сложен в стога на токах. Настала пора молотить зерно. Поздним вечером перед первым днем молотьбы установили на току вблизи нашего лагеря непосредственно у стога пшеницы молотилку. Было объявлено, что только на один день дали нашему колхозу эту машину. В лагере в это время было совсем мало людей. Война кончилась, и некоторые из молодых женщин уехали из Кучука к своим родственникам на Украину или просто в дальние края в поисках счастья…

И получилось так, что людей не хватало, чтобы полностью обслужить молотильную установку. Еще на заре мы собрались на току и нам сказали, что к нам на помощь придут несколько женщин из села, но когда они придут — неизвестно. А начинать надо сейчас же, не то не успеем перемолотить стог.

Самая тяжелая работа при молотьбе — это подавать снопы со стога в бункер. Обычно эту работу выполняют не менее пяти человек, теперь же справиться с этим предстояло троим. Меня поставили отгребать полову подальше в сторону и в то же время отодвигать кучами назад солому, чтобы дать возможность захватить её большими граблями в конной упряжке и перевезти подальше от тока. Кто-то из женщин со стога возмущенно кричал бригадиру: «Она же не справится одна у соломы и половы. И мы тут втроем не справимся. Молотилка будет больше вхолостую крутиться!» Бригадир же гневно скомандовал: «Завести молотилку!» И с грохотом началась молотьба. Хуже всего мне пришлось переносить пыль, вернее, бороться с ней. Уже через короткое время я едва могла дышать. И нос, и рот полны пыли. Я выскочила на свободу, сорвала платок с головы, очистила, как могла, горло и нос, вдохнула воздуха, завязала лицо платком — и снова в этот ад. И соломы, и половы набралось много, и мне с трудом удавалось удалять набиравшиеся массы. Постепенно я пришла в такой ускоренный режим работы, что сама себе казалась заведенной машиной. Еще пару раз я выскакивала, чтоб вдохнуть воздуха, и даже не заметила, что прибыли женщины из села. И вдруг я увидела свою сестру Эллу. Она шла с

распростёртыми руками в мою сторону: «Сестричка моя, детка моя», — она потянула меня из этого пыльного ужаса и передала мои вилы одной из женщин. Со слезами она вытирала своим платком слой пыли с моего лица. «Я тебя не могла найти и спросила, где же моя сестра, почему её нет на молотьбе? И мне показали на тебя. И ты всё это время была одна здесь?» Она не переставала плакать. «Ничего страшного не произошло», — успокаивала я её. Затем мы эту работу выполняли вчетвером. В этот вечер меня отпустили домой с моей сестрой, чтобы мы смогли вымыть мне голову, т. к. никаким гребешком невозможно было расчесать волосы.

На следующий вечер Элла пришла из своей пошивочной мастерской домой с очень печальным известием — наш двоюродный брат, сын тёти Анны, Александр Роор погиб. Как политический заключенный он погиб в одной из угольных шахт в Воркуте. Берта, сестра Анны (и наша тётя) получила это известие, и завтра она пойдет в Родино (а там она отметится в комендатуре), чтобы передать своей сестре это жестокое известие. Любимая моя тётушка Анна — её единственный сын, её надежда и гордость.

Анна, сестра моего отца, родилась в 1891 году в Мариентале, совсем молодой вышла замуж за Мартина Роора, который вскоре после рождения сына Саши умер во время эпидемии тифа. Говорили, что она была очень красива и походила на свою мать Доротею, рожд. Боос. Через 2–3 года она вышла замуж за совсем юного парня, который был безумно в неё влюблен и был моложе неё на 6–7 лет. Якоб Барбье, французского происхождения, упорно добивался согласия Анны стать его женой, она же какое-то время не соглашалась, хотя сама была преисполнена любви к нему. Счастливая молодая семья — Анна, Якоб и Саша — переселилась после революции в Энгельс, где Якоб работал шофёром, а Анна официанткой. Саша успешно учился в школе. Он был одаренным мальчиком, особенно в области языков и литературы. Они были очень счастливы. Вскоре на свет появился второй ребенок, который, к несчастью, прожил всего несколько месяцев. Больше Анна не рожала детей. Более пятнадцати лет их счастье казалось безграничным, а потом… Некая медицинская сестра забеременела от Яши. Русская. Анна от страдания заболела, Яша плакал и клялся ей в любви. Когда ребёнок родился, Яша оставил свою Анну.

После окончания школы Саша изучал языки и литературу. Анна теперь работала в больнице санитаркой. Но с горя, с тоски по большой её любви она словно сникла, не стало её бодрости духа, её жизнерадостного настроения. Однако её сын, её Саша

был тем, кто находил слова утешения для матери. После института он получил работу в центральной газете Республики Немцев Поволжья в Энгельсе. Однажды Саша признался матери, что он встретил девушку своей мечты и хотел бы на ней жениться. Её звали тоже Анна, ласково — Аня. Вскоре Анна узнала, что Аня беременна, и очень радовалась тому, что станет бабушкой. 5 августа 1936 года Александра Роора (ему было 26 лет) арестовали якобы за контрреволюционную деятельность. Анне было непонятно, в чем мог провиниться ее сын. Многих тогда забирали без всякой вины, как и Сашу. И тут Анна показала свою жизненную энергию, свой характер. Во многие двери стучала Анна и получила даже аудиенцию у НКВД, где она убедительно защищала своего сына и где она настойчиво пыталась получить разрешение на свидание с ним. Она сама лучше пойдет в тюрьму, только чтоб его освободили. Она пыталась даже охрану подкупить, но всё тщетно. Не дали ей свидания с Сашей и не нашли нужным эту слишком дерзкую женщину арестовать.

Саше дали 5 лет тюремного заключения по политическим мотивам.

С кем-то у Анны состоялся серьёзный разговор, и её убедили, что её сыну никто не сможет помочь. Так осталась она одна со своим горем. Её невестка стала Анны сторониться, с родившейся внучкой она всё реже получала возможность видеться. Без Саши, без любви, без внучки.

Печальная и униженная, вернулась Анна в наш Мариенталь. Дружественное, радостное окружение её близких родственников, бодрящие разговоры оживили постепенно её жизненную энергию, её прежний оптимизм. Жить она стала у своей мачехи Маргариты, т. е. в доме своего отца Йохана (Ивана) Германа (Франце Ханнеса), где жила её сводная сестра Берта. Хороший друг моего отца, доктор Корнелиус, устроил её на работу в больнице санитаркой по уходу за больными, и она проявила себя прилежной, добродушной, всегда готовой помочь работницей.

Её лучшей подругой была моя мама — её сноха. Все называли её Anagout, что воспринималось как «крёстная». Было ей тогда 45 лет. Её фартуки были обшиты пёстрой бейкой, что привлекало к ним внимание, а один из карманов отличался особенно затейливой яркой вышивкой, и мы, дети, знали, что в нем непременно можно что-то найти. Сперва она гладит тебя по голове и говорит, что зайчик опять приходил к ней и что-то положил в этот карман, а что — не знает, потом достает из кармана что-нибудь: конфету, завёрнутое печенье, маленькую красивую картинку или куколку самодельную — что угодно. Так

же она приходила к моей сестре Марии, у неё уже было двое-трое детей. Для меня понятие «тётя» навсегда олицетворяло мою тётю Анну. Её красивые карие глаза, небольшой прямой нос (я думаю, единственный красивый нос во всей нашей родне). Невысокого роста, несколько округлой формы, в общем, вполне женственного сложения. Это была наша Анагоут, позднее тётя Анна, а еще позднее — тётя Нюра (для всех уже в Сибири). И такой я представляла себе мою бабушку Доротею, рожденную Боос, которая умерла, когда мой отец был подростком, а тетя Нюра еще маленькой.

В доме моей бабушки, мачехи моего отца (в доме Францев), происходило что-то необычное. Берта, которой было уже 31, еще никогда не бывала вместе с кем-либо из лиц мужского пола, даже не разговаривала ни с кем, кроме своих братьев. Теперь же старшие женщины семьи Герман: бабушка Маргарита (мать Берты), тётя Анна и моя мать Синэ решили, во что бы то ни стало выдать Берту замуж. Нашелся жених такого же возраста, такого же склада характера (прямо по Гоголю) — Мартин Зальцман, и родственники поженили их.

Сыграли скромную свадьбу, и Мартин пришел жить в дом Франце Ханнеса.

Когда до Анны дошло, что её тоже хотят с кем-то свести, она воспротивилась, даже слышать не хотела об этом. Её не покидала надежда, и она твёрдо еще верила, что Якоб к ней вернется. «Никакая другая женщина на земле не может его так любить, как я, и никакую другую женщину не может он любить, как меня». Это утверждение дошло до моего сознания, безусловно, не в те годы, а гораздо позднее, когда я уже была взрослой.

И всё-таки это сводничество состоялось. И состоялся новый брак моей тётушки. Анну заметил и она понравилась недавно овдовевшему весьма уважаемому, приятной внешности — отцу шестерых детей — человеку, работавшим бухгалтером или другим должностным лицом. И он нашел её единственно подходящей. И Маргарита, и Синэ, и Берта советовали Анне выйти за него замуж, утверждали, что он порядочный человек и его дети хорошо воспитаны, а она сама ведь любит детей. Да. Да. Да. Анна признавала все представленные аргументы, признавала, что это был бы разумный и правильный шаг в её жизни, но… она не могла выбить из своей головы Яшу. А Саша, её сын, как он расценит это, когда вернется? Однако после длительного разговора с глазу на глаз со своим братом Александром (моим отцом), который смог её убедить, что тщетно лелеять надежду на возвращение Якова и пора его забыть — после этого разговора Анна дала согласие на брак. Теперь она носила фамилию своего

супруга — Гросс. К сожалению всех родных, через год закончилась их совместная жизнь, Анна ушла из семьи. Он был хорошим человеком, она хорошо обходилась с детьми, младшие называли её мамой. «Я не могу, — объясняла она моей матери. — Яков стоит перед моими глазами». И она вернулась в дом своего отца.

К этому времени, в 1938 году, арестовали и моего дядю Петра Германа, который жил с семьей в Магнитогорске. Его жена Евгения с двумя детьми, Геликом (3) и Голдой (1), тоже приехали в Мариенталь и поселились в доме отца.

Незадолго до войны, по отбытии срока, вернулся Александр, а Петра освободили по амнистии.

Саша недолго пробыл в Мариентале, ему предоставили работу в том же издательстве, где он работал раньше. С семьей связь не установилась, видимо, молодая женщина поверила (как многие и многие в те годы) в то, что он враг народа, и вышла замуж за другого. Началась война, и перед нашим изгнанием Саша приехал в Мариенталь, чтобы вместе с родными уехать в Сибирь. Петр работал слесарем на мариентальской МТС.

Теперь же мы пишем о 1945 годе, когда Саша погиб. И Берта должна завтра утром пойти в Родино и сообщить своей сестре о смерти её сына. Наша Анагоут!

В этот вечер в нашей семье много говорили об Анне. Так как мне нужно было только утром выходить в поле, я тоже принимала участие в этих разговорах и многое узнала о жизни Анны, о её счастье в браке с Барбье и о Саше, что он был милым бравым ребенком, и потом уже взрослым его ценили как высоко интеллигентного человека.

И внешность его была впечатляющей: высокого роста, худощав, красивой формы голова, выразительные карие глаза. «Он даже начал писать роман, это Анна еще до войны говорила», — заявила моя мать.

Потом начали молиться. Бабушка Лиза и мама взяли молитвенные книги и стали читать молитвы за упокой нашего дорогого Саши.

Потом разговор зашел о Петре и о моем отце. Петр ведь тоже был в Воркуте на шахте, может быть, он тоже погиб? Боже милостивый! А наш отец? Почему мы не получили ни одной весточки от него? Уже почти три года прошло, как его забрали. Жив ли он еще, или его убили? Мать моя тихо плакала в свой фартук. И что с нами еще будет, как мы будем жить дальше? Никто не мог ответить на этот вопрос.

Слава Богу, что Мария получала регулярно письма от мужа — Александра Цвингера, его не арестовали, и он остался в

трудармии, так же как Мартин Зальцман — муж Берты. Неизвестно только, как долго еще им придется служить в этой армии.

На следующее утро, как всегда, как только заря занялась, я ушла в поле в ботинках с новыми подошвами, с которыми я должна осторожно обращаться, чтоб остались целыми до начала учебного года. Я хотела еще у Эллы спросить, не могут ли они мне иногда по бутылке молока передавать?.. И не посмела. Моя мама и бабушка Лиза так истощенно выглядели, а восьмилетние близнецы Иза и Тоня определенно были всегда голодны…

Ботинки мои остались целы, но для школы они мне в эту осень не понадобились, так как мы работали в поле, пока снег не лег, до морозов. В школу мы пошли в начале ноября — в валенках.

В один из последних дней нашей работы выдавали зерно на заработанные трудодни. Собрались мы у небольшого амбара на хозяйственном дворе. Было объявлено, чтоб имели при себе по нормальному мешку, т. е. много не будет. Мы с Розой стали в очередь. Потом пришла Галина. Вынесли большие весы и поставили перед дверью амбара. Галина взяла свою амбарную книгу, отыскивала фамилию подошедшего по очереди и называла количество причитающего ему зерна в кг. Две её помощницы брали мешок и отвешивали соответствующее количество зерна. В этот раз я особенно внимательно следила за Галиной, потому как в прошлом году при этой процедуре мне что-то показалось подозрительным. Да. Точно так же, как в прошлом году, произошло и теперь. Когда подошла моя очередь, Галя вообще не посмотрела в свою книгу, она назвала просто почти столько же, сколько получила Роза. По-моему, было 21–23 кг. Почему она не смотрела в книгу? Почему у неё был в памяти только мой заработок? Для всех других она смотрела в книгу. Обманывала она меня понемногу? Или она мне давала немного больше? Может, она питает ко мне какое-то особое отношение? Может ли это быть? Странно. Очень странно.

Тогда я не знала, никто из нас, немцев, не знал, что мы не значимся ни в одном списке членов колхоза или села. Ни в одном списке не было наших фамилий. Как будто мы вообще не существовали. Мы работали сколько могли, но нигде наши старания не отмечались. Как животные колхоза. Только в НКВД имелись списки немцев-выселенцев, и мы должны были ежемесячно отмечаться, чтобы мы не сбежали.

В качестве заработка мы получали столько, чтобы не умереть с голода. Я не жалуюсь, я не обвиняю учетчицу Галину и правление колхоза, они ни при чем… Об этом всем я узнала,

лишь когда (по-моему) в 1990 году приехала в Степной Кучук, чтоб навестить своих родственников и одновременно получить справку об отработанных мной днях в колхозе за годы войны, необходимую мне для прибавки к пенсии. Я узнала, что все архивные документы колхоза находятся в сельсовете. Без малейших проблем я получила регистрационные книги со списками в алфавитном порядке всех колхозников с отметками о каждом рабочем дне в определенные годы. Молодая женщина — секретарь сельсовета, безусловно, мне совершенно незнакомая, любезно подала мне эти списки. Я быстро нашла первую букву моей фамилии Герман и стала искать… Моей фамилии не было. Тогда я стала искать фамилии моих сестер… И моих тётушек. Никого нет. Спросила секретаршу, она, разобравшись, о чем идет речь, ответила, что нас и не было в списках, но об этом лучше всего узнать у Галины Ефимовны Шкурко (бывшей нашей учётчицы). Мне уже не хотелось ни у кого спрашивать, мне не хотелось больше ничего слышать об этом…

И когда через некоторое время меня сзади обняла Галина и плача сказала: «Лида, ты же ничего тогда не знала, и никто из вас не знал…», я никак не отреагировала. А при других обстоятельствах как бы я обрадовалась встрече с ней.

Теперь же сидела я, окаменев, словно парализованная, униженная и пристыженная, как тогда, в молодые годы, когда я была просто немкой…

Теперь же вернёмся в учебный 1945–46 год.

Глава 2

В 1945 году нас было уже пятеро из Кучука, которые учились в Родино. Как мы приехали в Родино, я не помню, так как другое событие занимало меня в значительной степени больше: моя тётушка Анна со своей семьей переехала на новую квартиру на территории Родинской МТС. Эту квартиру предоставили Петру Штаубу как специалисту кузнечного дела, с тем, чтобы его в любое время можно было вызвать на работу. Расстояние до моей школы осталось такое же, как от прежней квартиры, только идти приходилось в противоположную сторону. Роза, Вера и Нюра остались там же, где и в прошлом году. И мне от моей до Розиной квартиры надо теперь добрый час прошагать. Разочарованная этим, я ломала голову, как я теперь буду обходиться без учебников Розы, своих у меня так и не было. Теперь мы с Розой встречались только в школе. Сидели мы вместе за третьей партой в ряду у окон. Павел сидел где-то сзади, т. к. после перемены он всегда проходил мимо нас назад. Я бы никогда не оглянулась,

чтобы его увидеть, и избегала встречи с ним во время перемен. Собственно, у меня сложилось впечатление, что и он старался не попадаться мне на глаза. И это мне нравилось. И это не мешало мне быть о нем самого высокого мнения.

В первый день школьных занятий, когда я во дворе попрощалась с Розой и с повлажневшими глазами направилась в сторону МТС, кто-то тронул меня за локоть. Это была Нона Антипина. Я обратила на нее внимание еще в 8-м классе из-за её маленького роста. Запомнилась она мне симпатичной девчонкой.

«Мы теперь с тобой попутчицы, ты же живешь во дворе МТС? Я безумно рада, что мы вместе можем ходить в школу и обратно, а то я всё время одна была».

Всё сказанное отражалось в её маленьких серо-голубых выразительных глазах. Мы обе радостно смеялись и сожалели, что уже сегодня утром не пошли вместе в школу. Потом Нона говорила о некоторых девочках из нашего класса, которых я не знала. Так, в разговорах, время пути очень быстро прошло. Возле моего дома мы остановились. Нона жила в следующем доме, может, не более двадцати шагов от нашего дома. И проблема с учебниками была решена — в любое время можно было у Ноны взять необходимую книгу.

Новая квартира была больше и лучше прежней: свежеокрашенный в желтый цвет дощатый пол, большие окна и небольшая боковая комната, которая ранее, видимо, служила кладовой. В этой комнатке теперь поселилась Амалия. Я спросила, нельзя ли и мне тут квартироваться, на что Амалия ответила: «Только при условии, что ты вечером не будешь зажигать свет». Этого я пообещать не могла, вечером выполнялись домашние задания. Было решено, что Миша будет спать в комнате своей сестры Амалии, а я остаюсь в большой комнате вместе с тётей Анной и дядей Петром. В определенные дни давали электрический свет — до 10 часов вечера. Но дядя Пётр ложился спать в 9:00, иногда и в 8:00. И я должна была вывернуть лампочку (тогда у нас еще не было выключателей). Зато я могла зажечь керосиновую лампу, которая стояла на столе в углу. Этому я очень радовалась и была крайне благодарна. Сложившиеся обстоятельства в моей жизни мне были очень приятны. Однако вид моей тётушки не производил радостного впечатления. Она заметно изменилась, на её лице редко появлялась улыбка. Мне было жаль её, и я находила причину её настроения в гибели Саши. И это было вполне естественно. Однако постепенно во мне зародились сомнения, я стала наблюдать за ней и заметила, что она никогда не ложилась в постель, пока Петр не спал. Она штопала носки или чулки, чистила картошку на завтра, гладила

свой фартук или белый в голубой горошек хлопчатобумажный головной платок, который она носила не только летом, так, чтобы прикрывало немного лоб и уши, и чтобы её коротко стриженные тёмного цвета волосы с лёгкой проседью едва видны были. И этот на затылке завязанный бантом платочек выглядел всегда как новый, и Бог знает каким образом удавалось Анне доставать эти новые платочки. Тогда я не могла этого понять.

Не всегда зажигала я керосиновую лампу после того, когда надо было выключать электрическую, даже если не полностью выполняла задания. То я слишком много времени уделяла сочинению по литературе и уставала, то слишком сложные задачи по математике, то забыла своевременно взять у Ноны учебник (по физике, истории, основам дарвинизма, химии). Иногда Нона приносила мне учебники сама, а иногда от голода не хотелось ломать голову, а иногда просто хотела дать возможность Анне без помех лечь спать.

Но она не хотела ложиться.

Случалось, что после ужина Анна и Петр ставили большой табурет перед кроватью и играли в карты, в дурака. Это приводило их обычно в хорошее настроение, и Анна даже смеялась. Миша и Амалия иногда стояли рядом и подсмеивались над отцом, когда он оставался в дураках, Анна же сама над собой подтрунивала, оставшись дурочкой.

Но и после этого приятного времяпровождения, когда время было идти ко сну, у Анны резко менялось настроение, и она не хотела или не могла ложиться в постель, даже если я уже была в кровати и притворялась спящей. Мучительно это было для Анны. И виной тому была я. Из-за меня она пошла жить в эту семью. Официально они не были женаты, а по моим тогдашним понятиям они были супружеской парой. Петр был неплохим человеком, и Анна ему нравилась.

«Яков не выходит у неё из головы», — вспоминала я слова своей матери.

«И что это только за Яков?» — думала я и тайно его ненавидела.

Между тем, прошли 2–3 недели учебного года. С Ноной мы крепко подружились. Её дружеская улыбка, её открытость мне очень нравились, и я даже находила привлекательной её небольшую слабость охотно и многовато говорить, тем более что я была, напротив, слишком молчалива.

В эти дни наша классная руководительница Валентина Андреевна напомнила нам, что приближается Новый год, что в этом году мы отпразднуем его совсем необычно, а именно, бал-маскарадом. Взрыв голосов, выражавших и удивление, и просто

непонимание, раздался в классе. Она сказала, что война кончилась и в год победы мы можем себе позволить что-нибудь исключительное. Почему же не бал-маскарад? Желательно, чтобы все ученики старших классов пришли в маскарадных костюмах. Опять гул возмущения, непонимания. Она объясняла, что есть много возможностей, чтобы совсем простыми средствами изготовить определенные костюмы, и мы можем в любое время к ней обратиться за советом и за помощью.

«Поговорите сначала со своими родителями, а потом придете ко мне за советом и встать на учет».

Мы с Розой скептически переглянулись — что это еще? О маскарадном костюме и речи быть не может. Однако Нона была в полном восторге от этой идеи. Всю дорогу от школы до дома темой разговора был бал-маскарад. Она перечисляла всевозможные варианты решения проблемы с костюмом.

«Моя мама что-нибудь придумает, — сказала она. — А ты?»

«Я вообще не пойду на этот бал. Сразу после последнего урока перед каникулами я пойду в Кучук к маме».

Она резко встала передо мной, так, что и мне пришлось остановиться.

«Это ты не всерьез считаешь?» — потрясенная, она уставилась на меня. Моим доводам, что у меня, кроме того что на мне, ничего нет, чтобы надеть, она не хотела верить. Она считала, что когда она еще училась в 8-м А классе, а я в 8-м Б, я одевалась вообще лучше всех, что она мне завидовала и мечтала тоже иметь такие платья, как у меня: одно черное, другое вишнёвого цвета. В самом деле, носила я два платья моей матери из кашемира. Как объясняла мама, она и её сёстры унаследовали от рано умершей матери Анны-Марии два платья, сшитые в стиле 17–18 столетия. Из них уже в начале 20-го века сшили троим по одному черного и одному вишнёвого цвета платью прямого покроя, чуть ниже колен, с длинными рукавами и красивым воротником, отделанного контрастного цвета тонкой бейкой; пояс с элегантной пряжкой охватывал талию.

Еще ребенком я любовалась мамой, когда она в черном кашемировом платье ходила в церковь или в вишнёвом с папой или со мной на какой-нибудь праздник.

Когда после 7-го класса мне предстояло пойти в 8-й класс в Родино, и мои детские платья были уже перешиты для работы в колхозе или изорваны, то мама достала из сундука эти два платья и передала их мне. Сказала, что они из очень старой ткани сшиты, хотя выглядят как новые, и что надолго мне их не хватит, т. к. они уже изношены.

Уже через 2–3 месяца локти были с дырками. Я разрезала

рукава и сшила их, так что они стали гораздо короче. Потом они проносились под мышками. К концу учебного года сшила из черного для близнецов юбочку с бретелями, и платьице — из вишнёвого.

Теперь мне надо убедить подругу, что этих платьев уже нет.

На следующее утро по дороге в школу Нона рассказывала мне, как после долгой дискуссии с матерью они пришли к соглашению, что Нона к новогоднему бал-маскараду получит новое платье из черного панбархата. Ткань эту подарил отец Ноны своей жене еще перед войной, на день рождения. Теперь она хочет сшить своей дочери платье из этой ткани. Однако Нона появится на новогоднем балу не в маскарадном костюме, а просто в красивом элегантном платье и в черных лакированных маминых туфлях на высоком каблуке. Но никто не должен знать об этом. Как сюрприз! И я должна там присутствовать — во что бы то ни стало. Она говорила со своей матерью обо мне, может быть, она что-нибудь придумает.

«Пожалуйста, Лида. Я прошу тебя, — Нона умоляюще смотрела снизу в мои глаза. — Я же не могу одна ночью идти на бал-маскарад. Мои родители разрешат мне только с тобой пойти туда». Мне хотелось ей помочь, но я не знала как. Всё-таки милое создание эта маленькая Нона. И я пообещала ей завтра, в субботу, пойти домой в Кучук, чтобы узнать, как отнесется моя сестра к моей идее пойти на бал-маскарадный вечер. Когда я пришла из школы, Анна уже была в курсе дела. Мать Ноны приходила к ней, все объяснила и просила её меня уговорить пойти на этот неожиданный и заманчивый бал-маскарад. Анна считала, что у Эллы еще найдется пара нарядных платьев в сундуке, а также туфли и чулки, и она уверена, что моя сестра мне их одолжит на один вечер. В субботу сразу после школы мы с Розой отправились в Кучук. Мои две книги, не учебники, а толстые романы на немецком языке, которые я использовала как писчую бумагу, одну по русскому языку и литературе, другую по физике, математике, химии — их Нона взяла с собой домой. Роза еще не знала, в чем она пойдет на вечер, но она пойдет обязательно. Я же не смела и мечтать…

Была середина декабря, пора самых коротких дней. Школа начиналась в 9:00 часов, уроки длились шесть часов, потом надо было по дороге отметиться в комендатуре, что я на выходной иду в Кучук, затем мы еще зашли к Розе, она оставила свои книги, и когда мы покинули Родино, уже смеркалось. Мы должны еще пройти 14 км. Мороз прибавил, но небо было ясное, снег на полях лежал толстым покровом и еще сверкал на закате дня, белая зимняя тишь окутывала нас с едва слышным звоном

электрических проводов, натянутых на телеграфных столбах, снег на полевой дороге был твердо утоптан и хрустел под нашими подшитыми валенками.

Мы шагали в быстром темпе и говорили мало. Нам хотелось еще до темноты дойти до дома, но это уже было невозможно. Насыпной холм (курган), обозначающий для нас полпути, мы уже прошли, когда Роза схватила меня за руку и шепнула: «волки», при этом она приблизила свое лицо к моему и почти одновременно я воскликнула: «Твой нос!». Кончик её носа был белый, т. е. приморожен. Быстро потерев нос комочком снега и рукавицей, мы пошли дальше, придерживая перед лицом руку в рукавицах. Волков я тоже увидела, но они были так далеко от нас, что нам видны были только их горящие глаза. Мы уже знали, что это волки, не то можно было бы принять их за блуждающие огни.

Случалось не раз, что в бригадном стане нас будили среди ночи, мы подскакивали и по команде: «Младшим всем на крышу! И не забудьте взять тарахтелки!» мы брали свои жестяные миски и ложки, и забирались через пристроенный погреб на крышу. Волки обычно подходили небольшими стаями по пустоши в сторону конюшни, что рядом с нашим лагерем. Собственно, это была не конюшня, а огороженная площадка с крышей. В темноте мы видели только горящие огоньки. И мы начинали тарабанить по металлическим мискам или кружкам и кричать, визжать, свистеть что есть силы, а внизу, где всегда была наготове сухая солома, взрослые зажигали пучки соломы и бросали их в сторону волков, или прямо у конюшни разжигали большой костёр. Волки боятся огня, и они недолго выдерживали и уходили. Случалось, что они приходили уже под утро, тогда угасали их огоньки, и мы их видели, особенно когда они уходили по лежалому полю через высокую высохшую полынь, и мы видели их серые спины. Было два случая с весьма трагическим исходом. Один раз волки подобрались незаметно и унесли жеребенка, от которого утром только кости в поле нашли. Другой раз конюх проснулся, когда два волка уже вытащили жеребенка через изгородь, забили тревогу, но поздно: жеребенок был мертв. И наши слёзы уже не помогли. Никогда мы не слышали, чтобы волки нападали на людей, а вот теперь нас обеих охватил какой-то страх. Совсем близко друг от друга, мы обе, держа одну руку перед носом и кося глазами в сторону волков, шли четким быстрым шагом нашей деревне навстречу. «Через ложок мы уже как-нибудь перейдём», пронеслось у меня в голове не без страха. Перед самым логом мы коротко остановились, оглянулись крадучись, не видно ли светящихся огней слева, справа или в ложке, и ринулись через ложок, как будто волки гнались за нами по пятам. И вот уже

мы услышали собачий лай в нашей деревне и увидели слева первый дом колхоза Ворошилова, а потом справа МТС нашего Кучука. Теперь мы пошли спокойным замедленным шагом вниз по дороге к речке, которая летом бывает совсем мелкой и её можно без проблем переехать на любой телеге, любым транспортом. Теперь она замерзла и покрылась снегом. На этом месте можно было бы вообще не признать, что тут протекает речка, а мы-то знали, что это наша речка Кучук. Сразу за речкой внизу Бикбулатов дом, где мы зимой живем. Мы с Розой договорились завтра, как можно раньше выйти из дому, чтобы при дневном свете дойти до Родино.

Домашние удивились моему приходу, они ждали меня только перед зимними каникулами, и всё-таки были рады меня увидеть. После объяснения причины моего прихода все какое-то время безмолвно смотрели на меня, потом Элла сказала: «Конечно, Лида, ты должна тоже принять участие. Обязательно». Я еще не совсем понимала, что она этим хочет сказать. Она медленно подошла к сундуку, открыла его и долго рылась на самом дне… и подала мне журнал мод за 1939 год (по-моему) с названием города Рига. Потом она сама полистала его, открыла и положила возле горящей коптилки на швейной машине. К моему огромному удивлению я увидела на двух страницах, может, 15–18 различных карнавальных костюмов. Мне она предложила выбрать, какой мне больше всех нравится. Мне запомнились такие, как «урожай», «весна в цвету», «звездная ночь», «снегурочка», «покоритель недр», «цыганка», а больше всех мне понравился костюм «шахматы». Но мне казалось совершенно невозможным изготовить любой из этих костюмов… И я спросила Эллу, нет ли у неё платья, в котором я могла бы пойти на этот вечер, без всякого костюмирования. Элла достала свое платье из черной шелковистой ткани, прямого покроя, с длинными рукавами грибком и узкими к низу, со вставкой мысом на груди до самой талии, без воротника и с поясом. Я померила его, бабушка Лиза сказала, что оно мне не идет, слишком широкое, а моя мама нашла, что рукава точно такие, как в костюме «шахматы». Мне же было трудно оценить, как сидело на мне платье, при свете коптилки и в осколке зеркала. Костюм, конечно, был очень красив, это признали все. Черная юбка ниже колен, узкая в талии и сильно расклешенная к низу с белыми квадратами в шахматном порядке, увеличивающимися от пояса книзу. На узко облегающей верхней части изображены несколько различных шахматных фигур, рукава внизу отделаны густым широким кружевным рюшем, так же отделана горловина с длинной вставкой, вокруг талии тугой пояс. На голове — фигура черного шахматного коня. Белые чулки,

черные туфли на высоких каблуках. Фантастика. Дальше шла дискуссия о том, что понадобилось бы, чтобы смастерить это великолепие. Элла вспомнила, что она еще до войны скроила для Евгении, жены дяди Петра, платье из черной тонкой, но плотной ткани с юбкой в форме колокола. Элла считала, что это платье еще не дошито.

На следующее утро, когда я еще спала, Элла пошла к Евгении, чтобы разведать судьбу этого платья, и вернулась вместе с Евгенией и вместе с недошитым черным платьем. Юбка-колокол была уже сшита и даже подрублена, и как нельзя лучше подходила к Эллиному платью и по цвету, и по качеству. Еще раз обсудили возможность изготовления костюма «шахматы» и решили, что я возьму с собой в Родино всё имеющееся, что может понадобиться: платье, юбка, туфли, чулки, нитки черные и белые. Если же не удастся всё собрать, чтобы сделать костюм, то я надену только платье, или только Эллино, немного ушитое, или вместе с юбкой Евгении. Еще мне посоветовали обратиться в Родинскую больницу или медпункт и попросить перевязочные бинты или кусок марли, чтобы нашить клетки на шахматную юбку-доску. И напоследок Элла открыла сундук и достала кусок кружева, длиной 3 м. и шириной 15–18 см., просто невероятной красоты. Элла не смогла умолчать, что она берегла его для своих дочерей, но когда я хотела ей вернуть их, она сказала решительно: «Нет, нет, возьми их с собой, ты должна себе сделать самый лучший костюм. Кто знает, представится ли еще когда-нибудь возможность применить эти кружева. Я знаю, что ты бережно используешь их». Мы обнялись. Я очень радовалась, и в то же время мне было неприятно, и чувствовала я себя как-то пристыжено. Мы жили в такой бедности, питались кое-как, жилище едва отапливалось, один из углов комнаты покрыт инеем, мы отодвигали на ночь наши спальные нары-кровати подальше от угла, спали в дневной одежде, не было постельного белья. Скудность обстановки, крайняя нужда, а я занята тем, что делала себе шикарный маскарадный костюм, чтобы потом в свое удовольствие в нём развлекаться, веселиться. Почему же Элла и вся моя семья хочет, чтобы я там участвовала? Несколько поколебавшись, я упаковала всё…

Еще при дневном свете я была уже в своей Родинской квартире. Нона не заставила себя долго ждать. Она мне принесла учебники назавтра. Было воскресенье, и семья Штауб полным составом собралась в большой комнате, что привело Нону в некоторое смущение. Хотя лицо её выражало полное любопытство что-нибудь узнать о моём костюме, она тактично промолчала, и только когда я её выпроводила и мы вдвоём остались на крыльце

дома, она спросила, не принесла ли я что-нибудь для маскарада. Я ответила: «Завтра покажу тебе всё». Журнал мод я взяла с собой в школу и еще по дороге показала ей свой будущий костюм: «если получится». Она его нашла обворожительным. После школы мы с Ноной пошли в медпункт, где Нона подробно изложила нашу ситуацию и попросила дать нам немного перевязочного материала — бинтов. В настоящее время у них не было никакого перевязочного материала — всё израсходовано, но мы могли через две недели еще раз попытаться, они ожидали большую поставку. А через две недели останется 5–6 дней до Нового года… Чтобы коротко — через неделю Нона принесла мне коробку из тонкого плотного картона, которую она получила от своего отца — главного механика МТС. Мне она повелела заняться пока изготовлением шахматного коня, как головного убора. Но как? Я рисовать не умею, Нона тоже. Возможно, в школе кто-нибудь смог бы нарисовать, но узнать об этом я могла бы только через Валентину Андреевну. Незадолго до этого мы писали домашнее сочинение с заданным заголовком «Возмездие». Тема свободная, пиши по своему желанию, только бы соответствовало заголовку. Когда В. А. через несколько дней раздавала проверенные сочинения, она бросила на мою парту написанное со словами: «И где ты это списала?». В полном недоумении я посмотрела ей в лицо… и встретила её враждебный взгляд. Не в силах что-либо сказать, я молча опустила голову. Как ей доказать, что я писала это сочинение только из головы. И где мне можно было бы его списать? Ни газет, ни журналов, да и если бы они и были в наличии, я бы не стала списывать… Не стану же я оправдываться. Ну и пусть!.. Поверит ли Павел, что я списала?.. В классе тишина. У меня внутри всё сжалось, а в голове путались мысли. Почему она меня ненавидит? Это я заметила с самого начала, хотя и питала надежду, что она мне еще предложит принимать участие в школьном театре. С этим теперь покончено. И всё же, почему она меня так ненавидит, когда её предмет — литература и русский язык — мой любимый, и я всегда внимательно слушала и конспектировала всё, что было возможно (на своих хорошо изданных немецких книгах своими самодельными чернилами из сажи и молока), старательно записывала всё, потому как мы все признавали, что она хорошо преподает свой предмет… И как будто бы я списала сочинение… И теперь я должна попросить её мне помочь? Никогда. Мне бы и не следовало идти на этот бал. А Нона? Нет, Нона, я пойду, и не из-за тебя, а вопреки всему и всем. Кому всем? Пусть даже мне одной.

Началась последняя неделя 1945 года, в следующий понедельник — новогодний вечер. Получилось так, что один урок

у нас выпал, оказался свободным, я разговаривала с Розой и не заметила, как Нона исчезла из класса. Вернулась она с сияющим лицом, когда уже прозвенел звонок на перемену. В руках у неё был свёрток, завёрнутый в белое. Таинственно она сунула свёрток в мою парту и на ухо мне прошептала: «Бинты».

От Розы или от Веры я узнала, что в нашем селе Степной Кучук вновь открывшейся библиотекой заведует Симоненко Иван, который очень хорошо рисует. Он еще летом вернулся с войны и подружился, а может, уже женился на Тане Брагинец из колхоза имени Карла Маркса. Таня была постарше нас. 7-ой класс она закончила в 1941 году, потом она с нами в 1944 начала учиться в 8-м классе. Так как она три года пропустила, ей было трудно учиться, и она оставила школу и стала работать в сельсовете секретаршей. Теперь она вышла замуж за человека, который хорошо рисует.

Всю эту неделю была напряженная работа в школе, до окончания четверти надо было написать несколько контрольных работ и сочинение. В субботу — это было 29 декабря 1945 года — нас отпустили на каникулы сразу после второго урока. (Суббота тогда была рабочая.) Валентина Андреевна объявила, чтобы все, кто готовит костюм, сегодня в 2:00 дня пришли в школу с готовыми или с неготовыми костюмами на генеральную репетицию. Я не объявилась, я ведь еще не знала, получится костюм или нет, и в то же время, у меня было подавленное настроение. Может быть, мне следует сказать и объяснить всё… Но было решено немедленно идти в Кучук. Картонная коробка была уже разобрана и отдельными листами вместе с журналом упакована. Короче говоря, еще до темноты я объявилась в сельсовете Степного Кучука. Таня была еще на месте, она очень обрадовалась встрече и, как всегда, весело смеялась. Она всегда была в хорошем настроении, и ей легко удавалось передать это настроение другим. Тут же она получила от шефа добро, чтобы уйти вместе со мной. Только на улице я объяснила, в чем дело, и она привела меня в библиотеку. Меня она представила как свою подругу и объяснила суть дела. Мне очень понравилось, как они встретились, и отметила про себя, что это любовь. Пока мы с Таней в стороне поведали друг другу о своей жизни, может, уже через полчаса на одной из картонок был контур головы коня с шеей в профиль, на второй картонке — контур головы спереди, были так хорошо изображены, что мы просто диву давались. Вторую часть профиля я должна была вырезать по первому. Еще он наметил на лобовой части места и форму глаз и ноздрей, спросил, чем я буду красить всю голову, на что я ответила: «сажей и молоком». На его вопрос, чем я буду склеивать, есть ли у меня

хороший клей, я ответила: «Уж как-нибудь без клея всё соединю. Сошью нитками, потом всё покрашу». В заключение он дал мне немного чёрной туши для глаз и ноздрей в маленькой бутылочке. Я поблагодарила сердечно, и Таня вышла со мной вместе, чтобы немного проводить. Я была очень благодарна Тане, без неё я бы вряд ли посмела пойти к совершенно незнакомому человеку просить о помощи. Чувствуя себя обязанной, я и придумать не могла, чем её отблагодарить. Да и не было в те годы принято одаривать кого-либо за добровольно оказанную помощь. У ярка, возле сельсовета, мы остановились. Уже совсем стемнело, и Таня пообещала подождать здесь, пока я поднимусь на противоположный пригорок у молоканки.

Я бегом спустилась вниз, вспомнила при этом наши школьные проказы во время дежурства по военному делу и, весело смеясь, поднялась к молоканке. Крикнула Тане «спасибо и до свидания». В мыслях проходили картины из школьной жизни в Степном Кучуке… И вдруг я вспомнила, что у Розы ведь недавно был день рождения, ей уже исполнилось 17, а мне будет 17 в феврале. Боже! Как летит время… Никто тогда уже не праздновал дни рождения, мы просто забывали о них. Никто не желал счастья другому в день рождения. Возможно ли это было? Это вызвало бы насмешку. Здоровья желали друг другу только при чиханье. «На здоровье». «Спасибо».

То, что я узнала дома, меня потрясло до глубины. Никто не обрадовался моему приходу и не проявил интереса к свёртку, который я тут же сунула под швейную машину. «Что случилось?» — «У нас больше нечем кормить корову. Абсолютно нечем. Маруся принесла нам мешок сена, этого хватило кое-как на три дня». У Эллы выступили слёзы на глазах. «Почему ты не пойдешь к Кондрику?». — «В том-то и дело. Кондрик так изменился. Он меня даже слушать не хочет. И это, когда корова должна скоро отелиться. А у нас самих уже почти нечего есть… И на тебя он, как обычно, ничего не выделил».

«Тогда я останусь дома и в понедельник сама пойду к Кондрику». Моя сестра категорически воспротивилась. «Знаешь, Лида… Моя сотрудница мне доверилась… сказала, что можно рискнуть… немного сена или соломы… своровать… совсем близко от фермы, может, ты там даже скирдовала…» Да, я знала, где эта большая скирда, которую оставляли до последнего, до весенней распутицы, когда колёса вязнут в жидкой грязи и невозможно добраться до какой-нибудь из дальних скирд, даже если к этому времени еще где-то одна оставалась; или прибегали к ближней скирде во время сильного и длительного бурана с последующим заносом. При тихой и морозной погоде сначала

перевозился корм с дальних стогов на нужды фермы и для нуждающихся колхозников.

И теперь Элла говорит, что с этой большой скирды уже кто-то «брал»… Да, Элла хотела, чтобы я с ней пошла к этой скирде. Она не смотрела на меня, её взгляд блуждал где-то между дверью и окном, она часто моргала, что вызывало сходство с нервным тиком…

Потом мы пошли. Элла со свёртком из двух плотно свёрнутых больших мешков, я — с пустыми руками. «Мы с тобой сейчас идем к нашей сестре Марии, ты давно не видела её детей и мы просто хотим их проведать». Мария тогда жила недалеко от нашего зимнего дома на холме между ветряной мельницей и где-то на границе с колхозом Карла Маркса. Отсюда Маруся, которой теперь уже было 13, могла легко добраться до своего рабочего места.

По дороге мы с Эллой перешли на разговор о нашем председателе Кондрике Матвее Кузьмиче.

«Знаешь, Лида, — Элла вдруг, резко остановившись, взяла меня за руку. — Я хочу тебе признаться. Кондрик не такой уж плохой, как некоторые наши думают. Это всё Акимов, бухгалтер, это он натравил Кондрика на меня. И на тебя тоже, но по моей вине».

Акимов, как мы слышали, с женой Валентиной и приемной дочерью (тоже Валентиной) бежали из Ленинграда. В нашем селе они появились в 1944 году. Наш председатель был человек малограмотный и никого не удивляло то обстоятельство, что новый бухгалтер — впечатляющей внешности и безусловно хорошего образования — оказывал большое влияние на управление колхозом. И в сельском совете прислушивались к его мнению. Его жена Валя и Элла вскоре подружились, и моя сестра немало этим гордилась. Потом, при создавшейся возможности, Акимов попытался подругу жены совратить, обещал ей во всём помогать, но если она отвергнет его предложение, то пусть потом не обижается, если её сестре не удастся окончить школу. «Как он мог мне такое предложить? Он же знал, что мы с Валей подруги. Свинья он, и больше никто! Ненавижу его!» — возмущалась Элла. Некоторое время она молчала, и я была шокирована.

«Но это еще не всё, сестричка моя. Я ведь рассказала об этом Вале. И дружба наша прекратилась… А ты завтра пойдешь в школу. И на бал-маскарад ты тоже иди. Всем назло!» Такой возбужденной я Эллу еще не видела.

Мария обрадовалась нашему приходу. Младших детей я не узнавала. Виктору уже 4 года, Саше 7, Лиле 11, Марусе 14. Красивые, хорошего роста и хорошего здоровья дети пробиваются

со своей полуслепой и полупарализованной мамой, моей сестрой, через крайнюю нужду…

В летнее время она теперь с Марусей, а то и со всеми детьми, пасла телят, и они приноровились заготавливать, хотя бы частично, на зиму сено для коровы. Зимой Мария не работала, с Марусей у них была одна пара валенок, Лилия и Саша делили вторую пару. Большим подспорьем была, безусловно, корова, так же, как и у нас. К счастью, Мария привезла сепаратор из Мариенталя и могла сбивать масло, которое частично меняла на хлеб. Моя мать тоже носила молоко к Марии сепарировать. Пока я развлекалась с детьми, Элла объяснила сестре истинную цель нашего прихода. И Мария пошла с нами, подав мне еще два свёрнутых мешка. Очень медленно, соразмерно с шагом Марии, мы в обнимку подкрадывались к стогу. Слава Богу, дорожка к стогу была уже протоптана, значит, мы были не первыми. Быстро мы выдергивали пучками сено и заполняли мешки — 4 мешка. Мешки тащили частично на спине, частично по снегу, и всё же мы добрались до избы Марии. Никого мы не встретили, и никто нас не видел. Немного передохнув, оставив один мешок у Марии, мы с Эллой смело понесли три мешка, как будто мы одолжили их у нашей сестры. И теперь мы никого не встретили, была ведь уже глубокая ночь. Нашей удачной операции «сено» мы радовались безмерно.

К завтраку на следующее утро мама сварила суп из смеси свеклы (или очистков) и еще чего-то (суп был красный). За это время я вырезала детали головы коня для моего костюма. После завтрака мама села за прялку. Шерсть Элла заработала за пошив чего-то. Потом будут связаны новые чулки и носки. Я сказала, что за время каникул я сама свяжу себе чулки. Мама взглянула на меня и покачала головой, она хотела сама связать. А я наблюдала за нашей мамой. Её очки были так изношены, потрёпаны, стекла тусклые и поцарапаны, вместо дужек очков — шерстяные нитки вокруг ушей, блузка с заплатками, фартук с заплатками и уже далеко не белый, как когда-то, а серый. А её пышные волосы, хотя и седые, осанка и вся её фигура смотрелись грациозно. За прялкой она сидела прямо, держа голову немного назад.

Когда мы на следующий день пришли в Родино, я сшила черными нитками детали головы вместе, покрасила их растворённой в молоке сажей, нарисовала тушью глаза и ноздри. Анна и вся семья Штауб восхищались шахматным конём, и мне он тоже показался удавшимся. И еще я раскроила вдвое сложенные бинты на квадраты. Весь следующий день я была занята шитьем. Сложнее всего было с квадратами, для каждого ряда нужно было загладить сначала квадрат другого размера. Этим занимались, по

моим указаниям, Анна и Амалия.

К вечеру всё было готово. Шахматная доска-юбка была едва заметно пришита в линии талии к платью. Кружевные воланы пришиты к вырезу до пояса и к низу рукавов. Маска для лица тоже была готова. Амалия побежала к Ноне, сказать, что может придти — всё готово. Теперь я всё надела. Пояс сзади завязывался бантом. Всё было черно-белым, кроме туфель моей мамы, они были коричневые и были мне малы. Элла не предложила мне сама свои моего размера туфли, а я не посмела попросить, думала, и в маминых вытерплю.

Нона заявила уверенно: «Ты будешь лучше всех!»

«Не надо мне лучше всех, чтоб только не стыдно было среди всех». Теперь мы попросили Нону снять пальто, но прежде она достала свои лакированные черные туфли, надела их, сняла пальто, и мы все признали её восхитительной. В хорошо сшитом платье из черного панбархата она казалась и повыше и еще потоньше.

Свои туфли, голову коня и маску я во что-то упаковала, поверх белых чулок надела шерстяные, вступила в свои валенки, надела много раз чиненое, но теплое пальто, голову повязала двумя платками, и мы с Ноной пошли в школу — на бал-маскарад. По дороге Нона была необычно молчалива, задумчивость вдруг сменила её привычную словоохотливость, в которой я порой находила особую прелесть. Что-то её тревожило. Мысленно я спросила себя, не я ли тому виной, а вслух сказала, что она какая-то другая сегодня, и спросила, в чем дело. Она ответила: «Ты моя лучшая подруга, Лида, и я знаю, что тебе я могу доверить свою тайну. Я влюблена». — «Ну и что?» — вырвалось у меня без всякого желания что-нибудь еще от неё услышать. Пугала мысль, что на такое откровение следует своей подруге тоже доверить свою тайну. Это нет. Я немка, и я не должна полюбить такого парня, «который мне нравится». Нет. «И почему я только такая маленькая? Он высокого роста, а я как гном рядом с ним». Сдерживая смех, мне хотелось её успокоить и привести в пример мою мать с моим отцом. Вместо этого я спросила: «Из нашего класса?» Она кивнула. «Павел Братчун». У меня перехватило дыхание. «Он же самый-самый лучший, ты не находишь? Может, ты его еще не так хорошо знаешь, а я с ним была в 8-м классе вместе и была тогда уже влюблена… Почему ты молчишь? Как ты считаешь? Скажи что-нибудь». — «Что я могу тебе сказать, Нона? Но то, что ты, по твоему мнению, ростом не удалась, не имеет к этому никакого отношения. Моя мать намного-намного меньше моего отца. И что? Я даже представить себе не могу, чтобы мама была выше ростом, только такая она

должна быть». Это всё, что я могла сказать своей подруге в утешение. К счастью, мы уже дошли до школы. В небольшом коридоре, где была встроена гардеробная, Нона тут же сняла пальто, шапку, валенки и каким-то незаметным образом свои шерстяные штанишки, сдала их в гардеробную и надела свои лаковые туфли на высоком каблуке, поправила волосы и с удивлением посмотрела на меня, почему я не раздеваюсь. Я стояла перед дверью в зал, усиленно раздумывая, как бы мне уговорить Нону остаться на этом «балу» без меня. Ни малейшего желания не осталось на нем присутствовать.

«Нона, милая, я пойду домой». — «Что-о-о-о?»

В этот момент появилась перед нами наша завуч Ирина Ивановна Ионова. Она преподавала у нас математику и была любимой учительницей класса, для Розы и меня особенно — так мы считали.

«Нона, ты прекрасно выглядишь, просто прелесть. Лида, а ты почему не раздеваешься? Пойдем, я тебя приглашаю на первый вальс». Она хотела расстегнуть мое пальто, на что я резко соединила полы пальто, а она заметила мою шахматную юбку. «Так ты в костюме. Пойдем в учительскую, там собрались уже все костюмированные». Но тут же, улыбнувшись, подхватила меня к танцу, и мы провальсировали круг до учительской (я — в подшитых валенках, в старом пальто с заплатками, в платках и с сумкой с шахматным конём и туфлями, а Ирина Ивановна — в элегантном платье с круглым вырезом, бледно-розового цвета, которое очень ей шло и молодило её). В учительской я пыталась ей объяснить, что мой костюм еще не совсем готов, и мне его наверно не следует показывать, потому что он такой уродливый. Учительская была полна девочек, в основном, в костюмах. На нас никто не обратил внимания. Кое-как мы нашли немного места в заднем углу. Ирина Ивановна настояла, чтобы я как можно скорее переоделась. И я послушалась. Для пальто не нашлось крючка, я его положила на свободный стул, который, как я потом узнала, был оставлен для Валентины Андреевны, платки затолкала в рукава, валенки с моими тёплыми чулками и штанишками задвинула под стул. Затем с трудом поместила свои ноги в белых чулках в малые мне мамины туфли, надела маску с кружевной занавеской и лошадиную голову. Ирина Ивановна смотрела на меня молча и очень внимательно, что меня побудило к мысленному вопросу: зачем я пришла?

«Валентина Андреевна! — позвала Ирина Ивановна. — Идите, пожалуйста сюда». В. А. была занята своими подопечными и нас до сих пор не заметила. Теперь она, крайне удивленная, стояла передо мной. «И кто ты такая?» — «Это Герман. Она хотела домой

вернуться, так как находит свой костюм безобразным». — «И кто тебе это всё изготовил?» — «Это всё она сделала сама», — опередила меня Ирина Ивановна и ушла, сказав, что она ответственна за порядок в зале.

«Всё уже готово», — Валентина Андреевна осматривала меня с головы до ног. — «Нет. Этот бант надо еще на голове сзади прикрепить, чтобы волос не видно было».

Валентина Андреевна сняла со своей груди иголку с черной ниткой, где к платью была заколота еще иголка с белой ниткой, и закрепила к моей маске сзади большой черный бант, сделанный мной из куска материи от платья тёти Жени.

Ровно в 21:00 час открылась дверь, и наша костюмированная колонна двинулась по узкому коридору в зал в сопровождении замечательного марша (не исключено, что из «Аиды» Верди), исполняемого музыкальным квартетом семьи Роор. Шествие открывала пара из восемнадцатого века в белых завитых париках, изготовленных В. А. и со всеми соответствующими атрибутами, короче, в замечательных костюмах и с изящными поклонами и реверансами. Я завершала это шествие. Раздавшееся дружное «у-у-у» при моем появлении не произвело на меня определённого впечатления, мне теперь было всё равно, коль уже я вышла в этот зал, как гласит поговорка, «взялся за гуж, не говори что не дюж». Два или три раза мы медленным шагом обошли вокруг «елки» (елкой нашей была оголенная стройная берёза с красивейшим белоснежным, с чёрными штрихами, стволом, и украшена она была самодельными цепями и фонариками из газетной и — редко — белой бумаги) под музыку марша, затем сменившийся на мелодию вальса, и уже закружились костюмированные вместе с не костюмированными пестрыми парами. Меня пригласил особенно высокого роста мальчишка из нашего класса, причем на «вы». Он меня не узнал, конечно, и смотрел, странным образом, не мне в лицо, а лошадиной голове, как будто я только шахматная фигура. И последующие мои партнеры по танцам так же поступали. На все их вопросы, кто я такая, я отвечала молча, вращая головой туда-сюда.

Хотя я, после доверительного откровения Ноны, была намерена забыть Павла навсегда, мысли мои были заняты им. Он стоял недвижимо возле сцены на одной из ступеней и не танцевал. Видела я его только во время танца, когда он попадал в поле зрения. На первой перемене по танцам я быстро вошла в классную комнату, оборудованную сегодня как комната отдыха. У стены с окнами стояли три стола с настольными играми: домино, шашки и шахматы, у стены напротив стояли скамейки, где я в самом углу и присела, чтобы снять туфли с сильно болевших ног

— хотя бы на короткое время. Туда же вошла Нона и присела возле меня. Взволнованно она сказала, что меня никто не узнаёт и многих интересует, кто это такая. Кроме нас в комнате были еще 2–3 мальчишек, о чем-то говоривших за столом с шахматной доской. Как только Нона вышла из комнаты, они все пошли за нею следом. И тут в двери появилась Роза. Заиграла музыка, и Роза поманила меня, подзывая к себе. Застегнув туфли, я подошла. Элегантно поклонившись, она спросила: «Можно вас на вальс пригласить?» Не сдержав смеха, я бросилась ей в объятия, и мы легко и радостно заскользили возле нашей ёлки. Это мы умели, и мы осмелились исполнить этот вальс с особым усердием и, как нам казалось, с особым искусством. У нас было хорошее настроение и нам было по 17. Некоторые пары ушли с танцевальной площадки и смотрели на нас.

«Знаешь, кто тебя узнал? — спросила Нона на следующем перерыве. — По пряди твоих волос, просматриваемых где-то сбоку, он тебя узнал». — «Кто?» — «Павел Братчун».

«С чего ты взяла?» — «Я спросила его, не интересует ли его, кто эта шахматная фигура, а он уже узнал. По твоим волосам».

По пряди моих волос он меня узнал. Что бы это значило? Почему он не танцует?.. И мне вдруг пришла на память та ночь, когда мы с ним на полевом стане рядом спали. И я ночью не могла сразу подняться, когда нужно было выйти, потому что он лицом лежал на моих светлых, да еще выгоревших на солнце, волосах. Осторожно, отдельными прядями я высвобождала их из-под правой стороны его лица, а он крепко спал. Эти мысли, смешавшись с чувством стыда, привели меня в полное замешательство и отбили желание дальше танцевать. И я сидела еще некоторое время в углу комнаты отдыха без туфель, когда прозвучала команда «снять всем маски!» С облегчением я сняла всё с головы. Из зала доносились рукоплескания, потом появилась Валентина Андреевна и спросила, отнюдь не дружеским тоном, почему я тут сижу и не выхожу, все меня ждут. Пристыженно сунула я ноги в туфли и, не застегнув их, появилась в двери зала. Аплодисменты! И снова музыка. Кружение в танце, кружение в голове.

За несколько минут до 12 музыка смолкла, и директор нашей школы Иван Иванович Богословский сказал несколько хороших и теплых слов в честь нового 1946 года. Затем дружное «ура!», объятия, пожелания счастья. Теперь Ирина Ивановна получила слово и начала присуждать призы за лучшие костюмы.

Мой костюм был отмечен первым призом, я получила пару резиновых галош и кусочек розового земляничного мыла. На этом и завершилась вся радость этого вечера. Этого я не хотела и на

это не рассчитывала. Замечательная пара 18 Века должна была получить первый приз, на них и рассчитывали, купив две пары галош (единственное, что можно было в тот период приобрести в родинском потребсоюзе), теперь же только одна из них получила галоши… Это я всё испортила…

Глава 3

Зимние каникулы начались опять же с разговоров о наших заботах, о нашем собственном положении, которое, казалось, может только ухудшиться, и о том, что есть ли вообще смысл для меня продолжать учебу. От колхоза для коровы корма уже не будет — так заверили Эллу. Мы с ней решили совершить ещё одну рискованную «вылазку» к стогу сена или соломы. А если нас поймают? Страшно себе представить исход, а другого выхода нет. На питание для нас едва ещё что-то найдётся, а корова отелится только через месяц. Мне предстояло самой пойти к председателю просить о помощи.

Мои уже дважды подшитые валенки опять проносились, мама понесла их сразу в первый день, когда из Родино пришла, к сапожнику, но принесла их назад, так как у него не было материала. «Может, через неделю», — пообещал он.

В этот вечер совсем неожиданно навестила меня Маня Цапко. Крайне удивил меня ее приход, но и обрадовал. Я всегда с улыбкой вспоминала нашу с ней дружбу в первые годы моего пребывания здесь, в Сибири, в наши ещё детские годы. После сердечного объятия Маня коротко рассказала о своей работе на МТС в должности учётчицы, потом перешла к делу. 6-го января состоится в клубе отчётно-выборное собрание нашего колхоза, и театральный кружок пообещал поставить пьесу, в которой я, то есть, Лида Герман, которая немка, должна сыграть главную роль. Пьеса была мне совершенно незнакома, и на репетиции оставалось всего пять дней. Я возмутилась их решению без моего согласия и хотела отказать, но тут вдруг сестра моя проявила большой интерес к этому мероприятию и заверила, что я, несомненно, успею выучить роль. Вероятно, Элла видела в этом возможность добиться снисхождения. «Ты сама додумалась мне эту роль предложить?» — спросила я Маню. — «Нет, — колебалась она. — Я тоже… но меня послал к тебе зав. клубом Швед, мы все сказали, что ты лучше всех».

Маня вытащила из своего рукава книжку, каких я много видела, из серии «В помощь сельской худ. самодеятельности». К сожалению, я забыла автора, а также название пьесы. Это была драма на тему сельской жизни. Работа, политика и любовь.

Главная героиня — молодая женщина, председатель колхоза. Ее сыграла бы Галя Шкурко, если бы я не пришла. Теперь она суфлёрша.

В воскресенье, 6-го января, после колхозного собрания мы сыграли эту пьесу в хорошо натопленном клубе. Хотя по содержанию спектакль скорее наводил скуку, публика осталась до конца и благодарно хлопала в ладоши. Через день после того, как мы с Эллой успешно, достали три битком набитых мешка корма для нашей коровы, я отыскала Матвея Кузьмича — председателя колхоза — и спросила весьма несмело, нельзя ли мне получить что-нибудь на питание. Он шёл медленно по колхозному двору в сторону амбара, а я — через один-два шага следом за ним. На мой вопрос он не остановился, помолчал немного и сказал, как бы убеждая самого себя: «Дуже хорошо ты выступаешь». У амбара он остановился, сказал, чтоб я подождала, а сам вошёл. Через несколько минут кладовщица наша Мария Тимофеевна Глущенко (мать Нюры) выдала мне 6 кг. зерна, правда, с отходами, но вполне съедобного, и целый круг (шайбу) подсолнечного жмыха. Настоящее богатство для нашей семьи.

Все эти дни я ходила в продырявленных валенках. Новые галоши были, к сожалению, малы для этих валенок, и я затыкала дырки старыми дырявыми носками. Каникулы подходили к концу, и Элла настояла, чтобы я продолжила учёбу в школе. Бабушка Лиза пожертвовала мне свои красивые, густо-черного цвета, бурки — особенно тонко скатанные валенки. У бабушки они остались со времени ее пребывания в монастыре, подошвы их были совсем тонкие, но ещё не совсем проношенные. Смотрелись они элегантно, и галоши подходили к ним в самый раз. Безусловно, не для крепких морозов, и не надолго мне их хватит, но я же через две недели вернусь, и мои тёплые валенки будут готовы, подшиты.

10-го января нас четверых: Розу, Веру, Нюру и меня, доставили в Родино. Валя к этому времени уехала со своей приёмной матерью в Ленинград, а приёмный отец её оставался пока в Степном Кучуке.

В следующую субботу в школе состоялся танцевальный вечер. Весь вечер я танцевала в нарядных валеночках без галош… и протанцевала их. Даже толстые шерстяные чулки почти протёрлись. Этот вечер был для меня более радостным, чем бал-маскарад. Особенно приятно было танцевать с Павлом, он не был отличным танцором, но я бы хотела танцевать только с ним, пусть даже Нона в него влюблена, пусть даже он был бы в Нону влюблен, мне просто хотелось с ним танцевать.

В следующую субботу мы с Розой пошли в Кучук.

За день до этого мне Нона призналась, что она вместе со своей семьёй возвращается в свой родной Ленинград, причём очень скоро. Какие-то бумаги ещё не готовы, и до самою отъезда это должно остаться тайной. У меня слёзы появились, мы с Ноной крепко обнялись и плакали вместе.

«Мне будет плохо без тебя, Нона, я буду скучать по тебе». — «А я по тебе. А моей маме не будет хватать твоей тётушки». — «Да, похоже, они хорошо друг друга понимают». — «Ещё как. Мама говорит, что Анна мудрая женщина. Она часто ворожила на картах и всегда правду говорила, всегда сходилось». — «Анна гадалка?!» — я остановилась. — «Да нет, она просто умеет раскладывать карты. Ты не знала этого?» — «Нет». — «Ну и что, не смотри на меня так широко. У тебя замечательная тётя. Только… не подходит она как-то к этой семье, или наоборот. Теперь я проболталась, ты же не станешь ей упрёки делать?» — «Нет же, какие упрёки? Я очень люблю её, но мне теперь стало кое-что понятно, прояснилось кое-что, над чем я частенько ломала себе голову. Например, откуда она берёт новые белые головные платочки». Нона звонко засмеялась. «Нона! Я не хочу, чтоб ты уезжала. Может, вы всё-таки останетесь?» — «Нет, Лида, мы обязательно уедем». Немного помолчав и смутившись, тихо сказала: «Знаешь, я ещё хочу тебе сказать… это было глупо с моей стороны, признаться, что я будто влюблена в Павла. Я знаю, что он ко мне совершенно равнодушен».

По дороге в Кучук у меня примёрзла подошва правой ноги к галоше. Я заметила это, когда мы уже были в селе. Но это не шло ни в какое сравнение с тем, что произошло у нас дома. У нас забрали корову.

Пришли люди, показали якобы решение правления колхоза и увели нашу корову. Элла была на работе, дома была моя мать, бабушка Лиза (обе не знавшие русского языка), Иза, Тоня и дети Марии — все четверо. Женщины поняли, что корову конфискуют за то, что со второго пригона, покрытого соломой, мы уже много соломы выдергали, чтобы ее кормить. И это была правда. Женщины выдёргивали спрессованную старую солому, смешивали её с сеном, потому как одну старую солому и голодная корова не хотела жевать.

Представители правления вывели корову из пригона, где собрались все шестеро детей и бабушки. Раздались жалобные беспомощные вопли. Сквозь слёзы бабушки пытались объяснить, что так давно ждут молока, что без коровы все пропадут. Все прижимались к корове, не хотели её отпускать, дети называли её по имени: «Лена, Лена», кто-то схватил её за хвост, чтобы удержать. Так описала мне всё Элла. И она была уже в сельсовете.

И у Кондрика она была, он только повторял то, что было написано в решении правления колхоза. Кроме этого, бухгалтер колхоза где-то выискал, что наша семья, то есть мои родители и я, в Мариентале не корову сдали государству, а четыре козы, и это значит, что мы здесь корову получили от государства противозаконно.

«Это Акимов», — утверждала Элла. Она была уверена, что корову нам вернут, когда она отелится. Этим она нас как-то успокоила. Я должна была идти в Родино. Слава богу, валенки мои были подшиты. Через две недели я пришла опять. Корова отелилась, но осталась на колхозной ферме и не принадлежала больше нам. Такое горе! «Это же преступление!», — плакали все взрослые женщины. И ничего мы не могли поделать. И всё-таки Элла не хотела сдаваться. Медленно она подошла ко мне, положила свои руки мне на плечи и сказала: «Лида, только ты можешь нам помочь!» — «Как я могу помочь?» — «Ты должна пойти к прокурору в Родино и всё объяснить». Я испуганно высвободилась из её рук. «Я не пойду к прокурору, это он дал указание арестовать нашего отца. А почему ты не пойдёшь к прокурору?». Очень терпеливо, совсем тихо Элла сказала: «Во-первых, корова не моя, у нас не было коровы, когда нас выселяли. Корова принадлежит тебе и твоей маме. Во-вторых, ты хорошо говоришь по-русски и легко сможешь объяснить всё как было. И ты не бойся его, он ничего тебе не может сделать».

Элла, конечно, права. Мне надо идти к прокурору. Всю следующую неделю мне было не до учёбы. И всё-таки я боялась прокурора, со дня на день я откладывала свой поход к нему. На уроках не могла сосредоточить внимание на предлагаемом материале, а только думала о том, как и что я буду говорить прокурору. А может, он меня и не примет и просто выгонит.

В пятницу, после урока математики я спросила Ирину Ивановну, можно ли мне на два часа уйти из школы. Она поинтересовалась, куда я хочу пойти. Я коротко объяснила, и она разрешила.

Секретарше прокурора я подробнее изложила причину моего прихода, и она, предложив мне посидеть, вошла в кабинет. Мне показалось, что она очень долго там была, но вышла с улыбкой на лице, показала, куда повесить пальто, и я вошла к прокурору. Большая светлая комната, впереди большой стол, за которым сидел он, и целый ряд столов поменьше торцом примыкал к его столу и заканчивался у двери, где я и остановилась. Жестом он предложил мне присесть, и я заняла место сразу за первым от меня столом — напротив него.

Если бы меня на следующий день, даже в этот же день

спросили, как выглядит этот человек — я не смогла бы объяснить. Я была без малейшего понятия. Он просто был человек, по воле которого забрали моего отца.

Подробно я объяснила, что у нас произошло, ответила на все его вопросы, даже на те, которые не имели никакого отношения к делу, например, как зовут моих племянниц-близняшек (Изольда и Антонина). О моём отце — ни слова, а мне так хотелось рассказать о нём. Потом он встал и медленно подошёл ко мне. От страха я внутренне вся сжалась. Он положил свою руку мне на голову, провёл по моим волосам и сказал, чтобы я ни в коем случае не бросала школу, и что нашу корову нам вернут. Обязательно. Он вернулся на своё место, я встала. «Спасибо. До свидания». Про себя подумала: нет, не хочу больше видеться. «До свидания», — ответил он сухо.

Секретарша помогала мне надеть пальто (собственно, полупальто, иногда я называла его *куртеция*) и спросила, улыбаясь: «Все нормально?» Я кивнула. И опять: «Спасибо. До свидания».

Облегчения я никакого не почувствовала, скорее подавленность. Настроение было просто скверное.

Когда на следующий день я одна шла домой в Кучук, я пыталась восстановить в памяти встречу с этим высоким должностным лицом и дать соответствующую оценку всему. Почему я должна была пойти к этому человеку? Почему у нас забрали корову? Почему забрали моего отца, и мы не получили никакого известия о нем? Почему всегда и так много говорят о справедливости, о которой речи быть не может и которой вовсе нет!

Получим ли мы нашу корову, как обещал прокурор? Может, это только обещание? Почему он погладил меня по голове? Он, который лишил меня отца! Выражал ли он этим сострадание ко мне? К нашей семье? К нам — немцам России? Неразбериха в голове, хаос. И почему я не сразу в понедельник пошла к прокурору? Может, сейчас бы наша корова была бы уже дома. И почему только я такая трусиха?

Элла не спросила, когда я была у него, главное — была, и разговор с ним даёт повод не терять надежду, что всё может измениться к лучшему. Со слезами Элла говорила, что она слышала о нашей корове от одной из колхозных доярок. Лена наша хорошая корова, и теленок её — прекрасный бычок.

Прошло еще две недели, и нам вернули корову. Телёнок остался в колхозе. Кондрик распорядился, чтобы нам привезли сани, высоко нагруженные сеном и соломой. Радость была безмерна. Как мне рассказывали, все обнимали, гладили,

похлопывали нашу Лену. И я в свой первый приход наговаривала ей ласковые слова и настояла, чтобы моя мама научила меня доить корову.

А вот как мы прожили эти несколько недель без коровы, без поддержки колхоза — ничего не осталось в памяти. Видимо, напряженное ожидание было сильнее острого голода, а может, все-таки наш председатель давал нам какой-то паёк? Не знаю. А потом радость хорошего исхода вытеснила всё плохое… Но несчастье редко приходит в одиночку. Корова нашей сестры Марии пострадала от несчастного случая, причем смертельно. Домик, в котором жила Мария с семьей, был двойной, т. е. для двух семей. Так как во второй половине никто не проживал, Мария приспособила её как пригон для коровы, что ей во многом облегчило уход за ней. Домик был старый и, возможно, балки перекрытия уже подгнили и не выдержали тяжести толстого слоя свежевыпавшего снега. Крыша рухнула на бедняжку-корову. По заключению сельского ветеринара корову пришлось зарезать. Зима подходила к концу, и Марии удалось заморозить только самую малость мяса. Его частично засолили, частично обменяли на зерно или муку. Много пропустили через мясорубку и нажарили котлеты-биточки.

С одной стороны, случилось большое несчастье, а с другой, не то что всей семье — всей родне представилась возможность поесть мяса, которого мы с 1941 года не видели. Я вспоминаю, как я принималась за эти биточки в свой очередной приход, да еще получила несколько штук с собой в Родино.

Однако Марии мяса надолго не хватило. И не стало у неё ни мяса, ни молока. Само собой разумеется, что наша мама снабжала своих внуков молоком. Младшему было тогда 4 года.

Моя тётушка Анна оставила всё-таки мужа Петра и вернулась в Степной Кучук. Меня она определила у своей бывшей соседки Лаботко, которая жила одна.

В один из выходных дней, когда я уходила в Кучук, уехала Нона с семьей. Теперь я жила опять по соседству с Розой.

Однажды нам в школе выдали по четыре тетради (12 листов) для письменных работ. Я решила одну из этих тетрадей использовать в качестве дневника. У меня давно было желание завести дневник, хотя я себе хорошо не представляла, о чём могла бы в нём писать. О тайных мыслях? Да. Мне удалось сделать только две или три короткие записи. Первая запись: как я в солнечное зимнее утро встретила в школьном дворе Павла. Он стоял возле школьного крыльца, держа в руках веник, которым обмёл свои валенки. Приветливо улыбаясь, он передал мне этот веник, как будто ждал меня. Еще одна запись примерно такая.

Вчера мы с Розой были на вечере в школе. Я много танцевала с Павлом; он танцует не так хорошо, как некоторые мальчишки, но я бы хотела только с ним танцевать. Между тем выяснилось, что у моей хозяйки Федосьи Лаботко есть сын, который где-то учится, не то в техникуме, не то еще где-то. И вот он приехал на каникулы. Его звали Владимир, короче, Вовка — красивой внешности парень, только взгляд его показался мне нагловатым. Это было на второй день после его приезда. Я пришла из школы, дома никого нет. Свои школьные принадлежности я положила на стол и побежала через улицу, чтобы быстрее переписать задачи по математике, пока Роза еще не села за работу. Когда я вернулась, в доме сидели Вовка и его будто бы друг, который учился со мной в одном классе, Сашка Моргун, на скамье рядом со столом. В руках у Вовки мой дневник. Я буквально бросилась к нему, выхватила тетрадь и закричала в ярости: «Как вам не стыдно! Это же хамство в высшей степени! Как вы могли рыться в моих бумагах!» Вовка встал, протянул руку вперед, как будто он боялся меня.

«Ты успокойся, девочка, и послушай, что мы хотим тебе сказать». — «Я не хочу вас слушать», — при этом я разорвала тетрадь на куски.

«Послушай же! Тебе надо выбросить Братчуна из головы…» — «Это вас не касается!» — «Нет! Касается! Этот парень лучший ученик в школе, он — необычная личность, ему предсказывают большое будущее, он сделает большую карьеру, причем, конечно, не в Родино». Он говорил быстро, так чтобы я не успевала и слово вставить. «Допустим, он любит тебя. А что из этого? Какую перспективу ты видишь для него вместе с тобой? Ты — немка?.. Ты должна это понять, девочка. Ты только испортишь ему всё, с тобой он ничего не достигнет».

Они говорили и говорили, я уже молчала, и меня больше всего злило повторяемое ими «девочка», и я уже ничего не понимала, нет, я не хотела больше понимать. Я же и сама знала это, и они были правы.

«Оставь парня в покое, девочка». Это было заключение их речи. Теперь я собралась с духом и более спокойно заявила: «Если бы вы оба не проявили такого нахальства, то не только Павел, ни один человек на свете не узнал бы, что я там написала». Я повернулась и хотела выйти, но они опередили меня и выбежали из избы, а я бросилась на свою койку. Раздробленная, и в то же время, в какой-то степени успокоенная.

Немного спустя я встала, подошла к столу, крепко сжала руки в кулаки, глаза устремила куда-то вверх и говорила про себя (а может, и шепотом): «Я клянусь, что этому парню, Павлу — никогда — никогда — не испорчу его будущего, даже если бы он

когда-нибудь (что совсем невероятно) мне объяснился в любви — никогда я с ним не буду вместе. В этом я клянусь своей честью».

И никогда больше не пыталась я писать дневник. С сыном моей хозяйки больше не состоялось разговора, через 2–3 дня он уехал.

Еще до этой неприятной истории предложила мне Валентина Андреевна принять участие в одноактной инсценировке на тему «партизаны в Великой Отечественной войне». В пьесе были заняты 3–4 мужчины и одна женщина. Эта женская роль была без слов, она, как связистка в партизанском отряде, должна только внимательно слушать, запоминать и соответственно реагировать. Я хотела отказаться, но передумала: может, это единственная возможность попасть здесь на сцену, и согласилась. Теперь я хожу на репетиции. Павел тоже участвует — в главной роли. Представление состоялось в день Советской Армии, 23 февраля. Когда я после спектакля спустилась со сцены в зал, меня остановила незнакомая мне молодая и красивая женщина. Она так одобрительно отзывалась о моём исполнении бессловесной роли, что я, растерявшись, не нашлась, что ей ответить. В этот же вечер я узнала, что она участница войны, Валентина Малюк, недавно демобилизовавшаяся, и работает теперь в райкоме партии. И другие зрители: учителя и учащиеся — положительно отзывались о моей игре на сцене.

После спектакля, как всегда, раздвигались скамьи к двум стенам нашего зала и начинался танцевальный вечер. Розе хотелось остаться, и я, в общем-то, не рвалась домой. В моих больших старых, но свежеподшитых валенках танцевала я, как и многие другие, весь вечер, и больше всего — с Павлом. Каждый раз, как он меня приглашал, мне на память приходило, что я немка, которая может испортить его жизнь. Возможно, мне надо было бы его избегать и не приходить больше ни на какие мероприятия. А почему? Я и раньше не была намерена сблизиться с ним, хотя всегда радовалась его вниманию ко мне… Если бы я только не начала этот «дневник». Во всем я виновата, слишком много воображала… и не могла выбросить его из головы… Мне было хорошо о нём думать. Подобные мысли тревожили меня теперь постоянно. И я винила только себя. Вспомнился один из танцевальных вечеров, когда зал был переполнен, образовалась невероятная толкотня, нас толкали со всех сторон, и Павел притянул меня близко к себе, так что я почувствовала его губы на моём виске, а я его даже не попыталась оттолкнуть, наоборот, мне хотелось бы, чтобы это повторилось. Теперь же всему этому конец! Не допускать никакой слабости! Я поклялась… Клялась честью… И своё слово надо держать во что бы то ни стало —

этому учил меня мой отец. Итак, никаких мыслей о нем не допускать и всегда помнить, что я немка.

Весенние каникулы начались, как обычно, 25 марта, когда снег уже заметно таял на солнце, в то время как ночью держались довольно крепкие морозы, от которых талая вода к утру замерзала. Рано утром в воскресенье мы пошли домой в Степной Кучук. Теперь нас было только трое. Нюре пришлось школу бросить — она была беременна. Остались мы втроем: Роза, Вера и я.

Интенсивное таяние снега привело нашу речку к половодью, дороги развезло, и я все каникулы провела дома. Даже Элла 2–3 дня не ходила на работу. Здесь, дома, я особенно прочувствовала, до какой степени постигла нас бедность. Недостаток во всём. На три спальных одеяла оставался один заплатанный пододеяльник, который стирался, так же как наволочки, всего 3–4 раза в год. Оставшиеся полотенца для рук и посуды выглядели неприятно-серыми. Один угол комнаты из-за недостатка тепла в помещении был зимой сверху донизу покрыт инеем. Спальные полати, стоявшие в этом углу, мы отодвинули, чтобы ночью не касаться снега. Обычно спала здесь мама или бабушка Лиза, или они обе. Теперь полати были еще отодвинуты, и я спала здесь, а они в передней за печкой. Солома на полу уже не менялась, утоптанная до предела, она уже не защищала от холода и от грязи. Все взрослые ели нашу скудную пищу из одной миски. Нищета, да и только. Всё, что можно было, уже променяли на продукты питания, остались только некоторые вещи в сундуке, которые Элла хотела сохранить для своих дочерей. Мое постельное белье в Родино было еще сносным. Пока я жила у моей тёти, стирала его Анна, а я помогала ей после школы полоскать и развешивать. Теперь же, у Федосьи Лаботко, я его ни разу еще не стирала. Мне не хватало моей тётушки. После случая с «дневником» я больше не хотела здесь жить и мечтала о перемене жительства после летних каникул, хотя я не имела никаких претензий к ней, к тому же, я жила у неё бесплатно.

Каникулы проходили, и в селе почти не осталось снега. На холме, казавшемся совсем сухим, мальчишки-подростки играли в лапту. Они сняли зимние куртки и закатали рукава, как взрослые, некоторые сняли даже обувь. Мячи тогда были самодельные, их обычно скатывали из вычесанной конской или коровьей шерсти. Громкий разговор и весёлый смех ребят подбадривали нас. Элла и я стояли во дворе и размышляли, можно ли мне завтра, в воскресенье, идти в Родино. Встретиться с Розой было рискованно, значит, мне одной надо собраться в дорогу. Была еще одна немаловажная проблема — пора валенок прошла, а у меня

не было ни кожаных, ни резиновых сапог, на мои полуботинки галоши не подходили, а без галош идти по грунтовой дороге в распутицу весьма и весьма рискованно. И опять пришла мне на помощь бабушка Лиза. Она дала мне свои резиновые ботики. Их тоже можно было надеть на легкую обувь, но они были высокими, как ботинки (чуть выше косточки), с бархатным отворотом и застежкой-пряжкой. Они тоже не подошли к моим полуботинкам, зато я могла их надеть на три пары вязаных шерстяных носков (одну пару чулок и две носков). Когда я на следующее утро после завтрака готовилась в дорогу, мама моя вдруг отвернулась и пошла в угол за печкой. Я заметила, что она подняла к глазам фартук.

«Мама», — позвала я и пошла за ней. Она резко повернулась и заплакала, всхлипывая. Она не хотела, чтобы я шла, и дрожала всем своим слабым телом. Что же мне делать? Остаться? Элла встала и с присущей ей решительностью сказала: «Я пойду с тобой, Лида, провожу до ярка. Если вода еще стоит в нём и дорога непроходима, мы обе вернёмся». И мы пришли к ярку.

До ярка дорога была в порядке, прилипшая к ботам грязь была едва заметна. Всё казалось высохшим, только на теневых сторонах домов виднелись еще наполовину растаявшие кучи снега, покрытые ледяными корками, из-под которых вытекала тонкими струйками вода. Воздух нельзя было назвать нагретым, т. к. ночью еще морозило, но днём солнце мощно излучало тепло.

Дно ярка было залито водой. Мутная вода медленно протекала в направлении деревянного моста и там втекала в реку. Мы замерли на холме правого берега ручья, ширина которого была 6–7 метров. Холм напротив казался таким же сухим, как этот, на котором мы стояли, и вокруг была видна только сухая земля. Но я не могла себе представить, как смогу попасть на ту сторону. Элла же видела такую возможность. «Если бы знать, какая тут глубина и в каком состоянии дно, твёрдое или грязное?» Я тут же поняла, что она имеет в виду, быстро расстегнула боты, сняла все чулки, взяла как-то всё подмышку и босиком вошла в ледяную воду. Два-три шага по довольно твёрдому дну, затем — лёд. Я на мгновение остановилась в испуге. Элла тоже испугано крикнула: «Лида, сестричка, вернись!» Она громко заплакала. Я же, как будто её совсем не слышу, медленно и осторожно скользила ногами по льду к другому берегу. Вода мне доходила до колен, так что пришлось свободной рукой собрать впереди юбку и приподнять ее. Дошла. Поднялась на пригорок. Элла сорвала с головы свой тёплый платок, завернула в него сухой комок земли и бросила его мне через поток. Слава Богу — берег достигнут.

«Сядь на один угол платка и хорошо высуши ноги, и быстро надень чулки!» — командовала моя сестра с другого берега. Когда я была готова, то тоже завернула комок земли в платок и бросила его Элле (мокрым). Приятно было чувствовать, как горят мои ноги. Элле я крикнула, что мне очень хорошо, и пошла. Через некоторое время я обернулась, Элла все еще стояла на пригорке, махала мне рукой и вытирала слёзы со щёк. И я пошла быстрым шагом дальше, наслаждаясь солнцем и тихим гудением электропроводов над моей головой. Недолго прошла и увидела впереди недалеко от меня что-то блестящее. Это была вода. До сего сухая дорога была покрыта жидкой грязью, идти становилось всё труднее. Остановилась. Сколько раз я уже проходила эту дорогу одна и не одна, никогда не замечала никакого углубления, никакой низины, не говоря уже о возвышении на этой равнинной поверхности земли. Теперь же расстилалось передо мной пространство, покрытое смесью грязи, воды, льда и снега. Дороги не видно. Слева от телеграфных столбов — залежное поле, густо заросшее сухой полынью, частично покрытое снегом. Поле казалось пятнистым. Может, там можно пройти. Тогда я заметила на обочине дороги слегка возвышавшуюся полоску земли, проросшую травой. Недолго думая, я пошла по этой полоске дальше в сторону Родино, уверенная в том, что скоро достигну сухой дороги. Несколько раз эта полоска прерывалась, и вода с поля протекала на дорогу. Легко перепрыгивала я эти разрывы. Я уже прошла тот холм на правой стороне дороги, который указывал нам половину пути. Значит, до первой избы в Родино осталось чуть меньше 6 км. И опять остановка. Моя спасательная полоска кончилась, и продолжения не видно. Может, мне вернуться? Нет. Пойду дальше, всё равно как. Мои боты были облеплены грязью, я сломала стебель полыни, очистила их и решила пройти по залежи. Осторожно я ступила на ближайший слой снега, казавшийся покрытым коркой льда. Заблуждение. Мои ноги легко прошли сквозь снег и оказались в ледяной воде. Было неглубоко, и ноги остались сухими. Так переходила я вброд, увязая в ледяной смеси, от одного снежного пятна к другому, но недолго. Глубина воды увеличилась и превысила высоту моих бот. Я уже довольно далеко отклонилась от дороги и от телеграфных столбов влево. Не видя другого выхода, я взяла направление к столбам, т. е. к дороге, и дальше шлёпала изо всех сил, быстро, как могла, через ледяную смесь, которая теперь доходила мне почти до колен.

Так продолжалось еще километра три, и только после лесозащитной полосы, которая за три километра от Родино располагается справа перпендикулярно к дороге, я ступила на

сухую землю. Не испытывая ни радости, ни боли, едва передвигая ноги, я приближалась к Родино. Мое платье, подтянутое заранее, осталось сухим, а шерстяные чулки были покрыты толстым тяжелым слоем грязи вместе с кусочками льда. День клонился к вечеру, это меня радовало. В это время на улице вряд ли можно кого-нибудь встретить, и я незаметно дошла до своего дома, где меня встретила до смерти перепуганная хозяйка. Она перекрестилась, принесла старый табурет к двери, помогла мне сесть — всё без единого слова, зажгла огонь в *грубе* и поставила греть воду. Затем, сидя на коленях, она помогла мне снять обувь и чулки с носками и, всхлипывая, растирала мне ноги, еще не очищенные от грязи.

«Как только твоя мама могла тебя отпустить, каждый знает, что дорога еще непроходима».

«Моя мама не хотела, чтобы я шла, это я не хотела пропустить школу», — выдавила я из себя неузнаваемым охрипшим голосом. Потом я опустила ноги в кадушку с холодной водой, и она осторожно подливала кружкой горячую воду, и тогда, через время, я почувствовала, что ноги принадлежат мне, что они живые. Потом…

Я проснулась на следующее утро, когда маленькие часы-ходики, висящие возле двери, показывали полдевятого. Мне уже давно надо быть в школе. Еще не всё осознав, я встала. Мои чисто выстиранные носки и чулки были разостланы в теплой припечи, боты перевернуты на *грубе.* Всё было еще влажно. Я бы успела на второй урок, если бы чулки были сухие. Свои полуботинки я же принесла сухими — несла их в мешочке с продуктами за спиной.

Хозяйки не было дома. Может, она не вернулась еще с ночной смены, она работала где-то сторожем в две смены. Меня поразило, что она, не проявлявшая ко мне до этого никакого внимания, вдруг оказалась полна сочувствия. Жаль, что у неё этот сын, а то бы я хотела у неё жить.

Когда она пришла, мы с ней вместе приготовили вкусный завтрак: яичницу-глазунью и кашу. Кусочек масла, который я принесла с собой, я хотела подарить ей в благодарность, но она взяла только самую малость, чтобы поджарить два яйца. Каким-то образом она ухитрялась содержать двух куриц. Этот аппетитный завтрак я приняла с большим трудом — сильно болело горло. Похоже, начинается ангина. Когда Федосья уже крепко спала, а чулки совсем высохли, я принесла коромыслом с колодца два ведра воды и наполнила бачок, стоявший в передней. Я чувствовала себя не вполне здоровой и надеялась, что усиленные напряженные движения способствуют прогреванию тела и предупредят серьёзное заболевание. И пол я протерла теплой

водой. Ничего не помогло, всё болело. На следующий день я пошла в школу. Розы еще не было. Из всего, что нам преподали в этот день, в голове не осталось ничего, кроме одного сообщения Валентины Андреевны: «Наша театральная группа будет готовить большую пьесу. Это „Юность отцов“ Бориса Горбатова. Герман, ты сыграешь главную роль, вернее, две роли — мать и дочь». Это я поняла и даже запомнила. Но никакой радости, волнения, никакого интереса я не почувствовала. На следующий день я опять пришла в школу. Первый урок — математика. Ирина Ивановна что-то объясняла, потом спросила, как всегда, кто не понял, если никто не объявлялся, она спрашивала, кто пойдет к доске, чтобы доказать, что он понял. Если опять никто не объявлялся, она часто вызывала меня. Так и сегодня: «Герман, иди к доске». Я не тронулась с места. Она подошла, потрогала мой лоб. «Ты пылаешь вся. Сейчас же иди домой». Я собрала с её помощью все, что было, и пошла. Это я еще помнила, больше ничего. Потом, в одно солнечное утро, я очнулась в Кучуке на нашей большой русской печи в хижине, в нашей маленькой глиняной избушке.

Возле полатей стояла моя мама и бабушка Лиза. Они молились. Мое внезапное пробуждение испугало их. Мама поднялась на скамью у печи.

«Mein Kind, jetzt wird alles gut». Они помогли мне встать с печи, чтобы я прополоскала горло. Когда меня привезли без сознания домой, она вызвала сельского фельдшера, и он дал ей таблетки стрептоцида и несколько порошков для полоскания. Пока я была без сознания, они не могли этого применить, а также не могли мне влить хотя бы глоток тёплого молока. «Ты же едва могла дышать», — объяснила мне мать. Теперь надели на меня валенки, шею обернули платком поменьше, а спину и грудь — большим тёплым платком, но самостоятельно пройти несколько шагов до стола я не смогла. Кое-как прополоскала горло над оцинкованным тазом, но не смогла сделать ни одного глотка молока с раздавленной таблеткой. Больше месяца длилось моё далеко не полное выздоровление.

Глава 4

Последняя учебная четверть начиналась после весенних каникул и заканчивалась числа 18-го мая. 20-го мая начинались экзамены. За неделю до экзаменов я снова пришла в школу. Ослабленная, я мало что понимала, о чем говорили на уроках, не было ни малейшего интереса к происходящему в классе. На последней классной работе по математике я не в состоянии была решить задачу. Всё забыла. Не могла даже вспомнить, чему равен квадрат суммы или разности двух чисел.

Первый экзамен был по русскому языку и литературе, сочинение по произведению Льва Толстого.

Кроме своей фамилии и заглавия сочинения я не написала ни слова, сидела, склонившись над листом бумаги, и не знала, о чём писать. Никаких мыслей, ни чувств, всё безразлично…

Потом состоялся разговор с Ириной Ивановной и с директором школы Иван Ивановичем. Не имело смысла дальше сдавать экзамены, говорили они, мне надо окончательно поправиться и в конце августа приехать сюда и сдать всё как положено. Сказали, что они уверены, что я сдам. Оцепенев, я равнодушно ушла домой. Входная дверь в дом была открыта, и я услышала голоса моей хозяйки и её сына. «Этого еще не хватало», — сообразила я.

«Опять у него каникулы?» Я остановилась и немного послушала. Речь шла обо мне.

Владимир будто меня в чём-то оправдывал, даже хвалил, а мать его только повторяла: «Но она немка…» Я резко повернулась, вышла на улицу и пошла в направлении школы. Через какое-то время опять повернула к дому. Надо же собраться и уйти или уехать домой. Уже неподалеку от моей квартиры встретился Вовка. Он поздоровался, спросил, как я сдала экзамен, я ответила: «Я не сдала экзамен, осталась на второй год». Своей хозяйке я повторила то же самое и начала собирать свои вещи. Постельные принадлежности я скатала в рулон, связала их верёвкой и спросила, могу ли я оставить это в прихожей-кладовой до тех пор, пока кто-нибудь на подводе не приедет и не заберет всё, сказала также, что я в школу больше ходить не буду. Потом поблагодарила её, конечно, значительно холоднее, чем благодарила бы, если бы не подслушала отрывок её разговора с сыном. Удивленная, она смотрела на меня, держа при этом руку у рта и медленно приближаясь ко мне, как будто что-то хотела сказать. Я ничего не хотела слышать. На моё «до свидания» она громко крикнула: «Передай большой привет твоей тёте от меня!»

Тут я повернулась к ней. Мне хотелось бы обнять её, но я только сказала сочувственно: «Спасибо, тётя Федосья, обязательно передам».

Школу я теперь оставила навсегда, в этом я была твердо уверена. И как бы я могла подготовиться к экзаменам в поле во время работы, там не то что писать, и читать невозможно. К тому же, в августе, когда уборочная идет полным ходом, кто бы меня отпустил? Да у меня бы совести не хватило отпроситься. Остаться на второй год? Нет. Значит, прощай школа. У меня и желания уже не было дальше учиться с такой глупой головой. Как я могла всё забыть? Что только Павел обо мне подумает? Да ничего. Почему он должен обо мне думать? О дурочке… И что там опять Вовка обо мне говорил?… Теперь мне стало жаль тётку Федосью. Она же права. Конечно, она права. О чём бы они ни говорили… А как я поняла, говорили они о женитьбе на мне… И кто бы со мной стал связывать свою жизнь? Никто. Каждому я была бы только в тягость. Немка. Подобные мысли уже волновали меня, 17-летнюю школьницу, которая была немкой.

Дома мне не надо было много объяснять, мне показалось, что они уже всё знали и моя позорная неудача никого не задевала. Наоборот, все радовались моему приходу, было самое время посадки картофеля, и я вовремя пришла на помощь. Когда мы уже управились с огородом и время экзаменов в школе прошло, Элла принесла записку от нашей учётчицы, чтоб я завтра пришла на работу. Тут же я пошла к Розе, может, она тоже пойдет. Но нет. Роза собирала чемодан, она завтра поедет в Новосибирск к старшей сестре Марии, может быть, на пару дней всего, а может, подольше. А осенью она уедет насовсем на Дальний Восток к сестре Зине. Там она будет учиться и в дальнейшем жить. Эта неожиданная новость меня ошеломила, как обухом по голове ударило. Кроме того, что случилось, еще это — без Розы, без моей лучшей подруги! Вера тоже поедет учиться, по-моему, в педучилище, Нюра беременна и скоро выйдет замуж. Маня работает на МТС…

Роза проводила меня до маленького мостика через речку, и мы попрощались. Хотя я знала, что она скоро вернется на время, прощание опечалило до глубины души. Меня, во всяком случае.

В поле я проводила время с ощущением полного одиночества. Теперь я работала со взрослыми женщинами и не могу вспомнить, работали ли там еще учащиеся. Мало что сохранилось в памяти о времени того лета. Да. Бригадир больше не ночевал в бригаде, а уезжал каждый вечер домой. Повариха Анна была беременна, и когда работа на кухне для неё стала непосильной, то меня по её желанию назначили помощницей. Я была обязана

приносить воду из бочки, ежедневно чистить ведро мелкой картошки, вымывать большой котел, в котором варились наши обеды-ужины, мыть посуду вместе с Анной. Несколько раз приходилось самой готовить обед. Что касалось моего питания, мне было неплохо на кухне, мы принимали пищу до прихода всех с поля и наедались досыта. Но я тосковала по полю, по живой природе, там мне было лучше, вольнее, а здесь нет. Мне не нравилась эта работа. Три недели я проработала на кухне, потом Анна ушла в декретный отпуск и пришла новая повариха, которая должна была обходиться без моей помощи.

Началась уборочная пора, и впервые за эти годы на наши поля вышел комбайн. Только на несколько дней выделила МТС этот комбайн нашему колхозу, но какое это было облегчение! Я опять стояла на соломе и полове, но это не шло ни в какое сравнение с молотьбой на току. Солома падала на большую платформу, на которой я стояла, и её нужно было только сдвинуть вилами в определенном месте на землю. Я это делала с удовольствием. Это было прекрасно! Комбайн медленно двигался по полю, будто он парил по золотистой поверхности зерновых, зерно высыпалось через жёлоб непосредственно в мешки, закрепленные внизу, солома и полова собирались на платформе, а мне надо было только их сдвигать. Душа пела от наслаждения. Но… Комбайн оставался только несколько дней (может, 2–3) на наших полях, и нам пришлось работать в дальнейшем, как и прежде. Одно событие из этого времени мне хотелось бы еще описать. Я была с Дашей Цапко на скирдовании, это значит, мы собирали в поле в копны сложенные зерновые, погружали их на большие брички — телеги с откидными решетками в виде лестниц, перевозили их на ток и складывали в большие скирды, где они в дальнейшем обмолачивались. Нашей тягловой силой были быки. Поле было далеко от тока, и мы едва успевали делать две ездки, вторая была к току на колхозном дворе в селе. Наша колонна состояла из пяти телег. Солнце клонилось к горизонту, мы шли все рядом со своими быками, погоняли их и, уставшие, едва уже разговаривали друг с другом. Наш груз должен еще при дневном свете быть сложен в скирду. Времени было в обрез. Вдруг спереди раздался крик: «Волки!» Даша, не колеблясь ни секунды, крикнула мне: «Ты! Наверх!» — «Почему я? Я уже взрослая». — «На-ве-е-рх, кому сказала?» — приказала она властно и показала на верёвку, которой обвязано зерно на стебле, чтоб я залезла по ней наверх. «Ты мне будешь подавать небольшими пучками солому, колосья старайся отрывать». Она быстро подошла к передним бричкам, спросила, у всех ли есть кресало (спичек и в помине не было тогда), приказала горящие

пучки бросать только на обочину дороги, чтоб не загорелось поле и села впереди. Лёжа на животе, я связывала небольшие пучки соломы, хотя не всегда удавалось сорвать колосья, и подавала их Даше. Наверху мне хорошо было видно волков, они шли справа по скошенному полю прямо на нас. Стая, 5–6 волков. Когда они приблизились к нашему обозу, горящие факелы уже летели беспрерывно на обочину дороги. Волки держались вместе, похоже, они были намерены напасть только на одного из быков, и это вскоре определилось, они нацелились на одного из них, запряженного в телегу, едущую впереди нас, при этом они разъярённо оскаливали зубы. Горящие пучки летели всё чаще, а мы все при этом кричали во весь голос, кто-то свистел. Через горящую, ограждающую нас полоску волки не осмелились перейти, да и деревня была уже совсем близко, и они повернули и убежали в далёкую степь. Поджав хвосты, с повисшими головами, истощённые, голодные. Жалкие хищники сибирской степи первого послевоенного голодного года. Меня удивляли наши быки, они оказались смелыми животными. Я даже не заметила, чтобы наша пара быков каким-то образом была встревожена стаей волков. Как всегда, они шли себе спокойным, размеренным и медленным шагом.

Когда опасность миновала, я соскользнула со стога и села рядом с Дашей. «Почему ты меня погнала наверх? — я смотрела на неё в упор. — Как будто я ребёнок. Только я была наверху. Я могла бы и рядом с тобой связывать пучки». — «Ну да! А если бы тебя волк схватил?» Громко рассмеявшись, я не успела слова сказать, как она меня буквально огорошила: «И мой брат убил бы меня». — «Что-о-о?» — «Да. Недаром же твоя фотография висит у нас на почётном месте над столом». — «Что ты мелешь, Даша?» Мне было не до смеха. Растерянно я таращилась на неё. «Только в обморок не падай. Михаил, перед тем как идти в армию, вставил её в рамку и повесил на стенку». — «Какое фото, Даша?» И я вспомнила, что Михаил стащил у меня (я еще в пятом классе училась) фотографию, где я снята с моими племянницами-близнецами. Я попросила Дашу принести мне это фото. Она покачала головой. «За это фото наша мать ответственна, не я». Мне это было всё непонятно. Между тем, мы пришли к стогу. «Лида, я надеюсь, ты никому не скажешь, о чём я тебе проболталась, и моему брату прежде всего». — «В этом ты можешь быть уверена».

Это был последний рабочий день, когда я работала с Дарьей Цапко вдвоём, я просто стала её избегать. На молотьбе нам приходилось бывать вместе на скирде и подавать в бункер, при этом не говорили мы ни слова. При молотьбе на току в селе

создалась возможность ночевать дома, и на обед мы уходили иногда домой. Дома, на семейном совете — а главенствующей на нём безусловно была Элла — было решено, что я должна продолжить учебу в Родино, что мне надо повторить девятый класс и не стыдиться этого. Элла между делом заработала немного денег, которых хватит, чтобы заказать для меня хромовые сапожки. В Родино есть хороший мастер-сапожник, и он обещал к началу учебного года смастерить их. Кроме того, наше государство обещало погасить все довоенные облигации, а облигационные билеты нашего отца остались все в сохранности, и мы сможем заказать к зиме новые валенки.

Невероятным мне казалось то, что мне наобещали. У Розы и у Нюры были такие сапоги из тонкой мягкой черной кожи, я не знала, откуда они у них и никогда не спрашивала об этом, потому как считала невозможным когда-нибудь такие получить.

В конце августа, отпросившись на один день, я пошла в Родино, чтобы узнать у руководства школы, можно ли мне повторить девятый класс. У секретарши Сони Левченко я узнала, что Ирина Ивановна больше не работает, она вернулась в свой родной Ленинград. Мне надо обратиться к Роману Васильевичу Пятаку, который занимает её должность, или к самому директору. Я вошла к директору, получила разрешение с указанием, что должна согласовать это с комендатурой. Там меня проинструктировали подробно в том, что я давно уже знала и спросили, собираюсь ли я опять проживать у Лаботко. На это я решительно ответила: «Нет, я найду себе другую квартиру». — «Тогда придешь опять».

Новую квартиру я нашла у молодой учительницы начальной школы, которая недавно вышла замуж и теперь проживала в двухкомнатной квартире в центре села, минутах в 10 ходьбы от школы. Дом был рубленый с дощатым полом, покрашенным в желтый цвет, с большими окнами и с пристроенной маленькой прихожей, выходившей на крылечко в четыре ступени. Пристройка была когда-то выполнена из довольно узких и тонких досок, которые с течением времени ссохлись, создавая при этом некоторые щелки, о которых, возможно, придется еще писать. На это место жительства я попала через Катю Короткову, девчонку из колхоза Ворошилова нашего села, которую я случайно встретила утром, когда шла в школу. Супруг учительницы был братом Кати.

После комендатуры я робко вошла в дом, рекомендованный Катей, и представилась. Александра Михайловна, молодая учительница, оставившая свою девичью фамилию Мироненко, сказала, что она уже в курсе. «За квартиру я могу платить топлёным маслом, сестра мне обещала. Кроме того, она хорошая

портниха, может быть… Вы могли бы и на это рассчитывать… И я… тоже умею шить», — нетвёрдо добавила я.

«Хорошо, хорошо», — приветливо улыбнулась она. Пришел её муж, она представила меня и спросила его мнения. Он только пожал плечами.

«Решай сама».

«Тогда увидимся через две недели, твой учебный год начинается в этом году 15 сентября. Если дома никого не будет, здесь ты найдешь ключ», — она показала мне ключ под ступенями.

С лёгким сердцем я летела домой — как на крыльях.

Рассказывая обо всём этом дома, я выразила удивление тому, что эта женщина так быстро согласилась меня принять. «За это ты должна быть благодарна Катерине, это она подготовила её, прежде чем ты пришла», — сказала Элла спокойно и уверенно. 10 дней я была еще на молотьбе, потом помогала дома картошку убирать. Элла выпросила подводу в колхозе, поехала в Родино, взяв с собой мешок картошки, немного «муки» и масла в моё новое жилище, и обговорила всё детально с моей будущей хозяйкой. Из Родино она привезла сапоги.

В эти дни Роза собиралась на Дальний Восток к своей сестре. Мне она подарила свои учебники для 9-го класса. Мы расставались, не зная, что встретимся вновь через 24 года. До этого и переписки не было. Для Розы было бы рискованно переписываться с немкой.

Я была ей очень благодарна за учебники, а печаль-тоска… Как пела великая певица: «а горе не море — пройдет, отболит».

В этот раз я особенно старательно собиралась в школу. Волосы, как уже многие годы до этого, вымыла полынным щелоком и вычесала новым частым роговым гребешком. Имеющееся постельное белье давно постирано, в речке прополоскано и даже поглажено, ногти подстрижены. Моя мама откуда-то достала свою последнюю красивую юбку из темно-синего крепа, которую она прятала ото всех, чтобы надеть, когда вернется её муж из тюрьмы. Мы же не знали тогда, что его уже давно не было в живых. До самой смерти своей в 1953 году ждала мать моего отца. Теперь она передала мне юбку со словами: «Наш папа вернется домой таким же оборванным, какие мы теперь. А у тебя ничего порядочного уже нет». Тётя Анна принесла мне пару хлопчатобумажных чулок и две резинки, которые она, несомненно, заработала ворожбой на картах. Еще раньше она мне принесла рубашку своего сына Саши, которую уже я переделала на себя. Еще мне Анна принесла остатки писчей бумаги, оставшиеся от Саши, среди них два блокнота, исписанных

химическим карандашом, один до конца, второй больше половины. «Это, чтоб ты на них писала, вместо тетрадей. Они теперь всё равно никому не нужны. А ты учись дальше».

«Спасибо, тётя Нюра». Теперь все её (die Anagout) называли тётей Нюрой. И по сей день в памяти оставшихся родственников и жителей Степного Кучука, знавших её, она осталась тётей Нюрой.

Новые сапоги я вместе с книгами упаковала в котомку (своего рода рюкзак) и в старых полуботинках отправилась в дорогу. Был теплый осенний день, и я шла одна, погруженная в свои мысли. Из нашего села я осталась единственная ученица старших классов и должна теперь одна и впредь маршировать туда и обратно, от центра Кучука до центра Родино — 16 км. Чувство одиночества тяготило, становилось тяжело на душе, тяжелее всего от мысли об учёбе второй год в том же классе.

Александра Михайловна, моя новая хозяйка, встретила меня приветливо, показала, где я буду спать, где умываться, где готовить. Она была всего на 6 лет старше меня, и по её просьбе я должна была называть ее только по имени, просто Сашей. Так я её и называла — Саша, только на «вы». У нее были большие серо-голубые глаза, излучающие благоразумие и доброту. И я полюбила её всей душой.

Собравшись на первый урок, я затосковала по своему бывшему классу, как было бы хорошо теперь посещать десятый класс. По дороге я внушала себе, что всё-таки лучше повторить 9-ый класс. Произведения великих русских писателей Толстого, Тургенева, Гончарова, Гоголя, Горького я вообще не читала (и как можно было читать?), только на уроках кое-что узнала — благодаря отличному преподаванию Валентины Андреевны. Учебников у меня не было, теперь же есть почти все учебники. И еще… Всё-таки хорошо, что я не в одном классе с Павлом. Это несомненно. В классе почти все уже собрались, я пошла к третьей парте в третьем ряду — у окон, где сидели мы с Розой. Рядом с партой стояла ученица, она спросила, не хотела бы я рядом с ней сидеть. Да. Я этого хотела. Её звали Татьяна Соруценко, она мне понравилась, только казалась старше, чем я. Потом выяснилось, что мы с ней одногодки. Мы подружились с ней, хотя чувство, что она старше, не проходило.

Наш классный руководитель Григорий Сидорович Мартыненко преподавал биологию — основы дарвинизма. Роман Васильевич Пятак был наилучший преподаватель математики, какого можно себе пожелать. Кроме того, он был теперь зав. учебной части школы. Остальные учителя остались те же. Валентина Андреевна, казалось, обрадовалась моему присутствию, так как надеялась осуществить постановку «Юность

отцов» с моим участием. Через неделю состоялось распределение ролей. Павел тоже участвует. Это драма времён гражданской и Великой Отечественной войны. Павел играл Рябинина — руководителя коммуны в гражданскую и полковника в годы Отечественной войны. Я играла Наташу, которая оставила родной дом и гимназию, ушла в комсомольскую коммуну, но была казнена противником, оставив трёхлетнюю дочь Елену. Елена встретилась в годы Отечественной войны с Рябининым в партизанском отряде. Елену тоже играла я. 7-го ноября должна была состояться премьера.

Мне нравилось играть на сцене. До 23-летнего возраста я постоянно играла в самодеятельном театре. Мне нравилось входить в какую-нибудь роль, особенно если она представляла личность, действия которой соответствовали лично моим моральным принципам, или черты характера, которые я сама себе желала бы. Приходилось и отрицательных действующих лиц играть, я старалась их понять, и это тоже доставляло удовольствие.

Мне очень нравилось играть Наташу и Елену.

Трагические события, сильные чувства, большая любовь, ребёнок появился на свет — и всё это без единого поцелуя на сцене, без страстных объятий, не говоря уже о каких-то сексуальных намёках.

Представление прошло с большим успехом. Зал был переполнен не только учениками и учителями. Было много гостей, служащих районного управления, включая и НКВД. Домой я пошла вместе со своей хозяйкой Александрой — Сашей. Она сказала, что не узнала бы меня, если бы не знала, что я играю этих двух молодых женщин.

«Ты совсем по-другому выглядишь на сцене, голос твой звучит иначе. Всё так правдоподобно, так естественно воспринимается. Замечательно!»

«Высокая оценка», — подумала я и поблагодарила Сашу.

Жизнь у Саши была для меня божьим подарком. Через большие окна комната хорошо освещалась днем, а вечером был электрический свет или зажигалась большая керосиновая лампа с абажуром. Муж Саши работал в райкоме, и домой приходил обычно поздно. Мы сидели за столом — Саша проверяла школьные тетради или писала план уроков на завтра, я делала домашнее задание или читала. У неё начинались уроки в 13 часов. Когда я приходила из школы, я некоторое время была одна. После обеда я ходила за водой к колодцу в соседнем дворе, сметала снег со ступенек, когда он был. Один раз в неделю мыли полы, но не только я, но и Саша или её мама, которая частенько

приходила.

К Новому году опять был объявлен костюмированный бал, но я отказалась принимать участие. Зато я пообещала принять активнейшее участие в подготовке большого представления к годовому отчётно-выборному собранию колхоза в Кучуке. В мой последний в старом году приезд собрались все в колхозном клубе, чтобы составить большую программу. Я предложила взять «Юность отцов» в сокращенном варианте, кроме того была предложена маленькая комедия «Дусина ошибка», что исполнялась только двумя участниками: фронтовая парикмахерша в большой спешке стрижет и бреет заросшего щетиной фронтовика, не зная при этом, что он знаменитый лётчик-истребитель, герой Советского Союза, которого она давно мечтает увидеть, а сегодня он приедет на встречу с населением в местном клубе. Вот она и спешит.

Я предложила Мане сыграть эту роль, но утвердили меня. В программе должно быть несколько песен. Все согласились на песни, которые с наибольшим успехом исполнял наш школьный хор под руководством Клементия Варфоломеевича Роора. Мы же будем их исполнять в сопровождении гармошки или баяна Василия Красника. Программа была составлена примерно на два часа по времени. Когда я пришли домой, сестра Элла меня ошеломила потрясающей новостью — по всей вероятности, она будет выходить замуж. «Нет!» — вырвалось у меня. Она взяла меня за руку. «Лида, он недавно пришел из трудармии, его жена давно живёт с другим, детей нет. Он хочет, чтобы только я была его женой, хотя он на 6 лет моложе меня. Так тяжело жить семье без мужской помощи. Прошло уже полтора года после окончания войны, и ничего не улучшилось для нас. Кто знает, что нам еще предстоит, сколько трудностей предстоит еще преодолеть. Тебе еще полтора года учиться, потом дети». — «Я брошу школу», — перебила я её. «Это ничего не даст, это…» — «А как ты его находишь, любишь ты его?» — «Ах Лида. Мужа своего, Адольфа, я любила, но дело ведь не в любви. По-моему, он хороший человек. Трудовой человек, конечно, не белоручка… Можно же привыкнуть. Ты знаешь его мать, Линду, она, правда, ему мачеха, но она хорошо о нём говорит и тоже хотела бы, чтоб он на мне женился. А Адольф мой уже никогда не вернется». Элла заплакала. Как мне её успокоить? Ей 35. В мои 17 лет я не могла сестру представить с другим мужчиной. Было это эгоистично? Может быть. И всё же, мне было её жаль. Мы обнялись.

«Хорошо, Элла, ты сама должна знать, что лучше». И сама едва сдержалась, чтоб не зареветь.

А куда нам теперь с мамой? Бикбулатов дом у нас отобрали.

Муж Эллы будет, конечно, у нас жить. А моя мать этим нисколько не озабочена. Ну да. Он же сын Линды, а она лучшая подруга моей матери. Они здесь уже, в Кучуке, познакомились и так сдружились, как будто всегда были знакомы. Обе маленького роста, похожей комплекции, они смотрелись как сёстры. Теперь Линда видела возможность породниться с нами, и моя мать активно содействовала сводничеству своей дочери с сыном Линды.

Собиралась я в дорогу в Родино в подавленном настроении. Очень мало что нашлось взять с собой из еды, котомка была почти пустая.

Что, собственно, произошло? Элла выйдет замуж, возможно, будет счастлива с этим человеком, а мне не хотелось быть им в тягость. Что мне делать? Так, углубившись в мысли, я шла, когда вдруг увидела девочку, бежавшую прямо на меня. Она кричала: «Лида, подожди же!» Совершенно незнакомая мне девочка, лет 12–13, в новой чистой деревенской одежде, с несколько грубыми чертами лица, запыхавшись, стояла передо мной со свёртком в руках. «Это для тебя от моей матери», — сказала она, протягивая свёрток. «Что значит для меня? Кто ты такая и кто твоя мать?» Я стала заикаться от неожиданности, при этом я резко отвела руки назад. «Моя мать говорит, что ты такая хорошая, что ты в школу ходишь, и она говорит, что у вас — немцев — нечего даже покушать. Меня зовут Вера Песенко. Возьми это, — сказала Вера повелительным тоном, — а то мать меня отлупит…» — «Откуда твоя мать знает меня?» — «Моя мать знает всех на селе. Я тебя тоже знаю. Мы тебя часто видим, когда ты идешь в Родино или домой приходишь. Когда окна замёрзшие, я продуваю себе пятно…» Она силой потянула одну мою руку, сунула свёрток под мышку и убежала. О Боже, что я, нищая? Было стыдно, но отказаться я не смогла…

Когда я вышла за село, то открыла свёрток. Полбуханки настоящего душистого хлеба, два яйца, завёрнутые по-отдельности, и кусок толстого сала. Не раздумывая, куснула я хлеб — один раз, потом еще… Сало просто таяло на языке, из благоразумия я тоже куснула только два раза. Само собой разумеется, я была благодарна за такое великодушное подаяние. Может, мне следует вернуться домой и оставить нашей семье… хотя бы половину. Тогда я не дойду до Родино при дневном свете…

По дороге я гадала, почему у этих людей есть хлеб и сало, а у нас нет? И у Мани Цапко есть хлеб, даже у Розы иногда бывает, не говоря уже о Нюре — у неё всё есть. Ответа не находила и успокаивалась тем, что, слава Богу, корова у нас есть, и я могу в

школу ходить и на сцене играть. И что есть добрые люди. А что Элла замуж выходит, за это не надо обижаться, может, он хороший человек… Если бы я только моей маме могла дать кусок хлеба и одно яйцо.

До своего дома я уже дошла в сумерках. В окнах нет света, хотя оба были дома. Они беседовали между собой в полумраке. Я уже имела возможность наблюдать за ними во время таких бесед и находила их очень приятными. Они шутили, смеялись, иногда спорили, причем Саша старалась дело доводить до полного согласия. Саша была очень счастлива, и я радовалась этому.

И всё-таки, я ему не вполне доверяла, питала к нему явную антипатию. Часто казался он мне неискренним в отношении к Саше. И он считал себя выше, чем она. Иногда я ругала себя за то, что я, наверно, ничего не соображаю в людских характерах, в любовных отношениях. Мысленно просила у Саши прощения за свою неприязнь к её любимому человеку. И опять же, приходил на ум Павел. Неужели есть люди, хотя бы один человек, который таким же видел Павла, как я Сашиного мужа? Нет, такого быть не может, в этом я была уверена. И теперь уверена.

Он работал каким-то инструктором в райкоме партии, хорошо выглядел, всегда ухожен, аккуратен. Он был интеллигент. Но мне было тревожно за Сашу. Она любила и обожествляла его.

Чем больше я узнавала Сашу, тем более проникалась уважением к ней. Когда мы писали сочинение на тему «Война и мир» Л. Толстого, я сравнивала Марию Болконскую — сестру Андрея Болконского, с моей хозяйкой Александрой. Большого счастья я желала ей с мужем Василием.

Целую неделю я могла наслаждаться вкусным питательным обедом — благодаря роскошному подарку от матери Веры Песенко. Как мне посоветовала Саша, сало я разрезала на 8 кусочков, ежедневно разрезала один из них на совсем маленькие, поджаривала их на маленькой сковородке и заправляла суп, два раза еще с яйцом. От хлеба я в первый день отрезала довольно большой кусок, потом куски становились все меньше. Самым вкусным было вымакивать кусочком хлеба сковородку, в которой жарилось сало.

Моя школьная подруга Таня была единственной, с кем я подружилась. Странным образом, я не могу вспомнить ни одного другого ученика или ученицу этого класса. Просто невероятно. Оказывала Таня на меня такое большое влияние или давление? Она была всегда возле меня. На переменах я никогда не вступала в разговор с другими девочками. На школьных вечерах, которые я в эту зиму редко посещала, Таня хотела танцевать только со мной. Это не всегда удавалось, так как в танцах она была

несколько тяжеловата, и мне хотелось лучше с мальчишками, прежде всего, с Павлом танцевать. Вдруг она решила, что я должна познакомиться с её матерью, и я пошла к ней домой. Потом она настояла, чтобы я с ней сфотографировалась. «Это исключено, Таня. У меня вообще нет денег, в колхозе не бывает денег». Но у Тани нашлись деньги, и мы сфотографировались. Дважды Таня ходила со мной на репетиции, потом Валентина Андреевна сказала, что она только мешает и что присутствие тех, кто не занят в спектакле, нежелательно.

На новогодний вечер я не осталась, и уже 29 декабря ушла домой в Кучук. Каждый вечер я ходила в клуб на репетиции. Вера Шевченко играла Марусю, подругу Наташи, с которой они проводили последнюю ночь в тюрьме перед казнью. Маня играла старую даму, зав. клубом — главную мужскую роль — не сравнится с Павлом, но сошло. Были ещё другие исполнители. Суфлёршей была Галина Шкурко. В небольшом хоре пели все участники. Завклубом Владимир Швед посоветовал мне иметь про запас ещё что-нибудь индивидуальное, например, рассказ или отрывок из какого-нибудь романа, из того, что я раньше уже представляла. Мне это казалось излишеством, но всё же взяла на заметку.

31 декабря 1946 года мы сыграли свадьбу Эллы и Лео Кельблера. 28 декабря они расписались в сельсовете, а вечером того же дня их «обвенчала» die Lisbeth-Mutter — бабушка Лиза. К свадьбе сварили красную свеклу, и отвар разливался как вино. Была всего одна рюмка, жених наливал и всем подавал выпить, большинство причмокивали при этом языком, будто это было лучшее вино. Все поздравляли молодожёнов и произносили наилучшие пожелания. Что-то было приготовлено на свадебный ужин (не помню что), затем снова отвар свеклы вместо вина, и моя сестра Мария запела песню, красивую немецкую песню, и все взрослые подхватили. Я и раньше восторгалась голосами моих двух сестёр, особенно Марии. Высоким или низким голосом, она всегда пела красиво. Из немецких песен, которые пелись и в Мариентале, у меня только одна осталась в памяти: «Schön ist die Jugend, sie kommt nicht mehr» (хороша молодость, но она невозвратима). Под одну из распеваемых песен тётя Нюра подхватила мою мать и пошли танцевать. Мария меня подняла, потом танцевали все, мать жениха и его две сестры, моя тётя Берта (теперь Вера), Евгения. И польку отплясывали под «Хопп-сасса» с воодушевлением. И дети танцевали со всеми вместе.

Так образовалась семья Кельблеров. Тоня и Иза остались Шнайдер, но со временем стали называть своего отчима Лео (Лёню) папой, потому как их родной отец не остался в их памяти,

и Лео совсем непринуждённо, по-отечески относился к детям.

3 января в Кучукской школе проводился новогодний утренник для 1–4 классов. Близнецы умоляли меня сшить для них карнавальные костюмы, они не отходили от меня, пока я не согласилась. Совсем недавно мне сшили новое платье из ткани, которая ещё в Мариентале предназначалась для пошива наматрасника или мешков, и сейчас была крайняя нужда в мешках (для урожая картофеля, для сборки на топливо хвороста, лепёшек коровьего помёта и т. д.). Поскольку у меня была только одна юбка, меня спросили, буду ли я носить платье из этой тёмно-синей грубоватой ткани. «Буду», — сказала я, даже не посмотрев ткань. Платье было сшито по одной из моделей Эллиного журнала мод и получилось довольно красивым, только при стирке даже в холодной воде или в холодном щёлоке вода окрашивалась в чёрно-синий цвет, и со временем платье стало серого цвета. Тогда же оно было новое, пошито с застёжкой впереди сверху донизу, с расклёшенной юбкой и узкой талией. Зародилась идея изготовить из него для Тони черкесский маскарадный костюм. Смастерила и пришила патронташи впереди ниже талии, и поменьше — на обеих сторонах груди. Платье уменьшила только живульками. Лео выстрогал из дерева неплохую саблю, а вот кто и где раздобыл головной убор в виде папахи — не помню. Теперь предстояло мне Тоню научить танцевать «лезгинку». Для Изы я сделала костюм бабочки. Каркас из проволоки обшила чем-то светлым, наклеила вырезанные из журнала мод цветные кружочки, на ноги — Эллины белые чулки. Удивительно, но получилось всё хорошо. У моих подруг Веры и Мани я кое-что узнала о танце лезгинка и что черкесы танцуют его с ножом в зубах.

И вот вокруг новогодней ёлки под мелодию песни:

На заборе птичка сидела
и такую песенку пела,
«Купи мне, мама, ботинки,
я станцую танец лезгинка»,

исполненную школьным учителем на баяне, Тоня лихо отплясывала этот танец, держа в зубах вынутую из ножен деревянную саблю, при этом она периодически выкрикивала: «Асса-асса!» — и вынимала саблю изо рта. Иза в костюме бабочки порхала изящно на носочках под музыку вальса, кружась, пригибаясь и словно взлетая опять…

Ими восхищались, им хлопали в ладоши, и их глаза сияли от счастья.

Через четыре дня состоялось колхозное собрание, и все знали, что будет большой концерт, в котором участвует Лида-немка.

После собрания небольшой перерыв. Начали мы с выступления хора, затем комедия «Дусина ошибка». Публика смеялась так, что я боялась, что они при последующей драме «Юность отцов» все будут дальше смеяться. Зал нашего клуба был переполнен. Совсем маленький перерыв — и занавес открылся. Тишина. Во время второй картины только всхлипывания были слышны. Ещё картины — и бурные аплодисменты. Мы уже два часа были на сцене. Завклубом Владимир Швед вышел к публике: «Спасибо за внимание». Раздался шум. Выкрики: «Мало!», «Ещё!», даже «Бис!».

«Что я говорил?» — Швед пришёл за сцену. И ко мне: «Есть у тебя ещё что-нибудь?» — «Я попробую». И рассказала небольшой отрывок из романа Л. Толстого «Воскресение». Занавес. Никто не трогается с места. Просят ещё. Теперь мы с Маней показали скетч из наших детских лет, затем ещё частушки, где Маня отбивала чечётку. Я ещё вспомнила лирическую поэму на тему военных лет одного из советских поэтов, которого вспомнить не могу. Начиналась она так: «Лучше девушки Натальи в целой области не знали…»

После этого я сама вышла к публике. Под аплодисменты поблагодарила и извинилась за то, что охрипла и не могу больше говорить. Теперь мы распрощались с публикой и закрыли занавес. Стало совсем тихо. Все начали собирать вещи. Когда я вышла в зал, кто-то подошёл ко мне, сказал, чтобы я зашла в правление колхоза, там ждут меня — в комнате 1. Испуганно я вошла. Все участники колхозного правления сидели и, приветливо улыбаясь, смотрели на меня. Кондрик начал: «Мы все посоветовались и решили, что ты заслужила хорошее вознаграждение, и всё собрание проголосовало за это. Значит, завтра ты придёшь к товарищу Глущенко, Марии Тимофеевне, она выдаст тебе пуд лучшей пшеницы. Это ты заработала, и этого тебе очень не хватает. Старый Корыч завтра запустит для тебя мельницу и перемелет её на хорошую муку». Все захлопали в ладоши, а я стояла со слезами на глазах, растерявшись от такой неожиданности, и не нашлась, что сказать, кроме «спасибо».

Что происходило у нас дома — это трудно описать. Мы получим целый пуд настоящего зерна, и ветряная мельница будет крутиться для нас. С нашими санками и мешком я пришла в кладовую. Заведующая Мария Тимофеевна (мать Нюры) опять же встретила меня с приветливой улыбкой, взвесила мне пуд чистейшей пшеницы и добавила ещё один совок в мой мешок.

Когда я пришла к пошивочной мастерской, Элла стояла у двери и ждала меня. Мы пошли вместе на мельницу, с усилием тянули санки на пригорок. Нам выпало счастье, было ветрено, старый Корыч, небольшого роста, худой, уже ждал нас. Я его никогда ещё не видела вблизи. Да и как? Для нас ещё никогда не заводилась мельница; отходы зерновые, которые мы получали, мололись на самодельной рушалке. Приходилось слышать, что старый Корыч всегда был на мельнице и никто не мог вспомнить, чтобы был другой мельник. Мне он показался сказочным гномом, его быстрые обрывистые движения были совершенно беззвучны. Он осмотрел (похоже, что и обнюхал) бункер, в который поступает готовая мука, засунул руку в лоток и дал нам знак высыпать зерно в приёмочный бункер. Мельница пошла скрипеть, кряхтеть, трещать, грохотать.

Мы с сестрой стояли рядом с низким ящиком-бункером под лотком и ждали, когда появится мука. И она появилась. Двумя совками мы пересыпали её в наш мешок. Элла знала, что деда надо отблагодарить, причём мукой. Когда уже не поступала мука из лотка, мы наполнили небольшую миску, стоявшую возле ящика, мукой и хотели ещё немного оставить в ящике, но дед Корыч, увидев это, сказал, чтобы мы всё из ящика высыпали в наш мешок. Элла потрясла мельнику руку и поблагодарила его. Он посмотрел на меня и спросил: «А это та самая Лида, что так хорошо выступает на сцене?» Я не могла сдержать смех. Он тоже смеялся. Дома мы занесли мешок и поставили его в самую середину комнаты. Лица моих близких сияли от восторга. Все тёрли муку между пальцами — мука была мелко смолота. Одна из наших соседок принесла самодельные дрожжи, и моя мама тут же поставила тесто, тесто для настоящего хлеба. Лео пришёл с работы и тоже радовался. На следующее утро из печи доставались душистые буханки хлеба и маленькие булочки.

Мне опять надо было в Родино, и на этот раз в моей котомке был хлеб и немного муки.

Глава 5

Однажды Таня спросила, смотрела ли я фильм «Парень из нашего города». Нет, не смотрела. За то время, что я училась в Родино, я не могла смотреть фильмы, потому что без денег здесь никаких фильмов. В Кучуке, напротив, показывали фильмы бесплатно, особенно зимой. Редко мы знали наперед, когда и какой фильм будет показан. Просто приходила телега или сани с фильмом из Родино, и пока транспорт ехал по селу, собиралась вокруг толпа вездесущих мальчишек, они потом бегали по округе

и объявляли большое событие: «Кино приехало-о!!!» И пока перегружали киноаппаратуру в клуб и киномеханик устанавливал её соответствующим образом, публика полностью собиралась в клубе. И начинали крутить. Во время войны не было динамо-машины, тогда вменялось в обязанность двоих мальчишек, которые покрепче, усаживаться друг против друга и крутить рукоятку. Часто «фильм рвался», или части перепутывались, и случались длительные перерывы. Таким образом, я со своей соседкой и тогдашней школьной подругой Маней Цапко посмотрела несколько фильмов, хотя очень мало понимала по-русски. Это были фильмы «Чапаев», «Три танкиста», «Александр Невский», «Броненосец Потёмкин», «Волга-Волга».

Хотя «Парень из нашего города» был довоенным фильмом, но я его не видела. Таня удивлялась и сожалела об этом. Она хотела знать, нравится ли мне актёр Николай Крючков. На её вопрос, кто из всех актеров, которых я видела, мне больше всех нравится, я без сомнения ответила — Александр Невский — «Черкасов, значит», её голос звучал разочарованно. Таня достала лист бумаги и написала: 1. Черкасов. В следующий раз она спросила, кто из всех мальчишек нашей школы мне больше всех нравится. Павел Братчун, сорвалось с языка, прежде чем успела подумать — «Уже занят». — «Что ты этим хочешь сказать?» — «Он же подружился с Людмилой П. В прошлом году. Теперь они переписываются. Она в него влюбилась безумно. Это мне по секрету сказала её подруга Анна». Людмила П. была племянницей нашей учительницы географии, она была в десятом классе, когда Павел был в девятом. Тогда, в наш бал-маскарад, она была в костюме дамы из 18 века. Теперь она учится в медицинском институте в Томске. Вот оно что. Так оно и должно быть, подумала я, а вслух: «Ну и хорошо. Я им желаю счастья». Этого желала я им на самом деле, хотя и было нехорошо на душе.

Опять начались репетиции. В этот раз я должна играть пожилую женщину, которая посвятила жизнь своему знаменитому брату — ученому профессору. Не совсем моя роль, но всё-таки мне хотелось её сыграть. Кроме этого мы должны были к предстоящим выборам повторить «Юность отцов» и подготовить спектакль к роману Ал. Фадеева «Молодая гвардия».

За неделю до выборов состоялась последняя репетиция, прогон «Юности отцов», затянувшийся до полуночи. И получилось так, что только Павел и я шли в одном направлении домой. Когда дошли до перекрестка, где ему надо было повернуть направо, я спросила: «Ты же здесь где-то живешь?»

«Да, но я провожу тебя до дому, очень поздно уже». — «А я не боюсь. Что тут может случиться за пять минут?» — «А если вдруг

всё-таки какое-нибудь чудовище из-за угла выскочит…» — шутливым тоном произнес Павел. Он снял рукавицы, сунул их под мышку, растопырил согнувшиеся пальцы, стал передо мной, состроив страшную гримасу: «Вот тогда ты испугаешься и узнаешь, что такое страх». — «Я уже и так испугалась и знаю, что такое страх, — громко смеясь, ответила я. — Тебе бы на сцене играть Змея Горыныча — все бы со смеху попадали». Я не переставала смеяться, а он вдруг очень серьезно спросил, почему я не прихожу на вечера танцев. Это было так неожиданно, что я ничего не нашла сказать, кроме «просто так». Мы уже стояли в нашем дворе, в трех-четырех шагах от ступеней. «А завтра ты придешь?» — «Нет. Завтра я пойду домой, в Кучук». И ему захотелось знать, пойду ли я пешком в эту дальнюю дорогу или поеду как-нибудь, и как часто я хожу домой. Так в разговоре мы перешли на тему языков — русского и немецкого. Он сказал, что знает многих из немцев Поволжья, но никто так хорошо не говорит по-русски, как я, без малейшего акцента. Мне было неприятно говорить об этом, и он перешел на скороговорки, русские скороговорки. Помню только:

1. Купи кипу пик.
2. Расскажи мне про покупку, про какую про покупку, про покупку, про покупку, про покупочку свою.
3. Корабли лавировали, лавировали, да не вылавировали.
4. Шла Саша по шоссе и сосала сушку.

Так мы стояли уже довольно долго на морозе, сами мёрзли, челюсти сводило от мороза, скороговорок и смеха.

Потом я услышала, как в нашей пристройке едва слышно скрипнула дверь — это моя хозяйка. Теперь — стоп! Надо домой. «Счастливого пути в Кучук и обратно». Осторожно я вошла в комнату, хотя знала, что Саша не спит, и муж её тоже.

Некоторое время я лежала без сна. Это был первый мой вечер с Павлом здесь, в Родино, и меня впервые в жизни проводил до дома молодой человек. Была еще ночь, когда мы с ним спали рядом в полевом стане, но это совсем другое. То, что сегодня — было так хорошо, так весело и непринужденно, ни к чему не обязывало. Мы можем быть просто хорошими друзьями. Всё другое — вон из головы, из мыслей. У него должно быть светлое будущее. И никаких помех! Особенно такой, как эта немка из Мариенталя.

На следующее утро я ожидала, что должна буду объяснить свой поздний приход домой, но Саша, после того как её муж закрыл за собой дверь, сказала, приветливо улыбаясь: «Наконец-

то я тебя хоть увидела с парнем вместе. Хороший мальчишка, по мнению ваших учителей, самый лучший». Я пыталась ей объяснить, что мы совсем не пара, а случайно так получилось, что мы вместе пошли. «Хорошо, хорошо. Собирайся в школу». Школа зимой начиналась в 9:00 часов, после уроков пришлось поторопиться, чтобы успеть засветло добраться. Мороз немного сбавил, и я бодро зашагала, держа путь на Кучук. Всю дорогу у меня было ощущение удивительной лёгкости во всём, вспоминались вчерашние шутки Павла, наш неудержимый смех по поводу скороговорок… и его вопрос, как часто и как я хожу в Кучук. И ноги словно сами меня несли, иногда даже вприпрыжку.

В воскресенье утром меня разбудила мать. «Похоже, будет буран. Или ты останешься дома, или надо немедленно выходить».

Надо идти. Если разразится буран, то он продлится, как обычно, три дня. В спешке я позавтракала и собралась в дорогу. Так как в Родино у меня осталось еще немного муки, котомка моя получилась совсем лёгкой. Мама пришла опять с улицы и сказала, что ветер дует со стороны Родино и мне придется идти против ветра. Её глаза выражали тревогу, беспокоилась она обо мне. На улице я сказала: «Мама, это же еще только лёгкая позёмка, видишь, еще светло, и если что, мне остаются всё-таки телеграфные столбы».

Я ушла. Мама стояла у двери маленькая, встревоженная, и смотрела мне вслед. В селе ветер сдувал снег только по поверхности, и я уже подумала, что он может еще успокоиться, но чем ближе я приходила к окраине села, тем крепче был ветер. За селом он дул с такой силой, что идти прямо (выпрямившись) было уже невозможно. Основное направление ветра не изменилось, я шла против ветра, телеграфные столбы были видны, хотя снежная буря поднималась всё выше и не шла ни в какое сравнение с позёмкой, при которой я надеялась дойти до Родино. Чем дальше, тем труднее стало идти. Ветер, казалось, дул со всех сторон и поднимал вихри снега вокруг меня. Чтобы определить его направление, надо остановиться, да, он дул мне прямо в лицо. Вскоре я заметила, что впереди меня только один столб, остальные исчезли. Я стояла между двумя столбами, один я оставила позади, другой показывает, куда мне идти. Дорогу занесло, и я не знала, иду ли по дороге или где-то рядом. И как далеко я ушла от села? Прошла ли уже холм, указатель половины пути?… Только столбы и направление ветра… Еще один столб и еще один… И больше я их не видела.

Теперь я осталась одна с бушующим, завывающим снежным ураганом и упорно ступала дальше. Голова моя была обвязана двумя или тремя платками, и только для глаз оставалась щель, её

приходилось периодически очищать от снега. Это требовало какого-то напряжения, надо было рукавицу снимать… может, у меня просто уже не было настроения, бодрости духа… Я видела только густую серую вихрящуюся массу и слышала то более, то менее громкое завывание ветра… Может быть, весь мир теперь окутан этим бушующим бураном. Всё исчезло, только этот страшный буран завывает вокруг земного шара, и я осталась одна-единственная… Мне бы сейчас полежать… Нет, этого нельзя, только вперед, и топала дальше. Пока сама по себе не упаду, думала я.

Стало совсем темно, только не знала я, какое сейчас время дня. Я не могла себе представить, что это уже поздний вечер или ночь. Из дома я вышла в начале 10-го утра, обычно я одна, или вместе с подругами, проходила до первого дома в Родино за два часа, если я теперь уже 4–5 часов в пути, то еще не может быть темно. Это всё от бурана, тучи на небе так сгустились, что кажется темно. А может, я уже совсем близко от Родино? Село такое большое, и я не могла пройти мимо, считала невозможным отклониться вправо или влево от села. Только терпения еще надо… И переступала ногами, пока сама не упаду, снова подумала я. Только не терять надежду. Хотя… ведь нету больше Родино, ничего больше нет… кроме меня и этого бурана…

Вдруг сильным порывом ветра что-то прибило к моим ногам, к голенищам валенок, но я всё равно почувствовала, что это что-то очень гибкое, тёплое и живое было. Вне себя от радости, я присела немного. Это была лиса, живая лиса, такая красивая, но маленькая. Всей силой она хотела от меня оторваться, потому наверное, что я хотела взять её на руки… Но новый мощный порыв ветра с другой стороны — и не стало моей бедной лисички. Куда её понес теперь этот шквал? Я не могла определить, в какую сторону рвануло её от меня. И мне надо туда, и я крутилась на месте, пока не решила — только туда. Я теперь знаю, что я не одна, что есть еще лиса… Такая маленькая, а как еще борется… а я уже было раскисла. Теперь нет, собраться только духом и идти, пока… И я шла туда. Лиса не выходила из головы. Еще в Мариентале в первом классе мы пели песню:

Fuchs, du hast die Gans gestohlen
Gib sie wieder her, gib sie wieder her,
Sonst wird dich der Jäger holen
mit dem Schießgewehr.
Sonst wird dich der Jäger holen
mit dem Schießgewehr.

В немецком языке лиса — мужского пола — der Fuchs. А моя лисонька не украла гуся, как в песне, убеждала я себя, и чувство, что лиса моя где-то со мной рядом, не покидало меня.

Потом я вдруг упала. Лицом в мягкий снег. Как хорошо… «Небесный покой», пронеслось в голове. Но в снегу не так-то просто дышать, подняла голову и почувствовала, что мои ноги лежат выше, чем голова, и они упираются обо что-то твёрдое. Мгновенно я повернулась и потянулась за этим твёрдым. Это была жердь! Жердь от изгороди, какими в Кучуке огорожены многие дворы. Jesus und Maria — я как будто услышала голос моей матери. Обхватив обеими руками эту жердь, я подвинулась по ней влево, но она ушла в снежный сугроб, правда, небольшой, и я его разгребла руками и добралась до угла рубленого дома! Спасибо тебе, Боженька! Gelobt sei Jesus Christus.

Ощупью двумя руками вдоль стены, добралась до следующего угла, на третьей стене увидела едва освещенное окно. На мой стук никто не отреагировал. Поднялась на крытое крыльцо в две ступени, постучала, как могла громко в дверь, заскрипела внутренняя дверь, последовал вопрос: «Кто там?» — «Откройте, пожалуйста, я из Кучука иду, заблудилась, хочу только спросить, куда я пришла». Послышалось, как вынимался засов, открывались крючки. В дверях стояла женщина в валенках, в накинутом на плечи большом платке. Увидев меня, перекрестилась, сказала, что я в Родино пришла, что если бы я чуть левее еще отклонилась, то ушла бы дальше в степь и уже ни до куда не дошла бы. Поманила рукой: «Заходи, у нас переночуешь».

Я объяснила коротко, что мне утром в школу, и где я живу. Оказалось, что её дом совсем недавно построен, он стоит на самой окраине села как последний дом улицы Советской. Эта улица пересекает главную улицу имени Ленина в центре Родино, почти рядом с моим жильем, но до центра надо еще шагать километра три. Это ничего, это я запросто преодолею, в селе буран не такой уж страшный.

Женщина быстро оделась и проводила меня до следующего дома этой улицы, а оттуда дома уже близко следовали друг за другом. Распрощавшись со своей благодетельницей, окрыленная радостью выпавшего мне счастья, я быстро дошла до дома. Буран так же бушевал, вынуждал меня то приседать, то прислониться к стене какого-нибудь дома, но мне было всё ни по чем, я дошла. Саша еще не спала, и Сашина мать тоже была здесь. Она нередко приходила, помогала Саше при стирке, готовила пищу и оставалась ночевать. Сейчас она помогла мне раздеться, громко причитая при этом. А мне хотелось только спать. Было пол-одиннадцатого вечера. На следующее утро пришли только

несколько человек на уроки, так как буран ни малейшим образом не ослабел. После второго урока нас отпустили по домам. Как я и ожидала, Саша хотела всё знать о моём буранном происшествии.

— Всё хорошо, что хорошо кончается, сказала она, когда закончила я рассказ.

— Саша, пожалуйста, никому не говорите об этом, и с моими домашними, и вообще никому не говорите об этом. Ничего же не произошло.

Она собиралась идти на работу. Хотя в такой буран в младших классах уроки отменялись совсем, но учителя должны были являться.

Когда она вернулась, я сидела за столом и читала. Она подвинула табурет к моему и села рядом со мной.

— Послушай-ка. Один из комендантов приходил сегодня в школу.

Я вздрогнула, даже не подумала, что мне надо было отметиться.

— Нет, нет, сказала Саша, дело не в этом. Твоя мать была сегодня в вашем сельсовете и со слезами, как могла, объяснила, что её Лида вчера при таком буране ушла в Родино, и она не знает, дошла ли она вообще… и плачет горькими слезами. Председатель сельсовета пытался в школу позвонить, не подумалось, тогда он отважился позвонить в НКВД. Поэтому комендант появился в школе, он хотел только узнать, была ли ты в школе. Учитель математики Роман Васильевич подтвердил, что ты была на уроке.

Я представляла себе мою маму — как она смогла при таком беснующемся шторме пройти в сельсовет через этот глубокий ров? И я сравнила её с моей маленькой лисой. Ах, мама, мама! И с твоим русским ты смогла выразить свои заботы.

Впоследствии я узнала, что моя мама просидела в сельсовете до тех пор, пока не позвонили из Родино, что её дочь была в школе. После этого она опять пошла через ярок домой.

На следующее воскресенье проходили выборы в Верховный Совет. Согласно конституции, каждый гражданин Советского Союза, достигший совершеннолетия, то есть 18-летнего возраста, имел право голоса. Мы, немцы, не имели такого права, но я имела право развлекать всех имеющих право голоса так же, как учитель Клементий Варфоломеевич Роор со своими сыновьями имел право занимать и доставлять удовольствие всем советским гражданам. В те времена я не рассуждала даже с малейшей колкостью об этом, скорее, я была склонна доставлять людям какую-то радость и сама радовалась этому.

В день выборов мы, участники школьной художественной

самодеятельности, собрались в 8:30 в учительской, расположенной напротив боковой двери на сцену. Программа выступлений нашей школы и ещё одной концертной группы из села была вывешена в прихожей у входа в школу. В зале все сидячие места (на длинных скамейках) были уже заняты. Представление началось с выступления школьного хора под руководством учителя Роора.

Публика собиралась, никто из проголосовавших, казалось, не собирался покидать зал. Все мостились на всё плотнее усаженные скамейки.

После хора выступала наша театральная группа. Сначала мы показали отрывок из «Молодой гвардии», где я играла отважную и весёлую Любу Шевцову, что-то было ещё, и в последнюю очередь — «Юность отцов».

Зал был переполнен. В последних рядах зрители уже не сидели, а стояли плотно друг возле друга на скамейках, между сценой и первым рядом сидели также плотно на полу, и подоконники были заняты. В левом проходе вдоль стены публика стояла так плотно, что невозможно было пройти. Двое молодых мужчин встречали уже редко приходящих избирателей и как-то проводили их в комнату голосования.

После спектакля, после нашего выступления, которое очень хорошо принималось публикой, мне ещё хотелось посмотреть программу следующей группы, но усталость и голод давали о себе знать, да и я была уверена, что не найду сидячего места, и вышла в зал, чтобы пробраться к выходу. Оказалось, что никакого труда не составляет пройти туда, ряды поредели. Концерт уже начался, а публика уходит. Большинство стоявших на скамейках уже встали и покинули зал. Мне было жаль концертную группу, которой уже очень трудно было заинтересовать и привлекать внимание совершенно уставшей публики. А мне хотелось всё-таки посмотреть концерт.

Одна из женщин вставала как раз со скамьи, когда я проходила мимо, и она слегка оперлась рукой на моё плечо. Она извинилась и посоветовала, если я ищу место, вперёд пройти, там уже много свободных мест.

«Хотя, там уже нечего смотреть».

При этом она покачала головой и рукой помахала туда-сюда.

«А ты только пришла и не видела, что тут школьники представляли? Жаль».

Молча, я стояла перед ней, смотрела ей в глаза, но она меня не узнавала. Она коротко передала содержание пьесы.

«Не только я, все просто в восторге от их выступления, особенно двух девушек. Я слышала, одна из них будто немка,

только какая? Обе играли очень хорошо и обе говорят и выглядят как настоящие русские».

Эта женщина показалась мне просто глупой, даже сверх глупой.

«И которая же?» — тоже глупо спросила я.

«Ну… дочь или мать. Жаль, что ты не видела их, мы могли бы ещё поговорить… а мне надо уже… до свидания».

Она ушла, а я стала к стене, прямо возле двери. Как она могла не узнать меня? У меня были только слегка губы и ресницы подкрашены. Зал наполовину опустел, и публика постепенно покидала его дальше, равнодушно проходила мимо меня. И вдруг подошёл Павел, я думала, он уже давно ушёл.

«Где ты так долго был?» — опять глупый вопрос, как будто я его ждала.

«Я не мог пройти, многие хотели со мной поговорить и… про тебя спрашивали. Мучили тебя?»

«Меня? Ни один человек не интересовался мной. С одной женщиной мы разговорились, но она меня не узнала даже».

Он показал на дверь, не хочу ли я с ним уйти.

«Нет, я ещё останусь здесь», — сказала я и села на скамью. Это, чтоб только показать, что я не ждала его.

Концерт продолжался — неинтересно.

Моей хозяйке я передала разговор с той женщиной. Саша хорошо понимала ту женщину. Я нет.

Школьная жизнь шла своим чередом, был ещё один вечер танцев, на котором я много с Павлом танцевала, много шутила и много смеялась. Итак, хорошие школьные друзья.

Потом, на одной из больших перемен, Павел подошёл ко мне. Он попросил меня не уходить, он только хочет меня о чём-то спросить. И спросил:

«Почему ты не в комсомоле?»

Молчу. На этот вопрос мне не хотелось отвечать вообще, а ему тем более.

«Почему?» — он коснулся моего локтя.

«Потому что…» — я посмотрела ему в глаза.

«Потому что я недостойна быть в комсомоле».

«Лида, о чём ты говоришь? Ты, и не достойна? Кому же быть в комсомоле, если не тебе?»

Эти слова запечатлелись в моей памяти навсегда.

«Павел, ещё в 7-ом классе я пыталась вступить».

«И?»

Коротко я объяснила ему всё…

Зазвонил звонок, перемена закончилась. Он пошёл в свой 10-ый класс, а я в свой 9-ый.

Через два дня он сказал:

«Я говорил с Ковалёвым, он сказал, чтобы ты заявление подала».

Ковалёв был секретарем райкома комсомола.

Говорить с Павлом о своих чувствах, о своём отношении к теперешнему комсомолу, о моей неуверенности я не хотела. Ни с кем не хотела об этом говорить. Я должна самостоятельно принять решение. И написала заявление — ради него… и в благодарность за его слова: «Ты, и не достойна? Кому же быть в комсомоле, если не тебе?»

Школьная комсомольская организация единодушно приняла меня. Через неделю состоялось заседание бюро райкома комсомола, там будет принято окончательное решение.

Когда я пришла, в передней комнате было ещё два-три ученика, они были очень взволнованы, боялись вопросов по уставу комсомола. Открылась дверь из комнаты заседаний, вышел Павел и сказал, что неожиданно приехал из Барнаула представитель крайкома комсомола, он будет присутствовать. Как-то печально он посмотрел на меня и скрылся за дверью. Может, мне лучше уйти домой? Трусливо удалиться? Нет, это нет, я останусь, что бы ни произошло.

Собственно, что я делаю неправильно? Я вступаю в комсомол, в котором состоят лучшие мои подруги, лучшие из ребят, которых я знаю. А что такое комсомол? Союз молодёжи, прежде всего (коммунистический — не совсем понятно). Устав комсомола содержит вполне благоразумные понятия: честность, справедливость, верность, любовь к Родине, трудолюбие, бескорыстное служение народу…

Об этом мы слышим постоянно. Плохо это? Нет. И я хотела быть в комсомоле, меня не приняли в 7-ом классе, потому что я немка и мой отец якобы враг народа, что я считаю совершенной ошибкой. Может, что-нибудь изменилось — если товарищ Ковалёв предложил мне подать заявление. Попробую ещё раз.

Меня вызвали последней. Сразу за дверью я остановилась. 4–5 деревянных скамеек стояли передо мной поперёк комнаты, на них сидели члены бюро райкома комсомола спиной ко мне. На моё приветствие все обернулись, приветливо отвечая. Я знала почти всех. Впереди за столом сидел Павел, слева от него, в некотором отдалении от стола, сидел на стуле с вытянутыми вперёд ногами представитель из Барнаула. Ковалёв стоял справа у окна. Он был инвалид войны, по-моему, правый рукав его гимнастёрки был пустой и пристёгнут ремнём к телу.

После короткого представления поступили вопросы, на которые я все ответила.

«Расскажи свою биографию», — сказал представитель.

Я хотела коротко её изложить, но он наводящими вопросами всё узнал, что хотел узнать.

«Ты немка, и твоего отца арестовали. За что?»

Я же не знала за что.

«Тебе было 13, в этом возрасте уже отвечают за действия родителей. Ты наверняка знаешь, с кем встречался твой отец».

«Это что, допрос?» — ударило в голову. Я молчала.

«Ну, выкладывай, ты же всё знаешь».

Что-то в моей душе сжалось в комок, я не знала, как мне воспротивиться…

«Мой отец всегда приходил с работы и оставался дома в семье».

«И кто посещал его чаще всех?» — «Никто».

«И почему же его арестовали? За что? Как ты считаешь?»

«Я не знаю, и никто не знает».

«Ты же не считаешь, что Советская власть человека ни за что заключает в тюрьму? У нас только врагов заключают».

Все на скамьях сидели спиной ко мне, никто из них не оглянулся, а мне так хотелось увидеть хотя бы одно лицо.

И Павел сидел, уткнувшись лицом в лист бумаги, на котором он что-то царапал или чертил карандашом. Ковалёв теперь сидел на подоконнике и пристально смотрел на носки своих сапог. Всё это запечатлелось в моей памяти, и у меня было только одно желание, чтобы этот функционер из Барнаула расстрелял меня, чем мне такие жестокие, ужасные упрёки слышать. Я закрыла глаза и не сказала больше ни слова. Потом я услышала: «Если ты подпишешь, что ты отрекаешься от своего отца, тогда…» как ни крепилась я, но слёзы брызнули. Всем своим телом, своей спиной я прижалась к двери, желала, чтоб она открылась, а я выпала отсюда, только не на землю — во Вселенную, мне хотелось маленькой пылинкой исчезнуть в космосе. Дверь осталась закрытой, а я стояла и качала головой. Нет! И тут вдруг встал Ковалёв, это я ещё видела сквозь слёзы.

«Товарищи члены райкома комсомола. Все вы знаете ученицу нашей школы Лидию Герман». Что-то он еще говорил… Затем: «Я как первый секретарь Родинского райкома комсомола настаиваю на том, чтобы ученицу Лидию Герман принять в ряды Ленинского комсомола…»

Почему он это говорил? Почему? Я уже не хочу! Не хочу я в комсомол! А для Ковалёва это же рискованно, может, опасно. Сколько членов бюро проголосовало за — я не знаю, во всяком случае, я должна через 3–4 дня прийти и получить комсомольский билет.

Дома я бросилась на кровать и плакала истерично. Не хотела я уже в комсомол, а теперь я в нём. Зачем? Всё равно я не настоящая комсомолка, не из тех, которые на собраниях или на демонстрациях выступают с патриотическими речами за партию, за нашего великого учителя и отца всех народов, товарища Сталина. Никогда бы я не смогла в этом роде что-либо сказать. И в театральных представлениях на сцене тоже нет. В прошлом году, например, хотели, чтобы я выучила и рассказала хвалебное стихотворение Лебедева-Кумача, я категорически отказалась. Меня немного удивило, что Валентина Андреевна не настояла на этом, может быть, она тоже нашла это смешным: немка должна восхвалять любимого товарища Сталина. Нет, я действительно была недостойна быть в комсомоле. Почему только Павел так выразился: «Кто же, если не ты». Теперь он знает всё, мальчишка, который так много для меня значил, увидел он все мои унижения и позор. И не хотелось мне больше в школу ходить. Почему я должна ходить в школу? Я была единственная немка, которая дошла до 9-го класса — во всём районе, в эти тяжелые годы. Почему я должна обязательно закончить школу? Какой смысл в этом?..

Подушка моя была мокрая… Вспомнился мне Мариенталь. Где они теперь все? Моя лучшая подруга Ирма Зандер? Мои одноклассницы Фрида Киндеркнехт, Роза Ромме, Амалия Кесслер? И мальчишки Альберт Пиннеккер, Виктор Гербер? Чем они все занимаются? Ходят они тоже в школу? Я пыталась себе представить, как они теперь все выглядят — не получилось.

И я не могла себе представить того, как снова вернуться в Мариенталь. Хотела ли я этого на самом деле? Мои подруги здесь: Роза, Вера, Маня, Нона и Таня. А Саша? Они мне теперь так близки. А Павел? Несмотря на всё… вопреки всему… он был единственный… и я заснула.

Когда проснулась, Саша уже была дома. Она подала мне маленькое зеркальце. Я только взглянула в него и бросила его на кровать. Саша села возле меня и положила руку мне на плечи. Она уже всё знала. Осторожно и с терпением она утешала меня, не надо мне всё так близко принимать к сердцу, не надо вешать головы. Не помогало. Я сидела, устремив взгляд на пол. Тогда она встала и бодрым голосом сказала: «Я хотела тебе доверить одну тайну». — «Какую тайну?» — я смотрела на неё. — «Я беременна».

Я не сразу сообразила, потом встала и только слабо произнесла: «Как хорошо».

«Знаешь что? Давай вместе обед приготовим. Согласна?» Добрейшая Саша, она хотела меня подбодрить, она заботилась обо мне и тоже страдала — из-за меня. Этого не должно быть.

Мне надо себя взять в руки и всё забыть. — «Я тоже хочу кушать».

На следующее утро мне не хотелось вставать, и я лучше всего пошла бы домой в Кучук и никогда больше — в школу. Нет больше желания учиться. Но как я объясню дома всё? Это невозможно. Нет. Они не должны узнать обо всём этом. Я взрослая и должна сама выйти из создавшегося положения. С трудом мне удавалось иногда быть, так сказать, в настроении, хотя на душе было очень нелегко. Русская поговорка гласит: на душе кошки скребут.

Глава 6

Когда я в прошлый выходной была дома в Кучуке, мне Элла дала погашенную облигацию довоенного займа, стоимость которой память не сохранила: 200 или 400 рублей. Эти деньги я должна была получить в Родинской сберкассе и купить на них на базаре ведро картошки — оно именно столько и стоило. «В Кучуке на эти деньги все равно ничего не купишь, наш магазин неизвестно еще когда откроется. А ты хорошо обойдешься картошкой».

В течение недели получила я деньги, и в следующее воскресенье с утра пораньше, с мешком под мышкой — на базар. Это было мое первое посещение базара вообще. В правой руке я крепко держала свёрнутые бумажные деньги.

Издалека еще я увидела справа штабелями уложенные мешки с картофелем, среди них и просто кучами насыпанный картофель. Целеустремленно направилась я туда… и… стоп! В поле моего зрения попало что-то ярко-синего цвета. Что бы это могло быть? Я остановилась. Перед рядом с картофелем была построена деревянная стойка в виде длинного стола, на котором располагались различные продукты питания: молоко, сметана, яйца, хлеб и т. д. Справа от этого стола — продавцы, слева — толпа народа, каждый искал что-то для себя. Слева, вдоль улицы, стояли разгруженные подводы, распряженные лошади стояли в дремоте, привязанные к телегам, некоторые лежали. Между телегами и длинным рядом-стойкой стоял старик, перед ним на земле, на нескольких разостланных газетах разложены были различные вещи, среди которых это удивительно красивое — синего цвета со слегка лиловым оттенком. Посмотрю-ка я, что это такое, потом куплю картошку.

В это же время справа со стороны стола подошла женщина, поприветствовала старика и спросила его, что он продает. «Это, наверное, вам сын прислал из Германии? — хотелось ей знать. Она наклонилась, взяла кончиками пальцев это что-то и подняла

его. — Такое красивое платьице, почему ты продаешь его?»

«И кто же его будет носить? Оно ж прозрачное, как марля. И на кого оно налезет?» — говорил он по-украински.

Пока эти двое между собой рассуждали, я стояла несколько в стороне и не могла глаз отвести от этого платья. Из Германии, значит, прислали это чудо-платье. Его сын там… В Германии… Интересно, отдал бы он мне это платье за мои деньги, собственно, за ведро картошки, или нет? Думаю, что нет. А если бы? Как я обойдусь без картошки?.. Я подошла поближе, чтобы рассмотреть получше. Тончайшая, нежная ткань, расшитая кручёными нитками того же цвета. Очень красивый фасон и тонкая работа. Мечта… Из Германии. А что бы обо мне подумала девочка, которой принадлежало это платье, если бы она знала, что я его хочу? Я, тоже немка, немка из России. Моя фамилия Герман, а она жила, живет еще в Германии…

Женщина положила платье, а мой взгляд будто приворожен к нему, как будто это платьице было соединительным звеном между моим я и моим происхождением, между всеми моими родственниками и нашими предками.

Когда женщина ушла, я робко спросила деда, сколько стоит это платье. «Скики дассы?» — спросил он. Я протянула руку и раскрыла кулак. Он взял деньги, не сосчитав их: «Забирай». Теперь я стою с пустым мешком под мышкой и не знаю, куда девать платье. Кое-как сложила его и сунула под пальто, под ту же руку, где мешок. Всю дорогу домой мучили мысли о моем неблагоразумном необдуманном поступке… Наша швейная машина Зингер тоже из Германии, ну и что?..

Саша и ее муж были дома, и она не заметила, что я пришла с пустым мешком. Платье я спрятала под подушкой на своей койке. Только на следующий день исповедовалась Саше, рассказала ей все. Она настояла, чтобы я тут же померила платье. Надела я его на свою застиранную с бретелями рубашку-комбинацию. — «Тебе очень подходит, как будто с тебя мерку сняли». Она сняла зеркало со стены, поставила его на стул. И я признала, что очень красиво. «Другую комбинашку, другие чулки и туфли — и на следующем бал-маскараде ты опять будешь самая красивая».

«Саша, не хочу я быть самой красивой, и я вовсе не красивая, пожалуйста…» — «Хорошо, хорошо. А теперь… Не ломай себе голову из-за картошки. Я дам тебе в долг ведро картошки до нового урожая, тогда ты рассчитаешься. Согласна?» — «Согласна». А Саша — просто сокровище.

20 мая начались экзамены, и я неплохо сдала. После последнего экзамена, это была экономическая география, я попросила Таню, чтобы она за меня извинилась на

заключительном классном собрании, т. к. я сегодня уже пойду в Кучук.

«Как жаль, что ты в середине августа еще в Кучуке будешь, а не в Родино». На мой вопрос, почему именно в середине августа, она ответила, что еще не совсем все выяснилось, но она бы очень хотела со мной по родинскому парку побродить и там потанцевать. «Таня, в конце августа я работаю на уборке урожая и совершенно невозможно будет прийти в Родино».

«Жаль», — повторила Таня. Как-то загадочно звучало это «жаль», но тогда у меня не было времени, или желания, над этим голову ломать. Потом уже подумала, что-то она темнит, может, она собирается замуж выходить? Только в конце августа выяснилось, что она задумала.

Беременность Саши меня все чаще за последнее время наводила на безрадостные мысли. Я предполагала, даже была уверена, что Сашина мать скоро уже перейдет жить к своей дочери, чтобы за ребенком ухаживать. И мне, естественно, будет невозможно в дальнейшем у них проживать. С тревогой я ждала, что Саша по этому поводу обратится ко мне. Но теперь, когда я на целых три месяца уходила в Кучук, я сама заговорила об этом. Она нашла мое предположение правильным, но время еще не пришло об этом конкретно говорить. Ребенок родится в начале ноября, и до этого ее мать останется жить у старшей дочери, значит, я могу у них остаться до того…

«Другое жилье тебе найти не составит труда». Успокоенная, я собралась в дорогу домой.

Моя сестра Элла тоже была в «интересном» положении, её и без того женственная фигура заметно округлилась. Как-то украдкой, стыдливым и неуверенным взглядом она смотрела на меня. «Элла, ты не радуешься, что будет у тебя ребёнок? — смеясь, спросила я. — Радуюсь, конечно. Только… я думаю, ты не будешь этому рада».

«Разве можно не радоваться маленькому ребенку? Кстати, моя хозяйка Александра тоже ждет ребенка, в начале ноября, наверно». Мгновенно изменилось выражение лица у Эллы. «А где ты будешь жить? Ты же не сможешь у них остаться». — «До родов я останусь у них, потом… Я уж найду себе другое жилье». И после паузы: «Элла, я должна вам признаться. Я провинилась… Картошку я не купила, а купила вот это». Я быстро вытащила из сумки платье и раскинула его на кровати. Послышался звук удивления. Ни упрёков, ни порицания. «Расшитый шифон, — определила Элла. — Очень красивое это платье. Тебе повезло, дешево купила. Теперь тебе всё равно в поле, а к началу учебного года получишь подходящую рубашку, а может быть, и

ботинки». — «Для 10-го класса школа начнется в этот раз 1-го сентября — обязательно».

Условия жизни у нас несколько улучшились. Пекли хлеб, пусть даже из низкокачественного зерна и с примесью картофельных и свекольных очистков или с травками. Масло меньше обменивали и больше применяли в пищу, белье стиралось даже с хоз. мылом. Кто-то в селе овладел ремеслом варить мыло, и всё село пользовалось этим мылом — в обмен. Наша избушка в это лето преобразилась — её «обмазали» и побелили в белый цвет. Лео где-то раздобыл поросёнка, его теперь надо выкормить, чтобы к зиме зарезать. В семье строили планы, мечтали. В основном, разговоры вертелись вокруг еды… А в конце обычно переходили на Мариенталь. Говорили о разного рода слухах, ходивших в народе. Дискутировали о нашей жизни после возвращения на родину. При этом без слёз не обходилось.

Моя работа в поле проходила без особых событий. Только чувство одиночества осталось в памяти. Мне не хватало Розы и всех моих подруг по работе, я скучала по весёлой болтовне во время перерывов под копной сена или зерновых культур. А какие песни мы распевали! Сердечные, даже душераздирающие украинские песни, или русские народные и современные — не менее трогательные песни — пелись нами изо всех сил и разносились по широкой сибирской степи…

И теперь поют, конечно, и я не могу представить себе полевые работы в Сибири без пения, без песен. Но в наши годы, мои дорогие подружки, когда мы были еще наполовину детьми, наши голоса звучали, возможно, не так совершенно, как у взрослых, но это было наше пение…

В 1947 г. я не встречала малолетних в поле, зерновые убирались в основном комбайном, что меня тоже наводило на безрадостные мысли, мне бы хотелось услышать пение жаворонков, которое теперь поглощалось шумом машины.

Радовало очень, что не приходилось больше ночевать в бригаде. Если работали на отдаленных полях, вечером приходила подвода и увозила нас домой, утром нас отвозили опять. Если поле было вблизи села, мы ходили пешком.

Однажды вечером, когда мы еще засветло прибыли на колхозный двор, я, набравшись смелости, зашла к матери Даши и Михаила Цапко. Она была одна дома, от неожиданности она растерялась, потом взяла мою руку в свои, повела меня к столу и предложила стул. Я же осталась стоять и только смотрела на застеклённое фото, висевшее над столом, на фотографии была я и мои племянницы-близнецы, когда мне было лет 10–11.

«Отдайте мне, пожалуйста, эту карточку, у нас не осталось ни

одной такой, зачем она вам?» По-моему, голос мой звучал немного плаксиво.

«Лида, детка, я не могу тебе вернуть её, я пообещала моему сыну, что никому её не отдам, что я её буду беречь как зеницу ока. Извини, но от меня ты её не получишь. — Она стала к стене рядом с фотографией. — Когда Михаил вернется, тогда с ним и разговаривай».

Я смотрела на неё не без восторга. Маленького роста, может, даже меньше моей матери, но покрепче комплекцией, большие сине-зеленые глаза с продолговатым разрезом, маленький рот и большеватый нос с горбинкой. «До свидания», — сказала я, как могла вежливо, и ушла.

И мучили угрызения совести: почему я только туда пошла? Дура я и только! Я же тогда еще, в 5-м классе решила это фото забыть, как будто его никогда не было. Но с другой стороны, не хотелось мне, чтобы моя фотография была вывешена в этом чужом доме. А с этим Михаилом я никогда не буду разговаривать и видеть его не хочу. Странным мне казалось, что его мать, Мария, умная, в общем-то, женщина, всё это терпит и его еще защищает. А его сестра Даша и брат Александр должны теперь изо дня в день смотреть на это фото, может, они смеются надо мной.

Дома я всё рассказала Элле, она только смеялась. «Может, они все к тебе хорошо относятся, вся семья, и тебе гордиться надо этим. Когда заканчивается его служба?» — «Откуда я знаю? Меня это не интересует». Немного подумав, я добавила: «Я всегда считала, что Роза и он хорошая пара. Оставим это…»

Лето заканчивалось, наступала пора школьных занятий. В один из последних дней августа, ранним утром я встретила на колхозном дворе Галину Шкурко, которая теперь работала секретарем в сельсовете. «Твоя подруга Татьяна Сорученко вчера звонила в сельсовет, хотела, чтоб тебя позвали, я ответила, что это невозможно, тогда она спросила, возможно ли тебя в поле найти, если она сегодня придет в Кучук, что я тоже считаю невозможным, тогда она убедительно просила тебе передать, что она сегодня вечером будет тебя ждать в Родино, что это очень важно. Она ждет тебя у входа в парк. С бригадиром я уже договорилась, но до обеда ты должна поработать еще, потом пойдешь, завтра ты выходная». Она, видимо, заметила, что я ей хотела возразить и что мне в Родино вовсе не хотелось идти, и сказала: «Я просто не смогла отказать в её просьбе». — «А что с комендатурой? Как мне там объяснить?» — «А ты не ходи к ним, а если поймают, мы тебя уж защитим».

У ворот в парк я увидела Татьяну с человеком в военной

форме. Я так и думала, она выходит замуж. Она меня тоже заметила, подбежала, обхватила, и её напарник был уже рядом.

«Лида, я хочу, чтобы ты познакомилась с моим братом». — «Виталий», — представился он, при этом он слегка наклонил голову, а его ботинки (или сапоги) каким-то образом со звуком столкнулись. Ошеломленная, вне себя от возмущения, я отступила на шаг, высвободив руку из её рук.

«Лида, милая, мы с тобой не скоро увидимся, я в школу больше не приду и покидаю навсегда Родино». Она снова обняла меня и поцеловала в обе щеки.

«Всего тебе хорошего!» И она убежала. Я за ней. «Татьяна!» Но она подняла только руку и качала головой, не оглядываясь. Виталий последовал за мной. «Что всё это значит?» — спросила я, не скрывая своего раздражения. «Это значит, что мы с сестрой завтра ранним утром вместе поедем на железнодорожную станцию, она еще не всё упаковала, поэтому такая спешка». — «И куда же вы поедете?» — «Татьяна — в Новосибирск к нашей тёте, она там будет учиться. Я — в Томск, мои каникулы заканчиваются». Мне стало любопытно, но спрашивать о чем-либо не хотелось, и я согласилась на его предложение пройтись по освещенной центральной аллее парка до танцплощадки. «Не боитесь ли вы меня?» — спросил он вдруг. — «Я вас не боюсь».

Таинственным мне показалось бродить по так называемой аллее этого безлюдного, пустынного парка… и мы уже перешли на «ты». Когда мы дошли до танцплощадки, я уже знала, что мой сопровождающий, брат моей подруги Татьяны — курсант военного училища, офицерского училища в Томске. С танцплощадки спускалась по ступеням пара, на вид влюблённых. Они поздоровались с нами, и я узнала молодого человека, который иногда приходил на школьные вечера и несколько раз приглашал меня танцевать, а потом… потом я его видела как члена бюро райкома комсомола… Теперь он видит меня с будущим офицером…

Мгновенно исчезло приятное ощущение, зародившееся при общении с этим молодым человеком. Мысли о приёме меня в комсомол напомнили мне, кто и что я есть — немка, ничтожество.

Под большим фонарем у входа на танцплощадку я остановилась.

«Жаль, что сегодня нет танцев, я бы очень хотел с тобой потанцевать», — сказал Виталий. «Может я не умею танцевать». Он засмеялся: «Я знаю, как ты умеешь танцевать». Он близко подступил ко мне и с серьезным выражением лица продолжил: «Собственно, знаю я всё о тебе. Моя сестра целый год о тебе

писала. И фото она мне прислала. — Он достал из внутреннего кармана своего мундира фото с Таней и со мной. — И я себе в мечтах представлял тебя именно такой, какой ты мне сегодня встретилась, какая ты сейчас передо мной стоишь». — «Такую как я, девочку из колхоза, не так уж трудно себе представить», — выпалила я торопливо, сама удивляясь своей якобы находчивости.

Мне хотелось как можно скорее уйти домой, избавиться от него и ни в коем случае не допустить до… Объяснения… Но обидеть его тоже не хотелось, нет. Это исключено. За что? Очень приятный молодой человек, к тому же брат моей подруги, поведение его безупречно.

«Виталий, по-моему, нам надо идти, ты должен рано встать». — «Я? Я бы вообще не хотел ложиться спать, а остаться с тобой здесь за полночь. В 4:00 часа мы уедем. А ты? Тебе завтра опять в поле?» — «Да», — солгала я и шагнула в сторону выхода. «Лида, просьба у меня… только на один вальс прошу тебя». Я непонимающе взглянула на него: «Без музыки?»

«Да». С небольшим поклоном он подал мне руку. «Мы же можем потихоньку подпевать». Мы стали в позицию и Виталий тихо, низким голосом запел:

Ночь коротка.
Спят облака,
И лежит у меня на ладони
Незнакомая ваша рука
……
В этом зале большом
Мы танцуем вдвоем.
Так скажите хоть слово,
Сам не знаю о чём.

Эта песня в ритме вальса имела тогда огромный успех, её исполняли лучшие певцы русской эстрады, все знали эту песню, и я тоже. Теперь пел её Виталий, и я вместе с ним, и мы «скользили в упоении» по старому дощатому со щелями настилу площадки, огороженной престарым штакетником в одичалом запущенном парке… Запыхавшись, мы остановились. «Это было замечательно! Ты не находишь?» — «Нахожу. Очень хорошо. Но теперь мы пойдем». — «Да, теперь пойдем».

Когда мы вышли из парка, Виталий очень старательно закрыл ворота и остановился у столба: «Здесь я сегодня ждал тебя, и ты пришла». И с легким поклоном: «Я благодарю тебя за это». — «Если бы Татьяна не так упорно убеждала секретаршу, что это

очень, очень важно, вряд ли я бы пришла… Когда я увидела её с молодым человеком, я подумала, что она выходит замуж. Ваше разительное сходство я заметила несколько позже». — «Молодец, Татьяна». Мы приближались к нашей школе.

«Зайдем на минутку в школьный двор?» Я кивнула. Он взбежал на высокое крыльцо, как-то трогательно провел руками по входной двери, прошелся несколько раз вдоль крыльца, потирая руки, и остановился. Я стояла внизу.

«Здесь я 1 сентября 1944 года распрощался со школой. Митинг состоялся. Два моих друга и я записались добровольцами на фронт. Это рассматривалось тогда чуть ли не как героизм. Мне еще не было 18 лет. Все трое мы должны были учиться в 10 классе. Все трое отказались от этого». Он сбежал по ступеням вниз.

«Двор был переполнен людьми, — добавила я. — На крыльце было что-то похожее на трибуну сооружено, многие выступали, говорили вам напутственные и прощальные слова». — «Ты была на этом митинге?» — перебил Виталий. «Да. Я стояла там, совсем сзади и тянула шею, чтобы вас, героев, увидеть». — «Мы не были героями, на фронт мы вообще не попали, определили нас на учебу. А ты с этого дня учишься в этой школе?» — «Я тогда пришла в 8 класс. Начало занятий было на 1 сентября назначено, но уже 3 сентября нас распустили по домам, т. е. на уборку урожая, и мы остались там еще на 2 месяца».

«Девочка из колхоза, — проговорил он медленно и с явной нежностью. — После школы ты, конечно, поступишь в институт?»

«Этого я не знаю. Может быть, и нет. Мне бы не хотелось наперед загадывать».

Он заметил, что мне эта тема неприятна, и начал рассказывать о своей жизни в училище. Мы стояли уже во дворе моей хозяйки перед трёхступенчатым крылечком.

Кто-то внутри открыл дверь в пристройку, зачерпнул воды из ведра, совсем недолго было тихо, и дверь опять захлопнулась. Естественно, это была Саша. Внутренне я, довольная, засмеялась. Виталий в это время сказал, что теперь он только через 12–15 месяцев вновь приедет, после окончания его школы. До этого мы будем переписываться. «Я часто буду тебе писать. Ты же будешь мне отвечать?»

Молча, я смотрела ему в глаза. «От случая к случаю, хотя бы. Или?»

«Виталий, ты хоть знаешь, что я немка?» — «Конечно, знаю. Почему ты спрашиваешь? Имеет это для тебя особое значение?» — «Для меня? Для меня это очень много значит». Сказала я совсем тихо.

«Лида, мне это непонятно. Для меня это не имеет никакого значения. Ты для меня имеешь значение такая, какая ты есть. Ты не хочешь мне писать? Подожди. Может, у тебя есть друг, и Татьяна не знает об этом?» — «У меня нет друга». — «Тогда… а на какой адрес мне писать?» — «Я еще никогда не писала писем и не получала их», — сказала я, уже смеясь. «Пиши просто на имя моей хозяйки Александры Михайловны Мироненко». Я протянула ему руку. «Действительно, уже пора». Своей левой рукой он провёл по моим щекам. «До свидания, Лида. Мы обязательно еще увидимся».

«До свидания, Виталий». Он ушел.

Моей сестре я рассказала всё подробно. Вздохнув, она ответила: «Русские говорят: надо иметь голову на плечах. Я знаю, ты достаточно благоразумна, но все-таки хочется тебя предостеречь: не встречайся больше с этим юношей, избегай его. Никогда ему не разрешат на тебе жениться». — «Это я сама хорошо знаю. И кто знает, может быть, я сама бы не вышла за него замуж, даже если бы я не была немка, хотя он, возможно, лучше всех…»

Осталось всего несколько дней до начала школы, и я решила больше в поле не ходить. В конце концов, мне еще надо хорошо подготовиться к школе. И это был последний год моей работы в колхозе — 1947 год.

Глава 7

Красивое синее платье провисело всё лето на стене на самодельных плечиках из корявой палочки, обмотанной разного рода тряпицами. Все родственники и знакомые уже оценили его соответственно. Для нижней рубашки Тётя Нюра (Анагоут) пожертвовала головной белый платок с едва заметными голубыми точками, тётя Женя — маленькую занавеску, Элла что-то добавила и скроила мне слегка приталенную комбинашку. Моя мать покрасила его в густом растворе синьки-ультрамарин (откуда-то взятом) и погладила. Теперь я его померила, и все признали меня настоящей немкой. Чулки я опять от тётушки Анны получила. Для тёплой погоды заказали мне у сапожника кожаные тапочки, т. е. с подошвой из тонкой кожи и без каблуков.

К сожалению, я это красивое платье, которое мне так шло, очень мало носила. Мне оно казалось слишком красивым, броским, чтобы в нём в школу ходить, а также на школьные вечера, которые я не всегда посещала.

В моём десятом классе было 17 учащихся, которые все в отдельности остались в моей памяти, пять девочек и 12

мальчишек, в возрасте от 17 до 21 года. А вот с кем из них я училась в 9-м классе, я не знаю. И не могу сказать почему. Одна из моих соучениц Дарья Литвиненко, или просто Даша, была из совхоза Степной, где с начала войны уже было только девять классов в бывшей средней школе. Значит, Даша там и окончила 9 классов. Точно так же Ольга Чебан окончила 9 классов в своем родном селе Кочки. Оля была дочерью знаменитого комбайнера, героя соц. труда Фёдора Чабана (или Чебана?), который был депутатом Верховного Совета СССР и даже с товарищем Сталиным за ручку здоровался (так говорили). Ольга была одной из лучших учениц в классе. Она хорошо выглядела, только стеснялась своей близорукости и не носила очки.

Альбина Савенко — Аля. Добродушие, доброжелательность, мягкие черты лица, мягкие черты характера. Она обладала хорошим чувством юмора, хотя ей было о чём скорбеть: её лицо было рябым от оспы. Мы часто с ней беседовали на переменах, иногда танцевали на вечерах. Её отец был председатель райпотребсоюза, что, безусловно, гарантировало Але безбедную жизнь. Она имела возможность хорошо одеваться, тайком говорили «всё из Америки», но высокомерной Аля не была, никоим образом. Училась ли Аля со мной в 9-м классе, не помню.

Катя Овчарова жила по соседству с Альбиной, и её отец тоже работал в райпотребсоюзе, которым руководил отец Альбины. Катя была невысокого роста с красивым лицом, была молчалива, казалась замкнутой, но если уже говорила, то показывала характер. Из нас, пяти девочек, только у Кати были карие глаза, темные волосы и нежно-бледный цвет лица. Катя тоже могла быть со мной в 9-м классе, однако ни одного воспоминания не осталось.

Мои одноклассники-мальчишки в 10-м классе

1. Прянишников Владимир — Володя — его мать преподавала у нас химию, отец его был зав. районо. В наше теперешнее время Володю по образу поведения называли бы принцем. Он безусловно был в нашем 9-ом классе.

2. Алексей Синеокий — его отец тоже был начальником, по-моему, на МТС.

3. Петр Стародубцев — его отец был уже со времени войны первым секретарем райкома партии. Прост в обращении со всеми и отнюдь не зазнайка.

4. Иван Власенко — его внешность на всех производила приятное впечатление, он был обходительный молодой человек, однако 1946–47 учебный год не оставил мне воспоминаний, хотя, как выяснилось впоследствии, мы играли вместе в театральных постановках.

5. Иван Ганжа — лучший ученик нашего 10 класса, ленинградец. Учился в нашей школе всего один год.

6. Иван Еременко — проживал в с. Покровка и уже год или два работал помощником комбайнера, было ему тогда, по-моему, 21 год.

7. Иван Нестеренко — не был у нас в 9 классе. Мы, 5 девочек, называли его между собой шестым членом нашего девичьего кружка, или нашим старостой. Парень был горбатый. Во время уроков военного дела, который со времени окончания войны проводился только для мальчишек, у нас — девочек — был свободный урок: Иван Нестеренко был тоже освобожден от военного дела. Так как мы не должны были в это время покидать классное помещение, мы сидели в классе вместе и дружно беседовали. Большей частью говорил Нестеренко, и последнее слово всегда было за ним, мы же, улыбаясь, переглядывались.

8. Андрей Срибный — весьма сдержанный, молчаливый молодой человек, он стеснялся своей начинающейся глухоты. Теперь бы я его оценила как человека серьезного и много думающего. Наш Базаров.

9–10. Гриша Таран и Миша Черный казались неразлучными школьными друзьями.

11. Пётр Чех был постарше всех нас и производил впечатление совершенно не имеющего интереса к нашей школьной жизни.

12. Федор Гузенко — блондин, серьёзен, хотя с несколько торопливыми движениями, производил, в целом, хорошее впечатление.

В общем-то, производили все хорошее впечатление, и мне приятно вспоминать обо всех моих соучениках и соученицах.

Учительский коллектив по составу несколько изменился. В нашу школу по распределению были назначены три молодые учительницы — выпускницы педагогического института. Нашу учительницу литературы заменили одной из них — очень красивой женщиной Екатериной Васильевной. Физику стала преподавать Евгения Степановна — она хорошо выглядела, была полна достоинства и умна.

Занятия в этот раз начались 1 сентября и ни разу не прервались. Семнадцать учеников со всего обширного Родинского района посещали в 1947–48 учебном году 10 класс — выпускной. 17 школьных парт были расставлены в три ряда. Мы могли бы все по одному сидеть, но некоторые сидели вдвоем. Я сидела одна, впереди меня Альбина и Катя, сзади меня Даша. Ольга сидела впереди. Это был девичий ряд.

Учебниками нас всех снабдили. Тетради для письменных работ нам тоже выдали. На каждой парте в углублении стояла чернильница с настоящими чернилами. Да, всё стало по-другому, лучше. Лица моих одноклассников светились радостью.

Я тоже радовалась, радовалась за всех, и всё-таки было неспокойно на душе: неизвестность, незащищенность, неуверенность в завтрашнем дне. Сдам ли я экзамены? Если да, то будет ли возможно учиться в высшем учебном заведении? Здесь, в Родино, нет даже профессионального училища, не говоря уже о техникуме. В Барнаул или Новосибирск мне нельзя… Выходит, что нет смысла дальше учиться, тем более что мне надо скоро менять квартиру. Мое мрачное настроение ухудшалось еще из-за Виталия. Уже через неделю нового учебного года я получила письмо от него, хорошо написанное письмо, без намёков на наши отношения в будущем или на чувства. Хороший парень, подумала я. В моем письме писала я о классе, о новых учительницах, о некоторых соучениках и ученицах, о моем первом сочинении по литературе. Кое-что писала с юмором. Вскоре пришло еще одно письмо, я не думаю, что он мое уже получил. Письмо в стихах, хорошо рифмовано. Ему приятно вспоминать тот единственный вечер нашего знакомства; всегда и везде: на учениях, на манёврах

или в кинозале, всегда он чувствует близость девушки по имени Лида. И нет девушки лучше той, которую он полюбил. Стихи на трех страницах и его подпись. Еще и еще раз я прочла эти строки. Некоторое время я сидела без движения. Я была одна дома и дала волю слезам…

Что мне ему ответить? Или лучше совсем не отвечать? Или делать вид, будто я не поняла смысл его стихов и обратить в шутку? Кривить душой? Нет, это нет. Конечно, я тоже, как все мои сверстники, мечтала о любви, объятиях, нежности. Был ли Виталий парнем моей мечты? Я этого не знала и знать не хотела, так же как не хотела знать, был ли это Павел. Просто-напросто, я не должна об этом думать, потому что я могу им будущее, жизнь всю исковеркать. Писать ему об этом я считала нетактичным, да и слишком унизительным для меня. Примерно так я ему ответила: «Привет, Виталий. Спасибо за красивые стихи. Только неправильную ты выбрал. Лида».

В следующую субботу я пошла на школьный вечер. И какая приятная неожиданность меня ожидала там в зале. Сразу у двери с каким-то парнем стоял Павел! И мне надо было мимо него пройти. «Павел! — воскликнула я радостно, — у тебя уже каникулы?» — «Каникулы? У меня нет каникул. Я работаю. Работаю и учусь заочно».

«А где ты работаешь?» — «В райкоме комсомола. Валентина Андреевна ко мне обратилась, не хотел бы я принять участие в школьном театре, готовится комедия в трех действиях. Ты же тоже участвуешь?» — «Нет, я ничего об этом не знаю». — «Непонятно». — «Ну и что? У меня и желания нет больше играть в спектаклях». — «Почему?» — «Пойдем, потанцуем».

Это был единственный раз в моей жизни, когда я сама пригласила парня (или мужчину) на танец. Никогда больше. Почему он меня не пригласил, как всегда прежде? У меня было чувство, что он вообще не хочет со мной танцевать. Что-то изменилось, его отношение ко мне. Ни одной улыбки. Никогда я не искала его взгляда, но они всегда встречались — наши взгляды — дружественные, радостные. В этот раз нет. Он рассказал об экзаменах в литературный институт имени Горького и как он, интереса ради, обращался в одно из известных театральных училищ, и что была возможность быть туда зачисленным — со стипендией. На мой вопрос, почему же он туда не поступил, он только пожал плечами. После второго танца Павел ушел.

В этот вечер спросила меня Альбина Савенко, знаю ли я, что П. Братчун подружился с Людмилой П., что она их в это лето несколько раз встречала вместе в парке и на танцплощадке.

«Я рада за них, — сказала я. — А я думала, что ты…» — «Я

нет, Аля. Мы просто хорошие друзья, и надеюсь, что мы ими и останемся». — «Я понимаю», — Аля посмотрела мне в глаза и кивнула…

Приглашение играть в спектакле я получила не от Валентины Андреевны, а от нашей новой учительницы литературы Екатерины Васильевны. Валентина Андреевна теперь преподавала в классах помладше, но нашим школьным театром всё-таки руководила больше она. На первой читке пьесы были еще не все роли заняты. Мне досталась роль 32-летней супруги престарелого профессора. Репетиции устраивались редко и растянулись на несколько месяцев. По-моему, только в марте-апреле мы сыграли эту вещь. Павел великолепно сыграл главную и самую комичную и забавную роль. Еще долгое время мальчишки цитировали его изречения и небольшие монологи. Мою игру оценили как не правдивую, роль явно была не моей.

Моя жилищная проблема приняла неприятный оборот. Саша, моя хозяйка, заявила, что я могу квартироваться у её сестры Моти, причём бесплатно. У её сестры Моти с мужем нет и не было детей, и они бы с удовольствием приняли такую молодую дивчину. Они, правда, живут далековато от школы и в это время года, когда дни становятся всё короче, могут возникнуть трудности с приготовлением домашних заданий, но у них есть керосиновая лампа, и эти двое могут поменьше спать. Я уже знала Мотю, иногда она приходила к своей сестре Саше, и меня крайне удивляло, как могут две сестры быть настолько разными.

В следующую субботу я ушла в Кучук. Еще в начале октября был обильный снегопад, но при первой оттепели снег растаял, теперь же в конце октября было сухо, но немного морозно.

Наша избушка, свежепобеленная, смотрелась празднично и в то же время одиноко на тёмно-сером фоне пустынной глуши осенней степи. Окошки были только снизу немного морозцем изрисованы. Еще не стемнело, но передняя комната была ярко освещена, занавески задёрнуты. Керосиновая лампа горит, определила я радостно. Дверь в пригон была еще не заперта, и я вошла, знакомый запах домашней скотины обдал меня теплом. Корова жевала свою жвачку, чётко слышалось её дыхание, и я пошла к ней. Она стояла, наверно, её еще не подоили? Радостно похлопала я её по спине, погладила по шее, по лбу.

«Лена, хорошая моя Лена, хватает тебе теперь корма?» Она повернула голову и мне послышалось лёгкое «М-м-м».

Теперь я пошла к входной двери в дом. Мы могли попасть в дом только через пригон. Странные голоса раздавались за дверью, я остановилась, прислушалась. Это голоса моей матери и бабушки Лизы, радостный смех, восторженные возгласы… Боже!

Как я могла забыть, что моя сестра беременна, может, ребёнок уже родился? Действительно! Обе бабушки купали маленькую Евгению — Женю. Я подошла к тазу, а мама моя говорит: «Видишь, твоя тётя Лида пришла? Она тоже радуется такой прелестной маленькой племяннице». Женя лежала на руке своей бабушки в тазу, морщила лоб, сучила ножками-ручками от удовольствия, и бабушка Лиза поливала её тёплой водой. Элла сидела сбоку и гордо улыбалась. После купания и пеленания в какие-то старые, но чистые тряпицы, мне её дали на руки. Ей было уже более двух недель, и она была просто прелесть. Когда Элла её уже кормила, я пояснила ситуацию с моим жильём. Элла обрадовалась предложенному варианту. Мама моя встревоженно смотрела на меня. Само собой разумеется, понятие «бесплатно» было решающим аргументом.

«Ты справишься», — Элла старалась меня подбодрить, а Лео пообещал к следующему моему приходу раздобыть для меня керосиновую лампу.

На следующий день я снова пошла привычной дорогой в Родино. Три или четыре недели я не была дома, не было необходимости — до весны я была обеспечена картошкой, мукой, луком, небольшим количеством моркови и квашеной капусты. Это еще в сентябре привез мне возница тов. Кондрика. Всё это хранилось в кладовой у Саши. Теперь всё надо перевезти в новую квартиру. Это можно постепенно на санках. В те годы в Сибири в каждой семье имелись санки, которые не только для катания служили, но и для хозяйственных нужд, как транспортное средство. Они были вдвое больше, чем обычные санки, с крепкими полозьями.

Через неделю свежевыпавший снег уже лежал покровом в 20 см.

Когда в субботу я вернулась из школы, перед нашим крыльцом стояли такие сани. В доме меня поприветствовала светлой улыбкой сестра Саши, Мотя. Её мать уже перебралась сюда и была теперь занята приготовлением обеда. Меня они пригласили на обед. Потом мы погрузили моё «добро» на сани, сначала мои школьные принадлежности, потом картофель, завернутый в постельные принадлежности, т. к. мороз крепко прибавил. В заключение всё перевязали верёвкой, и мы с Мотей потянули сани в направлении новой квартиры. По дороге завернули в комендатуру, где я отметилась на «выписку» и «прописку».

В большой комнате была только одна кровать, там спали Мотя и её муж Фёдор. Почти рядом, вдоль стены к двери — огромная русская печь. У стены напротив — широкая длинная

лавка (скамья). Стол стоял впереди между лавкой и кроватью. Ближе к двери к скамье примыкал кухонный стол-шкаф. Впереди к печи пристроена плита, где готовилась пища. Между плитой и кроватью стоял небольшой табурет, с которого можно сначала на плиту, потом на печь взобраться. На мой вопрос, где я буду спать, Мотя ответила: «Если хочешь, можешь на скамье спать».

«А где спала ваша мать?» — «На печи, там намного теплее, чем у стены на скамейке. И на печи не нужен матрац, там постелен войлок, на нем хорошо спится». Итак, сплю на печи. У меня не было матраца, у Саши я спала на её матраце, но у меня был Strohsack, т. е. наматрасник для соломы, который я могла использовать как матрац, но его я постелила на войлок вместо простыни. Закинула туда подушку и одеяло. Книги мои я определила впереди на лавке, одежда скудная моя осталась в мешочке, который я повесила на крючок на стене, поверх еще моё полупальто с головными платками в рукавах. Готово. Мотя спросила, буду ли я еще писать или читать. Нет. Завтра воскресенье, и я сделаю домашние задания при дневном свете. Лампу потушили и зажгли каганец. И на столе вдруг появилась миска с жареными зернами подсолнуха, и мы сидели, щелкали семечки и говорили о том о сём.

Первые две-три недели прошли сносно. После уроков я спешила домой, бросала в оставшийся в грубе жар разломанный брикет кизяка и варила себе обед. После еды, если еще не совсем стемнело, садилась на лавку у окна и делала уроки, пока можно было. Иногда зажигалась лампа, если нет, то я зажигала свой каганец и садилась за стол. В семь, полвосьмого мои хозяева готовились ко сну. В школе у нас проводились и дополнительные занятия (по-моему, 2 раза в неделю), на них я большей частью не оставалась, потому что огонь в грубе уже бы совсем потух и было бы невозможно приготовить еду. Новый огонь разжигать нельзя было.

Однажды пришла в наш класс Валентина Андреевна и объявила, что сегодня в 5 часов состоится репетиция и что я обязательно должна быть. Я объяснила ей, что мне потребуется час, чтобы до дому дойти, пообедать и назад. Я никак не успею. К тому же, после репетиции будет слишком поздно мне одной ночью идти домой. Может, кто-нибудь другой сыграет эту роль? «Ни в коем случае, — сказала, рассердившись, учительница. — Хорошо, тогда проведем репетицию сразу после 6-го урока». Репетиция затянулась почти до полшестого. В грубе — ни искринки жара. Мои хозяева ложились спать, на столе горел каганец. «В чайнике еще тёплый чай, я сегодня свежий заварила», — заявила Мотя. В своей сумке я нашла кусочек сухого

коржа, помазала его топленым маслом, которое еще сохранилось, налила кружку душистого травяного чая, перекусила и тоже легла спать.

С неприятным чувством в животе я размышляла о своем жизненном положении. При таких условиях я не осилю 10 класс. Подготовку к урокам я делала в большой спешке, поверхностно, чтоб только показать, что я что-то делала. И это в выпускном классе, когда нам постоянно напоминали, что мы слишком много пропустили, работая в колхозе, поэтому обязаны наши знания по всем предметам улучшить, усовершенствовать. Я со всей серьёзностью воспринимала это, только не знала, что мне делать. Может, мне домой пойти и Элле всё объяснить? Она так изменилась за последнее время, казалось, что мои школьные дела её вообще не интересуют, может, и я сама тоже? Она так обрадовалась, когда узнала, что мой квартирный вопрос так выгодно решился. Меня тогда даже не спросили, есть ли у меня еще масло, и я не сказала, что то масло, которое я должна была отдать Саше в уплату за два месяца проживания — сохранилось в целости у меня.

Когда я его привезла в начале учебного года, Саша меня спросила, не могла бы я связать для неё такой же красивый белый платок из ангоры, какой я для кого-то связала. За это я могла бы бесплатно 2 месяца жить.

Когда я еще в 9 классе училась, Элла меня попросила связать для её заказчицы большую шаль с узором и кистями. Моя мать научила меня вязать еще в Мариентале, только не шали, а носки. Эти большие белые шали из ангоры с широкой ажурной каймой и длинными кистями были тогда очень модны. Только немногие имели такие платки. Я понятия не имела, как можно связать такой платок.

Элла повела меня к какой-то женщине в колхоз Карла Маркса, которая мне без проблем показала искусство этого вязания и дала с собой еще памятку, чтобы я не забыла, сколько петель надо набрать, какова ширина каймы и кистей (бахромы). В Родино я привезла большой узел с клубками тонко спряденной белой ангорской шерсти и две длинные спицы. И когда все до одной кисти длиной 25–30 см. густо были привязаны к платку, Саша взяла шаль, сложила утлом и накинула на голову и на плечи… Она не могла насмотреться на себя в зеркале. Саша сказала, что она видела подобный платок на одной из учительниц начальной школы и себе представить не могла бы, что её квартирантка, просто школьница, в состоянии такое изготовить. Она спросила, не знаю ли я, где можно купить такую пряжу. Нет, я не знала. Там, в нашей округе, не было вообще никаких коз, а об

ангорской мне даже слышать не приходилось до этого.

Потом, когда я пришла к новому учебному году в 10-й класс, у Саши была ангорская пряжа в достаточном количестве. В течение двух месяцев, что я у неё жила, я связала ей точно такую же большую шаль. Элла не знала об этом. Она была счастлива со своей новорожденной Женей, со своим Лео, который проявил себя хорошим отцом для близняшек, её детей из первого брака.

Однажды во время разговора с моей хозяйкой Мотей я намекнула на то, что у меня слишком мало времени на подготовку к урокам, она приветливо мне улыбнулась, и, обняв меня за плечи, сказала: «Ничего страшного, через несколько недель дни станут опять длиннее, и ты всё наверстаешь». Через несколько недель? Только в феврале станет заметно, что дни удлиняются, теперь же декабрь, и дни только еще короче становятся. Несмотря на всё, я не могла решиться сделать соответствующий шаг. И вот представился случай…

Наша учительница русского языка и литературы Екатерина Васильевна велела нам написать сочинение, которое за 2–3 дня должно быть готово. Если не изменяет память, темой были «Детство» и «Мои университеты» Максима Горького. Времени было слишком мало, чтобы серьезно заниматься этим, и возможности предельно ограничены.

После школы я зашла к Саше, у неё были эти книги. Она принесла мне их из передней комнаты и спросила, как у меня дела. Что-то я ответила, заикаясь. «Ты не пыталась еще найти себе более подходящее жилье? Ты поспрашивай там вблизи школы». Я пообещала ей и ушла. После ужина мне разрешили еще при свете лампы почитать в учебнике «Советская литература» для 10 класса, к которой относился и М. Горький. В 8 часов надо было спать ложиться. С собой на печь я тайно взяла свой каганец, коробку спичек (уже имелись) и книги от Саши. Когда, наконец, супружеская пара, уснув крепким сном, слегка захрапела, я задёрнула занавеску на печи, зажгла свой каганец. Лёжа на животе, я читала. Совсем неплохо можно так читать. И радовалась этой возможности. Утром меня разбудила Мотя: «Хорошо ты сегодня спала, а теперь поторопись, а то опоздаешь». В школу я взяла с собой вторую книгу, читала её на переменах, на уроках немецкого языка и военного дела. Я заметила, что не только я, но и другие мои одноклассники сидели, углубившись в чтение, чтобы получить хотя бы относительное понятие о содержании этих книг. Валентина Андреевна нам всегда сама пересказывала содержание произведений писателей, следующих по программе, причём как можно подробнее и весьма профессионально. «Война и мир» Л. Толстого она рассказывала несколько уроков подряд по

расписанию, кроме того и дополнительных. Мы слушали, затаив дыхание, завороженные (не могу утверждать — все или не все). И где бы многие из нас могли в те годы взять те произведения великих писателей? И когда их читать? Годы спустя, когда я сама перечитывала Л. Толстого, я благодарила Валентину Андреевну. Спасибо!

Екатерина Васильевна нам не пересказывала, мы должны были сами читать.

Вечером я уловчилась незаметно заправить свою коптилку и спрятать её на печи. Ещё при свете лампы я вынула из тетради два или три развёрнутых листа и написала заглавие сочинения. Уже в темноте я поднялась на печь с бумагой, чернильницей и ручкой с пером № 86. Сразу же отогнула угол войлочного настила, открылась часть гладкой и твердой поверхности печи. Это был мой письменный стол. Поместив всё туда, сама улеглась и ждала, когда уснут мои хозяева. Тогда начала писать. Писала я то сидя, то лёжа. Потолок был слишком низко над печью. Вдруг раздался кашель. Тотчас я погасила каганец пальцами. Фёдор что-то пробурчал, Мотя ему так же ответила. Потом один из них встал и вышел в переднюю комнату на ведро (в туалет), за ним последовал другой, снова они о чём-то говорили, а потом всё стихло. Я сама чуть не уснула, с трудом поднялась, зажгла каганец. Мне надо было дальше писать. И писала.

В школу я пришла с опозданием на полчаса. Когда я протянула учительнице сочинение, она пролистала его и как-то недоверчиво на меня посмотрела. После урока она подошла к моей парте. «Что с тобой? Что это за почерк? И почему ты опоздала?» Коротко я объяснила ситуацию, без малейшего намерения как-то осудить моих хозяев. «Тебе надо поменять квартиру». — «Этого я и хочу, может, ещё сегодня».

После уроков мы с Алей Савенко вместе вышли из школы, дошли до начальной школы и остановились, так как Але надо было повернуть направо. Слева от начальной школы, не более ста шагов от неё, был виден первый жилой дом. Это был довольно большой дом с шатровой крышей, там я должна была спросить, где можно найти угол для проживания. Аля спросила, не пойти ли ей со мной. Нет, я пойду сама. Когда я приближалась к дому, открылась дверь небольшой пристройки и вышла молодая женщина. Двор был огорожен штакетником. Она, наверное, была намерена пойти в пригон, но увидела меня и остановилась у крыльца. Я поздоровалась и спросила, не может ли она сказать, где бы я поблизости могла найти угол для жилья. Немного подумав, она спросила, кто я такая, и почему ищу жильё. Довольно подробно я объяснила ей всё, при этом я, не отрываясь,

смотрела ей в лицо, я просто не могла оторвать глаз от её лица. Она была очень молода, может, в моём возрасте, или даже моложе — просто школьница, только бледный цвет её лица и немного грустное выражение её голубых глаз говорили, что ей не так легко в жизни. Может, она тоже немка?

«Собственно, ты могла бы у меня устроиться. Ты могла бы мне иногда помогать по хозяйству?»

«Да, конечно», — ответила я твердо, не задумываясь.

«Подожди немного, я только схожу в пригон».

Тут же она исчезла в пригоне и вскоре появилась опять.

«Заходи, мы поговорим обо всём».

Через маленькую пристройку с окошечком, через переднюю комнату, которая служила, как у всех, кладовой, где я заметила сложенную узкую односпальную кровать, мы пришли в жилую комнату. Посреди комнаты — детская кроватка, довольно большая, с ребёнком. Всё понятно. Школьница была замужем — это выдала еще пара мужских ботинок, стоявших рядом.

«Мой муж сейчас придёт, повезло, что он сегодня дома, а то он больше в разъездах — по службе. Он работает страховым агентом. Я всё время одна дома с дочкой, с тобой мне было бы не так скучно».

«А сколько за квартиру?» — «Нисколько. Ты могла бы иногда за ребёнком присматривать, когда я в пригоне, или воду из колодца приношу. Могла бы ты?» — «Безусловно, вообще без проблем, но только после школы, воду я сама могу приносить и до школы».

Девочка проснулась и широко открытыми глазами смотрела на меня. Мама взяла её на руки, а я спросила, как её зовут. «Наташа», был ответ. Я тоже представилась. Молодую женщину звали Люба, ей было 20 лет, скоро ей исполниться 21. А мне скоро 19. Она была уже три года замужем, а Наташе скоро будет 2 года. Я поманила девочку руками, и она потянулась ко мне. Так она оказалась у меня на руках. Пришёл муж, и Люба вдруг ожила словно, бодро она поведала ему о моём положении, и что ей бы очень хотелось, чтобы я у них жила — до конца учебного года, ведь осталось всего шесть месяцев. Пётр, так звали мужа Любы, был на всё согласен. Люба настояла, чтоб я сегодня ещё переехала, и она хотела мне при этом помочь. Пётр остался с девочкой.

В комендатуре я объяснила, почему я меняю квартиру. Так Люба узнала, что я обязана отмечаться в комендатуре. Тогда я не знала, что все мои хозяева значились в комендатуре как ответственные за меня. По-моему, и директор школы, и мои классные руководители были моими надсмотрщиками. Слава

Богу, я тогда не знала об этом. Как бы там ни было, мне было хорошо у Любы и с Любой.

До зимних каникул мне оставалась одна неделя. Я наслаждалась новыми жилищными и жизненными условиями вблизи от школы, и прежде всего, наверное, возможностью при электрическом свете читать и выполнять уроки. В любое время я могла разжечь в грубе огонь, если уже всё потухло. И сама Люба восполняла пробелы в моём одиночестве, она заменила недостающую мне школьную подругу. Её радушие, её добросердечность имели благоприятное воздействие и иногда я игнорировала свои задания, чтобы с Любой по душам поболтать.

Люба выросла далеко от Родино, в маленьком селе другого, не Родинского района. Её отец погиб на войне, мать пробивалась в колхозе, с перерывами Люба закончила семь классов и работала потом табельщицей (или контролёршей). В это время вернувшийся после войны Пётр увидел на каком-то мероприятии эту девушку. Последовало объяснение в любви, а затем предложение жениться. О своей любви к Петру, который лучше всех, красивее всех и умнее всех, Люба не могла говорить без слёз. После женитьбы они перебрались в Родино, где он, как участник войны, получил в райисполкоме работу страховым агентом и к тому же эту хорошую квартиру. Люба была вне себя от счастья. Первый год прошёл как во сне, он каждый вечер приходил домой, независимо от расстояния до села, в котором он в этот день работал. Иногда приезжал на попутных, иногда на велосипеде или пешком. «Теперь он приезжает только по субботам», — сказала Люба так грустно, что у меня чуть слёзы не выступили. Об этом рассказала мне Люба несколько недель спустя. До этого она всё интересовалась, почему у меня нет друга, любимого человека. «Такая девчонка… тебе 19, в твоём возрасте я уже была замужем и ребёнок был. Что, у вас в школе нет мальчишек? Или в классе?» — «Есть. В нашем классе 12 мальчишек и 5 девочек, и ни у одной из нас нет друга». Люба только качала головой, не могла она этого понять.

В январе, после моих каникул, при морозе 40 отелилась у них корова. Телёнка принесли в комнату и положили на слой соломы возле двери перед печью. На следующий день он уже сухой стоял на ногах, хотя не совсем твёрдо. Я его гладила и похлопывала, подводила к нему Наташу, чтоб она погладила телёночка. Малышка радовалась и звонко смеялась. Люба только насмешливо улыбалась, говорила, что я наивна как ребёнок. Неделю, по-моему, находился телёнок в квартире. Наташа уже привыкла и сама подходила к нему. Однажды я погладила телёнка по спине, обняла его и поцеловала в лоб, затем пошла к

столу, чтобы делать уроки. «И не стыдно тебе?» — раздалось. «За что?» — испуганно спросила я. «Телёнка целовать. Парня тебе надо обнимать, к себе прижимать и целовать, а не телёнка». — «Люба…» Я смутилась крайне, а Люба очень серьёзно продолжила: «Это же не нормально, что ты не интересуешься мальчишками, я уверена, что многие в школе влюблены в тебя». Что мне ей ответить? Что… я же немка, и мне нельзя любить парня, который мне нравится? Она же знает кто я, почему она этого не понимает? А я не хотела об этом говорить, будто я жалуюсь на свою судьбу, как немка из России, из страны, в которой все могут быть только счастливы. Не хотелось мне уже делать задание, легла я на свою койку, повернулась к стене… На стене над моей кроватью (шириной 60 см.) вместо ковра висел большой плакат — один из тех, которые Любин муж распространял по району. Мой плакат-ковёр призывал к восстановлению разрушенного войной народного хозяйства страны в 5 лет. На фоне строительства высотного здания с новейшими кранами и другими механизмами стоит молодой человек в очках, в кепке с козырьком и с логарифмической линейкой в руках. Взгляд его задумчиво обращён куда-то вдаль. «Посмотри, Люба, вот это мой жених, за него я бы вышла замуж». Медленно я провела рукой по картине, по изображению молодого человека, по-видимому, инженера-строителя.

«Когда-то он придет, и я пойду с ним…» Безусловно, это была шутка, но это было и какое-то обещание. В первый раз я посмотрела внимательно на этого молодого человека. Я искала в нём сходство с Павлом. Находила ли его? Скорее всего, нет… И какие глупые мысли только не лезут в голову! И к чему ломать себе голову над этим? Домашнее задание не выполнила, может, завтра получила бы пятёрку по математике…

Глава 8

На новогодний вечер я не осталась. Собственно, была я только один раз в жизни на так называемом бал-маскараде. Это был новогодний вечер с 1945 на 1946 год, на котором я была в костюме «шахматы».

Теперь же я шла домой в наилучшем настроении. Моему новому жилью все, конечно, обрадуются. И в клубе я опять приму участие в большом представлении. Мама и бабушка Лиза действительно обрадовались, но Элла как-то равнодушно отнеслась к моему сообщению. Зато на ужин приготовили в честь моего прихода жареную свинину по-мариентальски. За две недели до этого зарезали поросёнка, теперь у нас было мясо, сало

и смалец, и я могла взять немного с собой в Родино. Это была радость! С 1941 года не было мяса, кроме случая, когда корову сестры Марии пришлось зарезать. Теперь мы встречаем 1948 год. Опять воспоминания, разговоры о тех, кто уже никогда не вернется.

На репетициях я встречалась с Верой Шевченко и Маней Цапко, которые тоже принимали участие в представлении. С Верой мы особенно подружились и впоследствии встречались постоянно, если наши посещения Кучука совпадали.

Наше представление опять прошло с успехом, и после каникул меня увезли в Родино на санях в конной упряжке.

Моя школьная жизнь шла своим чередом, без особых происшествий. Я не считалась одной из лучших и не хотела быть в лучших, а слабой ученицей я никоим образом не была. Случалось, что учитель математики на контрольных работах рассаживал всех по одному и варианты распределял по партам. Я не раз решала сначала чужой вариант и передавала два экземпляра — одному и другому нуждающемуся. Потом решала свой вариант — не всегда до конца. Один раз учитель дал три варианта. Сначала решила два чужих варианта, передала, а на свой вариант не хватило времени, решила только одну задачу и получила тройку. Даже самой смешно было — тройка по математике. Все знали, что я за оценками не гонюсь. Один из мальчишек как-то сказал: «Тебе всё равно не нужны хорошие оценки. Зачем?» В самом деле, зачем? Мне нравилось решать трудные задачи, и я их охотно решала.

По немецкому языку я, само собой разумеется, была лучшей, и проявляла всё больше интереса к этому предмету. Мне хотелось основательно изучить немецкую грамматику. Пока я жила у Моти, мне хотелось оставить игру в театре, а здесь у Любы об этом речи быть не могло. Подготовка к следующему представлению навсегда осталась в моей памяти.

Во время одного школьного вечера я неожиданно увидела Павла, он подходил к нам, девчонкам, когда мы в плотном кругу весело болтали.

«Можно пригласить?» — услышала я, когда заиграла музыка. После танца он взял из внутреннего кармана пиджака маленькую книжечку и сказал, что он хотел бы со мной об этом поговорить. Мы сели на одну из свободных скамеек у стены. «Мне поручили подготовить с тобой эту пьесу. Одноактную». Он протянул мне книжку. «Кто это тебе поручил? Валентина Андреевна?» — «Нет. Она тут ни при чем». Я посмотрела, полистала немного. Название «Находка». «И только два действующих лица? — удивилась я. — А кто режиссёр?» — «Никто, — сказал он и добавил: — Валентина

Андреевна читала пьесу и считает, что мы сами справимся». Мне это показалось смешным, и я впервые посмотрела на Павла с недоверием. Как он мог на это согласиться? В Кучуке — да, там и мне доверяют ставить спектакли, а здесь… здесь Валентина Андреевна всё проверяет, дает характеристики персонажей, указания по исполнению ролей. Мне она редко делала замечания и не давала особых указаний; тогда я это объясняла её ненавистью ко мне, она просто игнорировала меня. Теперь я должна играть вместе с Павлом и без её помощи.

Это была комедия, или лирическая комедия, имя автора я забыла. Перелистывая и понемногу читая, я заключила, что представление займёт час времени. Павел тоже так считал. «Возьми её с собой, я свою роль уже переписал. Если согласна, встретимся, может быть, во вторник в половине шестого?»

Свою роль я тоже переписала и вернула во вторник Павлу книжку. На его вопрос, нравится ли мне пьеса, я ответила *да.* В самом деле, это была интересная комедия, с юмором и остроумно и хорошо написана. По содержанию, может быть, немного банально.

Молодой человек, участник войны, получив после войны отпуск, отправляется на поиски дочери погибшего друга И. Степанова, который перед смертью попросил его позаботиться о его дочурке. Молодому другу же надо было со своим батальоном идти дальше на запад. Это было незадолго до окончания войны. У него был адрес друга, и он знал, что жену друга расстреляли во время оккупации Украины, а дочурка Валюша одна осталась. Он понятия не имел, в каком возрасте Валюша. Перед поездкой он заполнил свой чемодан детскими вещами на возраст, на всякий случай, от 6 месяцев до пяти лет. Так он появляется однажды в воскресное утро уже в третьем детском доме, где он надеется наконец-то найти Валюту. В комнате ожидания встретились они, будущий удочеряющий отец и дежурная медсестра. Между ними состоялся крайне напряженный, захватывающий и увлекательный разговор, который прерывался несколько раз телефонными звонками отца медсестры. В детском доме были две или три сиротки — девочки с фамилией Степанова и по имени Валя в возрасте от одного до 4-х лет, но ни на одной из них они не сошлись, ни одна не подходила к имеющимся данным. В заключение выяснилось, что друг Иван Степанов тогда остался живым, и теперь совсем бодро разговаривал по телефону, сначала со своей дочерью Валентиной — медсестрой — а потом и с самим молодым фронтовым другом. От неожиданности молодой человек не нашелся, что делать, кроме как крепко обхватить медсестру руками, приподнять и

закружиться с ней по комнате и выкрикивать: «Нашел! И я её всё равно увезу!»

«Это мы еще посмотрим», — отвечает она. При этих словах занавес закрывается.

После нескольких читок начались репетиции на сцене. Инсценировка пришла сама по себе. Если действие происходит в одном лишь помещении и декорация состоит всего из 4–5 стульев, одного стола и одного телефонного аппарата на этом столе, то нет необходимости получать указания, когда тебе надо сесть, или встать, или взволнованно туда-сюда бегать.

Мы играли без суфлёра. На репетициях мы заканчивали представление без того, что он её обнимает. Со словами «Нашел! И я её всё-таки увезу!» он подходил ко мне, а я со словами «это мы еще посмотрим» отступала назад. Занавес закрывался. Так было на генеральной репетиции.

За два дня до представления я померила своё красивое «немецкое» платье. Люба была в восторге.

«Парни будут без ума!» — считала она. Мне же не хотелось в этом платье на сцене появляться. В детском доме, в местах, разрушенных войной, ходить на работу в таком платье — нет, Валентина не стала бы этого делать. Подошел день премьеры. Была суббота. На большой перемене я спросила Алю Савенко, не даст ли она мне одно из её платьев для представления на сцене. «А когда представление?» — «Сегодня». Аля не знала, что сегодня какое-либо представление будет. Мне тоже показалось странным, что никто из класса не знал об этом. «Хорошо, тогда я тоже приду и принесу тебе платье. Это платье». Аля глазами показала на платье, которое сейчас на ней. Это было тоже красивое платье, но не такое яркое и всё-таки не такое красивое, как моё.

Публика уже собиралась, когда Аля принесла мне платье. Среди зрителей совсем мало учеников, значит, представление для взрослых. Представление прошло, конечно, удачно, только финал получился иначе, чем на репетициях. При слове «Нашел!» Павел подскочил ко мне, обхватил руками, приподнял и прижал к своей груди с такой силой, что мне трудно стало дышать, он крутился со мной по сцене и говорил у самого моего уха: «И я всё равно её заберу!» Я колотила кулаками по его спине со всей силой: «Это мы еще посмотрим». Он меня не отпускал и крутился дальше, пока не закрылся занавес. Я остановилась перед ним.

«Ты-ы-ы», — говорила я едва слышно. В этот момент рывком открылась боковая дверь, и наш директор Иван Иванович взбежал на сцену со словами: «ну и молодцы, вы… оба». Он положил руку на мою голову, другую — на голову Павла: «Здорово! Вы лучшие актеры из всех, какие есть». Публика еще аплодировала.

Неделю спустя мы сыграли эту вещь еще раз, на сей раз для учащихся, среди них было много и взрослых. Это выступление оказалось последним на школьной сцене. Время для выпускного класса истекло, нам следовало концентрироваться теперь только на экзаменах. На смену нам приходит девятый класс.

И всё-таки пришлось мне еще раз побывать на сцене. Это было в начале марта 1948 г. Валентина Андреевна пришла в наш класс и сообщила, что 28 марта мы будем праздновать день рождения нашего великого писателя Алексея Максимовича Горького, его восьмидесятилетие, само собой разумеется, при широкой общественности. Наша школа ответственна за обширную программу вечера. Спектакль «На дне» подготовит, в основном, 9 класс, только две девочки из вашего класса, хотелось бы, чтобы участвовали. Она имела в виду Ольгу и Катю. Коротко с ними переговорив, она сказала:

«А ты, Герман, расскажешь сказку в стихах „Девушка и смерть“. Ты её выучишь наизусть». Текст я взяла в библиотеке и прочла его 2–3 раза. Когда на следующий день Валентина Андреевна пришла опять в класс, чтобы двум исполнительницам — Оле и Кате — что-то объяснить, я подошла к ней: «Валентина Андреевна, я не буду рассказывать эту сказку». «Почему?» — спросила она сердито. — «Потому что оно такое (слово „эротика“ в те годы еще не входило в общественное словоупотребление)… потому что мне стыдно». — «Что-о?» — Она отступила шаг назад, подбоченясь одной рукой: «Знаешь ли ты, собственно, как выразился товарищ Сталин о „Девушке и смерти“?». — «Нет». — «Он сказал: „Эта штука посильнее Фауста“!» При этом она так торжествующе на меня посмотрела, как будто я виновата в том, что великому немецкому поэту Гёте «Фауст» не так «сильно» удался.

Гёте мне был знаком со школьной скамьи в Мариентале. Мы декламировали: «Sah ein Knab ein Röslein stehn», «Das Mailied», «Ich ginge im Walde so fur mich hin» u.a. И «Erlkönig» я знала еще наизусть, он тогда еще входил в учебный план немецкого языка в русских школах. Содержание поэмы «Hermann und Dorothea» я знала поверхностно из рассказов моей сестры Марии. Что касается «Фауста», я его не читала.

Валентина Андреевна только спросила: «Всё ясно?» и ушла. «Девушка и смерть» показалась мне слишком длинной для рассказа на сцене, да и скучноватой. Набравшись смелости, решила я немного сократить эту вещь. Сон смерти и песню смерти я полностью исключила, и еще несколько строк, которые, на мой взгляд, не влияли на общее содержание сказки. И, естественно, вычеркнула самые «эротические» для меня строки.

Меня не пригласили ни на одну из репетиций, и сложилось впечатление, что меня не включили в программу, и я напрасно так старалась выучить эту «штуку». Это было напряженное для меня время, я боялась, что публика не примет и, несмотря на это, мне хотелось выступить. За день до празднования мне сказали, что выступление состоится в клубе, а не в школе. Все прошло хорошо. Я хотела бы знать, слушала ли вообще Валентина Андреевна мое выступление? Ни замечаний, ни упреков не было, ничего.

В течение последующего времени мне приходилось еще несколько раз читать это произведение на сцене. Странным образом я и теперь еще знаю его наизусть.

Последний учебный год заканчивался, приближались экзамены на аттестат зрелости. И наступил день, когда нам сообщили, что мы, т. е. наш выпускной класс, будем сдавать экзамен не в нашей школе и не в нашем Родино, а совсем в другом районе, а именно в райцентре Ключи. Мертвая тишина стояла в классе. Онемев, сидели мы за своими партами. Потом кто-то спросил чуть слышно: «А почему?». Роман Васильевич, завуч нашей школы и наш преподаватель математики, который сообщил нам это чрезвычайное известие, оказался сам крайне удивленным, побледнев, он как-то подавленно стоял перед нами и слабым голосом отвечал на наши вопросы. Село Ключи находится в 80-ти км. от Родино, и нас туда отвезут на грузовом автомобиле. «Подробности вы узнаете позже… Почему? Во-первых, потому что вы с самого начала войны мало времени провели в школе, во-вторых… к сожалению, не все ваши преподаватели имеют высшее образование… Но вы же, несмотря на все это, получили хорошие знания, или?.. — говорил Роман Васильевич в уже несколько приподнятом настроении. — Вы экзамены сдадите, может быть, не все, но почти все, в этом я уверен. Не вешайте только головы. А оставшееся еще время мы используем и будем ежедневно проводить консультации, а там, в Ключах, тоже перед каждым экзаменом консультации будут проводиться».

Я старалась внимательно слушать, но в голове повторялось: мне нельзя туда, нельзя мне туда… не пустят меня на экзамены… После этого урока я пошла к Роману Васильевичу. Я знала, что его жена тоже немка, сибирская немка, он женился на ней еще до войны. «Роман Васильевич, мне же нельзя в Ключи ехать». — «Это надо еще с комендатурой выяснить, но не надо преждевременно так волноваться. Успокойся. Ты поедешь, обязательно. Что от школы зависит, мы все сделаем. Поняла?» Я кивнула и ушла.

Еще одна неожиданность потрясла нас. Наш директор школы

Иван Иванович (он преподавал у нас историю) был уволен с работы, как директор и как преподаватель, его исключили из партии. Мы были в шоке. Иван Иванович был строгий учитель, мы все его немного боялись (может, я больше всех). У него был властный голос, похожий на голос известного диктора радио военных лет Г. Левитана. Если приходилось где-нибудь по дороге услышать его (Левитана) «от советского информбюро», все останавливались, внимательно слушали, нередко с мурашками по коже. Наш директор был красивый мужчина, высокого роста, с приятными чертами лица, которые, однако, были повреждены. Одна сторона лица была вследствие контузии на фронте неподвижна, глаз тоже. Иван Иванович был женат, имел двоих детей. Жена его, учительница младших классов, была якобы на 12 лет старше него. Теперь он влюбился в молодую учительницу литературы и оставил свою семью. За это он был тяжко наказан. Непонимающе мы смотрели друг на друга — что теперь с нами будет? Ни директора, никакой ясности насчёт наших экзаменов, есть ли вообще выход из этого положения? Только без паники!

О своих проблемах я молчу. Между прочим, я никогда ни с кем не делилась мыслями о своем безрадостном положении. Не знаю, что обо мне думали или говорили, но я никогда не жаловалась. Если не считать хождение к прокурору или вот к Роману Васильевичу…

Итак, школа без директора. Местная власть нашла выход. Наша учительница по физике была в срочном порядке назначена директором школы: молодая, деятельная, с высшим образованием.

Первое известие, которое принесла нам Евгения Степановна как директор школы, всех обрадовало. За последние дни нашему району в виде гуманитарной помощи было выделено большое количество продуктов питания. Наше исполнительное управление приняло решение в первую очередь обеспечить выпускников школы, т. е. нас, этими продуктами. Назначили дни, с 14 по 16 мая, когда отдельными группами ученики могут подъехать к большому магазину, который я еще никогда не видела открытым, с мешками, сумками, чтобы получить муку высшего сорта, картофель, сахар и т. д. Иногородним лучше приехать на подводах и сейчас следует им идти домой, чтобы сообщить своим родителям об этом. Евгения Степановна, казалось, избегала моего взгляда. Знает ли она, что мне нельзя ехать, не выходило у меня из головы. Домой я, безусловно, не пошла, не могла я им сообщить радостную весть, которая потом обернётся горьким разочарованием. Чувство или мысль о том, что мне нельзя будет сдавать экзамен, было невыносимо для меня. Почти без сна, мне

и есть не хотелось. Люба удивлялась, что у меня такой панический страх перед экзаменами.

В эти дни в школу пришел фотограф, чтобы запечатлеть выпускников 1948 года вместе с учителями. Мне не хотелось… Как фотографироваться, если… на душе кошки скребут? Без меня не стали фотографироваться, пришлось стать. Если я — и теперь еще — смотрю на эту фотографию, то вижу дорогие и милые мне лица, а себя бы мне лучше не видеть…

За два дня до того, когда нам по очереди следовало явиться в магазин, на перемене в класс вошла Евгения Степановна и направилась прямо ко мне, мне показалось, запыхавшись. Она положила мне руку на плечо: «Всё урегулировано, тебе не надо идти в комендатуру, поедешь со всеми в Ключи». Мне хотелось броситься ей на шею.

«Евгения Степановна, я сегодня пойду домой, может, я завтра опоздаю на уроки». — «Конечно. Но ты обязательно должна прийти, хотя бы на последний урок». — «Обязательно».

Дома с большим интересом прослушали мое сообщение по поводу экзаменов, и радость была огромна, когда узнали, что предстоит получить продукты — и какие! «Элла, ты пойдешь завтра к Кондрику и объяснишь ему всё. Нам нужна подвода на послезавтра». — «Это может и Лео сделать. А сколько денег ему взять с собой?» — «Этого я не знаю, как можно больше. Я слышала, что самым нуждающимся в классе выдадут сколько-то денег в школе, но я тогда еще не знала, что мне можно поехать». Я знала, что Лео зарезал телушку и почти всё мясо продал на базаре. Значит, деньги у них были.

Что меня испугало в этот мой приход — это болезненный вид одной из моих племянниц-близняшек — Изольды. Она перенесла тяжелую продолжительную болезнь, и теперь она сидела безучастно, как будто всё это её не касается, в то время как Тоня от меня не отходила, ей надо было знать, сколько нам дадут сахара, что еще будет кроме сахара, будут ли конфеты, печенье? Её глаза сверкали, и ей хотелось тоже поехать в Родино за продуктами.

Иза от рождения была поменьше Тони, нежнее и послабее здоровьем. Обеим было теперь по 11 лет, Тоня перешла в пятый класс, а Изольде надо было повторить 4 класс.

С Лео мы договорились встретиться послезавтра в Родино после обеда на площади перед большим магазином.

Ранним утром следующего дня я отправилась в Родино и пришла как раз ко второму уроку. Это был последний урок немецкого языка. Елена Казимировна пожелала нам всем успешно сдать экзамены… «И лучшей ученице по моему предмету я хотела

бы подарить этот словарь. Герман, я думаю, он тебе пригодится в будущем». — «Спасибо, Елена Казимировна». Я взяла книгу. В глазах у неё были слёзы. Она же тоже была немка. «Немецко-русский словарь», авторы Г. Ф. Полак и Е. Б. Линднер. Около 22 000 слов с приложением грамматических таблиц. Издано в 1937 г. Этот словарь и теперь стоит у меня на книжной полке, и теперь еще изредка заглядываю в грам. таблицы.

Так как я сегодня прямо из Кучука пришла в школу, я решила на перемене сбегать домой и показаться Любе. Дома были муж Любы и Наташа. На мой вопрос, где Люба, он ответил, что она у соседки, чтобы посоветоваться, в чём ей идти на день рождения, куда они приглашены на сегодня. Я отломила кусок хлеба и убежала в школу. После уроков, после консультации я пришла домой, Люба гладила и спросила, какая из блуз больше подходит к этой юбке. Мне ни одна не нравилась, и я спросила, нет ли у неё платья. «Нет, только это, в котором я пригон от навоза очищаю». Обе мы посмеялись. «Люба, может быть, ты надела бы моё платье? Никто его не видел на мне, кроме как на сцене». — «Это красивое синее?» Я кивнула. «И ты хотела бы, чтоб я его надела?» — «Конечно, с удовольствием. Почему же нет?» Люба достала из своего шкафа моё платье. «Не делай глупостей! Тебе не пойдет это платье», — строгим тоном сказал её муж.

«Ты думаешь? Я только померяю». Она надела платье. Люба преобразилась, она очень хорошо смотрелась в этом платье. «Не идет оно тебе. Сними!» Её муж не уступал. А мне показалось, что он любовался своей женой, а говорил неправду. Может быть, он не хотел, чтобы она показалась в чужом платье? Может, он уже намерен купить Любе красивое новое платье? Кто знает? Люба сняла платье, надела свое, и они пошли.

Следующий день был нашим последним учебным днем. Вечером состоялось собрание совместно с родителями, где нам подробно объяснили, где и когда мы будем отъезжать. Мне было разрешено прийти без родителей на собрание. Даше и мне выдали по 140 рублей. После школы я побежала к моей бывшей хозяйке Александре Михайловне, спросила, можно ли мне сегодня у неё переночевать, т. к. мой зять сейчас приедет за продуктами и увезёт сразу все мои постельные принадлежности, а у Любы нет матраца. Саша, казалось, обрадовалась, дескать, её мать давно не была у старшей дочери Моти, пусть у нее переночует.

Лео ждал меня уже около часа, сказал, что одна девица с матерью из совхоза «Степной» сейчас в магазине, а моя очередь сразу за ней. Это, несомненно, была Даша. Её подвода стояла у самой двери. Из четырёх окон магазина, которые я за все годы

пребывания в Родино видела только закрытыми, предстало теперь одно с тусклыми стеклами и открытыми ставнями, остальные три, как и прежде перетянутые по диагонали поверх ставень крепкой полосой железа, были замкнуты внизу мощными висячими замками и наводили на мрачные мысли.

Когда потом вызвали мою фамилию, Лео подвёл повозку к двери, и мы вошли. Магазин был заставлен мешками, ящиками, картонными коробками, а возле продавщицы стояла большая бочка. Лео остался у двери, я подошла к продавщице. «Сколько бы ты хотела получить муки?» Испуганно я вытаращилась на неё. «Я не знаю». — «Ты можешь и полный мешок взять». Опять я испугалась. «А что это стоит?» Она назвала цену, я посмотрела на Лео, он радостно закивал головой. «А мешок ты принесёшь пустым и выхлопанным перед вашим отъездом». Мешок был вдвое больше наших обычных мешков. С картошкой обошлось быстро и без вопросов — мы взяли мешок. Потом спросила она, сколько я бы хотела сахара. «Сколько мне можно?» По-моему, мы получили 10 кг. сахара-песка. За этим последовала манная крупа. Теперь она показала мне огромную оранжевого цвета рыбину, не меньше 50–60 см., и толстая она была на удивление. Никогда я не видела такой рыбы и в восхищении посмотрела на Лео. Он опять кивнул. «Этой рыбы полагается только по одной, если хочешь, можешь взять только половину». — «Нет, целую», — сказал Лео. Это был копчёный лосось, или сибирская кета. Затем мы получили копченую колбасу, сельдь из бочки, конфеты и печенье на выбор (я выбрала самые дешевые) и консервы, тут я растерялась, у нас никогда не было консервов, и в Мариентале не было. И всё-таки мы взяли несколько баночек варенья и еще что-то. Лео заплатил, мы поблагодарили продавщицу и пошли на погрузку. Какой-то мужчина, всё это время стоявший недалеко от Лео, помог нагружать.

Когда мы уже немного отъехали от магазина, спросила я Лео, откуда у нас столько денег, он ответил, что совсем немного было денег, просто цены очень низкие, даже не верится. Теперь мы поехали к моей квартире. Люба уже знала, что я не вернусь к ней, молча она стояла в стороне с девочкой и смотрела на меня. Мне было жаль расставаться с ней. Когда мы погрузили все мои вещи, я взяла небольшую миску из кухонного стола, набрала сахара с верхом и принесла Любе. Я поблагодарила её за всё, мы обнялись и попрощались. Медленно я провела рукой по плакату-ковру и убежала. Из школьной тетради я вырвала двойной лист бумаги, свернула её в треугольный кулёк, набрала сахара. «Сегодня мы с Сашей будем пить чай с сахаром, а вы дома — тоже!» — «Ты же завтра придешь домой?» — «Да, завтра утром». Лео уехал, а я с

завёрнутым куском хлеба в одной руке и сахаром в другой пошла к Саше.

Собрание прошло, не оставив в памяти ничего, достойного внимания. Главное, я узнала, что в день отъезда мы должны быть в 10:00 на школьном дворе с продуктами питания на 1 месяц, с учебниками, постельными принадлежностями, одеждой, кастрюлей и прочей посудой; грузовой автомобиль доставит нас в Ключи.

Дома меня встретили, будто я чудо из сказки. Первая партия хлеба была уже в печи. Я спросила своих племянниц-близняшек, был ли вчера на ужин чай достаточно сладким, и они закивали — да. «А сегодня вы уже позавтракали?» — «Нет, мы тебя ждали». — «Может, манную кашу?»

«Да-а», — в один голос закричали они. Я не была уверена, помнят ли они, что такое манная каша, я же помнила её по Мариенталю. Маленькая Женя тоже получила кашу. «Только чуть-чуть сахара, а то она от груди откажется», — предупреждала Элла. В обед мы ели варёную картошку с маслом и селедкой, еще салат с зелёным луком и укропом. На ужин был свежеиспеченный белый хлеб. Так мы отпраздновали большое тогда событие — нормальные продукты питания.

Было много хлеба испечено, который на следующий день резался на кусочки и сушился в теплой печи. Само собой разумеется, отнесла моя мама понемногу продуктов своей старшей дочери Марии с четырьмя детьми; тётя Нюра и тётя Вера с Алмой тоже получили попробовать. В последний день всё упаковали. Из-за рыбы и колбасы мы чуть не поругались. До сих пор мы все получили по тоненькому кусочку на пробу, а теперь все считали, что я должна всё остальное взять с собой. Я наотрез отказалась, взяла нож и сама отрезала себе, точно не помню, но во всяком случае, меньше половины того и другого. Зато я взяла с собой хороший кусочек сала. Полный мешок сухарей. «Его надо положить сверху, а то раздавят», — командовала Элла. В другом мешке были картофель, немного манки, лук. «А книги? Жаль, что у нас даже нет никакой коробки».

«Есть». Элла взяла Лео за руку, и они вышли, немного спустя вернулись с чемоданом. У нас в Мариентале тоже был чемодан, и мы его привезли в Сибирь, но давно уже обменяли. Этот же чемодан, который от Лео, не имел ни малейшего сходства с тем из Мариенталя. Он был деревянный, из крепкой фанеры, сколочен гвоздями, крышка закрывалась (соединялась с нижней частью) довольно большим висячим замком, ручка, непонятно из чего, тоже имелась, и покрашен он был странного цвета водянистой краской: красно-коричнево-серой. Тогда я просто не знала, что

это за чемодан… Но он был достаточно большой, чтобы поместить в нём всё оставшееся: книги, свежий хлеб, рыбу, колбасу, сало, две стеклянные баночки, одну с повидлом, другая с солёными огурцами от тёти Нюры.

Утром следующего дня подъехал на ходке кучер тов. Кондрика.

Элла озабоченно спросила, как же председатель обходится без ходка. Кучер ответил, что ему, председателю, сегодня тоже надо в Родино, в райком партии, и он приедет туда верхом, и что он его потом привезёт домой.

После нагрузки собралась наша семья во дворе, тётя Нюра и Мария тоже были здесь. Все махали мне вслед и слёзы вытирались фартуками.

В Родино я первым делом сдала мешок в магазин. На школьном дворе уже все собрались, грузовик был наполовину загружен, но мои вещи еще хорошо поместились. Я любовалась чемоданами Ольги, Альбины, да и Кати. Мой выглядел не только смешным, но и… Ну и что? Зато мне разрешили поехать сдавать экзамены, хотя я и немка. Тогда мы все взобрались на грузовик.

Наши две молодые учительницы, Евгения Степановна и Екатерина Васильевна, сели в кабину водителя. Обе они были официально утверждены членами объединённой экзаменационной комиссии, к тому же были обязаны присматривать за нами. Родители и родственники моих одноклассников собрались вокруг машины. В толпе я искала глазами наших учителей, которые не уезжали с нами. Романа Васильевича не было, Валентины Андреевны тоже. Я увидела только Софью Степановну, нашу учительницу по химии, которая была и матерью одного из моих соучеников, и совсем сзади, одиноко стояла Елена Казимировна. Я обрадовалась и подняла руку, чтобы помахать ей рукой, но она не отреагировала, видимо, глубоко погруженная в свои мысли.

Потом я увидела двух мужчин из НКВД, у которых мне уже несколько раз приходилось отмечаться. Значит, были у меня все же провожающие. Мотор завёлся, и Елена Казимировна вдруг оказалась совсем рядом с автомашиной и, вытянув обе руки над головой, махала нам, радостно улыбаясь. И я благодарно махала ей. Когда мы уже завернули за угол, Аля заметила: «Елена Казимировна так дружески нам улыбалась».

«Ты тоже заметила?» Один из наших мальчишек сказал: «Я никогда прежде не видел на её лице такой улыбки». И все начали оживленно, перебивая друг друга, болтать. И вдруг выяснилось, что мы всех наших учителей положительно оценивали, хотя и с легкой иронией.

«И всё-таки, — наш Нестеренко поднял указательный палец, — лучше всех…» — «Роман Васильевич», — перебила я. «Точно», — подтвердила Даша. «Естественно, Роман Васильевич», — сказали все хором. Кто-то вспомнил Валентину Андреевну, которая учила нас понимать и любить русскую литературу, только она недружелюбный, немного обозлённый человек. «Она и злое в жизни испытала, — сказала Аля. — В первые дни войны погиб её сын, её единственное дитя». Аля посмотрела на меня.

«Понимаешь? Она ненавидит всех и всё, что немецкое». Я молча кивнула.

Глава 9

Большая трехэтажная школа в Ключах была еще новая. Величина ее окон и их количество изумили меня. По-моему все мы пришли в восторг от вида этой школы.

Разместили нас в нижнем этаже: мальчишек в спортзале, а нас, пятерых девочек, в небольшом помещении, это могла быть учительская. Моя одноклассница Даша Литвиненко, с которой мы с 1948 года не виделись и не говорили по телефону — заверила меня, когда я ей позвонила 8 марта 2010 года, что она ни о чём не помнит, что было в Ключах. Значит, остаются мне только мои собственные скудные воспоминания… Наши две учительницы должны были жить с нами в школе, но их пристроили у себя местные учительницы.

Новшеством для нас оказались туалеты — внутренние туалеты! Нам объяснили, как ими пользоваться. На одном из двух столов в нашей комнате стояла электроплита, и как ею пользоваться, нам тоже подробнейшим образом объяснили. А вот что и когда мы готовили, об этом я не имею ни малейшего представления. Знаю только, что в самые последние дни экзаменов, когда уже не было ни картофеля, ни муки, ни сала, ни лука, ни масла и т. д., а остались только сухари да сахар, я макала сухари сначала в воду, затем в сахар — и это осталось в памяти как самое вкусное.

Утром, если не было в тот день экзаменов (иногда после консультаций), расходились мы с учебными принадлежностями под мышкой, каждый искал себе свободную классную комнату. Не всегда мы, пятеро, находили пять свободных комнат на одном этаже, и мы старались, если не целый день, то хотя бы до обеда, со всей серьезностью готовиться к экзамену. Но уже через какое-то время, если только где-нибудь раздался смех — подскакиваешь, оставляешь подготовку, бежишь, ищешь комнату,

в которой кто-то смеётся, и тогда уже на многоголосый смех сбегались все. Смеялись, шутили, однако о предстоящем экзамене не забывали. Уже на второй вечер нашего пребывания в этой школе состоялся вечер танцев, на котором мы должны были ближе познакомиться со здешними учащимися, чтобы мы не чувствовали себя такими покинутыми и одинокими. Меня избрала девочка по имени Аня, она мне напомнила мою бывшую подругу Нону. Мы договорились с ней встретиться после первого экзамена и хорошо подружиться. Все мои одноклассницы познакомились с кем-нибудь. Что касается мальчишек, я не уверена. Во время одного нашего «сборища» в одной классной комнате, когда я пришла, были все заняты игрой, называемой «флирт». На листе примерно 12 х 20 см. белого картона были под изображением различных цветов написаны изречения, афоризмы, цитаты из произведений известных писателей. Участник(ца) выбирает цитату и передает листок избранному лицу, называя при этом соответствующий цветок. Никогда я до этого не слышала о такой игре. У нас в Родино на школьных вечерах играли в почту. Каждому прикреплялся на рукав или на грудь номер, и один или два почтальона ходили по залу и передавали записки соответствующему номеру. Я иногда тоже была с номером и получала записки, но сама, по-моему, только один раз написала смешную записку Але Савенко. Она потом во время танца издалека, широко улыбаясь, махала мне рукой. Теперь Аля объяснила мне коротко, что к чему, и на мой вопрос: «Откуда у вас эта штука?», ответила: «от здешних». Она мне подала несколько таких карточек, и я начала листать. В это время кто-то слева быстро положил мне такую карту на колени со словом: «резеда». И я начала читать вслух… потом смолкла и дочитала про себя, быстро повернулась налево, там сидели трое наших мальчишек, и один из них, с лицом красным как рак, опустил глаза. Мне стало так стыдно, как я могла читать вслух? Это было что-то наподобие объяснения, написанного Тургеневым… Мне и теперь стыдно… Мы, девчонки, между собой этого парня называли «наш Базаров». Быстро я встала и вышла, и больше не играла в эту игру. Я пошла к Ане, с которой мы почти ежедневно в определённом месте встречались, и рассказала, что я натворила, опозорилась сама и оскорбила хорошего, очень скромного и достойного уважения парня. Она меня назвала «счастливчик», потому как ей еще никто не делал такого объяснения. Еще при первой нашей встрече Аня спросила меня, есть ли у меня друг, или с кем я вместе из ребят из нашего класса. Я ответила «ни с кем». На неё, мол, произвели большое впечатление двое из наших ребят. Ей хотелось знать, свободны ли

они оба, и если да, то не могла ли я её с одним из них поближе познакомить, т. е. свести. Собственно, находила я Аню хорошей девчонкой: умна, приятной внешности, хорошо воспитана, и я могла её представить лучшей моей подругой, как Розу или Нону. Но… теперь эта просьба меня как-то насторожила… Она мне доверила свою тайну, свою мечту и ждет от меня помощи. Я бы никогда никого не просила меня с кем-нибудь «свести» — а может быть, только потому, что я немка и боялась стать посмешищем? Мне своевременно разъяснили, что мне не полагается самой выбирать мальчика.

Может, я завидовала Ане, что у неё есть выбор, а у меня нет? Аня рассказала мне, что ей нравился парень из её класса, но он влюбился в учительницу, которая на 10 лет старше него. И я не смогла утаить, что один из наших мальчишек, один из двоих ею избранных, тоже якобы влюблен в учительницу, которая всего на 5 лет старше него. Аня спросила о втором, и это был Ваня Власенко. «Насколько я знаю, он тоже, как мы все в классе, свободен, а влюблён ли он в кого-нибудь, я не знаю».

«А кто тебе больше всех нравится?» — хотела она знать. «Который мне нравится, окончил в прошлом году школу. Но это не имеет никакого значения, он даже не знает, что он для меня самый лучший». — «Вот какая ты», — только и сказала Аня. Я думаю, что Аня теперь поняла, в какое положение она меня поставила, и повернула разговор на другую тему.

Потом Аня пригласила меня к себе домой. Большой красивый дом, я сравнила его с домом моего деда Германа, но то, что я потом увидела, превзошло все мои ожидания. Такую красивую мебель, такие ковры, гардины мне не приходилось еще видеть. Понятие комфорт мне казалось вполне знакомым, но до сего времени отвлеченным, теперь же комфорт явился мне в наилучшей действительности.

Мать Ани меня очень вежливо и сердечно приняла. До обеда оставалось еще время, и пока Аня в шкафу искала нужный альбом, меня терзала мысль, что я по недоразумению сюда попала, Аня ошибочно меня выбрала, она принимает меня не за ту. И виной тому моё платье, платье из Германии. Она меня уже спрашивала, откуда оно у меня, я коротко ответила: «Купила на базаре». Кроме этого платья было у меня только одно старое, сшитое из наматрасника, и жакет из костюма моего отца — тоже старый и с заплатками. На встречи с Аней я ходила только в красивом платье — с жакетом или без. За обеденным столом меня спросили о моей семье, и таким образом им стало известно, что я немка — немка из Поволжья, но в их отношениях ко мне ничего не изменилось. Дружественно и вежливо Аня проводила меня до

дома.

На следующее утро Аля спросила меня, где я вчера была с Аней, она нас видела. «У неё дома», — ответила я. «Ты знаешь, кто её отец?» — «Нет, это меня и не интересует». — «Счастливчик», — сказала она.

В один из этих дней — я сидела над учебником — показалось мне, что кто-то где-то поёт. Прислушиваясь, открыла дверь — ничего не слышно, но когда я открыла одно из окон, зазвучал один из очень популярных романсов, исполняемый красивым тенором, хотя и без музыкального сопровождения. Это было так неожиданно и так красиво, но я не могла определить, откуда доносилось это прекрасное пение. Пение закончилось. После маленького перерыва зазвучало: «Выхожу один я на дорогу». Этот романс я хорошо знала. И любимого всеми, тогда еще довольно молодого, тенора Сергея Лемешева можно было почти ежедневно слушать по радио. Его ария Ленского, его романсы и народные песни были очень знамениты. Стихотворение Лермонтова «Выхожу один я на дорогу» казалось мне особенно близким, и я его любила так же, как романс… А кто бы это мог быть — который теперь поёт? Это знали Катя и Аля, они в поисках него зашли ко мне.

Выяснилось, что Катя несколько лет жила в близком соседстве с семьей Власенко и знала, что Иван Власенко хорошо поёт, а это был его голос. Нет, он никогда не занимался в музыкальной школе, он просто был талантливый мальчик. «Почему же он никогда не пел у нас на сцене?»

«Потому что он такой застенчивый». — «И ты никому об этом не сказала?» Катя только пожала плечами. Мы встретили Ваню на лестничной площадке, он смущенно нам улыбнулся и убежал.

Перед последним экзаменом, по-моему, это был немецкий язык, состоялся еще один танцевальный — прощальный вечер. И, как нарочно, именно меня приглашал Ваня Власенко танцевать, в то время как Аня всем видом показывала, как она нехотя танцует с другими мальчишками, и мне вопрошающие взгляды бросает. И я попросила Ваню потанцевать с ней.

«Пожалуйста, Ваня, я прошу тебя, пригласи Аню, она с первого дня мечтает с тобой потанцевать. Она моя лучшая подруга здесь, она лучше всех, кого я знаю». — «Но это не значит, что она и для меня лучше всех». После танца я быстро вышла из зала, как будто мне надо куда-то. Зашла за угол и остановилась. В начале следующего танца выглянула — Ваня пригласил Аню.

Закончились экзамены, и за нами пришел тот же грузовик. Теперь нас было всего пятнадцать. Двое наших мальчиков не сдали один из первых экзаменов, их забрали родители. Екатерина

Васильевна тоже после первых экзаменов уехала. Евгения Степановна, наша учительница по физике и директор школы, была нашим педагогом, воспитательницей, советчицей — и всё без педантичных наставлений. А более всего она нам, девочкам, была подругой.

По приезде в Родино нам объявили, что выпускной вечер состоится через 5 дней, до этого нам дали еще раз возможность в магазине закупиться, на этот раз это были различные ткани, якобы из Америки: хлопчатобумажные, штапельные, были и шелковые, и шерстяные ткани. Чемодан свой я поставила у Саши, где я и сама могла остаться. Дома не могли нарадоваться возможности купить ткани, обносились ведь до предела. Деньги тоже еще были. Моё красивое платье я постирала, погладила, и оно смотрелось как новое. А обуви у меня не было для выпускного вечера, тонкие кожаные тапочки проносились. Элла никак не хотела верить, что в Родинском магазине нет подходящей обуви, ведь я же должна себе купить обувь. На всякий случай я взяла с собой в Родино черные нитки. А обуви — таки не было.

В нашей школе, где мы ежедневно встречались, был один-единственный справочник — Высшие учебные заведения Российской Федерации. Мы записывались в очередь, чтобы получить эту книгу и записать адреса. Я тоже записалась, хотя знала, что мне нельзя будет учиться ни в одном из институтов. Я записала адрес Барнаульского пединститута, потом полистала еще и шутки ради записала адрес одного из Московских театральных училищ, т. к. ни в одном другом городе РСФСР в те годы не было такого. Это было училище им. Щукина при театре им. Вахтангова. Теперь я засомневалась, а как на это отреагирует спец. комендатура, если вдруг я получу приглашение? Недолго поколебавшись, я написала. Знала ведь, что нельзя мне туда, но хотелось узнать, что мне ответят. Ответ пришел неожиданно быстро. «Условия приёма» мне показались трудными и строгими, но в вежливой форме мне рекомендовали как можно скорее приехать и привезти с собой необходимые документы — время до вступительных экзаменов ограничено.

Когда я писала в училище, мы еще не получали аттестаты зрелости, их вручили нам только на выпускном вечере. Выпускной вечер прошел без того, чтобы в памяти осталось что-либо интересное… разве только это: за неимением в магазине обуви, я на своих тапочках затянула большие дыры густой сетью из толстых чёрных ниток — заштопала их, и только на заре заметила, что эти сети полностью протерты.

А теперь у меня есть аттестат и приглашение на приемные

экзамены в Москве, зато нет обуви, чтобы пойти в НКВД в Родино. Конечно, я не была уверена, что сдам экзамен в театральное училище, скорее, я была уверена, что не справлюсь… Но мне было бы лучше, приятнее не справиться с экзаменом, чем быть не принятой, потому что я немка.

Элла пыталась меня отговорить от посещения НКВД, но я настояла на своём. Тогда она дала мне денег, чтобы я купила в воскресенье на базаре в Родино туфли.

В старых широко растоптанных полуботинках Эллы или бабушки Лизы, в своем красивом платье я явилась в комендатуру. Там было специальное окошко для нас, немцев-переселенцев, в которое можно постучать, оно открывалось, и ты мог отметиться о прибытии или отбытии. Зимой при больших морозах окно не открывали, кивком головы мне давали знать, что меня отметили, а взмахом руки — что можно идти. Если нужна моя подпись, можно было войти туда, или подавали лист на какой-нибудь твёрдой книге для подписи. В этот раз окно было широко раскрыто — была середина лета. За столом сидели двое молодых мужчин. Я поздоровалась.

«Ты пришла в районо?» — спросил один. «Я только хотела спросить, как написать заявление, я получила приглашение для сдачи вступительных экзаменов». — «Куда?» — «В Москву». Они посмотрели друг на друга. «В Москву тебе нельзя», — сказал второй чётко и твёрдо. Точно такого ответа я ожидала. И всё-таки меня пронзила боль, которую я не должна была показывать, её надо было скрыть.

«Вообще нельзя?» — спросила я почти дерзко. «Вообще нет», — раздалось коротко и решительно. «Тогда… тогда я поеду без разрешения», — бессовестно лгала я. Надо же мне было как-то скрыть лёгкую дрожь и подступающие слёзы. Они смотрели на меня в упор. «Так же, как многие в стране разъезжают… по-чёрному, на крышах товарных вагонов…»

Один из них встал: «Довольно! Если хочешь на двадцать лет за решетку со строгим режимом, пожалуйста! Проблем нет!» Как будто судья произнёс приговор, чтобы я знала, на что мне ориентировать свою жизнь…

Как всегда дружелюбно встретила меня Саша, она спросила, была ли я уже в районо, если нет, то надо сразу идти, только сначала следует написать заявление. Меня удивило, что и Саша знала о моем назначении учительницей немецкого языка, а я еще не знала. Под её диктовку я написала заявление и принесла его заведующему районо, тов. Пряничникову. Он был супругом нашей преподавательницы химии и отцом моего одноклассника. Он улыбнулся мне приветливо и предложил сесть. Уже якобы

решено, что я буду работать учительницей немецкого языка, только еще не выяснено, какая из семилетних школ района может мне больше учебных часов предложить. Когда я совсем робко спросила об отношении к этому комендатуры, он ответил, что с комендатурой уже всё согласовано. Еще он спросил, какое село в районе я бы сама выбрала для будущей моей работы. Я ответила: «Я знаю только одно село — Степной Кучук, остальные мне незнакомы». Он понимающе кивнул и сказал, чтобы я пришла через неделю.

В воскресенье утром я была на базаре и выбирала себе обувь. Деньги якобы опять явились следствием погашения облигаций моего отца — так Элла сказала. На сей раз мне нужны не картошка, не хлеб, а нужна обувь для теплого времени года в учебном году, и это весь сентябрь и иногда еще весь октябрь, а потом конец апреля до начала июня. Сначала я посмотрела всю женскую обувь, которую можно было найти в каждом углу большой базарной площади, при этом размышляла: молодой учительнице не следовало бы с самого начала приходить на уроки в монашеских полуботинках. Значит… самые красивые… причем туфли на каблуках… даже несмотря на мою немецкую национальность. Я купила элегантные туфли из Чехословакии, черного цвета, на высоких, но не очень тонких каблуках, да еще у той же старой женщины — красивые фильдеперсовые чулки. Дома все любовались моими новыми туфлями. «Хороши туфли, — печально сказала Элла. — А как ты будешь через речку и через ярок переходить на таких каблуках?» — «Может, я в другом селе буду работать, где нет ни речки, ни ярка». Нет, этого они не могли себе представить, они хотели, чтобы я осталась в Кучуке… И я уже смотрела на свою покупку несколько разочарованно. В самом деле, надо было мне другие выбрать, на низких каблуках, там были такие. А бабушка Лиза, чтобы меня утешить, обратилась ко всем: «Ей надо еще одну пару купить, а эти ей, как учительнице, тоже нужны». Тот факт, что «их Лида» теперь будет учительница, позволяло мне совершать любой проступок — они бы мне всё простили. Целую неделю подряд мы с Эллой шили новые платья из тканей, которые я, как выпускница Родинской школы, имела возможность купить. Близнецы тоже получили новые платья.

Районная учительская конференция состоялась 26–27 августа 1948 г. в клубе, и я была её участницей. Много говорили о главных задачах учителей, о политически-идеологическом воспитании подрастающего поколения, подробно говорилось о предметном преподавании и методике преподавания. Так получилось, что я до начала конференции, в почти полном зале,

заняла место рядом с молодой учительницей. Завязался разговор, состоялось знакомство, перешедшее в дружбу на годы. Ольга Васильевна Кравченко была на два-три года старше меня, имела учительское образование (в те годы было такое) преподавателя истории. Я наблюдала её, как внимательно она слушала выступающих, как она реагировала на дискуссии разных учителей. Я же чувствовала себя разочарованной, т. к. изо всего, что говорилось о методике преподавания, я поняла очень мало. Собственно, о понятии «методика преподавания» у меня кое-что запечатлелось из общения с моей хозяйкой Александрой. Во всяком случае, я убедилась, что я не доросла до предстоящей мне работы в должности педагога… Переубеждала себя пословицами: «Не боги горшки обжигают», или «Всё в твоих руках».

Во время одного из перерывов я вдруг столкнулась с Павлом. «Павел!» — «Лида!» воскликнули мы одновременно. Явно, он так же удивился, как и я. Как будто мы оба давно уже исключили возможность когда-либо еще увидеться и вдруг предстали друг перед другом — испугавшись, и в то же время радостно. Какое-то время мы, смеясь, смотрели друг на друга без единого слова. И уже раздался звонок на заседание. Павел спросил, нет ли у меня желания сегодня посмотреть фильм, по-моему, «Сельская учительница» с участием Марецкой. Когда я вечером пришла на фильм, Павел ждал меня перед террасой. Я спросила, не знает ли он случайно мою новую знакомую Ольгу Васильевну… Да, он знает её, вот она стоит на террасе с другом. Я быстро взбежала по ступеням, Павел тоже. И страшно испугалась, когда увидела друга Ольги — это был один из НКВД, один из комендантов. Вне себя, я поздоровалась с ним, она взяла меня за руку и повела в зал. Теперь сидели мы в одном ряду: комендант, Ольга, я и Павел. Неприятная ситуация для меня и, наверное, для других. Все делали вид, будто… По-еле фильма мы шли вместе до главной улицы, там Ольга и её друг перешли на другую сторону, Павел и я остались вдвоём. После нашего представления на сцене пьесы «Находка» мы больше не виделись. Слухи о том, что Павел всё лето был вместе с Людой П., я считала достоверными, так оно и должно быть. Я находила её вполне достойной его и желала им от всего сердца всего хорошего. Почему он пошел за мной? Выразить ему свое мнение? Нет. Это было бы нетактично. Меня никто и ничто ни к чему не обязывает, а его близость приятна моей душе. Он был и остается для меня лучшим… Только нельзя мне быть с ним вместе, быть парой, даже если бы он этого желал. Когда мы проходили со двора мимо парткабинета, что рядом с домом моей хозяйки, я протянула ему руку на прощание, он же, показав на высокое крыльцо, спросил, не хотела бы я с ним немного

посидеть на этих ступенях, при том что ночь выдалась такая чудная и нет вообще желания расстаться с этим прекрасным звёздным небом. Ни секунды не раздумывая, пробежала я несколько ступеней вверх и села — как раз напротив окна Сашиной комнаты. Павел сел рядом. Я посмотрела вверх на небо, и… пришло воспоминание… «Знаешь, — начала я, — мне однажды довелось провести целую ночь совсем одной под таким же великолепным небом на грузовике, наполненном пшеницей». Павел широко раскрыл глаза. «Где это было и когда?» — «Мне было тогда 14, и я ехала в качестве сопровождающей зерна по дороге в Кулунду». И рассказала кратко мою маленькую историю, конечно же, в шутливой форме. «…И я была уверена, что все звёзды на небе в эту ночь только мне подмигивали». Наклонив голову, Павел сидел и молчал. Теперь он хотел знать, выбрала ли я в ту ночь для себя звезду. «Нет, не выбрала. Всё небо принадлежало мне одной». Он как-то выпрямился (сидя) и спросил, какие созвездия я бы могла еще найти. «Кроме Малой и Большой Медведицы я никогда не знала других созвездий». Он перечислил множество созвездий, о которых нам рассказывал Роман Васильевич по астрономии, а я, громко смеясь, отвечала «Нет». — «Сейчас мы выберем для тебя самую красивую звезду». — «Почему для меня? Если уже… то одну для тебя и одну для меня».

«Нет», — сказал он твёрдо. Он объяснил, как я, исходя от Большой Медведицы, могу найти то или иное созвездие. Так мы попали на звезду, которая находилась между двумя созвездиями, не относилась ни к тому, ни к другому. «Видишь, она сверкает совсем особенно». В большом напряжении мы смотрели вверх на звезду, сиявшую на бескрайнем небе.

«Павел! Она двигается, ты видишь? Влево-вправо, влево-вправо». — «Я тоже это вижу». Завороженно сидели мы, наши головы почти соприкасались при этом, и восторгались этой звездой до тех пор, пока не поняли, что не звезда двигалась туда-сюда, а наши глаза. «Но это и есть та самая звезда». Он хотел еще что-то сказать, но я быстро встала. «Уже светает».

«Нет, не то звёзд было бы уже не видно». — «Всё равно пора». — «Тогда желаю тебе всего хорошего в новом учебном году — как учительнице».

«Спасибо», — и махнула ему рукой.

Первый школьный день 1948 г. Согласно расписанию, я пришла в 5 класс, где была назначена и классной руководительницей. Более тридцати детей в ожидании стояли возле своих парт и отвечали на мое приветствие единодушным хором: «Здравствуйте». — «Садитесь». Более тридцати пар детских

глаз смотрели на меня изучающе, с любопытством, может быть, и с недоверием, а может быть, и с восторгом. Среди них моя племянница Тоня, которая сидела, сложа руки перед собой на парте, и особенно широко раскрытыми большими глазами смотрела на меня и в то же время охватывала весь класс. По всему её виду было заметно, в каком особенном положении находится она — в конце концов, она племянница учительницы и классной руководительницы её класса — а это может быть больше, чем сама учительница.

Когда я представилась классу, из последнего ряда вверх потянулась рука. Бог ты мой, это была Вера Песенко, которая во время моих голодных школьных лет несколько раз по дороге в Родино подавала мне такие «драгоценные» продукты питания. «А как мне теперь называть…? Ты или вы», — спросила Вера тихо и неуверенно, не в её обычном бойком тоне. «Я теперь ваша учительница, а как обращаются ученики к своим учителям, ты, конечно же, знаешь, Вера». — «Да. Значит, вы, Лида Александровна?» — «Точно так!» — «Но вы же знаете меня еще… Лида Александровна?» — «Я тебя очень хорошо знаю, Вера». Она села, при этом она всех учеников, взгляды которых были устремлены на неё, вызывающе оглядела.

Так началось знакомство с моим пятым классом. Потом так же с шестым и седьмым классом. В седьмом классе была моя племянница Маруся, она была три года младше, а еще одна ученица была два года старше меня. Большинство же были на 2–3 года младше меня и, само собой разумеется, все они до этого называли меня на «ты». Не без волнения я пришла на первый урок в 7 класс, но обошлось всё без каких-либо осложнений. Все называли меня на «вы», хотя некоторые из них с трудом скрывали улыбку.

По причине недостатка уроков немецкого языка в нашей школе (до полной нагрузки — 18 уроков в неделю — если не ошибаюсь), меня обязали вести уроки рисования (и пения?) в 5–6 классах и черчения в 7 классе. По принципу «терпение и труд всё перетрут» я всё-таки сумела кое-что дать по этим предметам своим ученикам. Хотя я очень старалась привить ученикам интерес к немецкому языку, мне это удавалось весьма ограниченно.

Через 2–3 недели после начала учебного года директор нашей школы Федор Иосифович Мирошниченко передал мне решение райкома комсомола о том, что я, как комсомолка, обязана на общественных началах выполнять обязанности старшей пионервожатой школы. На основании этого я должна завтра поехать в Родино на двухдневный семинар, который

проводится в райкоме комсомола. Он показал мне телефонограмму, которую мне следовало подписать, и посоветовал мне обратиться к кому-нибудь из трёх председателей колхозов, не едет ли завтра кто-нибудь в Родино, чтобы я могла с ними поехать. Этим я пренебрегла, и на следующее утро отправилась в Родино пешком (по привычке).

От семинара в моей памяти едва ли что осталось, но другое событие меня основательно потрясло. Сашу, мою любимую хозяйку Александру Михайловну, оставил муж, т. е. бросил. Я её едва узнала: похудевшая, с запавшими глазами, лицо бледное, но держалась она с полным самообладанием, ни слова о её страдании.

Из её коротких ответов на мои вопросы следовало, что в письме из Барнаула, где он учился в высшей партшколе, он сообщил, что нашел женщину своей мечты, и они исключительно хорошо подходят друг к другу.

«Саша, милая Саша, — я пыталась её успокоить. — Да он просто ничто, нуль! Он вас не стоит, Саша». — «Я уж как-нибудь справлюсь с этим делом». Она умела владеть собой и находила силы бороться со своим горем.

В последующий школьный день все ученики знали, что я не только учительница, но и старшая пионервожатая школы. Я не уверена, что в этой школе когда-нибудь был пионервожатый. В годы моей учебы в этой школе в 1941–44 гг. не было ни вожатой, ни пионерской организации вообще. Теперь же я обязана создать пионерскую организацию. Для этого следовало всех желающих учащихся 4–6 классов принять в детскую организацию им. Ленина-Сталина, т. е. в пионеры (а пионерами теперь хотели быть почти все) и оказывать на них воспитательное влияние. Громкие слова, но я была далеко не уверена, что справлюсь с этим. И вообще, как они могли мне, немке, доверить *эту* обязанность?.. Одно другому совершенно не соответствовало… Но я была обязана… и НКВД в курсе всего… и я, по-моему, сумела — на общественных началах — с большим старанием развернуть достойную деятельность.

На торжественном собрании детей выстроили в открытый четырехугольник, и после того как они, повторяя за мной, дали торжественное обещание, они стали пионерами.

Теперь старшая пионервожатая: «Пионеры, в борьбе за дело коммунистической партии Советского Союза, будьте готовы!»

«Всегда готовы!» — в один голос ответили они. Это была формальная сторона дела. В своей записной книжке (школьной тетради, разрезанной пополам) я тогда записала: «Всегда и во всём не забывать: честность, правдивость, пунктуальность,

добросердечность, трудолюбие, не быть трусом и всегда держать своё слово!»

По ходу моей работы я заметила, что моя деятельность «на общественных началах» мне доставляет больше удовлетворение, чем основная моя работа. Во всех мероприятиях, подготовленных и проводимых под моим руководством, почти все ученики безотказно были готовы принимать участие. При этом они должны были иметь неплохие оценки по школьным предметам. Организовать школьный хор не составляло никакого труда. Странным образом, им очень нравился мой голос, и меня считали наилучшей руководительницей хора. И для театральных представлений без проблем находились исполнители. Танцы тоже не были исключением. Простые, но вполне выразительные декорации изготавливались с помощью моих пионеров. Небольшое помещение между кабинетом директора школы и учительской комнатой было со временем оборудовано как пионерская комната.

Не стану утверждать каким путем, но наша школа стала получать, кроме пионерской газеты, еще журналы: «Пионер», «Костер», «Затейник» и даже «Техника молодежи». В пионерской комнате стояли два стола: один с игрой «Шашки», другой с игрой «Домино», а на полках у стены лежали перечисленные газеты и журналы. Позже, уже в третий год моей работы, я с разрешения директора, купила в нашем сельмаге, открытом уже два года, игру «Шахматы» с самоучителем «Школа игры в шахматы для начинающих». Никто в нашей школе не умел играть в шахматы.

На большой перемене ребята пришли в комнату, чтобы поиграть в шашки, увидели шахматы и в крайнем удивлении остановились. Кто-то из них знал, что это шахматы, но никогда их не видели. Теперь они просили меня научить их играть в шахматы. Я пообещала им после уроков вместе с ними изучить правила игры. Не имея сама ни малейшего представления об этих правилах, строчка за строчкой я читала им о названии фигур, о расстановке их на доске и т. д. День за днём, после уроков мальчишки учились играть в шахматы. По-моему, уже через две недели они не нуждались в моей помощи. Особенно хорошо играли двое из них, Александр Логинов и Александр Бочарников, и они взяли руководство шахматной секции на себя. Тогда я была совершенно уверена, что мои подростки получили только поверхностные знания о шахматной игре, и что им был нужен учитель с опытом — настоящий шахматист. И тем не менее, я наблюдала за ребятами с гордостью, когда они собирались вокруг шахматной доски (из картона), где двое играли, а остальные внимательно следили за их игрой.

Много лет спустя мы с мужем были в гостях у моих родственников в Степном Кучуке, и я встретилась случайно с группой моих бывших учеников. Восторженно они вспоминали свои годы, проведенные в этой школе, где я была их учительницей и воспитательницей. По сравнению с их собственными детьми, которые теперь были в таком же возрасте, как они тогда, у них самих, по их мнению, было тогда счастливое детство — благодаря мне, а с их детьми теперь вообще никто в школе не занимается. Через несколько дней пригласил мой племянник Александр Цвингер нас поехать с ними на Солёное озеро недалеко от Кулунды. Вдруг я там увидела, что прямо в мою сторону бегут двое молодых людей, выкрикивая: «Лида Александровна!» Женщина обняла меня, а мужчина спросил: «Неужели вы не узнаете нас?» — «Нет. Извините, пожалуйста». — «Александр Логинов, Светлана Куценко». — «Боже мой, мои ученики». Эти двое были все три года моей работы в школе Степного Кучука в одном классе, с 5-го по 7-й. Теперь они супружеская пара, он офицер, она (по-моему) учительница. Мой муж был рад познакомиться с такими приятными, симпатичными людьми — моими учениками. Когда Аня — жена моего племянника, и Лиля — моя племянница, собирались накрыть на одеяле стол, Саша Логинов спросил, вынимая из сумки коробку с шахматами, не хотел бы кто-нибудь с ним сыграть партию. Мой муж, страстный любитель шахматной игры, тут же отозвался. Я наблюдала за Георгием (моим мужем) и заметила, что ему приходилось всё больше напрягаться, чтобы сделать ход. Тихо я спросила у Светланы: «Наверно, в офицерской школе Саша так хорошо научился играть в шахматы?» Саша это услышал и быстро повернулся ко мне, тоном, как будто мой вопрос его обидел, он сказал: «Лидия Александровна, вы же меня научили играть в шахматы». Георгий непонимающе посмотрел на меня. Потом я рассказала, как я учеников своих учила играть в шахматы.

Глава 10

Учительский коллектив нашей школы состоял в тот год из 12–13 человек. На зимнюю конференцию учителей района, которая всегда проходила в начале января во время зимних каникул, должны были явиться от нашей школы 5–6 учителей. Я, как начинающая, тоже должна была поехать. Большие санирозвальни в двуконной упряжке предоставил нам один из трех колхозов по распоряжению сельсовета. Это было в январе 1949 г. После конференции мы должны были все встретиться в столовой на проспекте Ленина / угол улицы Советская, там же должна

была стоять подвода. Во время конференции я сидела с Ольгой Кравченко. Павла не было, у него были экзамены в институте, где он учился заочно. Ольга спросила меня в последний день конференции, приду ли я на учительский вечер сегодня, она бы очень обрадовалась. «Нет, Ольга. Я поеду домой сразу после конференции. Но ты же не одна, твой друг обязательно придет».

«Слушай, боишься ты его? Не надо его бояться, он хороший парень».

«Я верю тебе, Оля, но я поеду домой». И как же я удивилась, когда моя хозяйка Саша задала мне такой же вопрос, как Ольга, почему я не хочу остаться, когда ей — Саше — очень хотелось бы пойти на этот вечер. Я была крайне удивлена: Саша — и на танцы. Но не устояла, и мы пошли на вечер в школу. Пришли мы с опозданием и едва нашли место, где повесить куртки. Когда мы вошли в зал, музыка умолкла, и я увидела Ольгу с её другом. С трудом мы пробрались через эту суматоху к ним.

«Ты всё-таки пришла», — Оля громко засмеялась. И уже зазвучал вальс, и Ольга с другом закружились по залу. Я хотела Сашу пригласить, но вдруг оцепенела от изумления. В открытой двери учительской комнаты появилась личность в военной форме, это был Виталий.

Я быстро отвернулась, будто я его не видела, и взяла Сашу за руку. Но он уже стоял передо мной. Элегантно, с лёгким поклоном он пригласил меня к танцу. Саша высвободила свою руку и отступила назад. Ни слова приветствия, ни единого слова. Я почувствовала лёгкую дрожь в его руках, да и я была взволнована от такой неожиданности. Никто из нас не произнес ни слова во время этого вальса. Саши уже не было… Ольга махала нам с другой стороны зала. Виталий держал мою руку в своей, как будто он боялся, что я сбегу. Короткую паузу между танцами мы простояли, молча, рядом, он так же держал мою руку. И только во время следующего танца он заговорил, сказал, что он очень рад, что встретил меня и спросил, может ли он проводить меня до дома. Мне следовало бы ответить «нет» и этим раз и навсегда было бы всё выяснено и расставлено по своим местам…

«Да, почему же нет?» — ответила я. По дороге домой я спросила, знает ли он мою хозяйку Александру Михайловну. «Нет, почему ты спрашиваешь?» — «Потому что она так упорно настаивала, чтобы я пошла с ней на этот вечер. Может быть, она знала, что ты там будешь?» — «Этого я не знаю, — смеясь, ответил он, — но передай ей мое сердечное спасибо за это».

Январский трескучий мороз не позволял постоять во дворе, об этом думать даже было невозможно, и Виталий спросил, не

могли ли мы завтра утром у него дома встретиться. «Нет, это-нет. Ты можешь ко мне прийти, Саша не будет возражать, я уверена, тем более что её мать с маленькой Валюшей сейчас находятся у Сашиной сестры».

Саша одобрила мое предложение, ей очень хотелось бы ближе узнать этого молодого человека, о котором мечтают все молодые учительницы.

Виталий пришел в начале десятого, было воскресенье, и он знал, что мне надо в 12:00, не позднее полпервого, отправиться в Кучук, чтобы при дневном свете дойти до дома. Мы с Сашей уже позавтракали, но Виталий не отказался от чашки чая. Мы сидели рядом и наблюдали, как он так непосредственно и аппетитно принимал весьма скромный завтрак: хлеб с маслом и чай. Это был первый случай, когда молодой человек меня посетил в моём месте жительства. Он поблагодарил Сашу, я хотела посуду убрать, но Саша со словами «я сама, а ты посиди», унесла посуду в переднюю комнату. Он смотрел на меня в упор, я не отворачивала взгляда, но глубоко сожалела, что вчера позволила ему проводить меня до дому.

«У нас так мало времени, Лида», — сказал он тихо. Вошла Саша и объявила, что она сейчас пойдет за дочерью и вернется только вечером.

«Если ты уйдешь, ты знаешь, куда ключ положить, если останешься — обед на плите».

Теперь мы остались вдвоём, и мне стало боязно. Не его я боялась, а саму себя. Предчувствуя, о чём предстоит разговор, я боялась, что не найду правильного ответа. И мои собственные чувства казались мне не вполне ясными… Как бы я повела себя, если бы не была немкой? Этот вопрос тревожил и мучил постоянно… и я никогда не находила ответа на него.

После короткого трогательного объяснения Виталий сделал мне предложение. Я молчала. «Ты не отвечаешь? Не желаешь, чтобы я был твоим мужем». — «Нельзя тебе на мне жениться, Виталий. Неужели ты это до сих пор не понял?» — «Кто мне может запретить на тебе жениться? Только за то, что ты немка? Я изучаю основы марксизма-ленинизма, в которых установлены равные права всех граждан СССР. А ты родилась в России, выросла, ты учительница в советской школе — было бы просто нелепо не иметь права на тебе жениться». Я только качала головой. «Всё это не имеет никакого отношения к немцам Поволжья, к российским немцам». — «Это заблуждение. Я обещаю тебе, через три месяца после распределения я приеду как офицер с направлением и мы… Лида, желаешь ты быть моей женой?» — «Да, я стану твоей женой, если у тебя будет разрешение от твоих

командиров или от НКВД…» Он не дал мне дальше договорить: «Значит да. Отныне ты моя невеста. Мне бы хотелось тебя моей матери представить, есть у нас еще время?»

Нет, у нас не было времени, и я не хотела быть представлена его матери, потому что я знала, что мы никогда не поженимся. Еще около получаса я слушала его фантастические размышления о нашей будущей жизни. И мы пошли. Еще он спросил, по какому адресу ему писать письма. Я взяла со стола лист бумаги и написала: Алтайский край, Родинский р-н, Степной Кучук, школа. Герман Лидии Александровне. Потом он спросил, может ли он поцеловать свою невесту. Я подставила ему щеку. Ему хотелось бы проводить меня до Кучука, нет, этого я не хотела, т. к. ему на следующее утро надо было уезжать. А я привыкла ходить одна, кроме того, я была в валенках, он же в кожаных сапогах. Немного не дойдя до комендатуры, я остановилась и попросила его вернуться. «Через две недели ты уже получишь письмо от меня», — пообещал он. Он снял варежки, провел по моему лицу руками… «До скорого свидания». Я стояла и смотрела ему вслед — твёрдым четким шагом он удалялся от меня…

Отметившись в комендатуре, с некоторым облегчением, и в то же время, с нежеланным чувством щемящей тоски, я зашагала в сторону Степного Кучука. В морозном воздухе шаги мои гулко раздавались над далекой, сверкающим снегом покрытой степью. И я, как могла, радовалась моему селу, моей работе, моим ученикам, моей семье.

Две недели прошли. Не то, чтобы я с нетерпением ждала его письма, нет. И всё же не хотелось верить, что он меня оставит без ответа, каким бы горьким он ни был. Это не в его характере, не по его нраву — в этом я была уверена. Письмо пришло в начале марта.

По дороге в школу я проходила мимо сельсовета, секретарша меня увидела и вынесла мне письмо. Повернув за угол дома, я прижалась спиной к стене, где не было окон, вскрыла и прочла письмо — один раз и еще раз. Разорвала его на мелкие кусочки и пустила по ветру через ярок. Медленно пошла в школу, через несколько минут начнется мой урок… Я же всё знала наперёд, и почему же всё-таки так горько… и так больно. Нет, нет. Не раскисать! Я уже привыкла глотать горькие слёзы.

Ученики, по-моему, заметили, что меня что-то подавляет, что не удавалось мне концентрировать внимание полностью на уроке. И не удивительно: в голове у меня непрерывно проходили отдельные фразы из письма: «…я обязан, ты была права, мы не должны быть вместе, ты встретишь достойного тебе, преданно служить своей родине»… Последний урок — рисование — был у

меня в пятом классе. К доске я вызвала свою племянницу Тоню, чтобы она с мелом в руке была моделью для всего класса, для рисования с натуры, так же как я когда-то в пятом классе стояла у доски и меня рисовали. Сама я подошла к окну и дала полную волю своим мыслям. Могла ли я его в чём-нибудь упрекнуть? Нет. За что? Может быть, при других обстоятельствах можно было бы упрекнуть, что он недостаточно любит. Но не в любви дело. Я ведь знала и хотела, чтобы был этот ответ и чтобы он убедился в правдивости моих слов. А кроме всего, Павел витал еще где-то вдали, как лучший из всех. Лучший, может быть, потому, что он никогда не говорил мне о любви и никогда не предлагал мне руку и сердце. И точно так же я знала, что с ним я никогда не смогу быть вместе.

Письмо Виталия заканчивалось постскриптумом: он постарается сделать так, чтобы меня никогда больше не видеть, это было бы…

Я была ему благодарна за это письмо, за его честность.

Для меня этим закончилась еще одна глава моей юности. Мне оставалась моя работа, которая наряду с некоторыми неудачами доставляла мне много радости. Жизнь, не только моя, но и всех родственников значительно улучшилась. Муж моей сестры Марии, Александр Цвингер, вернулся в конце 1948 г. из трудармии. Как опытный тракторист, он пользовался спросом в сельском хозяйстве. Все их четверо детей имели теперь возможность посещать школу. Маруся, старшая, была уже в 7 классе.

И муж тети Веры вернулся. А моя тётушка Анна обладала замечательным талантом уметь радоваться радостью других. Её оптимизм был заразителен и положительно влиял на настроение всех окружающих. Моя мать всё еще страстно ждала возвращения своего мужа. Это придавало горький и одинокий вид её облику.

И только когда мы перебрались с ней в выделенную мне учительскую квартиру, глаза её засияли радостью, она вся преобразилась. Наша двухкомнатная квартира была когда-то классной комнатой, в которой я в конце 1941 года начинала обучение в пятом классе в Степном Кучуке. Теперь же мы жили здесь, не более чем в 100 м. от школы — я и моя мама. Классную комнату перегородили стеной с дверью и сложили печь с плитой в передней комнате. Всё было свежеокрашенно, пол из широких досок окрашен в охру. Я сама не могла поверить в наше счастье. И мне предложили место для коровы в большом школьном сарае, но это я отклонила — корова должна остаться у Эллы. Моя мать всё равно ходила почти ежедневно к ней и приносила понемногу молока домой. Элла была опять беременна, и без помощи нашей

матери ей было не обойтись, потому как бабушка Лиза сильно постарела и едва ли могла еще помочь в доме.

Пришла весна. При следующей комендантской отметке, которая проводилась в нашем сельсовете в начале месяца, я спросила, будет ли мне разрешено в конце июня поехать в Барнаул, чтобы сдать вступительные экзамены на заочное отделение Барнаульского педагогического института. Сказали, чтобы я написала заявление. У секретарши в передней комнате я написала заявление, Галина взяла его и отнесла комендантам. По выходе она мне кивнула, дескать, все в порядке, я могу идти. Через месяц, при следующей отметке я получила устно положительный ответ. Теперь стоял вопрос, как мне туда добраться. Об этом тоже заботились коменданты. В нашем Родинском районе еще несколько учителей хотели также поступить в этот же институт, и комендатура должна была мне сообщить, как и с кем я смогу поехать. «Всё идет по моему желанию», — подбадривала я себя. Теперь мне надо хорошо подготовиться к экзаменам.

К этому времени наш директор объявил, что 6 июня 1949 г. в нашей стране будет широко отмечаться 150-й день рождения великого русского поэта Александра Сергеевича Пушкина, и коллективу учителей нашей школы поручено провести в Кучуке празднование этого юбилея. Ответственным руководителем этого мероприятия назначен завуч школы Григорий Сидорович Мартынюк. Учитель биологии Мартынюк был уже в предпенсионном возрасте, и ходили слухи, что он когда-то был оперным певцом. Спустя два-три дня Григорий Сидорович объявил, что мы подготовим инсценировку драматической поэмы Пушкина «Цыгане». И тут же были распределены роли. Я должна сыграть Земфиру. Цыганку, красавицу Земфиру. Не без возмущения я сказала: «Вы это говорите не всерьёз, Григорий Сидорович? Я — и Земфира, это же смешно. Курносая блондинка — и цыганка. Я не буду её играть». Он пытался меня убедить, что есть все возможности преобразиться на сцене в другой образ.

Я в самом деле не верила, что могу сыграть Земфиру, но кроме этого мне хотелось выиграть время, чтобы лучше подготовиться к экзаменам. И я решительно отказалась. На следующий день меня вызвал директор школы. Разговор закончился тем, что он спросил меня, не позвонить ли ему в НКВД. И я согласилась. Репетиции проводились почти ежедневно. К генеральной репетиции Галина — наша суфлёрша — принесла мне пёструю, вполне подходящую для цыганки юбку, несколько ниток ожерелья, называемого в Кучуке «намисто»; и два-три яркой расцветки головных платка. Один из них, черный с

красными розами, я повязала вокруг головы, чтоб не было видно волос. И всё-таки не была я цыганка.

6 июня нам велено было прийти в клуб за час до начала вечера, т. е. до начала доклада о жизни великого поэта, который читал директор школы Ф. И. Мироненко. Руководитель нашей театральной группы пришел с красивым чемоданом, поставил его на стол, открыл его каким-то многозначительным образом и отступил на шаг назад — чтобы мы все посмотрели, что там находится. Это были цыганские парики, 2–3 вещи из цыганской одежды и большая коробка с гримом, какого мне еще никогда не приходилось видеть. Началась примерка париков, и под руководством Григория Сидоровича мы как-то загримировались. Сам он играл старого цыгана и надел парик с пышными седыми волосами. Только для исполнителя Алеко не было парика. Когда я была готова, я подошла к зеркалу, висевшему за кулисами на стене и… не узнала себя. Это была совершенно другая молодая женщина, очень миловидная цыганочка. Мне было стыдно, потому что я плохо учила роль — из-за нежелания играть её. Но Галя была отличным суфлёром и сумела своевременно всё шепотом подать. Публика аплодисментами выражала восторг. Но некоторые мои коллеги меня упрекали: «А ты не хотела играть» или «И вы чуть не сорвали такое представление». На следующий день после спектакля я встретила группу своих учеников, которые уже были на каникулах. Один из них сказал: «Настоящая цыганка не может быть такой красивой, как вы вчера были». — «А ты много видел настоящих цыганок?» — спросила я.

«Нет… но…» Он смутился, а остальные все смеялись. По-моему, это был Саша Дроздов.

Оставалось три недели до отъезда в Барнаул. Выяснилось, впрочем, что директор нашей школы тоже учится заочно в пединституте, только он уже на третьем курсе и теперь ему надо на летнюю сессию. К этому времени приехала его дочь Антонина, беременная на последних неделях. Она была замужем за офицером, его служба проходила в не совсем приятных условиях, и она приехала, чтобы родить дома у родителей. После родов она еще два года оставалась в Кучуке и работала в нашей школе учительницей русского языка и литературы. Я подружилась с ней — она была на 5 лет старше меня.

Теперь её отец едет в Барнаул тем же грузовиком, который мне указала комендатура. Из нашей школы были мы только двое, в Родино подсели ещё 5–6 человек. Директор наш сидел в кабине, все остальные в кузове, загруженном мешками с зерном. Во время поездки ко мне обратился молодой человек, представившись как Владимир Пащенко. Мне не надо было представляться, он знал

кто я такая, он меня уже видел и много обо мне слышал, особенно от своего друга Павла Братчуна. Это меня очень удивило, никогда бы не подумала, что Павел обо мне с кем-либо мог бы говорить. Владимир (короче, Володя, или Вовка) только что закончил школу в Родино, а жил он в Каяушке. Его мать Мария Викторовна была не только в нашем районе известна, как лучшая преподавательница русского языка и литературы. Ещё ученицей старших классов я слышала о ней, и мне хотелось бы быть её ученицей. Ей уже было присвоено почетное звание заслуженного учителя. Её методы преподавания стали тем временем легендой. Её сын с самого начала произвёл на меня впечатление человека высокого интеллекта, остроумного, с чувством юмора. И это мнение у меня не изменилось.

В Барнауле грузовик остановился у дома номер 117 на улице Интернациональная. Наш директор и я высадились здесь. Это была двухкомнатная квартира в подвальном этаже. Хозяйка Мария Сергеевна, очень симпатичная женщина 50-ти лет приветливо нас приняла и указала Фёдору Иосифовичу место в небольшой боковой комнате. Я же должна была жить вместе с ней в большой комнате.

Экзамены я сдала хорошо. Сразу после экзаменов был вывешен список зачисленных, в котором значилась и моя фамилия. На следующий день начались обзорные лекции, я их слушала с огромным интересом, и мне казалось, что я их буквально впитываю в себя. Чувствовала себя прекрасно, жизнь казалась вовсе не сумрачной, а наоборот, удивительной.

Однажды посетил меня на квартире Владимир. Мы с ним довольно долго и приятно беседовали, и вдруг ему захотелось узнать, почему я не разделяю чувства лучшего его друга Павла. «Он же тебя любит», — добавил он. Это было так неожиданно для меня, что я потеряла дар речи. После некоторого молчания я спросила: «А почему я это слышу от тебя?»

«Потому что он боится рисковать, боится потерять тебя и как просто товарища». Настроение испортилось, и я перевела разговор на другую тему. «Он, конечно, прав, с тобой нельзя говорить о любви», — заключил Владимир.

На одном из перерывов между лекциями спросила меня молодая учительница из одного из сёл нашего района, почему она не нашла мою фамилию в вывешенном списке зачисленных абитуриентов. «Может быть, вы не знаете мою фамилию? Меня зовут Лидия Герман. Моя фамилия там есть», — ответила я не без гордости. Она посмотрела на меня как-то странно и ушла. Это было незадолго до отъезда в Родино.

Напрасно я ждала обещанные всем контрольные работы,

учебный материал, списки рекомендуемой литературы. Ничего я не получила. Во время конференции я спросила у той же молодой учительницы, получила ли она учебные пособия из института, она ответила, что конечно, получила и отправила все контрольные работы и всё, что полагается. На моё письмо в институт, почему я не получаю учебного материала, мне ответили, что меня нет в списке зачисленных. В разговоре с моей новой подругой по работе, с дочерью директора школы, я узнала, что её отец в НКВД расписался за то, что он несёт за меня ответственность. И он знал, что я была занесена в список зачисленных, но его тут же заменили другим списком без моего имени. Само собой разумеется, я дала слово моей подруге никому об этом не говорить. И теперь, по прошествии стольких лет, я извиняюсь перед Тоней за нарушенное слово, но считаю, что правда должна быть сказана. А как объяснить тот факт, что меня целый месяц никто из соответствующих лиц не посмел предупредить, что я не зачислена, и мне таким образом дали возможность прослушать установочные лекции по литературоведению, языкознанию, основам русского языка, психологии, древнегреческой мифологии, диалектологии… Проводились и практические (лабораторные) занятия. И все эти годы я считала, что должна быть благодарна за это, ибо эти лекции, как-никак, повысили уровень моих знаний, хотя бы на самую малую ступеньку.

После этого разговора с Антониной я долго не могла отделаться от чувства, что я что-то наподобие подопытного кролика. И что ещё может быть? Освободят ли нас когда-нибудь? Если мне нельзя учиться дальше, как мне в дальнейшем работать учительницей?

Но жизнь идёт дальше, и мне можно работать, и моя мама гордится мною…

Кроме моей работы учителем у меня было очень много работы как у пионервожатой, и это помогало мне отвлекаться от сумрачных мыслей. Довольно часто я встречалась с Верой Шевченко, она теперь работала в Родино пионервожатой, и если она приезжала к своей матери в гости, мы всегда находили время, чтобы встретиться.

То, о чём я хотела бы ещё рассказать, произошло ещё в середине августа, вскоре после возвращения из Барнаула, то есть ещё во время каникул. Я шла к Вере. Уже смеркалось, когда я дошла до широкой улицы колхоза Свердлова. Шла я медленно, переводя взгляды с одного знакомого дома на другой. День был очень тёплый, поэтому большинство дверей, да и окон домов стояли открытыми, из них доносились самые различные голоса и

звуки, по которым можно было безошибочно определить, в каком доме корову уже подоили, в каком ещё нет, где молоко уже перегнали на сепараторе, где ребёнка убаюкивают ко сну, где семья сидит за ужином за столом и т. д. Когда я приблизилась к дому моей сестры Марии, я остановилась. Может, мне зайти ненадолго к ним, я её мужа после возвращения из трудармии видела всего один раз. Нет, уже слишком поздно, а Вера ждёт меня. В этот момент я услышала, что сзади меня, довольно далеко, прозвучало выразительное «Но-о-о», значит, кто-то погонял лошадей. Мне не хотелось, чтобы меня видели, и я зашагала быстрее, причём как можно ближе к домам. И вдруг мои мысли переключились на Павла Б., вернее на разговор с Владимиром П. Какая нелепость! Будто он, Павел, любит меня. Чистейший вздор! И я теперь уже не могла себе представить, что смогла бы с ним, как раньше, непринуждённо, так запросто встретиться. Глубоко задумавшись, я шла всё быстрее. А подвода меня уже почти догнала, я слышала голоса двоих мужчин и дыхание и фырканье лошадей. Потом были шаги следом за мной, а раздавшееся: «Здравствуй, Лида» испугало меня. Возле меня шел Павел.

Прошло какое-то время, пока я осмелилась спросить, как он сюда попал. Он с отцом приехал за сеном. «Сенокос уже давно прошел», — только и смогла я в замешательстве из себя выдавить, как будто я намерена делать ему какие-то упрёки. Он заметил, что его присутствие здесь меня не радует. «Верно. Мы сено возьмем со скирды», — сказал он сухо и спросил, куда я иду. «К моей подруге Вере Шевченко», — и показала на дом, где мы как раз остановились. «Ты же знаешь её?» — «Да, я её знаю. И тебе обязательно надо к ней? Я думал, мы сможем с тобой немного побродить. Я так обрадовался, когда меня отец спросил, не хотел бы я с ним поехать в Кучук. Когда мы доехали, было уже почти темно. А когда спускались к речке, я заметил впереди нас передвигавшуюся тёмную точку, и я знал, что это ты».

Я слушала и говорила про себя: «Пожалуйста, перестань, не говори дальше…» — «Павел, я пообещала Вере, что сегодня приду к ней». Он стоял, как закаменев, передо мной. И мне пришла спасительная идея. «Пойдем, мы пойдем вместе к ней».

И он пошел со мной. С удивлением смотрели на нас Вера и её мать. Я объяснила, что Павел с отцом приехали за сеном, и мы случайно с ним встретились. Они нас пригласили в комнату, и я уже хотела сесть, но Павел твёрдо остановился у двери. Он поблагодарил за приглашение и сказал, что мы сейчас же уходим. Антонина Федоровна спросила, где же его отец, они бы могли у них переночевать, места у них хватит. Он покачал головой и

вежливо поблагодарил. «Тогда, Вера, я приду завтра», — сказала я разочарованно. Я думала, мы побудем у них некоторое время.

На мой вопрос, хотел бы он получше узнать наше село, он ответил: «С большим удовольствием». И мы пошли по направлению к школе. По дороге я показала ему дом, в котором мы когда-то жили, потом молоканку и большой ярок, где мы зимой во время дежурства ночью по военному делу катались на лыжах или на санях. Через ярок мы пошли не прямо к сельсовету, а длинной дорогой, чтобы показать на удивление красивые три большие берёзы. Потом дальше к школе и к нашему жилищу, где моя мать давно уже спала, уверенная, что я осталась у Веры ночевать. Естественно, говорили мы теперь шепотом. Я пыталась себе представить, какова была бы реакция, если бы кто-то из учеников или их родителей увидели меня среди ночи с молодым человеком. Смущенно напоминала я ему, что пора идти ко сну, но он хотел еще пойти к реке. И мы пришли на большой деревянный мост, где речка наша была и широка, и глубока; и при свете луны течение её было особенно тихим и обворожительным. Перейдя через мост, мы спустились с насыпи в берёзовую рощу. Величественно смотрелись березы в ночной тиши. Особенно же нас очаровали деревья, стоявшие непосредственно у реки, и одно из них наклонилось низко над водой, раскинув свои ветки, словно веер. Отражение берёз в слегка мерцающей воде напоминало сказку.

Безмолвно и недвижимо стояли мы у маленькой реки Кучук и восторгались творением природы. Павел был очарован. Я тоже. Несколько раз мне приходилось бывать в этой роще, но не летом, когда работала в поле, и не ночью при свете луны. Тихо мы еще побродили туда-сюда, наслаждаясь прелестью маленького лесочка в сибирской степи. Теперь мы пошли. Вблизи моей квартиры Павел хотел попрощаться, но я воспротивилась. Мы уже довольно далеко были от колхозного двора, где отец Павла спал в телеге. К тому же, Павел мог заблудиться. И я пошла с ним. До этого я была «ведущая», и до берёзовой рощи я без умолку говорила, чему я и теперь еще удивляюсь. Всегда я была молчалива и с интересом его слушала. Теперь, на обратном пути, я снова была слушательницей. Так в разговоре мы пришли к клубу, напротив которого был колхозный двор. Ни у кого из нас не было часов, и мы не знали, который час. Павел хотел еще клуб посмотреть, где я часто стояла на сцене (это он знал). Наружная дверь была открыта, а вторая дверь, дверь от зала была на замке. В пристройке, где мы теперь находились, было отверстие для окна, но окна не было. Отверстие было высоко, почти на уровне моих плеч. Уставшие, мы облокотились на «подоконник». Над

нами мы видели только звёздное небо. После короткого молчания Павел произнёс шепотом: «Это красивейшая ночь в моей жизни. И я её подробно опишу в моем дневнике».

Я молчала и хотела попробовать найти созвездия, которые мне когда-то Павел показывал.

Только он смотрел не на небо, он смотрел на меня, я это чувствовала.

«Лида», — начал он… «Павел, звёзды уже угасают, наступает утро». Теперь он настоял, чтобы меня проводить, хотя бы до того места, где он меня увидел маленькой точкой.

Еще по дороге туда мы услышали первое пение петуха. Мы попрощались при утренней заре и при пении петухов.

На следующий день Вера меня спросила: «Вы хотя бы целовались?»

«Это, возможно, всё бы нам испортило».

Глава 11

«Мне нельзя о нём думать! Я просто не должна думать о нём. И не хочу», — твёрдила я себе всякий раз, когда в мыслях появлялись картины той ночи. Мне надо концентрироваться на работе и не забывать, что я теперь студентка-заочница и мне надо много учить. Я не знала еще, что одна я не получила ни одного известия из института. И все чаще вспоминала слова молодой учительницы из Каяушки, которая не нашла моей фамилии в списке. Но поверить, что такое возможно, я тоже не хотела. Я видела свою фамилию… Подождать…

Моя работа, скорее, мои ученики, радостные лица наших подростков отвлекали от мрачных мыслей. Хотя мое преподавание немецкого языка я сама находила далеко не совершенным. Во всяком случае, полного удовлетворения от моей основной работы я не получала, хотя много старалась. Только при проверке тетрадей я часто радовалась — читать, писать и чему-то из грамматики я их научила. И небольшие переводы простейших предложений с помощью словаря большинство из них неплохо делали.

А прогулки, экскурсии по окрестностям, которые я проводила с моими шестиклассниками, например, в осеннюю берёзовую рощу, что для них тоже было интересным событием, это сближало нас всех, обуславливало больше доверия друг к другу.

А моя общественная нагрузка, т. е. работа с пионерами всей школы, что по сути своей являлось воспитательной работой, приносила мне большое удовлетворение…

Потом появился Михаил. Опять же, я была у Веры, чтобы забрать обещанного мне котёнка. Я имела право выбора из четырёх котят-тигрят. Мы с Верой назвали его Мишка. Было начало октября, и еще удерживалась прекрасная тёплая погода. Несмотря на это, я надела новое демисезонное пальто, купленное недавно в нашей сельской лавке, чтобы показать Вере. Котёнка я спрятала за пазухой под новым пальто. Через их двор с памятными тополями, на которые мы в детские годы так часто забирались до самых вершин, я шла, непрерывно бормоча с котёнком. И вдруг прямо на меня пошел грузовик. Испуганно я отскочила в сторону, на ступеньки перед дверью в клуб. Грузовик уже резко затормозил и остановился. Из кузова прыгнул на землю кто-то в военной форме. Что-то синее я заметила на его форме, по-моему, на фуражке. Милиция или НКВД — стрельнуло мне в голову. Но передо мной стоял Михаил Цапко. Он с 1947 года служил в воздушном флоте недалеко от Москвы. Это был его

первый короткий отпуск, всего одну неделю.

«Тогда беги скорее домой, твоя мать точно уже все глаза высмотрела».

«Мать всегда остается матерью, и она поймет своего сына». Он спросил, куда я иду, что собираюсь делать и что у меня там под пальто. Я показала котёнка, он громко рассмеялся. Я хотела идти, но он взял мою свободную руку, взял свой чемодан, который шофер поставил возле него, прежде чем уехать. «Я просто не могу тебя отпустить. Пожалуйста, зайдем со мной к моей матери, совсем ненадолго. Я поприветствую её и оставлю чемодан. Пожалуйста». — «Я не пойду с тобой к твоей маме, она тебя почти четыре года не видела. И отпусти, пожалуйста, мою руку». Он держал её еще крепче. «Нет! — прозвучало твёрдо. — Нет. Мне тебе надо так много сказать». — «Ты можешь завтра ко мне придти, я живу рядом со школой». — «До завтра ждать? Слишком долго я уже ждал». Он тянул меня за руку через улицу, я сопротивлялась, а он просил только ненадолго зайти. Котёнок начал мяукать, тогда я со всей силы рванула свою руку из его руки. Он выронил чемодан и взял меня за локти обеими руками, глядя при этом не отрываясь мне в глаза. Красивый парень, я бы сказала, высокого роста, стройный, и форма шла ему отлично. Парень, в которого не грех влюбиться, как говорится. Мы стояли уже у его дома. «Хорошо, — сказал он, — тогда мы пойдем сначала к тебе. — Он взял свой чемодан. — Потом придем к моей матери». — «Михаил, не ставь себя и меня в смешное положение. Иди к матери». Я энергично отступила в сторону. Он спросил меня, какой дорогой я пойду домой, той самой ли дорогой, которой раньше ходили? Я быстро ушла. У молоканки он меня догнал, крайне запыхавшись.

Дома я его представила своей матери. Потом мы ели жареную картошку и сидели за столом до глубокой ночи, вспоминая о годах войны, о наших общих друзьях и знакомых. Естественно, и о Розе, моей лучшей подруге, которую я считала его будущей невестой. Но Роза была к этому времени уже замужем, это он знал. Обо мне он имел полную информацию от своей сестры Дарьи. Теперь он хотел еще знать, есть ли у меня друг. Да, у меня есть друг, однако не такой, как, может быть, представляет себе это он, Михаил. Павел Братчун, с которым я училась в школе, мой хороший друг, и он лучший парень из всех. Это я сказала открыто и твёрдо, глядя при этом ему прямо в глаза, чтобы он знал, что я с ним ничего общего не хочу иметь. И тут же, наклонив голову, я думала: «Я ведь сама не знаю, с кем я что хотела бы иметь общего. С Павлом я ведь поклялась честью никогда не быть вместе. Так же и с Михаилом никогда ничего не должно быть…

Только не раскисать и не дать знать истинное положение дела… Всё так скверно, так мерзко и чудовищно… Собственно, мы бы с ним тоже могли стать хорошими товарищами».

Теперь я попросила его рассказать о его жизни, о его планах. Среднюю школу он уже закончил и теперь хотел бы попытаться поступить в военно-воздушную академию им. Фрунзе в Москве, и он надеется, что через год он приедет в родное село как курсант этой академии.

Тут я посмотрела на наши часы-ходики. «Михаил, извини, пожалуйста, время уже половина первого, школа начинается в 8 часов». Он спросил, сколько у меня завтра уроков, когда я вернусь домой. «Тогда до завтра. И не думай, что ты от меня так просто избавишься», — улыбаясь, как бы в шутку сказал он. «Дерзость это, по меньшей мере», — думала я.

На следующий день, в понедельник, у меня было всего три урока, два из них с письменной работой. Обычно я проверяла тетради сразу после уроков, еще в учительской, и редко брала тетради домой. Сегодня я все тетради взяла домой, моей матери нужно было помочь при стирке. Я думала, что еще успею подготовиться к завтрашним урокам, пока он придет.

Я чуть не выронила все тетради, когда открыла дверь в комнату — Михаил сидел за столом с моей матерью! Они, видимо, не без волнения беседовали! Бог ты мой! Моя мама почти ничего не понимала по-русски, её запас слов ограничивался десятью-двадцатью словами! С сияющими глазами, порозовевшими щеками сидела она тут, заметно помолодев. Сияя от счастья, она смотрела на меня. Михаил поднялся и взял у меня тетради.

«Ты хочешь их еще все сегодня проверить?» — «Конечно, и учебные планы написать. Завтра у меня пять уроков».

Моя мать хитрила, конечно, сказав, что она завтра утром вместе с Линдой будет стирать белье, а сейчас она пойдет к Элле за молоком. Она просто-напросто хотела меня оставить с Михаилом наедине.

Тогда я настояла мне позволить за молоком сходить — после работы мне нужна прогулка. «А молодой человек?» — озабоченно поинтересовалась она (она говорила со мной по-немецки, я с ней по-русски). Михаил с удовольствием пошел со мной. Когда мы приближались к сельсовету, спросила я, видел ли он уже Галину Шкурко, она же теперь работает в сельсовете секретарем. Нет, он еще не был в сельсовете. — «Пойдем, — сказал он вдруг и остановился. — Пойдем, мы зайдем вместе и распишемся». Расписаться — это значит оформить брак. Я расхохоталась.

«Я вполне серьезно. У нас, правда, есть еще несколько дней,

но мы и сейчас можем все оформить, или хотя бы подать заявление».

«Перестань, пожалуйста, об этом, не то… Или… может, ты хочешь просто посмеяться надо мной?» Мне это все хотелось обратить в шутку, или сделать вид, что я приняла это за шутку. Смеясь, я шла дальше, он следовал за мной. Шутя, смеясь, играючи — так всю дорогу. Когда мы вернулись, матери уже не было. Прежде чем я приступила к работе, я положила на стол перед Михаилом стопку газет и журналов: «Юный Пионер», «Комсомольская правда», «Пионер», «Костер», «Затейник», и др. Он читал, решал кроссворды, ребусы, загадки и различные головоломки — всё для детей и молодёжи. Он не говорил ни слова, чтобы мне не мешать при работе. Несколько раз наши взгляды встречались — он наблюдал за мной. Ну и что?.. Позже состоялся серьезный разговор. Он не хотел или не мог понять, что я, как и все российские немцы, не пользуюсь всеми правами, как остальные национальности. Тогда я не решалась дискутировать на эту тему. Я повторяла только «мне нельзя», или «тебе этого нельзя». Он встал, прошёлся туда-сюда и остановился передо мной.

«Где ты, собственно, родилась?» — «Родилась? В Мариентале родилась», — с испугом ответила я и посмотрела на него, как будто я ему доверила свою самую большую тайну. Видимо, он ожидал какого-то другого ответа.

«И где расположен этот Марienталь?» — «Он расположен в Саратовской области на Волге и называется теперь Советское». — «Вот видишь — это в России. Ты родилась и выросла в России. Я же тебя узнал еще ребенком. Ты теперь по-русски говоришь лучше, чем я. И не немка ты вовсе, а русская». Он подвинул свой стул совсем рядом к моему и сел.

«Нет, Михаил, я немка, и мы все находимся под комендатурой». — «Но ты живешь в России, здесь, в Кучуке… В конце концов, я мог бы уволиться из армии и приземлиться где-нибудь здесь. Но, честно говоря, Кучук меня уже не привлекает, но здесь недалеко, в Алтайском крае, есть Алтайские горы с удивительно красивым озером, с горными речками — там я бы хотел поселиться. Я бы мог где-нибудь механиком работать, а ты, естественно, учительницей». — «Михаил, ты получишь образование во Фрунзенской академии, ты же это сам прекрасно знаешь». — «А если не сдам экзамены?» — «Ты обязательно сдашь экзамены».

Пришла моя мать, и разговор наш прервался. Михаил пожелал посмотреть нашу школу, когда он в ней учился, она была еще не достроена. Да, с удовольствием я покажу ему школу. Он

подошёл к двери с табличкой «7 класс». «Это был и мой 7 класс». В ряду у окна он сел за последнюю парту. «И ты здесь преподаешь семиклассникам немецкий язык… Я им завидую. У нас тогда не было немецкого языка…», — сказал он задумчиво. «А где ты сидела в 7-м классе?» — «Не в этом помещении. Это же был 1943–44 учебный год, в седьмом нас было всего 12, наш класс тогда занимался в теперешней пионерской комнате. А в этой комнате был тогда военный кабинет, и он не отапливался».

«Теперь пойдем в тогдашний твой пятый класс. Ты еще сердишься на меня за фотографию?» — «Когда я её получу назад?» — «Оставь её… У моей матери она будет в полной сохранности».

Когда мы вышли из классной комнаты, мы услышали голоса. Михаил навострил уши. «Из учительской. Вторая смена недавно закончилась. Некоторые учителя проверяют еще тетради», — пояснила я. Дверь в учительской открылась, и Екатерина Михайловна, учительница начальных классов, вышла. «Ага, — воскликнула она своим зычным голосом. — Военно-воздушная оборона интересуется школьными делами».

«Это моя бывшая школа. Когда я учился в 7 классе, Лидия Александровна училась в 5-м». — «Всё ясно», — сказала Екатерина Михайловна не без язвительной нотки. Собственно, она не была злым или плохим человеком. Она была лет на 5–6 старше меня. Когда-то ушла добровольно на фронт, дослужилась до офицерского звания, недолго была замужем за офицером. Потом приехала в Кучук. Она мне нравилась за открытый и, в общем-то, честный характер. Её немного крепкое телосложение и громкий голос вызывали уважение у её учеников, но и немного страха. «Ну, тогда большого удовольствия при ваших совместных воспоминаниях. До свиданья».

В четверг пришел наш директор в учительскую с телеграммой. Районный Комитет комсомола проведет трехдневный семинар для всех пионервожатых Родинского района. С пятницы в 8:00 утра по воскресенье 17:00. Участие обязательно. Пятница — это завтра. Быстро я пробежала глазами еще раз. В конце стояло вместо подписи имя ответственного за проведение семинара — П. П. Братчун. Павел! Некоторые из учителей возмущались. Три дня семинар проводить! Но директор считал это необходимым, хотя в нашей школе пионерская работа была хорошо поставлена. Итак, мне надо в Родино. С одной стороны, я радовалась возможности раньше распрощаться с Михаилом, а с другой — я тоже считала, что три дня для семинара много.

А дома у меня снова неожиданность. Михаил был один в

нашей квартире. «Где моя мать?» — «У твоей сестры». — «Михаил, мне сегодня еще надо поехать в Родино на семинар до воскресенья вечером». — «О, так долго. Тогда я тоже с тобой поеду». — «Что-о-о?» — «Я с тобой. Мой двоюродный брат Гриша живёт в Родино, у него я обязательно должен побывать, а его отец, мой дядя, сейчас живет в селе Зелёный Луг, его мне тоже надо навестить». Теперь я хотела бы, чтобы вообще не было этого семинара. «Но мне надо некоторое время, чтобы подготовиться». — «Естественно. Я сейчас уйду, а потом зайду за тобой. Так между 18:00 и 19:00. Пойдет?» — «Хорошо».

Моя мать пришла, когда я уже была готова к отходу. Она обрадовалась, что Михаил со мной пойдет.

«Дитя мое, — сказала она, — конечно, я бы желала, чтоб ты вышла замуж за немецкого парня, но где они — немцы? А вот Михаил, если бы ты вышла за него замуж, это было бы твое большое счастье». — «Мама, я никогда не выйду за Михаила замуж». — «Почему нет? Он тебя любит».

«Но он военнослужащий, ему никогда не разрешили бы на мне жениться, даже если бы я очень этого хотела. А я и не хочу. Оставим мы это, мама». — «Тебе скоро 21, я беспокоюсь о тебе». — «Не беспокойся, мама. Элла вышла замуж, когда ей было 23, так что у меня еще есть время».

«Да, но она с Адольфом была уже три года помолвлена». Я погладила мою мать, а она вытирала слёзы.

На попутной машине мы приехали в Родино. В начале восьмого грузовик остановился у столовой, называемой тогда «чайная». Там висела афиша, извещавшая, что сегодня в клубе демонстрируется фильм, по-моему, это было «Сказание о земле Сибирской». Начало в 20:00. «Ты видела этот фильм?» — спросил Михаил. «Нет». — «Тогда пойдем в кино». — «А твой кузен?» — «Потом». Но сначала мы зашли к Саше. Я спросила, можно ли мне у неё переночевать и оставила у неё свою сумку.

Издалека я увидела на веранде клуба Павла. Он меня тоже увидел, поднял руку и сбежал по ступеням вниз.

В полном замешательстве я их представила друг другу. Павел в недоумении смотрел на меня, улыбка исчезла с его лица. Торопливо он извинился, что ему еще надо что-то сделать, и ушел. Мне хотелось за ним побежать… но я осталась. Считала, что так будет правильно. И с Михаилом пошла в кино. Потом мы прощались у двери Сашиного дома. На следующий день он собирался пойти к дяде в Зеленый Луг, что в десяти км. от Родино, а по возвращении он хотел бы здесь со мной встретиться.

«Нет, Михаил, не делай этого, иди сразу в Кучук. Пожалуйста». — «А когда ты придешь?» — «В воскресенье

вечером, если мне удастся поймать транспорт». — «А если нет?» — «Тогда я приеду или приду в понедельник утром к уроку — обязательно». — «Нет. Я буду ждать тебя в воскресенье. Я буду ждать тебя, пока не приедешь, всю ночь до утра…» — «Теперь послушай меня. Если я в 8 часов вечера не буду дома, то я уже не приеду. Тебе вообще не надо ждать меня, это не имеет смысла!» — «Ты нужна мне», — тихо сказал он и обнял меня. С легким вздохом прижалась я к нему. Моя мать, конечно, права. Когда тебе почти 21, то следовало бы уже любить и быть любимой… Но не я… И вырвалась: «Теперь иди».

Семинар начался в пятницу ровно в восемь утра. Павел читал обзорную лекцию. Ни разу он не посмотрел в мою сторону. Сердится он на меня? Этот вечер и следующий (в субботу) я провела с Сашей и её дочуркой Валюшей. На танцы мне не хотелось идти, а кино не было в эти дни.

Заключительное занятие на этом семинаре проводил Павел, и оно началось только в 17 часов. Теперь мне казалось, что он не спускает с меня глаз. В итоге я разволновалась не на шутку. Павел, мой милый друг и товарищ, Павел. Что с тобой? Мы же должны считаться только товарищами… Когда я после окончания семинара проходила мимо него, прервал он разговор с одним из присутствующих и попросил меня подождать его. Он тут же закончил разговор и пошёл со мной рядом.

«Куда ты сейчас?» — спросил он хриплым голосом. «К чайной. Буду ждать попутную машину». — «Останься на этот вечер ещё здесь, пожалуйста». — «Ещё остаться здесь?» — «Да, я прошу тебя, останься здесь. Мне надо с тобой поговорить». — «Павел, у меня завтра уроки. Я не могу остаться… И с моей хозяйкой я уже распрощалась. И мне бы надо завтра чуть свет выходить». — «Ты можешь у меня переночевать».

«Что? У тебя переночевать? Это же несерьёзно!» Всеми силами старалась я быть приветливой. Улыбалась ему… А в душе это были улыбки сквозь слёзы. Не должна я остаться, не должна! Я поклялась три года назад, что никогда не буду с ним вместе… «Пожалуйста, Павел, иди домой». — «А если не придёт больше ни одной машины?» — «Ты же знаешь, пока не сдадут всё зерно государству, его будут круглосуточно вывозить в Кулунду. Обязательно ещё будет машина на Кучук. Я сяду вон на изгородь, на жердь, а ты пойдёшь домой». — «Ты просто не хочешь со мной говорить». — «О чём? Нам же не о чем говорить… Между нами всё предельно ясно…» Я побежала через дорогу и села на жердь изгороди. От волнения я едва владела собой. Что же я делаю?.. И что мне делать?.. Никто не может мне этого сказать. Только я сама должна со всей ответственностью перед своей совестью

решить. Павел стоял на другой стороне улицы, прислонившись спиной к стене столовой. Тут же подошёл грузовик. Я помахала, он остановился, и я села… Это был конец… Конец прекрасных отношений с прекрасным человеком…

В Кучуке, когда я уже приближалась к своему жилищу, Михаил оказался вдруг рядом со мной, его часы показывали пол одиннадцатого.

«Пойдём, прогуляемся немного, твоя мать спит уже. Оставим её в покое». — «Нет, я покажусь хотя бы, может, она ещё не спит». В доме же оказалась одна из моих племянниц-близняшек с её школьной подругой. Они обе проснулись и сказали, что бабушка осталась у Эллы. «Тогда спите дальше, а я пойду ещё пройдусь». Когда мы с Михаилом проходили мимо окон, я заметила за раздвинутыми занавесками любопытные лица обеих девочек.

На следующий день Михаил уезжал. В 13:00. Он был бы рад, если бы я пришла к ним домой и попрощалась бы с ним в присутствии всех родственников, я бы после моих трёх уроков вполне могла бы уже в 12 часов быть у них. «Но я не приду. Не приду я, Михаил. И, пожалуйста, не настаивай на этом. Мы не помолвлены и я не твоя невеста. Ты свободен — не забывай об этом». — «Не говори этого, Лида. Я хочу быть с тобой вместе навсегда». Я только качала головой. «То, что тебе кажется невозможным, может оказаться вполне разрешимым. В конце концов, я же в Москве служу. Может, я получу разрешение встретиться с товарищем Сталиным и поговорить об этом?» — «Не делай этого, это тебе может только повредить». — «Это мы ещё посмотрим. Я напишу тебе». Мы попрощались.

Ни одной строчки не пришло от него, и я его никогда больше не видела. Образование он получил. Несколько лет спустя он женился в Кучуке на одной из моих бывших учениц.

На моё письмо в педагогический институт пришёл ответ, что я не была зачислена. А экзамены я сдала хорошо! И все, кто сдавал экзамены, были приняты. Только не я. Немка.

К началу учебного года (1949–50) в нашу школу пришли новые учителя: Иван Федосеевич и Алексей Павлович и немного позже — молодая учительница младших классов Любовь Михайловна Кузнецова. С ней мы хорошо подружились. И ещё один учитель пришёл к моему большому удивлению — мой одноклассник Иван Власенко, у которого красивый голос — тенор. Почему он вдруг в течение учебного года из другого села переведён был в нашу школу, я не знаю. Между нами развились хорошие дружеские отношения. И между всеми молодыми учителями сложились прекрасные отношения. После уроков мы зачастую проводили диспуты, обменивались мнениями о

просмотренных фильмах, о прочитанных книгах, разгадывали кроссворды, головоломки и играли театр. Не помню, в каком году мы поставили комедию великого русского баснописца Ивана Андреевича Крылова «Урок дочкам». Идею подала молодая врач-ветеринар Лида Заварзина, с которой особенно близко подружилась Вера Шевченко. С большим успехом прошёл этот спектакль.

Вера Шевченко и Лида Заварзина очень хорошо сыграли двух дочерей дворянина К., который намерен был воспитать их в духе русского дворянства изолированно от французского влияния, которое приводило дочерей в восторг. Они хотели говорить только по-французски и коверкали при этом до основания любимую речь. Вера была восхитительна в этой роли.

Одна из наших театральных постановок представляла особый интерес и имела свою историю. Опять-таки, пришёл наш директор в учительскую и напомнил нам, что предстоит районный смотр художественной самодеятельности. Он сам является ответственным за это мероприятие. «А вы, Лидия Александровна, за подготовку пьесы. У нас ещё два месяца времени». На наши вопросы, что нам лучше выбрать, что-нибудь современное или из классики? Одноактную или двух-трёхактную? — «Это не играет никакой роли, главное, чтобы было интересно и чтобы хорошо играли».

После продолжительной дискуссии мы решили, что поставим одну из пьес Александра Островского: «Бесприданницу», «Грозу» или «Без вины виноватые». Эту пьесу — «Без вины виноватые» — я до сего не знала, хотя много слышала о фильме, в котором главную роль играла знаменитая актриса Алла Тарасова. «Грозу» я хорошо знала, и мне когда-то предлагали играть в ней, но я считала, что это не моя роль.

«Бесприданницу» я тоже не вполне понимала тогда. В тот же день я отправилась в библиотеку, взяла «Без вины виноватые», и на следующий день состоялась читка и распределение ролей. Не хватало нам одного исполнителя. Главную мужскую роль — Незнамова — некому играть. Я не могла себе представить, чтобы кто-то из наших участников смог воплотить на сцене этого озлобленного, полного горечи молодого актёра, человека одичавшего, с запутанными чувствами, которого в раннем детстве якобы бросили, вернее, подкинули. Эту роль надо уметь сыграть. И вот мы ломали голову над проблемой найти правильного исполнителя Незнамова. Выход нашла Антонина Фёдоровна (дочь директора). Она была уверена, что молодой учитель одной из соседних деревень, Алексей Кузьмич Семилет, был бы лучшим исполнителем этой роли, если бы не протез… Многие знали этого

учителя как талантливого художника и знали, что у него вместо одной ноги — протез, и он хромает. Но мы все пришли к единому мнению, что действительно, Алексей Кузьмич — наилучший исполнитель этой роли, и протез не будет помехой исполнителю этого сложного образа. В следующее воскресенье, в один из морозных солнечных дней января мы с Ваней Власенко пошли на лыжах в село Соколовка. Алексей Кузьмич был немало удивлён, когда мы так неожиданно появились.

Некоторое время он пытливо нас рассматривал, потом вдруг откинулся назад и повелительным тоном спросил: «Чем могу служить?» — «Совсем как Незнамов», — пронзила меня мысль. Мы объяснили ситуацию и нашу к нему просьбу. «Подумать только! Без вины виноватые, — сказал он задумчиво. — Смело! А вы?» — он пронзительно посмотрел на меня.

«Извините, можно мне на ты?» — «Да, пожалуйста». — «И ты играешь Кручинину». Я только кивнула, а Ваня подтвердил: «А кто же еще, если не она». — «Для меня это большая честь, играть в этой вещи», — с достоинством сказал Алексей Кузьмич. Но у него возникла совсем особая идея. Она заключалась в том, что он здесь в Соколовке тоже будет готовить к постановке «Без вины виноватые». Это будут, безусловно, не лучшие исполнители, и они будут предупреждены, что главные роли будут исполнять учителя из Степного Кучука. Я же должна минимум два раза присутствовать на их репетициях, а он, Семилет, — дважды у нас.

За время репетиций я была дважды у них в Соколовке, а он — тоже дважды — у нас: один раз на генеральной репетиции, другой раз при постановке в Степном Кучуке.

С самого начала Алексей Кузьмич настаивал на том, чтобы он свой монолог «Актриса… так играй…» произносил перед афишей с изображением Кручининой. Когда я первый раз была на репетиции в Соколовке, он протянул мне программу в несколько страниц к кинофильму «Без вины виноватые», с множеством фотографий из фильма; особенно Кручинина была во многих сценах изображена. На счастье досталась нам эта программка. Она помогла нам при изготовлении костюмов и причёсок. И при разработке декорации, хотя у нас были самые примитивные возможности, мы придерживались сценографии фильма. Алексей Кузьмич обратил мое внимание на сцену, в которой Незнамов в возбужденном состоянии делает весьма выразительные упрёки Кручининой, держа при этом в руках её портрет-афишу. Тогда он спросил меня, не могла бы я после репетиции ему немного позировать, он хотел бы с меня, т. е. с моей Кручининой, нарисовать портрет. В следующий раз, т. е. на генеральной репетиции в Соколовке, я позировала в костюме Кручининой. К

генеральной репетиции в Кучуке привёз А. К. готовую картину. Это была не афиша. Это был маслом на холсте написанный портрет с меня в образе Кручининой Елены Ивановны. Произведение искусства! Премьера состоялась в Кучуке, за неделю до смотра в Родино. После спектакля многие зрители не хотели уходить домой без того, чтобы со слезами на глазах не сказать несколько слов благодарности. Незнамову, Алексею Кузьмичу, было также уделено большое внимание. И всему коллективу были сказаны слова приветствия и благодарности.

Потом пришел день, когда настала очередь коллектива художественной самодеятельности Степного Кучука показать свою программу. Было воскресенье, немного морозный солнечный предвесенний день. На грузовике привезли нас еще до обеда в Родино, и нас сердечно поприветствовал директор клуба Владимир Цыбинов. Он помогал нам при смене декораций, кулис, давал указания по освещению сцены и пользованию занавеса.

Мы решили провести еще одну репетицию без костюмов. Прогон начался. Зрительный зал был на четверть заполнен. После первого акта пришел Владимир Цыбинов на сцену, я спросила, почему так много зрителей присутствует на репетиции. Он объяснил, что здесь многие из экспертной комиссии, остальные просто из любопытства. Среди присутствующих было много армян. Что касается армян: в 1949 году представители армянского народа, проживавшие не в Армении (будто бы, большинство из них было из Грузии) были насильственным путем переселены в Сибирь. Говорили, что в Родино много армян поселили. Они, так же, как немцы, числились в списках комендатуры. В Кучуке армян не было. Среди них якобы были учителя, врачи, первоклассные повара, парикмахеры, портные, а также музыканты и другие работники искусства.

После второго акта пришел снова Владимир Цыбинов на сцену и сказал мне, что один из армян попросил его «передать молодой, отличной исполнительнице Кручининой, что слово *антрепренер* произносится с ударением на последнем слоге». Я же, никогда не слышав этого слова ранее, делала ударение на предпоследнем слоге. Мне было страшно стыдно, но я передала этому человеку большое спасибо. И теперь благодарю.

Вечером, за полчаса до представления, зрительный зал был полностью заполнен. Откуда-то еще заносили скамьи и стулья. После второго акта наступила короткая тишина, потом раздались аплодисменты.

Когда я пришла за кулисы, передо мной предстал вдруг незнакомый мужчина, он поклонился, представился как член комиссии по проведению смотра и сказал, что он хотел бы только

выразить свой и всех зрителей восторг. Он говорил и говорил, а я не знала, что ответить. Мне хотелось просто убежать.

После представления я неторопливо сложила свои костюмы, я это делала умышленно медленно, надеясь, что публика уже покинет зал. Все наши исполнители уже вышли, только Ваня Власенко, который играл злого Мурова, бывшего любовника и отца сына Кручининой, стоял у двери. «Я тебя буду защищать», — смеясь, сказал он и открыл дверь, обнял меня, как будто мы идем танцевать, и провел меня через толпу в фойе, где уже играла музыка. Все незнакомые лица, только Ольгу с её другом заметила я в толпе, они кивали мне и что-то говорили, но я поняла только слово «завтра». Ваня меня проводил до самой двери Сашиного дома и вернулся в клуб, чтобы проводить свою мать и сестру до дому.

Перед обедом следующего дня я пошла к столовой, где мы должны собраться к отъезду. Издали еще я увидела довольно большое количество людей, стоявших отдельными небольшими группами на улице перед столовой. Они все хотят в Кучук? И я заметила, что все они смотрят в мою сторону. Было чувство, будто я попала в ловушку. Что мне делать? Вчера мне кто-то сказал: «Не веди себя так по-детски». Мне вовсе не хотелось обидеть людей, совсем наоборот, я чувствовала себя виноватой перед ними, и моё сознание говорило: я не достойна этого… это не для меня, я всего только немка… из Мариенталя.

Мужчины постарше снимали шляпы, женщины слегка наклоняли головы и приветствовали, улыбаясь. Это были, по-моему, армяне. Я отвечала им легким кивком.

Были и знакомые лица. Со светящимися глазами, с улыбками на всё лицо они кивали мне. Потом пришла Ольга, мы обнялись и вошли в столовую. И там сидели многие незнакомые люди. Наша театральная группа разместилась за двумя столами, там и мы заняли места. Ольга считала что мы, кучукские, без всякого сомнения, лучшие, и что нам обязательно присудят первое место.

Поэтому нам надо быть готовыми принять участие на краевом смотре художественной самодеятельности в Барнауле. В этот день мне Ольга рассказала, что Павел Братчун женился. «И на ком?» — «На новой учительнице физики». Шок, который меня вынудил над многим задуматься…

Потом нам официально присвоили первое место. Объяснили, что не было, в общем-то, предусмотрено присуждение призов, и только в виде исключения лучшей исполнительнице Лидии Герман присуждается приз. И я получила прекрасную, маслом написанную картину с красивейшими цветами, какие я когда-либо видела, и в необыкновенной раме. На обороте была

наклеена этикетка, что эта картина является копией с картины немецкого художника. К сожалению, я забыла имя и годы жизни художника, также забыла я имя русского художника, сделавшего эту копию. Ольга рассказала историю этой картины, каким образом она вообще попала в Родино, будто она была заказана для кого-то, а теперь пожертвована, т. е. принесена в дар мне.

К краевому смотру худ. самодеятельности меня не допустили… Пьесу мы играли еще три-четыре раза. После последнего представления, это было в маленькой деревне Михайловка, спросил нас председатель колхоза, не могли бы мы ему, т. е. их колхозу, подарить картину актрисы-исполнительницы Кручининой. Алексей Кузьмич Семилет объяснил, что эта картина, собственно, предназначалась самой актрисе…, но если она сама не возражает… то… Я была согласна, и председатель получил картину. Зато нас отвезли домой с шиком, даже с колокольчиками. Год спустя я решила еще раз попытаться поступить в пединститут. В этот раз не на заочное отделение, а на дневное, со сроком обучения 4 года. Когда я уже получила вызов для сдачи экзаменов и готовилась к отъезду, встретила я учительницу из села Михайловка, которую я хорошо знала. Это была Татьяна Ивановна Горжий. В заключение нашего с ней разговора она сказала: «Кстати, твой портрет висит на стене правления колхоза».

Еще через год, во время посещения моей семьи и родственников в Кучуке, я опять встретила Татьяну Ивановну: «Твой портрет так и висит в правлении нашего колхоза», — широко улыбаясь, сказала она. Теперь я забыла, что она ответила на мой вопрос: «А где висят портреты тов. Сталина, Молотова, Берия?» Шел 1952 год.

Глава 12

Тогда, в конце 1949 года, когда мне стало понятно, что меня не допускают к обучению в высшем учебном заведении, я приняла твёрдое решение больше и не пытаться поступать туда. Но время летит… и когда тобой владеет непреодолимое желание учиться дальше, то допускаешь, что надежда не совсем погасла.

В 1951 году я сделала вторую попытку. Экзамены на дневное отделение начались 1-го августа. После того, как мне было разрешено от НКВД поехать в Барнаул, я сразу уволилась с работы учителя в Степном Кучуке, освободила учительскую квартиру и передала её директору. Нелегко мне это было, так как моей матери опять надо было жить у Эллы, у которой к этому времени родились еще двое детей, Эльвира и Володя. Наша

бабушка Лиза уже умерла, и приход моей матери был очень кстати. Я вовсе не была уверена, что меня примут в институт, я могла и экзамены завалить, но вела я себя так, будто была уверена в успехе. И мои родственники все верили в это.

Когда я в Родино в районном отделе народного образования сдавала заявление об увольнении, встретила я там Владимира Пащенко, он тоже собирался поступить на очное отделение. Он спросил, не могли бы мы поехать вместе. Я объяснила ему, что мне комендатура укажет, каким путём туда ехать. Ровно за неделю до первого августа мне сообщили, что я поеду на грузовике от МТС Степного Кучука до речного порта Камень на Оби. Со мной вместе поедет студентка техникума этого порта. Она будет рада со мной познакомиться и поможет мне при посадке на речной пароход, на котором я и поеду в Барнаул. В подавленном настроении я пришла домой и начала складывать вещи в свой фанерный чемодан. Тогда я уже знала, что это был специальный чемодан для освободившихся заключенных. Из трудармии приходили российские немцы с такими же… Но у меня не было другого. В доме у Эллы нашелся один-единственный висячий замок, он был слишком велик, но я замкнула им чемодан, и ключ положила в свою ручную сумочку, которую недавно купила в Кучукском магазине.

В назначенный день ранним утром я пришла во двор МТС. Девушка худощавого вида с темными волосами, возможно, моего возраста, вышла мне навстречу. «Ты Лида Герман. Я тебя знаю, видела тебя на сцене». Я её не знала. Может она недавно живет в Кучуке. Теперь она учится в каком-то техникуме. Её зовут Тоня. «Пойдем, мы сразу и поедем». Наш грузовик был нагружен наполненными мешками, покрытыми сверху брезентовым полотнищем. Шофёр поместил мой чемодан вблизи кабины. Тоня устроилась удобно в кабине. Я же сидела сзади и осталась одна со своими мыслями. Они были весьма безрадостными. Почему я уволилась? Почему я уехала, как будто никогда больше не хотела возвращаться? Что меня ждет в Барнауле? Что я буду делать, если не примут? Можно мне будет остаться в Барнауле или нет? Этого я не знала. Почему НКВД разрешил мне поехать, если мне нельзя учиться? От моих раздумий, казалось, всё только больше запутывалось… Незадолго до моего отъезда я встретилась с моей бывшей школьной подругой и соседкой Маней Цапко. Она уже вышла замуж за бухгалтера МТС. Его родственник недавно приезжал в Кучук, чтобы сделать мне предложение. Я же не хотела об этом слышать. Были еще предложения от вполне достойных молодых людей, которые я решительно отклонила. Маня спрашивала: «И какого ты принца еще ждешь, Лида? Ты же

знаешь свое положение. Почему ты так поступаешь? Смотри, а то поздно будет, и ты еще пожалеешь». — «Маня, я никогда не выйду замуж, чтобы только быть замужем любой ценой. Об этом не может быть и речи. Учиться я бы хотела». — «Но тебе же нельзя». — «Это ты говоришь. Никто из ответственных за это мне еще этого не сказал. В Москву мне нельзя, а в Барнаул можно».

И теперь я по дороге в Барнаул. Чтобы еще раз сделать безнадёжную попытку? Нет. Может быть, я просто сбегаю от Маниных предупреждений? Нет и нет… Где-то в глубине моего я есть еще одна искорка надежды, которую я не решаюсь выговорить — театр. Многие мои знакомые мне говорили: «Попытайся поступить в театр». Но я мечтала стать преподавателем литературы и языка.

Когда мы прибыли в Камень на Оби, пароход в этот день уже ушел. Ночь я провела у Тони в студенческом общежитии. Билеты на пароход продавались только по прибытии его, и в это же время следовала посадка. На довольно большой площади речного вокзала собралось уже много пассажиров, все с большими узлами, мешками, свёрнутыми в рулоны матрацами и коврами, но и с ящиками. Почти все сидели на своем багаже, сначала рассеянно по всей площади, потом, когда подошел пароход и из небольшого домика речного вокзала вынесли стол, все устремились к этому столу и стали в очередь. Я тоже. Я не могла себе представить, что такое количество людей со всем их багажом может поместиться на таком маленьком кораблике, и боялась, что я на него не попаду. Пришла кассирша с сумкой, двое мужчин уселись с двух сторон от неё. Все, стоявшие впереди меня, держали в одной руке настоящие паспорта и деньги, другой рукой они тянули багаж.

У меня не было паспорта, у меня была от руки написанная на линованном листке бумаги справка, подтверждающая мою личность и разрешение на выезд. Конечно, от НКВД. Мою вчетверо сложенную справку и деньги подала я кассирше, когда подошла моя очередь. Она развернула бумажку и ошеломлённо посмотрела на меня, прочла её, подвинула её одному из мужчин. Тот бросил только коротко взгляд на неё, показал на мои деньги — чтобы я их взяла назад, и резким движением руки указал мне отойти в сторону. Я отступила назад, поставила чемодан и отвернулась. Взгляды всех были устремлены на меня. «Быть спокойной и подождать… И не вешать головы, — внушала я себе. — Я этого хотела, теперь посмотрим, что еще будет». Широко раскрытыми глазами (чтобы не могли выступить слёзы) я смотрела куда-то вдаль и только глотала. Шёпот по очереди, и только одно слово можно понять: немка. Один из мужчин куда-то исчез, само собой разумеется, с моим «документом». Толпа

народа уменьшилась с быстротой молнии, пароход был переполнен. Последние два пассажира спешили по узкому переходу на контроль, затем несколько шагов через мостик.

Я отвернулась, чтобы не видеть, как отходит пароход. Прошло 5–10 минут — пароход не двигался. Двое молодых людей из команды парохода стояли возле мостиков и ждали… С парохода раздались громкие выкрики. Мужчина, сидевший еще рядом с кассиршей, встал и подошел к пароходу. Я набралась смелости, подошла к кассирше и спросила, кого ждет пароход. «Тебя», — ответила она. «Меня?» — «Ты можешь еще в туалет сходить, если хочешь. Чемодан можешь здесь оста-вить». Так приветливо, мне показалось, что она даже улыбнулась. По возвращении я встретила женщину, которую выпустили с парохода, и она шла в туалет. «Из-за тебя мы все ждем уже скоро час». Молча я прошла, взяла свой чемодан и опять стала в стороне. С парохода выпускали всё больше людей — в туалет. У меня не было часов, и я не знала, как долго всё это продолжалось. С моей справкой всё должно быть в порядке. Наверное, дело было в сопровождающей личности. От Кучука до Камня на Оби ею была определенно Тоня. Может, она не сообщила обо мне местному НКВД? Потом пришел тот мужчина еще с двумя другими мужчинами, и все трое вошли в управление речного порта. С парохода опять крики… а время тянулось бесконечно!!!

Что происходило у меня внутри, невозможно описать… Потом пришел мужчина с моим «волчьим паспортом» — так в народе называли подобный документ — и кивнул мне. Кассирша держала билет для меня наготове. Совсем тихо я сказала «спасибо», — это был момент, когда я чуть не расплакалась. Теперь я шла одна с моим арестантским чемоданом на пароход. Люди на палубе смотрели на меня и как-то успокаивались. А меня охватило чувство вины, мне хотелось извиниться перед ними… но за что? За то, что я немка? Когда я ступила на мосток, я смотрела на людей открыто, без страха. Некоторые отвернулись. Постепенно на палубе наступила полная тишина. Члены экипажа меня торопили, но я не нашла места для чемодана. Люди плотно сидели друг возле друга на своем багаже. Я сама протиснулась, а чемодан наполовину остался снаружи, так что сходни невозможно было затянуть. Какой-то парнишка (он мне показался восьмиклассником) встал и поставил мой чемодан возле выхода, там, где он сидел. Две женщины подвинулись немного в сторону, так что появилось немного места. Я хотела сесть на свой чемодан, на сторону с замком, но пароход вышел на мощные волны реки и начал качаться, так что на ребро поставленный чемодан оказался ненадёжным сидением. Парень

постелил кусок какой-то толстой ткани на освободившееся место и предложил мне сесть. Я села спиной к чемодану, парень рядом со мной. Мне показалось наглым в его возрасте обращаться ко мне на *ты,* и я спросила его тоном учителя, в каком классе он учится. Он ответил: «Если ты учишься в восьмом, то я — в девятом». По его поведению можно было понять, что он намерен завязать со мной знакомство, хотя и шутки ради. В разговоре с ним время прошло незаметно. Когда по прибытию в Барнаул я хотела его поблагодарить, он бесследно исчез. Был ли он моим надзирателем? Трамваем я добралась до квартиры на улице Интернациональная, где я жила два года назад. К моему огромному удивлению, меня там ждал вместе с моей хозяйкой Марией Сергеевной Владимир Пащенко. Он еще вчера приехал, хотя выехал из Родино на день позже меня. Володя уже был в институте и принес мне план сдачи экзаменов и консультаций. Мы договорились встретиться завтра в институте, так как сегодня после долгой езды я просто устала.

Экзамены прошли быстро, после каждого экзамена вывешивались списки с оценками. Я получила одну 5, остальные 4. Во время первого устного экзамена у меня в передней комнате завязался разговор с двумя девочками, они только месяц назад закончили школу. Они приехали из отдалённого села, и у них был невероятный страх перед экзаменами. Как учительница уже с опытом, я их понимала и искренне сочувствовала. Впоследствии они мне с радостью сообщили, что сдали все экзамены. По всем предметам они получили тройки.

С большим нетерпением я ждала списка зачисленных студентов. Я приходила дважды, прежде чем появился вывешенный список. Теперь я стояла перед списком и внимательно его просматривала, один раз, два-три раза… Моей фамилии в списке не было. Я внутренне сдерживалась и еще раз прошлась по списку… Володя Пащенко был зачислен, мы знали, что все абитуриенты мужского пола принимаются вне всякого конкурса.

Две симпатичные мне девушки были зачислены. Только я нет. Я стояла и смотрела на список, уже не вполне понимая, в чем дело, и пришла в себя, когда меня со всех сторон затолкали. Я отступила и встала у стены. Потом пришел Володя, безмолвно он смотрел на меня и, все понимая, спросил только: «Нет?». Я только качала головой. Перед списком на доске собралась шумная толпа, все радовались, обнимали друг друга. Те две девочки прыгали от радости как дети.

«Подойди к списку, Володя, и радуйся со всеми». — «Ты видела мою фамилию?» — «Да, я рада за тебя. Посмотри сам

список». — «Пойдем, — сказал он решительно, — я не хочу слышать этот визг. Пойдем к декану и спросим, по какой причине они тебя не приняли». — «Нет, Володя, не с тобой вместе, я одна пойду…» — «Хорошо, я на улице тебя буду ждать».

Декана не было, и секретарша не знала, когда он будет. Володя хотел меня проводить до дома, но я отказалась, пообещала ему, что завтра пойду к декану, попрощалась с ним, попросила его не ломать голову из-за меня, и пошла к трамваю. На моей остановке я не вышла, а проехала еще две остановки до конечной. Это была театральная площадь, и там же находился государственный краевой театр драмы. Главный вход был, естественно, закрыт — время еще было предобеденное. Медленно, спокойно я обошла вокруг здания, пока не дошла до узкой двери, где сидел мужчина-швейцар. Я не знала, с кем мне следовало говорить, поэтому просто обратилась к швейцару: «Я хочу стать актрисой, с кем я могу поговорить об этом?» Пытливо посмотрев на меня, он сказал: «Ни с кем. Бывший уволился. Подожди-ка. Я тебе всё-таки посоветую пойти к бывшему. Очень хороший человек, и его жена тоже. Они живут напротив. Он хотя бы посоветует тебе». Это был бывший главный режиссёр театра по фамилии Смирнов. Дверь открыла мне очень приятная дама в возрасте. Элегантно одета и слегка подкрашена, мне показалось, будто она подготовилась к выступлению на сцене. Очень приветливо она повела меня к своему супругу, и он так же дружественно встретил меня. При нашем с ним разговоре она непрерывно улыбалась и пытливо смотрела на меня. Он написал записку будущему главному режиссёру и подал мне её в подписанном конверте. Посоветовал передать записку завтра или послезавтра. Потом они оба объяснили мне еще, что они сейчас готовятся к переезду — его перевели в другой город. Мы попрощались. Они пожелали всего хорошего. На прощание она сказала: «Я желаю вам большого успеха на сцене». Я была тронута.

Утром я пришла в ректорат института, и тут же была принята ректором. На банальный мой вопрос, почему меня не приняли в институт, он коротко ответил: «Конкурс». — «Не было ведь конкурса. Все, кто как-либо сдал экзамены, зачислены, кроме меня». — «Это вы так считаете. Зачисление проводилось на основе конкурса». — «Я все экзамены сдала хорошо, а две девушки знакомые (я назвала их фамилии — Боже, прости мне это) с одними тройками зачислены». Он быстро просмотрел лежащий перед ним список и объяснил: «Отцы этих двух девочек сложили головы на фронтах Великой Отечественной войны, а твой отец?» Я молча кивнула, повернулась и вышла из кабинета.

Милый мой папа, жив ли ты еще? Моя сестра Элла пыталась навести справки в НКВД, на это ответили, что его из Родино отправили в Новосибирск, а другой информации они не могут дать. Доходили слухи, что Франце Сандера, нашего отца, уже давно нет в живых. Все верили в это или считали это, скорее всего, достоверным, только наша мать не хотела в это верить. Нет, его уже не было в живых, это ясно. И за что, или за кого ты отдал жизнь, дорогой мой отец?

И встретила Владимира. Он вдруг появился возле меня. Я остановилась. «Ты была у декана?» — «У ректора». — «И…?» — «Нет». — «И почему? Что он сказал?» Медленно я покачала головой, смотреть на него я не могла. Помолчав, он сказал вдруг: «Знаешь что? Может быть, тебе надо было выйти замуж — до того как поступать в институт?» Я быстро взглянула на него, не понимая смысла его слов. «Да, да. В самом деле. — Он приветливо смотрел на меня. — Ты могла бы фиктивно оформить брак и потом с русской фамилией тебя бы приняли… Может быть, и теперь еще не поздно». Говорил он это серьезно, или он хотел только, чтобы я засмеялась? Я в самом деле засмеялась. «Почему ты так смеешься? Многие заключают фиктивные браки, чтобы чего-то добиться».

«Перестань, пожалуйста, Володя. Я в театр буду поступать. И мне этот институт вообще не нужен». — «Ты уверена? Тогда иди в театр!»

В театр я опять вошла через задний ход. Новый главный режиссёр прочёл записку своего предшественника тов. Смирнова, посмотрел на меня внимательно и с улыбкой спросил, не родственница ли я его предшественника. «Нет», — ответила я удивленно. «Хорошо. Тогда… Вы готовы сдать пробное испытание?» — «Испытание?.. В каком виде?» — заикаясь, спросила я. «Вы же уже играли на сцене?» — «Да, много даже».

«А сколько вам лет, если можно спросить?» — «22». — «Монолог, например, или отрывок, стихотворение — что хотите. Потом басню, все равно какую». — «Теперь?» — хотелось мне знать. «Через два дня, в это время. Хорошо?» — «Да, конечно».

У моей хозяйки ждал меня опять Владимир. Он, конечно, заметил, что у меня неплохое настроение, и спросил только: «Всё получилось?» — «Через два дня меня будут слушать». — «Ты же не боишься?» — «Кто знает. Мне еще надо что-нибудь выбрать или найти». Я стала перебирать в памяти. «Девушка и смерть» — единственное, что в памяти сохранилось полностью. «А что с басней? — спросила я Володю. — Я не помню ни одной наизусть». — «Я помню». Самой короткой из перечисленных им была басня Крылова «Осёл и соловей». Он написал её на листе

бумаги, и я тотчас же начала её учить. Потом мы пошли в кино. Володя хотел знать, как я отношусь к тому, что Павел женился. «Как? Можно сказать спокойно… мы же были только хорошими друзьями… и всё же. Я была потрясена. Это было так неожиданно…» — «Он, кажется, счастлив».

«Этого я ему и желаю. А ты? Как ты распрощался со своей Катей? Четыре года учебы — не так скоро…» — «Бывают же каникулы».

В комендатуру я пошла на следующий день. На мой вопрос, можно ли мне остаться в Барнауле, хотя в институт меня не зачислили, они ответили, что нельзя мне остаться. «Через неделю истекает срок твоего пребывания в Барнауле… А почему бы тебе не поступить в техникум?»

«В техникум? В какой техникум?» — «Этого я не знаю. В Барнауле много техникумов». Я знала, что в Барнауле не было педагогического техникума, где готовят учителей для младших классов. Значит, в техникум. Этого я не хотела… «Так, — сказал комендант, — мы даем тебе еще одну неделю. Но 1 сентября ты опять придешь к нам. Ясно?»

Когда я уже была на улице, вспомнила, что я же не сказала, что мне предстоят проверочные испытания в театре… Но сначала надо пройти эти испытания.

В театр я пришла точно в назначенное время, часов у меня не было, зато в театре висели часы.

Я увидела в фойе главного режиссёра, окруженного группой молодых людей, они, вероятно, после репетиции, вышли из зала. Растерянно я остановилась. Две молодые женщины — одна блондинка, другая брюнетка — приковали мое внимание. Режиссёр сказал им что-то, и все разошлись. Он и еще один маленького роста, лысый мужчина подошли ко мне. Второго мне представили тоже как режиссёра. Мы пошли в этажом выше расположенное затемнённое помещение с сидячими местами, откуда была видна сцена, у балюстрады стоял небольшой стол. Алексей Николаевич, главный режиссёр, спросил, что бы я хотела им показать. «Девушка и смерть». Они сели в третьем ряду, мне повелели остаться у стола. Меня не остановили до самого конца, поблагодарили и поаплодировали. За басню не было ни благодарности, ни аплодисментов. Потом мне следовало представить себе, что между балюстрадой и сценой протекает бурная шумящая река, а на том берегу проходит моя подруга (или мой друг), и я должна её позвать так громко, чтоб она меня услышала. И я кричала, как могла громко, махая порывисто рукой: «Ро-о-о-о-за!» Один из режиссёров крикнул мне: «Она уже слышит. Спасибо». Теперь я должна сесть за стол и сыграть швею,

т. е. заправить полностью швейную машину и начать шить. По-моему, это я неплохо сделала. Оба встали, пропустили меня вперед через дверь, и мы вышли на свет. Остановившись, они очень любезно, по-дружески смотрели на меня. «Так, — сказал Алексей Николаевич, вынимая при этом из сумки ручку и записную книжку. — Теперь нам хотелось бы побольше о вас узнать. Вы приехали из провинции, это я уже знаю, и вам нужно жилье, по-моему, это в данный момент возможно».

И вдруг я подумала со страхом, они же не знают моей фамилии. Меня об этом никто еще не спросил. И бывший режиссёр нет. Только мой возраст их интересовал. Теперь только всё начнется. «Теперь фамилию, пожалуйста», — он держал ручку над блокнотом. «Герман». — «Герман», — повторил он, быстро посмотрел на меня и медленно записал мою фамилию. «И имя», — это звучало уже отчужденно. «Лидия». — «И из какого района?» — «Из Родинского района, из села Степной Кучук».

«Теперь еще вашу национальность». — «Немка». — «Но не из Германии?» — «Нет. С Волги. С 1941 года на Алтае». Мы пошли к его кабинету. В маленькой прихожей, где стояли два мягких стула, попросил он меня посидеть и подождать. Я села. Алексей Николаевич открыл массивную дверь, которая изнутри была завешена тяжелой шторой из гобелена. Они оба вошли и закрыли за собой дверь. В памяти не осталось никаких мыслей или чувств. Просто сидела и ждала… Тут пришел молодой мужчина, видимо, в спешке, и спросил, указывая рукой на дверь, хочу ли я туда. Я покачала головой. Он коротко постучал, рывком открыл дверь и исчез за занавесом. Дверь осталась настежь открытой… Так мне удалось услышать разговор по телефону с тогдашним начальником комендатуры Алтайского края: «Из Родинского района она приехала… Да, она действительно подходит и мы могли бы взять её… Я понимаю… Естественно, она не единственная такая… Всё понятно. Я только хотел спросить… Это мы уж как-нибудь объясним ей…»

Больше я не хотела ничего слушать и вышла из прихожей… но остановилась. Нет. Трусливо бежать? Они-то ни при чем — режиссёры. А начальник комендатуры? Мог бы?.. Молодой человек, конечно, актер, вышел, закрыл дверь и возле меня остановился, таращась на меня, как будто что-то хотел сказать, извинился и ушел. Я вошла в прихожую и села.

Дверь открылась, появился главный режиссёр, и мне показалось, что он постарел. Немного согнувшись, потирая руки, он объяснил мне, что они пришли к выводу, что я всё-таки не совсем подхожу для сцены, с произношением не всё в порядке, особенно с шипящими. Может быть, это от украинского акцента.

Потом вдруг: «Если вы всё-таки как-нибудь останетесь в Барнауле, Вы могли бы у нас пока в массовых сценах принимать участие». Он спросил мой адрес. «У меня нет адреса, и я не останусь в Барнауле!»

На улице я остановилась, потом прислонилась спиной к зданию театра и не могла решить, куда же мне идти. Хаос ка-кой-то во мне. Сколько я так простояла — не знаю. Я, наверное, так глубоко погрузилась в мысли, что неосознанно ушла отсюда, потому как очнулась от какого-то крика, который обратился в похабнейшую матерщину, какую приходилось слышать в Кучуке — настоящая русская, семиэтажная матерщина.

Я подняла голову и увидела в двух-трёх шагах передо мной трамвай и рядом с ним разъяренного мужчину. «Тебе что, жизнь надоела (матерки), дура несусветная (матерки), тогда иди в другое место, гусыня бестолковая (матерок). Я не хочу из-за тебя (мат-перемат) в тюрьму попасть». Я стояла недвижно на рельсах и не могла понять, что этот человек от меня хочет, почему он так кричит? Он не хочет из-за меня в тюрьму. Почему из-за меня? Мне надо в тюрьму, а не этому мужику. Он продолжал кричать, а я не могла сделать шага. Тогда он пришёл на рельсы, стал близко передо мной, пальцем показал на рельс и закричал: «Сейчас же уходи с рельсов, туда!» Я перешагнула через рельс, сделала несколько шагов и повернулась. Трамвай ушел, и я смотрела ему вслед, пока он не завернул за угол на улицу Комсомольскую. Вдруг передо мной появилась старая женщина. Своим обращением «доченька» она меня вернула в действительность, как будто она меня избавила от какого-то оцепенения. Она старалась мне объяснить, что не здесь остановка, и спросила, куда мне надо. «На Индустриальную». — «Пойдём, я провожу тебя до твоей остановки». — «Спасибо, большое спасибо. Я уже знаю, где остановка и знаю, как доехать до Интернациональной. Большое спасибо, бабушка».

Когда я приближалась уже к своей квартире, меня снова охватило унижающее чувство, будто меня заклеймили позором. Обе обладательницы квартиры, в которой я пока проживала, были сёстры. Они знали, что меня будут в театре сегодня экзаменовать.

Зоя, 16-летняя дочь Ираиды Сергеевны, прокомментировала, когда я вошла: «Провалилась». — «Точно. Провалилась», — сказала я и прошла в другую комнату, в которой я проживала вместе с Марией Сергеевной. Её не было дома. Я взяла свои постельные принадлежности, постелила их на полу, опустилась и дала волю слезам. И уснула. Когда проснулась, я услышала знакомый мне женский голос в разговоре с Ираидой Сергеевной. «Этого же следовало ожидать, как она могла возомнить о себе,

что её могут взять в театр. Я её вообще не могу себе представить на сцене. Такая невзрачная, да застенчивая. Абсурд», — сказала Ираида. «Ираида Сергеевна, если бы вы хоть один раз увидели её на сцене, у вас сложилось бы совершенно другое мнение». Это был голос Татьяны Ивановны Красюк — учительницы русского языка и литературы 6–7 классов в Родино. Она пыталась убедить Ираиду Сергеевну, и когда она ещё вспомнила, что эта самая Лида, немка, играла Кручинину лучше, чем Тарасова, Ираида вскричала громко: «Перестаньте, я об этом даже слышать не хочу!» — «Хорошо, как хотите».

Татьяна Ивановна зашла ко мне в комнату, когда я уже встала и убрала постель. Она приехала на госэкзамен и хотела ещё пару дней остаться. Я рассказала ей о своих неудачах, а она выражала мне только сочувствие. На её вопрос, что я теперь собираюсь делать, я ответила: «Поеду домой». — «Может мы вместе поедем в Родино». — «Это комендатура решит». Однако всё обернулось иначе. Я не вернулась в Родино.

Комендатура неожиданно проявила ко мне внимательность. И снова там порекомендовали мне обратиться в один из техникумов, там случаются недоборы, то есть набрано студентов меньше, чем предусмотрено (сочувствуют они мне?). Они продлили мне время пребывания в Барнауле на целый месяц. Чтобы мне подать заявление в техникум, мне нужен аттестат, который остался в институте. Я же дала себе слово никогда больше не переступить порог этого здания, поэтому попросила Володю по доверенности получить мой аттестат. В техникуме (статистическом) мне пообещали положительный результат, только придётся подождать до 1-го октября, пока все вернуться с уборки картофеля. Когда я узнала, что не буду получать стипендию, на которую рассчитывала, я опять решила уехать в Родино. Комендатура же мне преподнесла сюрприз, заявив, что я уже постоянно прописана, то есть Барнаул теперь моё постоянное место жительства. Я могу теперь искать себе работу. Мне трудно было представить себе, как её искать, и моя хозяйка Мария Сергеевна пошла вместе со мной. Мы были в двух музеях, в детском саду и ещё где-то. Ничего. Деньги мои были на исходе. Кроме продуктов питания мне надо было ещё квартиру оплачивать. Моей хозяйке очень нравилось одно из моих платьев, и мы сошлись на том, что я могу у неё два месяца прожить за это платье. Мария спросила, почему я не обращаюсь в отдел народного образования, может, я могла бы опять получить работу учительницы немецкого языка. Нет. Я не считала это возможным. В Кучуке это было возможно — без образования, но не в Барнауле.

И вот появился Володя, как ангел-хранитель, вернее — спаситель. Он говорил со своим дядей, у которого он проживал, обо мне. Дядя был замдиректора специального ремесленного училища, где обучение общеобразовательных предметов велось по программе семилетней школы. «Они тебя могут принять учительницей немецкого языка». — «А они знают, что я немка?» — «Да. Я ему всё объяснил, и директор навёл справки в НКВД. Они дали согласие». — «А что это за специальная школа?» — «В том то и дело. Не так-то просто там преподавать. Эта школа готовит специалистов для оборонной промышленности, и принимают туда только детей-сирот, отцы которых пали на войне, причём только мальчиков. Это, надо полагать, подростки без дисциплины. Но не надо бояться. Там работают две молодые учительницы, они тоже боялись, говорит мой дядя. В конце концов, в любое время можно уволиться, если найдёшь что-то другое. Ты и теперь можешь отказаться». Я, конечно, боялась, но, как мне казалось, не имела другого выбора и осталась в этой школе до конца учебного года. С двумя молодыми учительницами — Кларой (по истории) и Ниной (по физике) — я быстро подружилась. Они сумели с юмором меня проинформировать обо всех особенностях этой школы и предупредить обо всех неприятных неожиданностях. С дисциплиной и преподаватели мужского пола не всегда справлялись. Учитель географии, сам инвалид войны, например, уже два костыля разбил о стол, чтобы установить дисциплину. Его они хотя бы боялись. И директора школы, который был военным лицом, полковником. Меня они не боялись. Ни в одной из множества групп мне не удалось провести нормальный урок. Письменные работы еще как-то удавались, чтение — кое-как. У меня не было классного руководства, и я никогда не бывала у них в производственных мастерских, где они получали специальность. «Их там надо увидеть», — приходилось мне слышать. Они обслуживали свои производственные станки как взрослые, с полным осознанием дела. А к общеобразовательным предметам у большинства не было интереса, тем более к немецкому языку.

Учебный год заканчивался. Увольняться я не стала, т. к. завхоз училища Валентина А. пообещала мне к новому учебному году комнату в общежитии. Я очень соскучилась по моей семье, особенно по маме. От комендатуры я получила разрешение и указание, как мне поехать в Родино. Чемодан свой я наполнила подарками: колбасой, сладостями, консервами, и отправилась в дорогу.

Моя сестра Элла с семьей уже не жила в Кучуке, они переехали в совхоз «Степной», где её муж Лео работал

комбайнёром. С большой радостью я встретилась со всеми. Моя мать заметно постарела. Она прижалась ко мне и горько плакала. Я тоже плакала. «Мама, поехали со мной в Барнаул. Мне пообещали комнату, мы вместе там будем жить». — «В Барнаул? С тобой? Но это же невозможно, детка моя. Что мне там среди русских? Я совсем не знаю языка. А тебе надо устроить свою личную жизнь, семью тебе надо иметь. Я останусь здесь у Эллы, с детьми». При словах «семью создать» у меня внутри что-то сжалось. Об этом я даже не подумала. Мне ведь уже 23. Вся семья меня окружила, а мне хотелось каждого в отдельности обнять. Изольда и Тоня, теперь 15-летние близнецы, очень хорошенькие, бросающиеся в глаза девочки. Они немного сторонились, чтобы пропустить младших. Женя, которой теперь уже скоро будет пять, обхватила мои ноги, подняла свою светло-кудрявую голову и восклицала: «Моя тётя, моя тётя», её округлое лицо, её светлая нежная кожа, её розовые щеки — просто прелесть!

Через день приехал мой зять Цвингер и увез меня в Кучук. Перед отъездом я спросила у моей матери: «А сколько лет было тёте Берте, когда она вышла замуж за Мартина?» — «31», — ответила Элла. «Видишь, мама, а мне только 23». — «В этом ничего хорошего нет, так поздно выходить замуж. Она уже разошлась с ним, просто выгнала его». В это я не могла поверить. «И где он теперь?» Смеясь, ответила Элла на это: «При такой нехватке мужчин! Женщины дерутся из-за них. Их соседка Лиза тут же приютила его». — «Берта слишком поздно вышла замуж, она привыкла быть одной, быть в полной независимости», — добавила моя мать.

Когда мы уже приближались к Кучуку, сердце мое застучало с силой… Десять лет он был моим родным селом и моим домом… Годы моей юности…

Мария, моя старшая сестра, стояла в двери, опершись на два костыля. Она уже почти не могла видеть, и только когда я уже совсем близко подошла к ней и назвала её имя, она вздрогнула, выронила один костыль, прислонилась к дверному косяку, и мы обнялись. «Сестрёнка моя маленькая». Мы сели с ней рядом и предались воспоминаниям о Мариентале, о нашем отце, нашем дворе, обо всех родственниках и знакомых.

«Может быть, мы всё-таки еще вернемся в наш Мариенталь?» Мария опустила голову и спустя время печально сказала: «Нет, никогда мы туда не вернемся. Мы теперь навсегда останемся сибиряками, или сибирскими немцами. Язык исчезнет, вы же все говорите уже почти только по-русски. Потом за русских замуж пойдете — и всё». — «Мария, — мне хотелось её успокоить. — Я знаю, об этом нельзя говорить, не надо было мне начинать об

этом… Оставим это». И вдруг она как-то с лукавинкой в глазах спросила: «А когда ты нас обрадуешь и представишь нам своего… милого друга?» — «У меня нет милого друга». — «Вообще нет?» — «Я не хочу об этом говорить». — «Почему же нет? Я же твоя сестра, и хотя я почти не выхожу из дома, некоторые слухи доходят и до меня. Не может такого быть, чтоб не было парня такого, которого ты любишь или любила». — «Мария, пожалуйста». Поднятой рукой я хотела предотвратить её дальнейшие вопросы. «Но одно хочу тебе сказать, искать мужа не буду. Никогда! И если он сам по себе не придет, тогда… Тогда так и должно быть. Я теперь останусь в Барнауле, и у меня всё не так уж и плохо. (Тут вспомнилась моя работа и моё полное фиаско в институте и в театре.) И всё-таки, Мария, мы немцы, и всё это не так-то просто». И я встала.

Обе мои тётушки Анна и Берта ждали меня, тут же накрыли стол: жареная картошка, яйца, сметана, овощи, всё со двора, с огорода. Анна еще принесла банку малосольных огурцов, как неожиданный подарок собственного производства, при этом сияла она от радости на всё лицо. И как всегда, голова её обвязана белым платочком. Берта как-то избегала моих взглядов, видимо, не хотела, чтобы разговор коснулся её разрыва с Мартином. На мой вопрос, где же их дочь Алма, она ответила: «Она, наверно, после работы зашла к отцу».

Анна хотела, во что бы то ни стало, погадать мне на картах. Видимо, лицо мое приняло скептическое выражение. «Не смотри на меня так, ты уже не школьница», — смеясь, воскликнула она. При этом она вынула из кармана колоду карт и начала их смешивать. «Теперь ты их еще перемешай». Без возражений я исполнила её указание, кроме того, я еще сняла часть колоды. «Так. Теперь тишина!» Она смолкла. Карты меня не интересовали, я наблюдала за моей тётушкой. С напряженным вниманием она раскладывала карты, глаза неотрывно следовали за картами, и её губы двигались беззвучно. Потом, когда она начала открывать карты, она подвинулась вперед, брови её поднялись, молниеносно она сверкнула на меня, открыла еще одну карту. «Ты скрываешь от нас правду, Лида. У тебя есть жених? Скажи же своей старой тётке». — «Нет, моя милая тётя, у меня нет жениха и вообще нет близкого друга». — «Этого не может быть. Посмотри-ка, вот», — она показала на карты, о которых я не имела ни малейшего представления. «Хорошо. Теперь по-другому». Она собрала карты, перемешала и разложила их. «Ха, вот он опять, червовый король, совсем рядом с тобой! Ты можешь смеяться сколько хочешь. Может, ты в самом деле сама его еще не знаешь, но он придет! Я бы сказала, через несколько дней». Мне жаль было свою тётю

Анну.

Со своей подругой Верой я тоже встретилась. О многом вспоминали, смеялись и о чем-то поведали друг другу. В честь нашей давней дружбы мы с Верой поменялись платьями, в которые были в этот момент одеты. Об этом мы еще годы спустя радостно вспоминали. Здесь, в Кучуке, я еще встретилась с Татьяной Ивановной Горжий, которая мне поведала о деле с портретом Кручининой в Михайловке.

В совхозе я, к большому удивлению, встретила Владимира Пащенко. Его мать перевели в здешнюю школу, и они теперь жили на центральной усадьбе совхоза. Мы встречались еще один раз, говорили о Барнауле, вспоминали друзей и знакомых, дебатировали о литературе и искусстве. Он был интересный собеседник, а я, возможно, хорошая слушательница.

С грустью распрощалась я со своей мамой (не зная, что это была наша последняя встреча) и со всеми родственниками. В конце августа я была опять в Барнауле. Обещанную мне комнату отдали другому учителю, так что я тут же уволилась из этого училища.

(Я думаю, руководство и хотело, чтобы я уволилась.)

Глава 13

Не без волнения, и всё-таки с надеждой на успех, я пришла в городской отдел народного образования г. Барнаула. «Немецкий язык? Минуточку». Сотрудница отдела полистала в книге соответствующего учета. «В Октябрьском районе требуются учителя немецкого языка». Она записала адрес и подала мне листок… Распоряжением отдела народного образования Октябрьского района меня назначили учительницей немецкого языка одной из школ рабочей молодёжи, а именно школы № 7 с 1 сентября 1952 г. «Постарайтесь сегодня еще там появиться». По дороге соображала: средняя школа, это значит 5–10 классы. Я, конечно, буду в 5–7-х классах преподавать, а может быть, только в 5–6-х. Во всяком случае, учащиеся будут уже взрослые, или почти взрослые. Бог ты мой! К моему великому удивлению и к моему разочарованию, я должна преподавать во всех классах. На следующий день после обеда я могу прийти и получить готовое расписание уроков. Я спросила, есть ли в школе библиотека, где я могу получить учебники немецкого языка для 8–10 классов. Нет, школа совсем новая, и учителя сами обеспечивают себя учебниками.

В этот день было уже поздно искать книжный магазин или библиотеку, и я подалась домой. Моя хозяйка Маша с мужем

(машинист паровоза) и детьми сидели за ужином. У них я прожила учебный год, который работала в Спец РУ, в маленькой комнате с большим окном с входом из кухни, где вместо двери висела занавеска. Мне было хорошо у них, привыкла уже к ним и много играла с детьми. Сегодня после школы я добиралась до своей квартиры более 1,5 часов, поэтому заявила своим хозяевам, что я, наверно, перееду на другую квартиру. Слишком далеко до школы. Маша выронила ложку на пол от неожиданности. Моё объяснение, что я получила перевод в другую школу — доя взрослых — и она находится в посёлке «Западный», Машу не убедило. Она не хотела, чтоб я от них ушла, и чувствовала себя обиженной. И тот аргумент, что у меня уже нет валенок, что я тут жила рядом со спец. школой и могла легко обойтись в легких кожаных сапожках, а занятия в новой школе заканчиваются после 11 часов ночи, и автобусы ходят редко, а при крепких морозах… Маша была обижена. Вдруг её муж положил свою руку на её и сказал: «Маша, независимо от того, останется она у нас или нет, в той школе — все молодые люди. Месяца не пройдет — и она выскочит замуж». Маша звонко рассмеялась и заявила: «В этом я очень даже сомневаюсь».

Это мне напомнило один из вечеров, через две-три недели после того, как я у них поселилась, когда мы все вместе сидели за столом, и Маша очень хотела у меня выведать, почему же у меня нет друга милого, почему же я одна. И тут вмешался её муж в разговор и посоветовал ей, своей жене, пойти со мной на танцы. И Маша тогда точно так же хохотала, как теперь и сказала: «Если я с ней пойду на танцы, то будет еще под большим вопросом: кто из нас двоих найдет… того самого…» — «Это точно», — задумчиво сказал её муж. Они-то познакомились на танцах. По-моему, Маша тоже вспомнила тот разговор. Она успокоилась и только выразила сожаление по поводу моего переезда.

Не так-то просто оказалось найти учебники немецкого языка для старших классов. Я нашла два для 8-го и 9-го класса и брошюру «Методика преподавания иностранного языка». Для 10 класса учебника не нашла. Думала: надеюсь, в первый день и не будет урока в 10 классе.

В учительской на одном из столов было разложено расписание уроков. Завуч школы сказала мне, что я назначена классной руководительницей в 5-м классе. И в 5-м классе у меня был по расписанию первый урок, на котором проводилось первое классное собрание, также как во всех классах первый урок проводился классным руководителем. Следующий урок, т. е. первый учебный урок по расписанию, был у меня в 10 классе. Я была шокирована. Молча опустилась на один из свободных

стульев. Как нарочно, именно мне выпало провести первый урок в 10-м классе. Не то, что не было учебника, пугало меня более всего. Нет! Мне стало совестно, что я пришла в эту школу работать. Моё образование не соответствует требованиям к учителю средней школы. Надо было остаться в Кучуке… Если бы меня тогда допустили к заочному обучению, я бы теперь была уже на третьем курсе. А что теперь? Надо как-то выходить из положения. Пословицы пришли на память: «Взялся за гуж — не говори, что не дюже», или «Не боги горшки обжигают».

В школе занятия проводятся в две смены. Вторая смена начинается в 17:30. Я пришла на час раньше и за это время познакомилась с молодой учительницей Луизой Александровной, выпускницей педагогического института. Ей предстояло преподавать математику в 5–7 классах и она тоже волновалась перед первым уроком. Она была всего на один-два года старше меня, все остальные учителя минимум на 10 лет.

Директор школы меня предупредил: «В десятом классе будет сегодня около 60 человек». — «А сколько мест в классе?» — «30–35, но без паники, это только сегодня. Завтра уже часть из них придет в первую смену и некоторые будут переведены в другую школу». И всё-таки…

Когда я, после классного собрания в 5-м классе, вошла в 10 класс, все встали, что, как мне казалось, ставило меня в смешное положение. Я поприветствовала их, они дружно ответили и сели. Трое или четверо остались стоять у стены, они не нашли места. Почти за всеми столами сидели по четыре учащихся вместо двоих.

«Да, в тесноте, да не в обиде, можно сказать, — начала я свой первый урок. — Но не все еще сидят вчетвером, и оставшиеся без мест непременно найдут их». Где-то сдвинулись — и все разместились. Довольно смело я оглядела весь класс. «Я считаю, что нет смысла проводить сейчас перекличку, вряд ли я бы запомнила кого-нибудь по имени». Многие согласно кивнули. Теперь мне хотелось бы знать, кто из них еще никогда не изучал немецкий язык, сколько из них только в 5–7 классах и сколько — в 5–9 классах. Тут вдруг погас свет. Совсем недолго ждали мы со всеми учениками — в полной тишине, и я попросила, чтобы кто-нибудь из близко сидящих у двери вышел и разузнал, только ли в нашем классе свет погас или во всей школе. «Везде темно», — сообщил курьер. «Тогда попробуем и без света как-то пообщаться или даже позаниматься, но по-немецки». Так мы дошли до склонения существительных, до спряжения глаголов и до чтения стихов. Вспомнили «Die Lorelei», «Sah ein Knab ein Röslein stehn», «Die Weber», «Erlkönig». Наконец раздался звонок (обычным

колокольчиком), и я с облегчением покинула класс. Второй урок тоже прошел в темноте, потом дали свет. Домой я приехала в половине первого ночи.

Утром в 8:00 у меня опять были занятия. Сразу после урока в моем 5-м классе я спросила учеников, не знают ли они кого-нибудь из соседей или знакомых, кто мог бы сдать внаём временно маленькую комнату или хотя бы угол. После короткого молчания поднялась рука. Девочка, лет 16, заявила, что она может свою мать спросить, если я её подожду, она живёт совсем рядом и сейчас же вернется. Она вернулась и сказала, что я могу у них жить. После уроков я пошла с ней смотреть жилье. Это была спальная ниша с окном. Узкая железная кровать у окна, маленький стол у стены и стул. Еще будет повешен занавес.

Хозяйка квартиры, Клавдия Сергеевна, любезно объяснила, что у них всегда очень тихо и мне никто мешать не будет. Её муж, правда, тяжело болен, он сейчас находится в больнице, но он очень приветливый, добрый человек. Я поблагодарила её и пообещала недолго стеснять её и её семью, и как можно скорее найти другую квартиру.

На следующий день я упаковала свой чемодан, попрощалась с Машей и всей её семьей и поселилась в спальную нишу в квартире моей ученицы. Для чемодана место было только под кроватью. Картонная коробка с книгами худ. литературы и несколькими журналами «Роман-газета», который я абонировала в Кучуке и не успела еще прочитать, осталась у Маши, а также красивая картина с цветами. Напротив моей кровати на стене находился массивный железный крюк, на который я повесила два плечика с размещенным на них всем моим гардеробом. Когда я все прибрала, пришла Тамара (моя ученица) с ведром и половой тряпкой, чтобы вымыть пол, и мне не удалось её убедить позволить мне самой это сделать. Тогда я спросила её, где поблизости можно купить продукты питания. Она ответила, что с удовольствием меня проводит, если я полчаса её подожду. Я стояла на улице у входной двери и рассматривала окрестности. Трёхэтажные дома, в точности такие как наш дом, напротив дома небольшие дощатые сарайчики для топлива, в основном, выстроенные в ряд под одной крышей, ящики для мусора, отхожие туалеты. Довольно унылый вид, можно сказать. Но… безоблачное небо щедро распростёрло свою голубизну над всеми крышами, и при предвечернем солнце падали длинные тени как от роскошных дворцов, так и от жалких и нищенских построек… Как бы убеждала я себя…

И вдруг в поле моего зрения оказался молодой человек в очках. Быстрым шагом он передвигался в моем направлении,

держа в одной руке сумку или какой-то узел. Его взгляд казался устремленным на меня, или на кого-то за моей спиной. Быстро я оглянулась — никого. И он остановился, поставил на землю сумку, вытащил из кармана носовой платок, снял очки и начал их старательно чистить, держа при этом очки совсем близко у глаз. Затем он надел очки, положил платок в карман, взял сумку — всё это я наблюдала так внимательно, как будто это имело какое-то особое значение, будто я должна это обязательно запомнить. Теперь он шел твёрдым шагом прямо ко мне. «Здравствуйте, Лидия Александровна».

«Здравствуйте». Теперь я сообразила, что это мог быть один из моих новых учеников. «Я не мог поверить своим глазам, когда увидел вас здесь в нашем дворе». — «Вы меня знаете по школе?» — как-то смущенно спросила я. «Да… и если позволите спросить, по какому случаю вы здесь?» — «Я здесь живу». — «Этого не может быть. Я здесь живу… тоже». — «Тогда мы соседи. Собственно, я только сегодня поселилась здесь… А в каком вы классе?» — «В 10-м». — «Мой самый первый урок в этой школе, причем без света». — «И вы его отлично провели».

«Пожалуйста, не говорите этого». — «Почему нет? Это мнение всех учеников. Наша учительница по литературе не сказала ни одного слова о литературе за весь урок без света, а у неё будто университетское образование. И она лет на 10 старше вас».

Как-то было мне не по себе. Он же спросил, как бы полушутя, нельзя ли мне перенять у неё преподавание русского языка и литературы, а немецкий пусть бы она преподавала. На это я рассмеялась. «Я ценю ваш юмор, но если всерьёз, это невозможно, молодой человек. И не делайте такие поспешные выводы после первого урока. Еще может всё по-другому оказаться». — «Я, конечно, понимаю, не в ваших правилах говорить плохо о своей коллеге. Я и не намерен вас на это спровоцировать, но… Вчера опять был у нас её урок — при свете. Лидия Александровна, поверьте мне, её знание русской литературы… (он искал подходящее слово) по меньшей мере, слабое». Пауза. «Извините, пожалуйста, это мы будем с директором школы выяснять… Это было так неожиданно — вас здесь встретить…» Он широко улыбнулся, и я увидела его не совсем плотные зубы.

«Завтра у вас урок немецкого языка», — сказала я, чтобы только что-нибудь сказать. Тут и Тамара вышла, и мы ушли.

В этот вечер Клавдия Сергеевна хотела вызнать, на самом ли деле я одна, или всё-таки есть у меня друг. Я дала ей знать, что эта тема мне неприятна. «Я только думаю, — застенчиво продолжила она, — здесь у нас в доме такие хорошие ребята есть… Один особенно, я хорошо знаю его мать…» — «Клавдия

Сергеевна, запомните, пожалуйста — я не люблю этого. И никакого сводничества!» Я вошла в нишу и задёрнула занавес. Теперь я её, конечно, обидела. Оттянув занавес назад, я пошла в кухню, где она снова взялась за вязание. «Вы же не сердитесь на меня?» — «Нет, нет, вообще нет». — «Я понимаю, что вы это с добрым намерением, но…»

«Всё нормально, я всё понимаю и обещаю больше не начинать такого разговора».

К утренней смене второго дня занятий в десятый класс пришли 15 учеников, причём почти все женского пола, все на 1–3 года моложе меня. С удовлетворением я провела с ними урок. Однако никто из них и не работал, и все учили немецкий язык ранее. Я заметила, что молодой человек, с которым я случайно встретилась, не присутствует, значит, придёт вечером. За время урока он несколько раз появлялся в моих мыслях… Что это? Просто за то, что он будто бы положительно обо мне отзывался? Нет! Не это. Я отчётливо видела его перед собой, его походку и статную фигуру, как он своеобразно протирал очки, слышала его голос, звучавший несколько громко и чуть с хрипотой… Видела его обаятельную улыбку…

Бог ты мой! Что происходит в моей голове? Вон из головы! Прочь с этим! Он мой ученик, кто знает…

Моего ученика в очках, который пришел в вечернюю смену, звали Георгий Евтухов, он сидел за первым столом прямо напротив меня (если мне иногда приходилось сидеть). В течение урока я не решалась его что-нибудь спросить, а он, очевидно, не решался на меня взглянуть. Если уж он попадал в мое поле зрения, он опускал голову. Это было мне неприятно. Но уже на следующем уроке всё оказалось в полном порядке. Он с интересом прислушивался к ответам других учеников и смотрел, как я на них реагирую, он пытался тоже принимать участие в устной речи (вопросах-ответах), хотя его ответы в большинстве не соответствовали, и его немецкое произношение оставляло желать лучшего. Иногда я с трудом сдерживала смех. Приходило на ум, как я в 5-м классе пыталась рассказать — впервые по-русски: «как ныне сбирается вещий Олег…» и как мне было стыдно, когда раздалось хихиканье… И он мне нравился всё больше…

В воскресенье мне захотелось совершить прогулку в центр города, может быть, в кино сходить. После завтрака я собралась. Уже на лестничной площадке мне послышались звонко раздавшиеся удары молотка. Выйдя за дверь, я сразу же увидела моего ученика Георгия Евтухова. Сидя на корточках на крыше сарая, он забивал гвозди. Первый порыв был вернуться, но он меня уже увидел. Жаль, что окна нашей квартиры все выходили

на улицу, на другую сторону, а то бы я его увидела и услышала. Он меня поприветствовал по имени-отчеству. Я ответила: «Доброе утро». — «Утро, действительно, прекрасное… И вы на солнце… а мне вот надо на крыше сидеть». Мне казалось уместным крикнуть ему что-нибудь ободряющее. «Радуйтесь этому. Вы там ближе к солнцу, и у вас обзор получше, чем внизу». Он поднялся вдруг во весь свой рост, осмотрелся вокруг и улыбнулся мне. «Вы правы. Здесь вид хороший. Лидия Александровна, здесь стоит лестница, я помогу вам подняться». Это было смешно, но я ответила как можно серьезнее: «Нет, спасибо. Вам определенно надо все доски прибить, и я не хочу вам больше мешать. Желаю вам успешно и с радостью закончить работу». — «Теперь, после того, как я увидел вас, гвозди будут сами заскакивать», — крикнул он мне вслед. Быстро я уходила, а молоток стучал и случал. Боже, что это был за разговор? Разговор учительницы со своим учеником. Мне срочно надо найти другую квартиру. В кино мне уже не хотелось… Если уж честно, больше всего я бы хотела подняться на крышу и подавать ему гвозди. Но… приходят же нелепые мысли в голову.

Как мне найти другое пристанище? Опять в классе спросить? Нет, ни в коем случае. Собственных домов там нет. В магазине поспрашивать? Сегодня всё закрыто. Так я дошла до остановки и на трамвае поехала к центру. На Комсомольской я вышла и зашла к моей бывшей хозяйке Марии и её сестре Ираиде.

Они нашли, что я хорошо выгляжу и выразили радость по поводу того, что я все же осталась в городе и работаю в большой школе. Я заговорила о моих жилищных делах, на что Мария выразила уверенность, что здесь в округе я бы без труда нашла комнату, но это было бы слишком далеко от работы.

Вернулась я домой уже после 15.часов и села за подготовку к урокам. Клавдия Сергеевна извинилась и спросила, не хотела бы я вместе с ней и некоторыми соседями пойти в среду в кино — в клубе «Трансмаш» демонстрируется новый фильм, говорят, он очень интересный. Она назвала его, а я уже слышала о нём. «Хорошо, я тоже пойду».

В эти дни вернулся из больницы муж Клавдии. Он нуждался в постельном режиме, и вид его вызывал глубокое сострадание.

В кухне я шепотом спросила Клавдию С., не лучше было бы поместить её мужа в нише. «Нет, нет. Наша кровать слишком большая для ниши, а я должна постоянно быть возле него. Не беспокойтесь, пожалуйста, вы нам вообще не мешаете». Уходить мне надо от них. А куда? — спрашивала я себя. Здесь меня устраивает, прежде всего, близость школы — меньше пяти минут. Среди учителей, может быть, поспрашивать? С Луизой, прежде

всего. В первые дни не представлялась возможность.

Подошел день, когда следовало пойти в кино. Уже под вечер я спросила у Клавдии, не отменяется ли культпоход в кино — и если нет, во сколько он состоится. «Кино начинается в 8 вечера», — коротко ответила она. «А где Тамара?» — хотелось мне знать, т. к. я считала само собой разумеющимся, что одна из них должна остаться с больным.

«Тамара?.. У её подруги что-то случилось, она, очевидно, останется у неё. А может, еще придет». — «А если не придет, Клавдия Сергеевна? Я должна одна идти?» — «Почему одна? Соседи же пойдут. Подождите еще немного». Она была очень взволнована, моя хозяйка, даже слёзы показались у неё в глазах — сама святая невинность! Я вошла в свою нишу, взяла газету и села на кровать, но читать не могла.

Что-то тут не так. Она мне обещала никогда больше не заводить разговора о каком-либо мужчине и слово своё держала до сего… А теперь она что-то затевает, предполагала я.

Посещение кино якобы организовала Зинаида Ивановна. Может, она с мужем пойдет? Подождать — и без паники.

Появилась Клавдия С. и заявила: «Вас ожидают, на лестничной площадке».

На лестничной площадке ожидал меня Георгий Евтухов. Один. «А где остальные?» — «Не будет остальных… Вы меня боитесь?» — спросил он улыбаясь. «Я вас не боюсь, но что всё это значит?» — «Не обижайтесь на женщин». — «На женщин?» — «Пойдемте, пожалуйста, а то мы можем опоздать». На мой вопрос он, казалось, не хотел отвечать. Хорошо, это я узнаю у Клавдии. По дороге в клуб я узнала, что он два года назад закончил Барнаульский строительный техникум, и в настоящее время работает строительным мастером на строительстве какого-то промышленного предприятия. Он собирается в следующем году поступить в Новосибирский строительный институт. Это и послужило поводом для посещения этой школы, чтобы повторить школьную программу, особенно по математике и физике, по которым предстоят экзамены. «Всё понятно: немецкий язык не экзаменуется». — «Не экзаменуются и некоторые другие предметы тоже». Мы дошли до клуба. По дороге домой мы говорили о фильме. Он понравился нам обоим в общем, а детально наши вкусы во многом сходились. Уже недалеко от нашего дома он спросил, где я изучила немецкий язык, в его классе есть ученики из Прибалтики, и они хорошо знают немецкий язык. «Они утверждают, что вы чисто говорите по-немецки и что вы, несомненно, немка по национальности». — «Это соответствует действительности. Я немка по

национальности». — «И где вы родились?» — «В бывшей Республике Немцев Поволжья, в селе Мариенталь». — «О. Мариенталь, — повторил он с ударением на последнем слоге. — Это звучит красиво. Когда-то, еще в 5-м классе, я был немного влюблен в девочку-немку, она ни слова не понимала по-русски, теперь я поражаюсь вашему русскому языку — без малейшего акцента». — «А что с той девочкой-немкой?» — «Этого я не знаю. Мы больше не попадали в один класс, и я её больше не видел». — «А когда я пришла в 5-й класс русской школы после немецкой в Мариентале, я тоже не знала ни слова по-русски». — «Серьезно? Не могу себе представить».

Мы уже некоторое время стояли перед дверью нашего дома. «Вы жалеете, что пошли со мной в кино?» — «Нет. Напротив». Я подала ему руку. Он взял её в свои. «Я хотел бы очень в следующий свободный день опять с вами в кино пойти. А вы? Да или нет?» — «Да». — «Тогда в половине восьмого». — «Хорошо».

С Луизой нам удалось на одной из перемен немного поговорить. Она считала невозможным найти здесь поблизости отдельную комнату, здесь, в густонаселенном поселке, бесполезно даже искать. Я не отважилась еще к кому-нибудь обратиться с этим вопросом.

Как договорились, встретились мы с Георгием и пошли в кино. Углубившись в занятный оживленный разговор, мы вдруг увидели здание кино, погруженное во тьму. Кругом — ни души. Не находя слов, стояли мы перед закрытой дверью… «Тогда остается нам хотя бы прогуляться по парку, который совсем недавно только здесь заложен. Пойдёмте!» Поколебавшись немного, я последовала за ним. Было холодно и ветрено, на прогулку не было желания, да и я была для этого легко одета. Вдоль железной изгороди мы подошли к воротам — они, конечно, были замкнуты. Тогда Георгий попытался пролезть между прутьями забора, это не удалось, тогда он просто перелез через забор. Забор был не так уж высок, и он подал мне руки… И с мыслью «Я сошла с ума», — я взобралась на забор. Сверху же я попала в его объятия… В его объятия! Нежно и крепко держал он меня у своей груди, у своего тела. Какое счастье иметь возможность к нему прижаться… И всё-таки… Стоп! Позволено мне это? Осторожно я высвободилась. Ветер неистовствовал, чуть не сорвал мой берет с головы, я натянула его на уши. «Сделаем хотя бы круг по парку?» — «Но потом сразу домой». — «Согласен». Оголённые молодые деревца наклонялись до земли, и мы мужественно боролись с холодным ветром, как будто мы обязаны были это делать, причем крепко обнявшись. После того как мы снова перелезли через забор, он спросил, может, мы в

следующий свободный день пойдем в клуб Меланжевого Комбината, автобусом можно за 15–20 минут доехать.

«Там каждый день идут фильмы или концерты, Если ты согласна (мы уже были на ты), я возьму билеты». — «Не много ли это будет для тебя? У тебя только один свободный день в неделю…» — «Я бы вообще не хотел с тобой расставаться». Стекла его очков сверкали, но я видела его глаза. За мощными стеклами они казались небольшими, но они выражали нежность и… «Провести свободный вечер без тебя я бы больше не хотел. Пойдем!»

«Георгий». — «Юрий», — поправил он меня. «Юрий? Почему Юрий?»

«По свидетельству я Георгий, а дома все родственники и друзья зовут меня Юрий». — «Хорошо. Юрий, мне еще так много надо тебе объяснить, ты же меня не знаешь…» — «Я тебя знаю с первого твоего урока, и чем больше я тебя узнаю, тем ближе ты мне…» И вдруг спросил: «Ты же не замужем?!» — «Дело не в этом совсем. Нет, я не замужем, но я немка, я обязана ежемесячно отмечаться в комендатуре, мне нельзя без разрешения НКВД куда-либо поехать. Моего отца арестовали десять лет назад, и мы не получили от него или о нем никаких известий. Самая простая дружба со мной может доставить тебе неприятности». Мы уже были у нашего дома.

«Теперь послушай-ка меня». Он взял обе мои руки и сказал: «Чихать я хотел на комендатуру и её запреты». — «Юрий, пожалуйста». Испуганно я зажала его рот своей рукой.

«По моему убеждению, — сказал он твердо и уверенно, — ты и я — вот самое главное надо всем на земле. Итак, в воскресенье мы идем в кино, и тебе на размышление: ты бы вышла за меня замуж?» — «Что?» — «До свидания в воскресенье». Он открыл дверь и пропустил меня.

Совсем вне себя я ложилась спать.

Придя домой после первой смены следующего дня, я спросила:

«Клавдия Сергеевна, с кем это вы так ловко и изощрённо задумали этот поход в кино?» — «С его матерью». — «С кем?» — «С Матрёной Павловной, с матерью Юрия». — «Я её вообще не знаю, откуда она меня знает?» — «Их кухонное окно выходит во двор. Оттуда за вами наблюдает не только она, но и другие соседи. Юрина мать и его сестрёнка Лена придумали этот поход, а я вас убедила…» Я обняла её: «Спасибо». Так я узнала, что Юрий с матерью и восемнадцатилетней сестрой проживают в большой комнате двухкомнатной квартиры рядом с нами. Вторую комнату занимают Зинаида Ивановна с мужем и шестилетней дочкой.

В один из этих дней заметила Луиза А., что я выгляжу как-то не так, т. е. необычно. «Из-за квартиры?» — спросила она. «Не только». — «Ты влюбилась!» — засмеялась она мне в лицо. «Кажется…» — «Кто он?» — «Ученик». — «Какой класс?» — «Десятый». — «Как его зовут?» — «Евтухов», — шепнула я ей в ухо. В это время вошел в учительскую Орест Германович — преподаватель математики. «Орест Германович, как у вас в десятом классе ученик Евтухов?» Это, по меньшей мере, бестактно — подумала я. «Евтухов? Золотая голова! Очень хорошо! Почему вы спрашиваете? Влюблены?» — «Я нет. Я его даже не знаю». Она показала на меня. (Как она может?..) «Вы сделали хороший выбор, только…» — «Что вы хотите сказать?» Он немного растерялся. «Вы же… я имею в виду, это, с комендатурой…» — «Да, Орест Германович. Это я…»

Я отвернулась и пошла на следующий урок. Этого я от этого учителя не ожидала, хотя он, по сути, был прав. И всё-таки, Оресту Германовичу было за пятьдесят и все, кто его знал, высоко ценили его как учителя и как интеллигентного человека, одного из лучших математиков города; всеми уважаемого. И всё-таки, мне еще не понравилось, что он Георгия назвал «золотая голова». При чем тут золото? Металл?

С Георгием мы встретились опять, как договорились. Ни слова о его вопросе. Только после фильма, по дороге домой, мы остановились на подветренной стороне одного из домов, и он спросил, подумала ли я над его вопросом. Я стояла перед ним, руки на его груди: «Да, я думала, обдумывала и передумывала… Сердце мое отвечает тебе *да, да, да,* я бы хотела быть твоей женой. Только твоей. Но… осуществить наше с тобой желание я считаю невозможным». — «Я же тебе объяснил свою позицию». Я прижала свое лицо к его шее. «И как ты себе это представляешь? У меня нет квартиры. Ты ютишься со своей матерью и сестрой в одной комнате». — «Комната большая, места на всех хватит — это, во-первых, второе, ты знаешь Зинаиду Ивановну и её семью. Так вот, они собираются вернуться в Ленинград. Комната освободится, и мы, ты и я, займём её, может, уже через несколько дней». «Возможно, уже через несколько дней», — отложилось в моем сознании. «Да или нет? Лида».

«Да!»

Он обхватил меня и закружился со мной кругом под чьими-то окнами.

«Моя немочка из Мариенталя». Я не сказала бы, что это слово «немочка» воспринималось как особенно любезное. В те времена оно имело для меня неприятный привкус. Но произнесённое им, оно приобрело другое значение. Оно звучало доверительно,

приятно.

Дня через два, я была после первой смены дома, когда вдруг рывком открылась дверь в нашу квартиру и так же рывком закрылась, и Клавдия Сергеевна со словами «чертова еврейка» возбуждённо ворвалась в комнату, с ярко пылающим лицом. «Что случилось? Где вы были, Клавдия Сергеевна?»

«У этой, там рядом», — она показала головой.

«Вы поругались?»

«Ласково выражаясь. Она ведьма!» Как могла, успокаивала я её. Потом уже спокойнее: «Такая ведьма. Инфаркт можно получить». Я думала, она расскажет о своей ссоре, но нет, ни слова.

«А почему еврейка?» — спросила я наконец. «Евреи они. Посмотрите на портрет ее младшего сына, который висит над столом — типичный еврей. Он сейчас на службе в армии. И все они носят очки, она сама тоже».

«Но Клавдия Сергеевна, очки носят многие люди, не только евреи».

«Но они евреи, может быть, не совсем… и не потому, что она еврейка, она такая…»

Юра, значит, еврей, размышляла я, ну и что? А я немка, это намного хуже. Спросить мне его? Нет, этого я не сделаю, он мне сам когда-нибудь скажет. В общем-то, я и не знала евреев, кроме одного. В Мариентале — друг моего отца, доктор Корнелиус, был еврей — это я слышала. Всеми уважаем и признан хорошим врачом. Я представила себе моего Юрия. Еврей или русский, немец или украинец или еще кто, это не играет никакой роли. Он был лучшим, и я мысленно улыбнулась ему с любовью.

День спустя, это было в среду, пришел ко мне Юрий после своей работы и попросил меня пойти с ним, он хочет меня своей матери представить. К сожалению, не помню, о чем я говорила с его мамой. Его сестра Лена, во всяком случае, сияла от радости, это видно было по ней.

В этот вечер я писала своей матери, что я хотела бы выйти замуж и просила её согласия на брак с Юрием Евтуховым. Юрий написал открытку, на которой он просил руки её дочери Лиды. Всё вместе мы запечатали в один конверт, и Юрий подписал адрес своим, только ему свойственным, удивительным печатным почерком.

В воскресенье выезжала семья Зинаиды Ивановны; это должно было произойти тайно, при наступлении темноты. Муж Зинаиды работал прорабом санитарно-технических работ и с работы не уволился, так как его, как хорошего специалиста, не отпустили бы (тогда так можно было). Юрий помогал им при

погрузке, затем он передвинул 2–3 оставшихся предмета мебели на другое место и пришел ко мне. Юрий объяснил Клавдии Сергеевне и ее мужу, что он пришел, чтобы увести их квартирантку Лиду Александровну и взять её себе в жены. Я встала.

«Юрий, не сейчас же». — «Сейчас и только сейчас. Здесь так заведено. Если уж освободится квартира, её тут же занимает кто-нибудь другой — нуждающийся, и никто не заставит его освободить её». — «Это так», — подтвердили Клавдия Сергеевна и её муж. «Ты боишься? — спросил он, заметив мою нерешительность. — Я тебя буду защищать. Я перенимаю ответственность, если уж что… Лида, даже если ты не захочешь быть со мной вместе, у тебя будет своя квартира». Я не смогла противостоять и пошла с ним.

Его мать поприветствовала меня как невестку. Поздно вечером следующего дня, был понедельник, мы с Юрием пришли из школы. Мы открыли дверь, вошли и остановились, как вкопанные. Из кухни вышла с полной сковородой чего-то жареного Зинаида Ивановна, поздоровалась и пошла в свою комнату. В *нашу* комнату. Мы смотрели друг на друга растерянно, у меня дыхание спёрло. На какой-то станции милиция высадила семью З. И. из поезда и сопроводила их назад в Барнаул…

Мой чемодан стоял в комнате у Евтуховых у стены, на нём — всё мое постельное белье и одежда. Я хотела взять и вернуться к Клавдии. Он отвел мои руки и сказал матери: «Мама, теперь мы будем жить все вместе в одной комнате. Временно, может, совсем недолго, что-то найдется». А я только качала головой. Нет! Нет! Не то я делаю… Что мне делать?.. И осталась.

Первые две недели мать относилась ко мне вполне нормально, только взгляды её часто казались недоверчивыми. Она работала дезинфектором, и у неё, наверное, не было твердо установленного рабочего времени. Она могла в любое время дня приходить домой и опять уходить. Мы вместе с ней готовили обеды, и при этом она постоянно жаловалась на трудную жизнь. С её соседкой Зинаидой Ивановной она теперь враждовала, и я не могла понять почему.

Однажды, когда я одна была дома, оказались мы с Зинаидой вместе на кухне. Я спросила её, почему у неё с Юриной матерью произошел разрыв. И она мне объяснила. Еще когда я жила у Клавдии С., мать Юрия как-то узнала, что я состою на учёте в НКВД, что я настоящая немка. Сначала она обвиняла Клавдию, что та скрыла от неё всё это, теперь я во всём виновата, что мы якобы специально освободили квартиру, чтобы вас свести вместе.

«И как только такое могло ей прийти в голову?» —

возмущалась З. И.

«И если они с Юрием остаются вдвоём, она тут же начинает его против вас настраивать. И что только она не говорит…» Но он будто ей прямо однозначно разъяснил: «Тебе никогда не удастся нас развести. И я предупреждаю тебя, не вздумай с ней плохо обходиться или её обидеть. Ты пожалеешь об этом».

Зинаида говорила еще, только я уже ничего не слышала. Всё разрушилось для меня, весь мир… Вот ведь в чем дело. Так непродолжительно было моё счастье… Я не могу остаться в этом жилище. И я не могу допустить, чтобы произошел разрыв между ним и его матерью. По сути, она права…

В школе я спросила нашу техничку, не может ли она помочь мне найти жилье. Она бы сама могла сдать мне угол, но только мне одной, потому как она живет с внучкой в одной комнате. Меня это устраивало… Юрий, безусловно, заметил, что я как-то изменилась. Он хотел знать, не связано ли это с его матерью. «Нет, нет», — ответила я. А она при нем вела себя весьма сдержанно. «Я должен тебе в чем-то признаться, Лида, — вдруг сказал Юрий. — Каким-то образом потерялся мой паспорт, но он обязательно найдется. Тогда мы сразу пойдем в ЗАГС».

Его мать хорошо знала, что я никогда не стану жаловаться Юрию (и никому другому), и продолжала плести интриги. В один из свободных от занятий дней я решила уйти, хотя… Я не знала, как мне без него дальше жить… Иногда он приходил с работы в обеденный перерыв домой, хотя было далеко, и он едва успевал, чтобы хоть немного побыть со мной вдвоём. Я надеялась, что он сегодня тоже придёт. И он пришел. В бодром настроении. Он взял меня на руки, принес в комнату и закрыл дверь.

«Я что-то тут принес», — и он подал мне какую-то квитанцию. «Что это?» — «Читай». Это был ордер на место жительства на мое имя. Комната в женском общежитии. Для меня одной. Я сидела на коленях у него и хотела встать. Он держал меня. «И у меня есть справка, что я имею право жить у тебя. Теперь мы упакуем чемоданы, сначала твой, и я отведу тебя. Потом я приду. Мне надо еще кое о чём с матерью поговорить. Надеюсь, ты понимаешь меня?» — «Я тебя понимаю, но не хочу, чтобы из-за меня страдала твоя мать». — «Она не будет страдать. Моя мать придет к здравому смыслу и успокоится». Я сложила остаток своих вещей, Юрий положил что-то из своих в мой чемодан. Он отпросился с работы на полдня, чтобы привести в порядок свои семейные дела. Мы пообедали и пошли в новую квартиру…

Узкая продолговатая комната с одним окном на передней стене. Справа железная, 60 см. шириной кровать, маленький стол у окна и кухонный стол напротив умывальника, две тумбочки

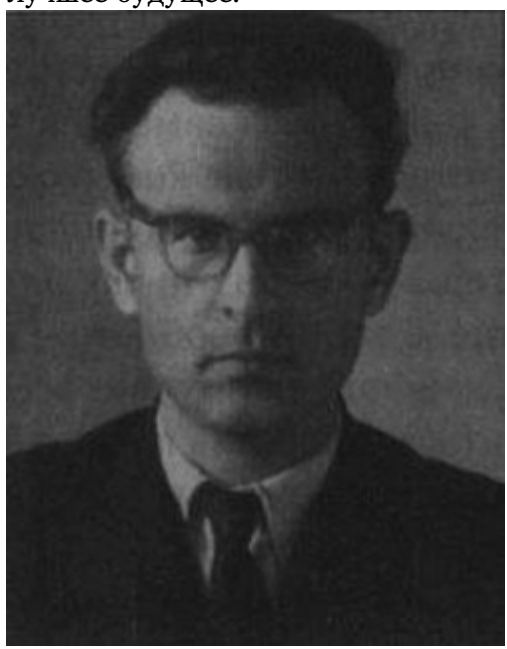
«престарелого возраста», два стула. На стене два крючка. Впоследствии мы принесли из моей бывшей комнаты у Маши красивую картину с цветами и книги.

«Вот видишь, Лида, я же говорил… Прошло чуть больше месяца, и мы вдвоем…» — сказал он.

Мы были счастливы, хотя в глубине души я чувствовала себя виновной…

Моя национальность — как она воспринималась в те годы — со временем могла тяжким бременем обернуться… и сделать Юрия несчастным.

Однако любовь может быть сильнее всех невзгод… и он твердо верил в лучшее будущее.



Евтухов Г. И.

Глава 14

Матрёна Павловна — так звали Юрину мать — видимо, успокоилась. Три-четыре недели мы не виделись. За это время я узнала его бабушку и дедушку, родителей его матери, Евдокию Прокопьевну и Павла Ивановича Федько. Бабушка — всеми называемая бабушка Дуня — встретила меня, будто она меня давно ждала, а у меня было чувство, будто я пришла к одной из моих родных бабушек, узнать которых при жизни я судьбою была лишена. Её полная фигура, её низкий приятный голос, её умные карие глаза — всё её существо излучало спокойствие, теплоту и здравый рассудок и выражало доброту её сердца.

Пока Юрий с дедом на кухне немного выпивали, мы с бабушкой Дуней дружно беседовали. Обо мне она уже кое-что знала и спросила, как дела у моей мамы. Я достала из кармана письмо от моей сестры Эллы, в котором она дословно привела ответ моей матери на наше письмо. Я перевела всё письмо — оно было написано по-немецки. Бабушка тоже хотела, чтобы мы как можно скорее зарегистрировали наш брак в ЗАГСе. По-моему, она по мне заметила какую-то неуверенность и сказала: «Я хотела бы тебе кое-что посоветовать, Лида, а может быть, и предупредить… у моей дочери, твоей свекрови, нелегкий характер… Не бери это так близко к сердцу, если она иногда бестактно с тобой обойдется, незаслуженно обидит. Во избежание конфликтов лучше всего было бы не так часто с ней встречаться. Извини, пожалуйста, она моя дочь и у неё есть немало положительных качеств. Я надеюсь, ты в этом сама убедишься, хотя и понимаю, что это не так просто». Потом: «Мой внук нашел в тебе свое счастье, и я хочу, чтобы вы оба были счастливы».

Приближались выборы в Верховный Совет. Они состоялись 22 февраля 1953 года. Я не имела права голоса, а Юрию надо было идти на выборы. Без паспорта к выборам не допускали. В этот день я еще не знала, что его паспорт вовсе не потерялся, а был спрятан Юриной матерью.

«Ты нашел свой паспорт?» — спросила я за завтраком. «Да, у матери. Я объясню тебе всё потом». Домой он пришел уже после обеда, я спросила, проголосовал ли он. «Да, да, да». Он достал свой паспорт из внутреннего кармана пиджака, положил его на стол, обхватил моё лицо обеими руками и сказал: «Завтра мы с тобой пойдем в ЗАГС».

«Почему завтра?» От неожиданности я не нашла, что еще сказать.

«Чтобы не откладывать еще далее. Нашему ребенку нужен срочно законный папа». Да, я была беременна. Теперь покоя не давал вопрос, можно ли нам пожениться? А если мы придем, и нам скажут, что это невозможно? До сего времени мне не приходилось слышать, чтобы кто-то из русских женился на немке-переселенке, или наоборот. Уже вечером поздно я сказала: «Я боюсь». — «Чего ты боишься? Выходить за меня замуж?» — «Нет, Юра. Я боюсь, что нам не разрешат пожениться».

«Разрешат. Я уже был там и спросил. Разрешили».

«Он уже был там… а мне не сказал об этом… Он просто не хотел, чтобы я тоже могла допустить такую чудовищную возможность — не разрешить нам жениться», — оправдывала я его. Хотя я всегда этого боялась, мне претило жаловаться, и я скрывала тягостную боль неизвестности за наше будущее, за

нашего ребёнка… старалась казаться радостной, даже беспечной… И всё-таки чувство счастья сильнее всех невзгод…

В понедельник мы пришли в ЗАГС. Не многие тогда женились, и я думаю, поэтому только мы двое были там. Что-то нам объяснили, мы заполнили формуляры и вернули их вместе с Юриным паспортом и моей комендатурской справкой, при виде которой у меня никак не унималось чувство, что на душе кошки скребут.

Через три дня, 26 февраля 1953 г. нас пообещали зарегистрировать. Юрий спросил меня, может, мы зайдем к матери, она теперь живет недалеко отсюда. Ей пришлось освободить ту квартиру, Юрину, т. к. она не была там прописана.

У неё был свой небольшой домик, в котором временно проживали какие-то знакомые, а она поселилась в квартиру своего брата Ивана Павловича Федько, уехавшего с семьей в Москву на год для усовершенствования образования.

Лена открыла нам дверь, радостно засмеялась и крикнула: «Мама, к нам гости пришли». Матрена Павловна дружески, казалось, нас поприветствовала. Юрий уселся возле книжного шкафа и стал рассматривать библиотеку своего дяди, а я пошла с матерью на кухню. Там она меня спросила, как это мы надумали именно сегодня, в рабочий день, прийти к ней в гости. Мне показалось, что я попала в ловушку, но избежать ответа на её вопрос я просто не смогла. «Мы были в ЗАГСе, здесь, совсем рядом с вами… Мы совсем ненадолго, хотели только посмотреть, мне же еще на уроки». — «И… зарегистрировались вы?»

«В четверг бракосочетание». Она готовила обед и с силой стала мешать в кастрюле. Юрий позвал меня, чтобы я пришла к нему и что-то там посмотрела. Лена слышала разговор между её матерью и мной, теперь её интересовало, будем ли мы праздновать свадьбу. При этом она радостно улыбалась. «Нет, Лена, свадьбы не будет», — ответил Юрий. Я взяла её руку. «Зато… ты скоро будешь тётей». — «У вас будет ребёнок?!» — «Да, Лена». Она захлопала в ладоши и закружилась по комнате. «Мама, я скоро буду тётей». Пришла Юрина мать, но осталась стоять у двери. Я видела, как сузились её глаза. «А я должно быть бабушкой?» Недобрым взглядом она смотрела на меня. Юрий отошел от книжного шкафа: «Пойдем, Лида, а то мы опоздаем». Мы ушли, Лена проводила нас.

В среду я была свободна, и пока Юра был на работе, я подготовилась к урокам следующего дня, немного постирала, приготовила обед. Пришел Юрий. После ужина хотели мы разобрать большую картонную коробку с моими книгами и журналами. И пришла его мать. В этот вечер мне довелось узнать

истинный характер Матрёны Павловны. Видимо, она была намерена сдерживать себя, потому что начала она спокойным тоном.

Она хотела получить назад Юрин паспорт, причем не от Юрия, а от меня. Юрий дал мне знак не реагировать, не вмешиваться, т. е. он поведет разговор. А я и не знала, где его паспорт, иначе я бы ей его отдала. Чтобы её отвлечь от меня, Юрий вступил с ней в пререкания. И началось. И со всей силой проявился её вспыльчивый, я бы сказала, взрывной темперамент, её болезненная фантазия, её разнузданный характер. Она буйствовала от неистовой злобы. Юрий стоял ко мне спиной, отгораживая меня от неё. Я умоляла его замолчать, хотела сама сказать ей несколько слов, но это мне не удалось. Она выкрикивала обиднейшие слова. Всё внутри у меня дрожало… И мне было её жаль. А его, самого любимого мной человека, намного более жалко. А виновата во всём одна я — немка.

Всё это продолжалось, как мне казалось, нескончаемо долго… Потом она ушла со словами: «Будьте вы трижды прокляты — все трое». Теперь я всё-таки расплакалась… Юрий пытался меня убедить, что не только мне она устраивает такие сцены, но и другим… Как-то меня это уже не интересовало, а себя я убеждала, что надо положить конец… чему-то…

И только в его руках я успокоилась. Он и я. Да защитит нас Вселенная.

На следующий день мы были в Загсе. Опять мы вдвоём. Очень приветливо с нами обошлись, но… я осталась на своей фамилии Герман. Не имела я права принять фамилию мужа.

Георгий Иванович Евтухов, национальность — русский, и Лидия Александровна Герман, национальность — немка. «Ну и что? — сказал Юрий, когда мы вышли. — Твоя фамилия Герман, между прочим, красивее намного, чем моя. И я уверен, что придет время, когда мы с тобой будем носить одну фамилию».

Спустя неделю весь мир был потрясен новостью — Сталин умер. Не то, чтобы я радовалась, вовсе нет, но плакать я тоже не могла. Вся Россия плакала горькими слезами. Мне же казалось, что где-то вдали взошёл маленькой огонёк надежды.

Но ничего не изменилось после смерти Сталина, всё осталось, как прежде.

Мы двое, Юрий и я, начинали нашу супружескую жизнь в радости и любви, в ожидании нашего ребёнка и в надежде на светлое будущее…

Письмо от моей сестры потрясло меня — моя мать умерла 16 марта 1953 года. Была среда, начало апреля. У меня не было занятий, Юра был на работе. Было невыносимо целый день

оставаться одной, я написала Юрию записку и пошла к бабушке Дуне. Она утешала меня тёплыми словами, спросила, крещёная ли я и какой веры моя мама. Я сказала, что у нас все католики и меня крестили в католической церкви, и всё. Тогда бабушка Дуня молилась по православному за спасение души усопшей Ефросиньи. Я сидела и слушала и вспоминала мою маму… Вечером пришел за мной Юрий.

В конце июня Юрий получил ордер на однокомнатную квартиру в новом доме. Большая светлая комната с балконом, кухня, прихожая. С большой радостью перебрались мы в эту квартиру, но…

Наступило лето, и приближалось время вступительных экзаменов для Юры. Еще в июле мы подали заявление в комендатуру с просьбой разрешить мне выезд на постоянное место жительства в г. Новосибирск. В конце июля Юрий поехал в Новосибирск и вернулся 10 августа. Экзамен он сдал отлично и был зачислен на учёбу. На следующий день мы были в комендатуре. Нам обещали своевременно дать ответ. Я была уже на восьмом месяце, и Юрий взял на себя все посещения комендатуры. Здесь хотелось бы мне привести один эпизод из недавнего прошлого. Это было еще до оформления нашего брака, по-моему, при посещении комендатуры, когда я перешла от Клавдии С. в общежитие, тогда один из комендантов, как-то доверительно глядя мне в глаза, дал мне добрый совет, чтобы я не соглашалась на брак с этим молодым человеком. «Поверь мне, — сказал он, — это не принесет вам обоим ничего доброго. Оставь его, пока не поздно». Я тоже смотрела ему в глаза и не ответила ничего.

Теперь мы ожидали разрешения на выезд… Юрий и слышать не хотел, чтобы я осталась одна в Барнауле. Я тоже этого не хотела…

«Тогда поедем без разрешения, — сказал он твердо. — Ты только не бойся, я беру всю ответственность на себя, и если они такие бесчеловечно жестокие, то я пойду с тобой в тюрьму». — «На 20 лет строгого режима?» — «На все 20 лет».

Мы складывали чемоданы. Недавно я купила маленький фотоальбом и вставила в него уже мои, совсем немногие фотографии. Юрий подал мне немало карточек с себя и своих родственников, которые он взял у своей матери. С интересом я разглядывала их и вставляла в альбом. Тут мне бросилась в глаза маленькая фотокарточка; конечно, это был Юрий, но она мне показалась уже знакомой. «Юра…» Я вспомнила и рассмеялась, и не могла глаз оторвать от этого маленького снимка. Юрий подошел. «Это я так смешно выгляжу?» Он хотел взять снимок.

«Нет, совсем наоборот. Сядь на минутку…»

И я рассказала ему историю с плакатом, когда я жила у Любы в Родино и училась в 10-м классе. «Молодой человек точно так же выглядел, как ты на этом снимке, только в руках у него была логарифмическая линейка, и стоял он на фоне высотной стройки». Юрий показал на свою логарифмическую (инженерную) линейку, которая еще не была упакована. «Тогда я пообещала своей хозяйке, что я когда-нибудь выйду замуж за этого молодого человека».

А Юрий рассказал мне, как он во время экзаменов в Новосибирске встретился с двумя своими друзьями, с которыми он учился вместе в строительном техникуме в Барнауле. С одним из них он проживал в одной комнате, с Владимиром Тюркиным. В первый вечер они сидели вместе и рассказывали друг другу о своей работе, о жизни. Владимир был больше года женат, и их сыну уже исполнилось полгода. Они оба достали фотографии из своих карманов. «Моя блондинка, и у неё большие голубые глаза», — сказал один. «Моя тоже», — сказал другой. Оба засмеялись. «Мою зовут Лида», — сказал один. «Мою тоже». После короткой паузы. «Только моя — немка». — «Моя то-о-же». — «Моя родом из Мариенталя на Волге…» — «Нет, моя родилась на Украине, в Григорьевке». Тогда выяснилось, что Лида Тюркина (рождённая Гутшмит), хотя родилась на Украине, но семья её, когда она была еще маленькая, добровольно переселилась в Сибирь, и они, следовательно, были независимы от комендатуры, т. е. остались свободными. И при женитьбе не было проблем, Лида получила фамилию мужа.

Второй друг Алексей Мушуров был тоже женат, и его сыну было уже полтора года. Алексей был на четыре года старше Юрия. Его в 1945 году взяли в Армию, он попал на фронт, получил ранение и был определен на лечение в госпиталь города Сочи на Черном море. Там он, волею судьбы, познакомился с совсем юной санитаркой Любой. После госпиталя, к этому времени и война закончилась, приехал Алексей в Барнаул, и как участник войны, был без экзаменов принят в строительный техникум, где он и подружился с Юрием и Владимиром. После техникума он поехал в Сочи и привез свою Любу на Алтай. Все трое после техникума отработали по три года в разных местах, и теперь встретились в Новосибирске и поступили на специальный курс для выпускников строительного техникума, отработавших на строительстве не менее трёх лет. Как стипендия за ними сохранялась зарплата за последний год работы, не превышающая, однако, 1200 рублей в месяц. Таким образом, студенты этого курса были почти все семейные. Мне тоже можно поехать с

мужем, но только без паспорта и без разрешения НКВД. Моя свекровь, между тем, приходила к нам в гости и попросила у меня прощение. К нашему отъезду она принесла стёганое детское одеяльце в подарок внуку или внучке. Её сестра Наталья, Юрина тётя, подарила нам хорошую, по тем временам, железную полутораспальную кровать, к ней еще матрац. Кровать стояла упакованной у стены. Детские вещи, которые я сама сшила, и одеяльце я сложила в самодельную сумку из материи. Мой арестантский чемодан был уложен, и Юрин, хотя настоящий, но совсем обтрёпанный, был до предела набит.

В день отъезда утром рано приехал муж тёти Наташи, работавший шофёром на грузовом автомобиле. Они с Юрием отвезли кровать с матрацем на станцию, чтобы отправить их багажом. Юрий и его дедушка Павел выпили еще по рюмочке на прощанье. На вокзале поезд стоял уже на пути, но вагоны были еще закрыты. Билеты у нас были третьего класса, это значит, сидячие места, если ты такое найдешь. Перед многими вагонами, я думаю, перед всеми 3-го класса, толпились пассажиры — где больше, где поменьше. К вагону, где было больше всего народу, повел нас Юрий. Тётя Наташа хотела, чтобы мы пошли к другому вагону, но Юрий поставил чемодан и сказал: «Спокойно, пожалуйста, и, лучше всего, молчите». Я полностью полагалась на него, думала, он знает, что делает. Когда дверь открылась, толпа уплотнилась у входа. Мы стояли сзади и наблюдали за невиданным спектаклем. У всех было много багажа, держали его на голове, на плечах, в руках. Все кричали друг на друга, бросали свои мешки и узлы через головы в вагон, карабкались по лестнице вверх. Мне казалось совершенно невозможным попасть в вагон. Вдруг наш дед Павел стал проталкиваться через толпу и кричать: «Товарищи, люди, пропустите же беременную женщину, на сносях». Кто-то обернулся, но все протискивались вперед. «Пожалейте же, люди, пропустите её». И тут появился молодой человек. «Что тут происходит? Товарищи! Что это за посадка?» Раздался милицейский свисток, и все остановились.

«Освободить проход!» — командовал парень. Милиционер это? Или?..

«Пропустить беременную женщину!» — Юрий слегка подтолкнул меня сзади, и я пошла с опущенными глазами через толпу. У двери мне вежливо помогли подняться в вагон. Я оглянулась, Юрий стоял сзади и, улыбаясь, кивнул мне. Сидячего места я уже не нашла, но люди сдвинулись и освободили мне место у окна. Потом в проходе открыли окно, и люди стали свои узлы передавать через окно. Так появились и наши чемоданы с указанием «беременной». Кто-то поместил их на третьей полке. А

пассажиры всё поднимались в вагон — он уже был переполнен. Плотно стояли люди в проходах, держась за верхние полки. Юрий крикнул мне из тамбура: «Лида, я здесь!»

До конечной станции Новосибирск (семь часов езды) не смог он пробраться ко мне. И только благодаря этой давке никакой контролёр не смог бы в этом вагоне исполнить свои обязанности, а то бы меня, без всякого сомнения, высадили из поезда. Слава Богу!

Уже под вечер мы прибыли в Новосибирск. Юрий сдал один чемодан в камеру хранения, и мы трамваем доехали до нашего нового приюта в Октябрьском районе. Маленькую комнатку (6 кв. м.) Юрий снял сразу после экзаменов за 250 рублей в месяц. Первую ночь мы спали на полу на матраце, который нам хозяйка тётя Катя великодушно предоставила. На следующий день Юрий привез кровать и всё остальное. В этот же день — было воскресенье — он на базаре купил самодельный, но хороший добротный стол с идеально ровной поверхностью, который потом служил ему и чертёжной доской. Еще он купил табурет, а второй мы получили от хозяйки.

Прошло 2–3 дня, а я еще не заявила о себе в комендатуре. У Юрия занятия начинались в 15:00 и продолжались около 8 часов. В предобеденное время первых дней мы закупали продукты питания и письменные, как и чертёжные, принадлежности для Юрия. На третий день (по-моему) Юрий сказал: «Завтра пойдем в комендатуру». Я только кивнула. Когда он в половине третьего ушел на занятия, я собралась в путь. Прохожих я спрашивала, где находится милиция, там я должна была объяснить, почему я ищу НКВД. Я сказала, что я немка-спецпереселенка и мне надо отметиться в комендатуре, при этом я умалчивала о том, что приехала из Барнаула без разрешения НКВД.

НКВД находился в том же здании, только с входом за углом, т. е. на другой улице. Меня привели в эту организацию, дежурный у входа назвал комнату, мой сопровождающий постучал в массивную дверь, тут же сам открыл её, меня пропустив, снаружи закрыл её. Теперь я стояла в большом помещении, впереди за столом сидели двое мужчин, по моему определению — начальники. Они были так погружены в какой-то разговор, что они меня, очевидно, вообще не заметили, и они не реагировали на моё «здравствуйте». Страшная мысль пришла мне в голову, пока я молча стояла и ждала… Я не взяла с собой узел с детскими вещами! А вдруг меня арестуют! Во что я одену и заверну ребёнка, если придется… там… родить? С ужасом я посмотрела на них… Нет! Не может этого быть! Они что-то передают друг другу, газету или журнал, потом совместно что-то читают… И я

кашлянула. Теперь они меня заметили, один из них сказал: «О-о! Подойдите поближе. Что у вас?» Я положила на стол свою справку и свидетельство о браке. Когда я сказала, что я приехала без разрешения, сказал один: «Что? Без разрешения? Из Барнаула в Новосибирск? Вас же в своё время известили о том, что самовольная отлучка от места прописки карается двадцатью годами строгого режима. Вы расписались за это?»

«Да». Они посмотрели друг на друга. Во мне — внутренние судороги. Я отвернулась. Говорили они еще между собой или нет, я не слышала. Потом один сказал: «Так, гражданка Лидия Герман, ваше счастье, что вы идете в роддом, а то бы следовало вас судить». Затем уже более дружественно: «Теперь успокойтесь, — он спросил и записал мой теперешний адрес. — Идите домой, а после родов придёте. Потом посмотрим». Чрезмерное напряжение — и в результате скованность во всём теле. Я не могла сказать больше ни слова, слёзы застлали глаза. Пришел сопровождающий и вывел меня на улицу. Дома удалось еще поспать, и когда пришел Юрий, я рассказала ему бодро и радостно о моем посещении, как будто мне это доставило удовольствие. Хотя Юрий считал мой самовольный поход в НКВД немного легкомысленным поступком, мы радовались исходу и твердо верили, что опасность миновала. Но… сотрудник НКВД пришел на следующий день в институт и подверг Юрия довольно странному допросу. Юрий скрыл это от меня, и только через два года, когда он писал письмо Хрущёву, я узнала об этом.

7 октября родился наш сын. Юрий дал ему имя Сергей (Серёжа). В свидетельстве о рождении записано: отец: Евтухов Георгий Иванович — русский, мать: Герман Лидия Александровна — немка.

Теперь наша семья состояла из трёх человек. Мы были счастливы и не могли нарадоваться нашему славному первенцу — Серёже.

В комендатуре всё обошлось хорошо. Я официально была прописана в Новосибирске. Мы тесно сдружились с семьями Тюркиных и Мушуровых. Прошло два года. Я оканчивала курсы мастеров общестроительных работ, Юрий учился на последнем курсе института, и он написал письмо Никите Сергеевичу Хрущеву.

Мне очень не хотелось, чтобы он писал это письмо, я боялась за него, боялась, что это может привести к конфликту с НКВД, и его, чего доброго, возьмут на учёт — из-за меня…

Но он его написал и опустил в почтовый ящик. Письмо было перехвачено, Георгия вызвали в горком партии, хотя он не был членом партии. Состоялся продолжительный разговор, Георгия

предупредили.

В феврале 1956 года мы узнали из газет об Указе Верховного Совета СССР, который был подписан 13 декабря 1955 года, о том, что все немцы Советского Союза освобождены от обязанности отмечаться в комендатуре. Георгий взял газету и наше свидетельство о браке и пошел в ЗАГС (в Новосибирске). 20 марта 1956 года нам выдали новое свидетельство о браке. С этого времени я носила фамилию моего мужа — Евтухова. И я получила новый настоящий паспорт с указанием национальности — немка.

Этим закончилась обязанность ежемесячно отмечаться в комендатуре. Мы больше не состояли на учете в НКВД.

Все эти годы оставили, несомненно, горький осадок на душе. И как бы ты ни старался избавиться от него — он остается.